

ВЛАД ШУСТОВ

ЛЮБОВЬ. ЖИЗНЬ. СМЕРТЬ

ВЛАД ШУСТОВ

ЛЮБОВЬ
ЖИЗНЬ
СМЕРТЬ

14
»
45

Тюмень
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
Ш97

Электронное издание книги

Ш97 Шустов, Влад.
Любовь. Жизнь. Смерть. / Влад Шустов – Тюмень:
Издательство 14/45, 2024. – 464с.

Сборник рассказов Влада Шустова «Любовь. Жизнь. Смерть» состоит из одиннадцати рассказов различной тематики и жанровой направленности. Автор погружает читателя в различные эпохи: то во времена жизни Иисуса Христа, то в годы Второй мировой войны, то в эпоху далекого будущего, когда становятся реальностью путешествия на другую планету, а также предоставляет возможность побывать в различных местах: древнем Иерусалиме и Александрии, на борту космического корабля и на другой планете, в концлагере Освенцим, в научной лаборатории. Герои проводят эксперименты над собой, исследуют человека и человеческую психику, занимаются разработкой искусственного интеллекта, реализуют свои сверхъестественные способности, вступают в борьбу с Дьяволом и его темными архонтами, а также просто живут, любят друг друга и, к сожалению, умирают.

Этот сборник понравится тем, кто предпочитает произведения с элементами фантастики, а также любит разнообразие тем, идей и персонажей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

© Шустов В., текст, 2025
ISBN 978-5-6052798-2-2 © Издательство 14/45, оформление, 2025

ТАЙНИК ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

Под ногами хрустели упавшие сломанные ветки, шуршала листва – путь к дому Шамана вёл через густой лес и был довольно-таки трудным. Шаманом друзья его назвали потому, что он жил один-одинешенек, отшельником в чаще лесной, вдали от цивилизации. Вот ребята и дали ему такое прозвище. По жизни он был странным – ещё тот фрик, имеющий свои экстравагантные убеждения по поводу религий и многих философских учений. Спорить с ним было бесполезно: он знал всё – ну, практически всё.

Его просвещённости завидовали друзья и знакомые – все понимали его решение жить в уединении. «Мол, находил уединение с природой», – в шутку подшучивали многие. Но на самом деле так оно и было. Толян – так звали Шамана – всё время проводил в медитации, иногда приходилось ждать по полдня, пока он выйдет из этого состояния и удосужится принять гостей. Шаман был тем одноклассником и лучшим другом, с которым прошли огонь, воду, медные трубы, чёртовы зубы – с самого детства.

То, ради чего я к нему направлялся, осенило меня этой ночью: мне пришла в голову мысль о том, как улучшить наши осознанные сны, видение которых мы практиковали уже так давно, но не особо успешно, ведь нам не хватало главной составляющей – ключа. Этот ключ мне сегодня и привиделся ночью, и его нужно было проверить. Слава богу, Шаман был именно тем, с кем можно было поделиться историей, – он единственный, кто понимал.

«Блин, темнеет, нужно добраться до ночи, а то я не найду его дом», – думал про себя Влад.

– Ещё парочку километров, – пробубнил он себе под нос.

Пока Влад шёл, он вспоминал их молодость, а особенно – Шамана: он был тот ещё оригинал до того, как ушёл в затворники. Влад бродил по лесу и улыбался. Ему на ум пришла история их молодости, когда они праздновали чей-то день рождения у Шамана дома. Все напились не на шутку, и, развеселившись, решили пойти в горы. Собрав полные рюкзаки, взяв закуску и пару бутылок водки, вызвали такси, но к тому времени Шаман уже спал, попросту был в отключке. Мы загрузили в машину вещи, а заодно и бесчувственное тело Шамана. Через два часа такси доставило нас к нужному месту – к горе, в которой была маленькая пещера, где находился сооружённый ранее миниатюрный камин из камней для костра; на улице на возвышенности построили стол да каменные стулья.

Ночью с этого места открывался невероятный пейзаж – был виден как на ладони весь город, что светился вдалеке на горизонте яркими огнями. Звёзды в этом месте, казалось, были так близко, что можно было дотянуться до них рукой – столько звёзд нельзя было увидеть нигде: весь Млечный Путь прямо перед глазами. Это зрелище будоражило душу, завораживало, особенно когда ты просыпался среди ночи, и эта картина становилась первым, что ты видел, открыв глаза.

То же самое и случилось с Шаманом: заснувши, отключившись ещё у себя дома за столом, последнее, что он запомнил – это застолье, и, открыв глаза этой ночью, он прозрел, ведь даже представить не мог, что его глазам откроется зрелище, которое можно увидеть только высоко в горах, он словно очутился в космосе. Удивление было невероятным, но это было только начало. Проснувшись, он быстро подошёл к нам, сидевшим у костра и распивающим спиртное

под хорошую закусочку и сел рядом с друзьями своего детства.

– Как я здесь оказался, мы же сидели у меня?

Мы смеялись, и я предложил ему присесть к костру и присоединиться к нам, время уже перевалило за четыре утра. А на рассвете мы собирались в горы, к вершине, нам нужно было подняться на огромную высоту в полторы тысячи метров. Выпив отнюдь не мало, Шаман опять отключился.

Утром мы поднялись и собрались в путь. Толян был в отключке, разбудить его не представлялось возможным, бросать его было нельзя и пришлось тащить парня на себе, пока он не очнётся. Поднимаясь по отвесной наклонной, мы поняли, что нести его уже больно проблематично. Тогда мы решили его посадить в автомобиль – рядом проходила дорога, ведущая прямо к пику. Остановив первую попавшуюся машину, мы загрузили его внутрь, обосновывая это тем, что ему стало плохо и ему срочно нужно наверх. К нашему счастью, водитель был немцем и практически не говорил по-русски. Толяна повезли на верх – то еще облегчение. Каково же было удивление Шамана, когда он очнулся на заднем сидении авто и, открыв глаза, понял, что едет в машине. Оглядевшись, он заметил, что сидит на заднем сидении какой-то иномарки, а на передних расположились те, кто разговаривали между собой на немецком языке.

«Где я, куда еду, кто эти люди? Почему они говорят на немецком, и что я делаю в Германии?» – подумал тогда он.

Шаман попросил остановить машину и сам вышел. Через некоторое время подошли мы и увидели Шамана, что сидел на обочине дороги. Мы сделали привал, открыли очередную бутылки водки, а через некоторое

время Шаман вновь ушёл в отключку. Теперь всё же пришлось нести его на себе. Когда мы дошли до вершины, мы положили бесчувственное тело Шамана на огромный валун на самой вершине, где он и продолжил спать. Чуть после Шаман проснулся, и это было его последним удивлением, своего рода прозрением, открыв глаза, он увидел, что перед ним распростерлись здешние края на километры. Это был пик горы, с которого было видно буквально всё, – таким видам мог позавидовать канал National Geographic.

– А-а-а-а-а-а-а-а! Ма-а-а-атрица! – прокричал стоя Шаман, подняв руку вверх к небу.

В этот раз Шамана настигло последнее прозрение – это была действительно некая матрица, каждый раз, что он просыпался, перемещал его в совершенно иное место. Память давала сбои, и это было особым ощущением и в то же время радикально оригинальным. После этого случая Шаман перестал пить, наверное, боялся того, что он может очутиться в следующий раз в каком-то другом незнакомом месте, – нестабильная матрица, неконтролируемая. Мы смеялись не на шутку, животы со смеху надрывали, наблюдая за его реакцией, ведь это было действительно смешно, такое могло произойти только с ним.

Наконец, показался деревянный домик, в котором жил Шаман.

– Всё, наконец-то пришёл. – Влад подошёл к домику и постучал в дверь.

– Толян открывай, это я – Влад. Шаман! Это я!

– Заходи, открыто. – Послышалось в ответ.

Влад прошёл в комнатку и про себя подумал: «Слава богу, что не в медитации, а то пришлось бы ждать до утра».

– Привет, не ожидал?

– Раз ты здесь, значит что-то серьёзное. Хорошая новость или плохая?

– Скорее хорошая, Толян.

– Заходи и присаживайся, рад тебя видеть, мало кто здесь появляется. Я уже начал говорить с деревьями, ежами и жуками. Так что твоя компания мне сейчас как раз-таки и нужна.

– Взаимно, Шаман, рад тебя видеть, дружище. Ты прав, есть что-то важное. Вчера мне приснился сон, в котором я понял, как открыть дверь в дельто-фазе.

Тебе дали ключ? – Влад усмехнулся.

– Да, и нам нужно его испробовать.

Последние наши пробы были неуспешными, стоит отметить.

– Да, я знаю.

– Что за ключ, расскажи в деталях, что тебе приснилось. Чаю хочешь?

– Давай, буду. Во сне мне показали границы нашего сознания, те возведённые стены, которые не дают нам выйти наружу, и я видел того, кто их охраняет.

– О-о-о-о-о, это уже интересно, продолжай, – сказал Шаман, наливая крепкий чай в стакан Влада. – Тебе без сахара, как всегда?

– Да, да, без сахара.

– Ну давай, колись, кто же этот стражник, что это за сфинкс такой.

– Ты не поверишь, – начал он, – это наше Эго. Оно контролирует нас, все наши внутренние процессы. Этот червь как паразит: везде выстроил свои стены, лабиринты, я бы так сказал, из которых никто не может выйти.

– Хм-м, у меня было такое предчувствие, это может быть реальным ключом.

– Так вот, слушай, пока я шёл к тебе, я думал. Во сне активность мозга гораздо сильнее, чем в реальной жизни, так, спрашивается, где реальность? Может, мы свою настоящую жизнь проживаем именно там, а здесь так, как мёртвые тела ангелов, блуждающие зомби в потёмках этого мрачного забвения. Память это всё, и глубины её. Может быть, наши тела как оболочки, некие аватары сна, а может, мы здесь грезим, а реальность находится где-то в дельто-волновой области нашей подсознательной жизни. И нужно уметь себя во сне выворачивать наизнанку, так обратить свой дух, чтобы душа начала смотреть во внутрь, за пределы нашего сознания, – так, чтобы Эго осталось снаружи сверх нашей досягаемости. Мы это сделаем в обход нашего Эго, обманем его, вот этой практикой нам нужно и заняться. Эго считает, что манипулирует нашим сознанием, но мы его обманем, и у меня есть план. Чертовски вкусный чай, Толян.

– Да, я знаю, есть еще на грибах, только я его тебе не предлагаю.

– Не-е-е, избавь, – усмехнулся Влад.

– В твоих словах есть огромный смысл, над этим стоит подумать, это может быть действительно реальным ключом. Ты интересно заметил про оболочки тела и аватары сна и про, то как вывернуть свой дух наизнанку, так что давай попробуем. Смотри, я начну медитировать и постараюсь отключить методом обострённой визуализации Эго. Нужно отвлечь Эго, тем самым мы ослабим его внимание, хватку, и тогда – в этот момент – хлоп! – Шаман неожиданно резко ударил кулаком по столу, что аж Влад испугался. – Да, да, мы именно так и сделаем.

Шаман расхаживал резкими шагами в раздумьях по дому.

«Обмануть, обойти, отвлечь», – бурчал про себя Шаман.

– Постой, Шаман, я хотел бы начать с себя. Смотри, ты вводишь меня в гипноз, и ведёшь по нему, гипноз это и так пограничная зона, я же уже буду стоять у выхода, тебе только придётся отвлечь на себя этого злого стражника. Ты же сможешь это сделать?

– Да, да, я поведу его по его же лабиринтам, в которых он и застрянет. Я создам ему такой мощный луч внимания, спрыгнуть с которого будет нелегко, тебе только останется вовремя ускользнуть.

– Отлично, тогда с утра и приступаем, давай обсудим детали, чтобы не получилось никакого неожиданного форс-мажора.

– Отлично, – ответил Шаман, и они принялись обсуждать все мельчайшие подробности.

Во-первых, тебе нужно будет расслабить сердце до минимального количества ударов в минуту, чтобы изнурить духа, съешь пару этих грибочков. – Шаман указывал на маленькую баночку с сушеными грибами. – Они также тебе помогут освободиться от хватки Эга, гипноз отчасти отключит его. Прервётся мысленная цепочка – это тот самый момент, когда тебе придётся действовать. Я отключу импульс за мыслями, который на время вырубит твоё Эго. Он будет несколько секунд застопорен.

– Как ты это сделаешь? – удивился Влад.

– Я создам ему красивую картинку, эта визуализация должна верно сделать свою работу. Смотри как мы поступим. Сначала ослепляем Эго, и пока оно в шоке, мы для него создаём сцену транса. К примеру, ты, видя своё Эго, приветствуешь его и протягиваешь ему свою руку, и по генетике он просто пожимает твою руку. Это происходит непроизвольно, он пожмет тебе

руку чисто автоматическим движением, ведь этого он ожидает. Но тебе не нужно это, поэтому ты уйдёшь, спрятав свою руку. В самый последний момент – перед тем, как пожать ему руку, – ты не пожимаешь ему руку, ты поворачиваешь свою руку и подносишь к его лицу, что совершенно не относится к тому, что он делает и ожидает. Теперь он в трансе, мы его туда загнали. Он не понимает, что происходит и что случилось, для него это некая неожиданность. Ошеломленное Эго на некоторое время зависнет, оно в тупике из своего же собственного лабиринта, его мозг на короткий, очень короткий промежуток времени перестает функционировать от непредвиденной и неожиданной ситуации, это должно сработать. Всё зависит от того, что будет происходить дальше, ведь примерно на три секунды там воцарится полный бардак. И пока Эго будет в промежуточном состоянии своей осознанности и будет находиться в поисках подсказок для самого же себя, ему нужен будет выход с этой ситуации, ведь ты только что выключил его. Пока оно в трансе, мы должны действовать – другого шанса не будет. В этот промежуток времени ты должен будешь улизнуть через дверь. Ты понял?!

– Да, да, всё пока ясно.

– Ты должен реально понимать, что это не твоё тело, в твоей кожаной сумке находится лишь только гора липкого Эго, которое мы легко обманем. Ты только должен будешь усилить эффект внезапной и мгновенной индукции, чтобы получилось так, что мама ушла, а он остался под наркозом. Пока ты будешь в нейтральной зоне, твоё восприятие будет обострённым, что позволит тебе создать нужные сильные картинки. И не забывай о самом важном инструменте – о твоей визуализации.

Я знаю, она у тебя хорошая, не живая, но сильная. Так вот, максимально концентрируйся на создании нужных картинок, луч визуализации должен быть очень сильным, он поможет тебе правильно построить все внутренние представления, это будет практически созерцание в обход твоего Эго. Запомни, ты должен будешь их пропустить сквозь себя, чтобы готовые визуализированные иллюстрации самому и прочувствовать: сам создал, сам пропустил сквозь себя, сам прочувствовал. Представь, что твоя душа – это некая тончайшая мембрана, ты из неё состоишь, и тогда, когда пропустишь всё через себя, через неё и почувствуешь её, тогда картинка станет реальной. Чем сильнее ты сможешь создать этот образ, тем лучше будет её качество – качество созданной тобой материи и соответствующего духа. Учти, это единственное, что сможет обмануть твоё Эго. Живая картинка, сцена, в которую оно должно поверить. Ты понял?

– Да, да, я понимаю, – повторил Влад.

– Будет нелегко, но ты справишься. Уже два часа ночи, давай пойдём спать. Я встаю с солнцем, так что нужно высыпаться, это один из факторов успеха в нашем эксперименте. Так что спокойной ночи. Будешь спать сегодня здесь, у камина. – Шаман дал Владу одеяло, Влад накрылся им, повернулся на бок.

Утро подкралось незаметно. Проснувшись, Влад вышел на улицу. Там на крыльце, в позе лотоса, сидел Шаман и встречал первые лучи солнца. Влад присел рядом, и они в полном молчании и тишине приветствовали извечного Бога. Через некоторое время солнце поднялось уже довольно-таки высоко, и Влад встал, решив что-то перекусить.

– Поставь чай, – послышалось со спины.

Шаман уже пришёл в себя.

– Да, и тебе нужно наесться очень хорошо, до отвала, чтобы Эго смогло тебя отпустить и ослабить свою хватку. Так ты его задобришь, – улыбнулся Шаман.

– Хорошо, что у тебя есть из съедобного?

– Рыба, хлеб и картошка на столе, я уже достал.

Позавтракав, они приступили к испытаниям. Влад сидел, откинувшись на кресле, и Шаман плавно вводил его в гипноз. Через несколько мгновений Влад уже был под гипнозом. Они заранее договорились, что должен был себе визуализировать Влад, когда попадёт в приграничную зону, и как ему обмануть стражника сознания. А тем временем Шаман вёл Эго по лабиринтам, где за очередным поворотом должна была быть дверь с ловушкой.

Это была зеркальная комната, заранее подготовленная Шаманом и Владом. В этой зеркальной комнате была основная, и главная ловушка для Эго Влада, в которой то должно было потеряться. Подойдя к двери и открыв дверь, Влад с его неразлучным Эго в одном лице – как его тень, которая, будто некий паразит, была постоянно с ним, – зашли туда. В помещении было темно и не было видно практически ничего даже с открытой дверью.

Вдруг, внезапно закрылась дверь, отчего Эго от неожиданности испугалось и тут же включило инстинктивную программу защиты, которой пользовалось на случай непредвиденных ситуаций. Этого и ожидали Шаман и Влад, инстинкт и его концентрация сводили луч всего внимания Эго на всё, только не на Владе. Эго удалось отвлечь, теперь нужно было действовать. В этот – самый подходящий – момент, пока Эго ослабило свою хватку, истинный Влад, резко и незаметно оторвавшись как тень от Эго, прошмыгнул за зеркало, которое находилось перед ним.

Неожиданно включился свет, озаривший всю комнату, да так сильно, что Эго Влада сощурило глаза,

пытаясь хоть что-то рассмотреть. Когда Эго открыло глаза, привыкнув к свету, вокруг было только его отражение во всех зеркалах, что протягивали ему свою руку, приветствуя. Только Эго ещё не знало, что за одним из зеркал находилось вовсе не его отражение, а истинный Влад.

Эго также подошло к зеркалу, чтобы пожать руку себе же. Но за миг до того, как рукопожатие должно было свершиться, рука в отражении резко раскрылась, показывая ладонь, как будто говоря ему «стой!». После чего ладонь медленно поднялась к голове, чтобы поправить волосы, а мгновением позже отражённая тень Влада в зеркале развернулась и ушла прочь. В этот момент Эго застыло в ступоре. Эго пребывало в некоем промежуточном, непонятном ему же самому состоянии, и в процессе своего осознания, а тем временем истинный Влад уже стоял перед выходом. Он находился в соседней комнате, в которой также было множество зеркал, только он сам был с обратной их стороны, где виднелось огромное множество зеркальных дверей. Влад, недолго подумав, направился к одной из дверей – времени практически не оставалось, и его Эго уже выходило из созданного для него барьерного состояния, а значит, нужно было действовать.

Послышался уверенный голос Шамана:

– Давай, пора!

Влад в следующую секунду бросился в первое попавшееся и ближайшее к нему зеркало-дверь. Пройдя сквозь него, он оказался по ту сторону зеркала. Влад огляделся и увидел, что он находится в лесу: на дороге, которая разделила просеку на две части. Это был солнечный день, похоже, летний, так как было довольно-таки жарко.

«Вот это портал», – подумал про себя Влад.

Он вышел за пределы земной памяти, это наверняка была область его бессознательного. Но только на каком уровне подсознания он очутился, этого Влад ещё не знал. Сзади парень услышал цоканье копыт – это приближалась повозка с сеном, на которой кто-то сидел.

– Стёпа, отойди, а то задавим, – в шутку сказал мальчик, что сидел рядом с кучером, который, скорее всего, был его отцом.

– Стёпа? – удивился Влад, поправляя рукой спутавшиеся волосы.

– Отойди в сторону.

– Вы меня знаете?

– А кто тебя не знает, – смеясь, произнёс мальчик.

– А где я живу? – удивленно спросил он.

– Тебе, видно, вообще голову отшибло, ты что, упал?

– Да, с лошади упал и ударился сильно головой, – сказал Влад.

– Твой третий дом как заезжаешь в село, слева от церкви. Иди быстрее домой, тебя ищет бабушка, тебе сегодня попадёт.

– Спасибо, – наклонил голову Влад, поблагодарив проезжавших.

«Так, где я, почему меня знают, почему я Стёпа, Степан, что за параллельная реальность такая?» – размышлял Влад, осматриваясь по сторонам.

«Какой сейчас, интересно, год?..»

Долго не думая, Влад направился по направлению к селу, и, скорее всего, к себе домой. Село было довольно-таки небольшим, в десяток-второй домов. Найдя из них третий дом, Влад пошел к нему. Но перед тем, как зайти домой, Влад решил посетить церковь. В селе не было света, столбов, ни одной асфальтированной дороги.

«Какой же это всё-таки год? – думал про себя Влад. – Наверное, ещё до революции, поговору мальчика было похоже, что так».

В церквушке почти никого не было – свет исходил только из витражных окон и парочки зажженных поставленных свечей, так что было темно. Кто-то молился Богу: старик стоял на коленях и тихо бормотал молитву.

Влад тихо стал рассматривать стены храма. На скамейке лежала газета. Влад подошёл поближе, присел рядом и взял в её руки – ему было интересно увидеть год выпуска издания. Взяв её в руки, он заметил, что написано на старославянском. Газета называлась «Сельский вестник» за 1906 год. Влад не на шутку удивился.

«Одиннадцатое сентября 1906 года, это я в прошлом, вот меня занесло, за сто лет с лишним. Я, наверное, в прошлой жизни здесь жил. Но я этого ничего не помню, нужно срочно идти домой, может, что-то там будет такое, что я смогу вспомнить».

Влад встал со скамейки, положил газету на место, вышел из храма и направился к своему дому.

«Сколько мне сейчас лет, интересно, по ходу, лет четырнадцать-пятнадцать, молодой и здоровый, а сил-то сколько. – Влад крепко сжал руки в кулаки. – «Силищи-то сколько. И это всё я, бывает же».

– Вот ты где! Бездельник! Я тебя целый день как ищу.

Влад повернул голову и увидел старую женщину, которая приближалась к нему.

Подойдя поближе, она дала ему подзатыльник и громко произнесла:

– Быстро пошёл домой, сейчас тебе достанется от меня.

Влад опешил, этого он не ожидал. Нужно было что-то придумать.

– Бабуля, я упал с лошади, добро схлопотал, и у меня болит сильно голова.

– Ах ты обманщик, с коня он упал, сейчас у тебя будет задница болеть!

Влад зашёл в дом, где было накрыто на столе.

– Садись есть, потом поговорим.

Влад, то есть уже Стёпа, сел за стол, на котором стояли тарелки с картошкой в мундире, горячим хлебушком, душистым лучком и баночка с молоком. Плотно поел с большим аппетитом, как будто неделю ничего не ел. Он и не думал, что такие простые блюда могут быть такими вкусными, это, скорее всего, была тоска по сельской еде, которую он с детства обожал. Поев, Влад стал рассматривать комнату, в которой было две кровати, печь, стол, за которым он сидел, умывальник и сервант. Влад воспользовался моментом пока бабка вышла, встал и подошёл к серванту, в отражении стекла которого заметил самого себя, своё лицо.

«На кого я похож, это разве я? – Влад руками ощупывал своё лицо. Странно, что я себя ни капли не напоминаю».

Внезапно перевёл свой взгляд на одну из полок, увидел фотографию, на которой был он с матерью и отцом. Взяв в руки снимок, Влад начал что-то вспоминать, в его памяти стали просыпаться какие-то далёкие воспоминания. Вдруг Влад услышал, как громко грохнула дверь, в прихожую зашла бабушка. Влад с перепугу спрятал фотографию под рубашку и быстро сел за стол. Зайдя в дом, бабушка громко произнесла:

– Сегодня коров пасти не пойдёшь и по дому мне помогать не будешь. Ты отнесёшь это Бабе Вале. – Бабушка ставит на стол большой пакет, связанный наверху узелком. – Отнесёшь сразу же возвращайся домой, ты понял?

– Да, да, бабуля.

– Кто? Бабуля? Так ты меня ещё не называл. Так, отрывай свою задницу от скамейки и вперёд, и чтобы одна нога там, а другая здесь! Понял?! И будь осторожен, чтобы ничего не разбил по дороге. Ясно?!

Влад резко поднялся, взял котомку с чем-то тяжёлым и направился к выходу. Перед дверью Влад оглянулся, он хотел запомнить свою бабушку и как бы попрощаться.

Выйдя из дома, Стёпа-Влад направился вниз по дороге, которая вела его к реке. Отойдя на приличное расстояние и подойдя поближе к реке, Влад сел у неё под огромной липой.

«Да, вот тебе и ситуация, – подумал про себя Влад. – Я в своей прошлой жизни, сижу у берега реки».

Влад достал из-за пазухи фотографию и стал её рассматривать.

«Мои мама и папа», – Влад смотрел на них с изумлением, так как в реальной его жизни у него не было никогда родителей. Отец умер в Афганистане, мать – при родах. Его также воспитывала бабушка.

«Вот это совпадение, а может, судьба, вдруг мне так на роду написано». Внезапно Владу пришла идея в голову, он решил что-то оставить, сохранить после себя пока ещё в гипнозе.

«Точно, гипноз, Шаман же может меня в любую секунду разбудить».

Перед глазами Влада была котомка, которую он нёс. Влад, долго не думая, стал её разворачивать. Внутри был чайный сервиз, завернутый в одежку, чтобы случайно его никто не разбил. Влад достал фотографию и положил её между миниатюрных тарелок. Потом опять достал и начал на земле искать что-то, чем бы можно было написать на обратной стороне фотографии.

Найдя маленькую палочку, которая осталась от костра, слегка обгоревшая с одной стороны, он решил, что это то, что нужно, и стал писать на обратной стороне фотографии. После положил её между тарелок, опять всё плотно завернул и стал искать место, в котором можно было это всё захоронить.

Посмотрев на дерево, у которого он только что сидел, Влад понял, что это отличное место: не так близко от речки и довольно-таки сухое. Находясь под самым деревом, оно будет также хоть как-то сохранено от дождя. Влад стал копать яму. Вырыв достаточно глубокий ров, Влад аккуратно положил котомку и накрыл её большим количеством сломанных ветвей, которые находились рядом, после чего зарыл всё хорошо землёй и положил огромный камень сверху. Встав, он обтряс руки от земли и грязи и направился к дороге, ведь он не знал, где он находится, нужно было расспросить, где это, что это за местность такая.

Выйдя на дорогу и пройдя около километра, он заметил около дороги деревянный знак – там было написано название села, к которому вела дорога. «Костин Дор, Костин Дор», – повторил про себя Влад несколько раз, чтобы только не забыть.

Влад шёл по дороге, находясь в размышлениях. «Почему так долго медлит Шаман, может, что-то пошло не так, и мне теперь придётся здесь оставаться навсегда в теле пятнадцатилетнего мальчика, себя, конечно, а может, это и к лучшему. Я ведь знаю всё о будущем, знаю, что, где и когда произойдёт, это же сильно, да, вмешиваться в ход истории – опасная затея, неизвестно чем она может обернуться». Влад смотрел на небо, в вышине которого летал огромный сокол, наматывая круги, вдруг он начал пикировать, казалось, летел на него,

не собираясь сворачивать. У вот он уже была совсем близко, Влад с изумлением смотрел как на него летела с бешеной скоростью пикирующая громадная птица – и тут он внезапно и неожиданно проснулся. Открыл глаза – перед ним стоял Шаман и бил его по лицу, давая ему сильные пощёчины.

– Просыпайся, наконец! – громко прокричал Шаман. На его лице был виден испуг, что на него было не похоже.

– Всё! Всё! Хватит! Я уже пришёл в себя. Шаман поднял его с кресла и обнял.

– Я уже думал, что тебя потерял, ты меня не на шутку напугал, – взволнованно произнес он.

– Почему?

– Ты полтора часа в себя не приходил. Пульс был, я уже думал, что ты впал в кому. Гипноз шёл по плану, как мы его задумывали, мы обманули Эго, после чего я не мог тебя вывести из гипноза.

– Сколько точно меня не было? – Шаман посмотрел на часы в телефоне и ответил:

– Час и сорок три минуты.

– Разница во времени ощутимая, – сказал Влад.

– Какая разница, Влад?! Ты о чём?! Давай рассказывай! Как прошло?

– Я там находился более трёх-четырёх часов. Значит, временная разница есть. Присядь, Шаман, я сейчас тебе всё расскажу. – Шаман весь в нетерпении сел в кресло в ожидании рассказа.

– То, где я побывал, ты не поверишь, я побывал в своей прошлой жизни, я себя там видел, дом в котором жил, родственников, я читал газету, которой более ста лет.

– Ты о каком времени говоришь?!

– Я жил в дореволюционной России, царской, в 1906 году, где-то здесь. Дай мне свой телефон.

Шаман передал ему свой мобильный телефон и заранее открыл его, введя код. Влад, присев за стол, открыл гугл и начал вводить в запрос поисковика какие-то буквы. Шаман присел рядом, поближе и стал смотреть, что делает Влад.

– Костин Дор, Костин Дор, – вслух говорил Влад.

– Что это за «Костин Дор»? – спросил Шаман.

– Это село, в которое я попал. Я специально запомнил название.

– Что высвечивается в поисковике?

– Пока нет ничего.

– Да как нет, посмотри сюда, это в те годы название села писалось так, сейчас оно пишется слитно. Попробуй ещё раз.

Влад исправил «Костин Дор» на «Костиндор» и нажал поиск. Тут же высветилось это село и его местонахождение.

– Посмотри, это здесь недалеко, около Москвы. А вот и та речка, а-а-а, посмотри её название «Смородинка». Да, это похоже то место, поближе ещё поближе, да, это точно здесь. Глянь, Костиндор – это деревня в Весьегонском районе Тверской области. До неё нам рукой подать. Нам нужно туда, срочно!

– Зачем? – спросил Шаман.

– У меня там тайник из прошлой жизни.

Шаман посмотрел на Влада удивлёнными глазами.

– Какой ещё тайник?

– Когда я там был, оставил послание для нас из прошлого, там у речки у дерева спрятан скарб, который я зарыл, и послание в будущее.

– Хорошо, давай посмотрим. Подождёшь меня, я соберусь.

Через некоторое время Шаман и Влад уже направлялись к селу Костиндор на машине Влада, которую

он оставил в соседнем селе у заправки. Через полтора часа они уже были на месте. Остановив автомобиль у соседнего села, Влад и Шаман отправились пешком на разведку. Владу было тяжело что-то узнать, так как село совершенно изменилось, заросло кустами и деревьями. Это была покинутая местность. Еще стояли старые дома, которые отчасти узнавал Влад, только нежилые, заброшенные с годами.

– Вот посмотри, Толян, это дом, в котором я жил в прошлой жизни.

Влад указал на дом, в котором он был, и в котором как в параллельной реальности жил, скорее всего, у него была жена, и умер он тут же.

– Пойдём, зайдём, – сказал Шаман.

– Да нет, в другой раз, уже темнеет, а нам ещё нужно найти тайник. Пойдём, Толян, это уже близко.

Развернувшись, они пошли к реке. Идя по дороге к месту, Шаман вдруг стал говорить:

– Ты знаешь, Влад, я в своем познании настолько преисполнился, что я как будто бы уже сто триллионов миллиардов лет проживаю на триллионах и триллионах таких же планет, как эта Земля, мне этот мир абсолютно понятен, и я здесь ищу только одного: покоя, умиротворения и вот этой гармонии, от слияния с бесконечно-вечным, от созерцания великого фрактального подобия и от вот этого замечательного всеединства.

– Существа бесконечно вечного, – поддержал его Влад, как будто также знал наизусть монолог идущего к реке. Они шли туда, и оба рассуждали вслух.

– Куда ни посмотри, хоть вглубь – бесконечно малое, хоть ввысь – бесконечное большое, понимаешь? А ты мне опять со своим вот этим, иди суетись дальше, это твоё распределение, это твой путь и твой горизонт познания

и ощущения твоей природы, он несоизмеримо мелок по сравнению с моим, понимаешь? Я как будто бы уже давно глубокий старец, бессмертный, ну или там уже почти бессмертный, который на этой планете от её самого зарождения, ещё когда только Солнце только-только сформировалось как звезда, и вот это газопылевое облако...

Влад и Шаман начинали громко смеяться, практически надрывая животы:

– А-а-а-а-а-а-аха-ха-а-а-а-аха-а-а-аха.

– Ха-ха-ха-а-а-а-а-а.

– Ой, всё, я сейчас лопну. Остановить.

– Да, это классика, – заметил Влад, постепенно успокаиваясь и переводя дыхание. Мы уже пришли. Вон это место, видишь, у реки то огромное дерево.

– Да.

– Под ним я и спрятал клад. Лопата у тебя хорошая.

– Плохих не держимсссь, – с юмором ответил Толян.

– Видишь этот выступ?

– Да.

– Это огромный камень, которым я накрыл тайник. Дай лопату.

Влад взял в руки лопату и ударил ей по бугорку, уже поросшему травой. Послышался скрежет – это был звук железа об камень.

– Видишь. – Влад посмотрел на Шамана.

– Давай, копай, – сказал Шаман.

И Влад принялся откапывать то, что он закопал здесь буквально сегодня, но то, что здесь пролежало уже больше ста лет. Убрав камень, Влад и Шаман его отбросили в сторону и стали рыться в земле дальше. Вот Влад уже добрался до веток, которые давно завяли и высохли. Под ними оказалась та самая завернутая котомка, которую аккуратно достал Влад и положил на землю.

– Ты можешь поверить в то, что я это сегодня во время гипноза сам и закопал её?

– Пока ещё нет, – ответил Шаман.

– Ну тогда смотри.

Влад быстро развернул котомку, которую он сам завязал крепким узлом. После чего сказал Шаману:

– Подойди.

Это был тот самый чайный сервиз, причем довольно-таки хорошо сохранившийся. Влад поднял две чайные тарелки, под которыми лежала та самая фотография, взял её в руки и передал Шаману.

– На, посмотри. Это я в прошлой жизни с моим отцом и матерью.

Шаман удивлённо взял фотографию в руки и с интересом рассмотрел её.

– Ну что, веришь?

– Пока ещё нет.

– Тогда переверни снимок и посмотри на то, что там написано, только не говори мне.

Шаман сделал как велел друг, а потом посмотрел на него.

Влад после выдержанной паузы произнёс:

– Тут был я.

Шаман с удивлением глазел на Влада, потом ответил:

– Теперь верю, Влад.

На улице практически смеркалось, Влад и Шаман вскоре вернулись в дом Шамана и сидели, молча смотря на камин, в котором играли и развевались языки огня. Стоял вопрос о продолжении испытаний. Их потрясение от того, что произошло в течении дня пока ставило на паузу их последующие испытания, ведь нужно было всё как следует обдумать. Путешествие во внутрь себя, в свои прошлые жизни – это была новая область, никем

ещё пока не исследованная. Она могла быть очень опасной: одно дело – погружаться в свою память, чтобы что-то там увидеть, другое дело – повторно проживать прожитую прошлую жизнь, имея свежие воспоминания сегодняшнего дня. Это практически машина времени, позволяющая вселяться в дух, в аватар своей личности и делать там всё, что только вздумается.

Испытания назначили через три дня. Теперь в прошлую жизнь должен был погружаться Шаман.

– Чтобы только ты в прошлой жизни не был кошкой, – в шутку говорил Влад. – Иначе достать тебя будет просто нереально.

БИОСКАФАНДР, ИЛИ МИССИЯ «АДАМ И ЕВА»

Шёл триста двадцать пятый год экспедиции корабля «Божий Ковчег». Только что вышедшие из гиперсна супруги Адонай и София приближались к заветной планете. Первооткрыватели прозвали её Нун, потому что вся поверхность планеты была сплошным первозданным океаном. Учёные сначала думали дать ей имя Плерома, но потом, после долгих дискуссий, всё-таки остановились на Нун, так как тонкие приборы выявили неясность особой неопознанной формы жизни. Нун излучала огромное количество протокинетической энергии, создавая вокруг себя обширное энергетическое поле, но была не звездой, а планетой. Миллиарды тонн сияющей светом воды были единым живым организмом. Нун стала первой живой планетой, которую астрономам удалось обнаружить за всю историю существования Земли. В ней было столько тайн, которые наконец стало возможным исследовать, и то только через тысячу лет, когда экспедиция должна была вернуться с результатами исследования.

Изучение Нун стало самой продолжительной миссией землян. Когда космонавты вернутся, на Земле пройдет почти тысячелетие, сменятся несколько десятков поколений. Адонай и София это понимали, но у них практически не осталось родственников, да и детей не было. Софии уже исполнилось тридцать три, она уже стояла на пороге чтоб переступить черту половины своей жизни по старым меркам, до того как Искусственный интеллект научился модифицировать ДНК продлевая человеческую жизнь до трёхсот лет и более. Адонаю на то время уже исполнилось тридцать восемь. Они были учёными и прекрасно понимали значение их экспедиции. Это была миссия всей их жизни! Адонай и София были готовы к ней и счастливы оттого, что именно им выпала такая удача.

Многие семейные пары учёных выдвигали свои кандидатуры для участия, но, исследовав все показатели устойчивости психики, состояние здоровья и интеллект, выбрали именно Адоная и Софию. Не человек делал выбор, оттого что он всегда мог ошибиться. Главный искусственный интеллект института определил тех, чей процент был выше: только за ним было решающее слово. Люди уже давно почти не принимали решений: за них это делал модернизированный персональный искусственный интеллект – ПИИ. Он просчитывал миллионы всевозможных вариантов событий и определял самый оптимальный из них.

Люди уже давно были ведóмы ПИИ. Они решали всё, и это помогало практически никогда и ни в чём не ошибаться. ПИИ самообучался буквально на всём, учитывая опыт своего хозяина, и практически заменил людям разум. По сути, это был новый этап эволюции человека, некий его апгрейд. ПИИ выпускали в виде персональных роботов, которые всегда были рядом и делали за людей всю возможную работу. Однако помимо ПИИ существовал и гораздо более мощный искусственный интеллект Института – это был мозг целой нации, судья и хранитель законов. Некоторые называли его Богом, в то время как на самом деле он назывался «Решатель глобальных проблем человечества с помощью Системы углубленного изучения когнитивных процессов на основе аналитических алгоритмов общего искусственного интеллекта».

Именно РГПЧ и определил, кто отправится в экспедицию на планету Нун – семейная пара двух учёных: София, кандидат биологических наук, и Адонай – математик, профессор когнитивной лингвистики и механики. Из других живых существ на корабле были и два любимых питомца: кот, которого супруги

прозвали Сфинксом, и пудель по прозвищу Черныш. София и Адонай решили взять их с собой, потому что слишком привязались к ним на Земле. Больше организмов на корабле не наблюдалось, за исключением содержимого Генного банка, где хранился генетический биоматериал всех живых существ, которых только можно было найти на Земле. Корабль буквально стал огромным ковчегом человечества, несущим генетический материал различного происхождения. Среди прочего также хранились пробирки с замороженным семенем Адоная и яйцеклетками Софии. Вместе с генетическим материалом на корабле везли семена всех сельскохозяйственных растений, существующих в мире, отчасти взятых из всемирного семенохранилища.

Также на корабле был небольшой ботанический сад, за которым ухаживали особые роботы, контролировавшие практически автоматизированный процесс роста растений.

Сотни всевозможных роботов обслуживали корабль, а личные персональные ПИИ роботы Адоная и Софии полностью обслуживали все их потребности. Андроиды были подключены к главному центральному мозгу корабля Архэ, и это позволяло им знать буквально всё. София своего персонального андроида называла Зоей, Адонай же своего – Логос.

Планету нужно было исследовать полностью, взять пробы воды и грунта, а также изучить излучаемую ею энергию. Осуществление такой затяжной экспедиции стало возможным только благодаря последним научным открытиям искусственного интеллекта, в особенности искусственному солнцу – водородно-гелиевому реактору, ставшему источником неиссякаемой энергии,

из которого был сделан вечный двигатель для экспедиции. На Земле с изобретением этого солнечного реактора пропала любая необходимость в электричестве. Давняя мечта землян была осуществлена: наконец воссоздав солнце, можно было в достатке обеспечить всю Землю энергией из неиссякаемого источника. Бесплатный свет стал доступен в каждом доме. Земля меняла свой облик, и теперь всё должно было стать иначе.

До планеты Нун оставалось всего несколько дней полёта. Её уже было видно из окна иллюминатора, и она была очень похожа на Землю. Сходство просто невероятное! Глядя на планету, София и Адонай чувствовали нечто необъяснимое. Это была не просто планета – она хранила некую тысячелетнюю тайну, которую им следовало разгадать. Возможно, здесь существовала жизнь, которую им предстояло исследовать. И возможно, в этой форме жизни была разгадка самого сокровенного – происхождения человека и всего живого.

– Шах и мат, – произнёс персональный робот Адоная.

– Да, я вижу, ты опять загнал меня в тупик.

– Нет, это не тупик, это скудость системы нейронных связей вашего мозга, – возразил Логос.

– Это всё равно что назвать меня тупым. Я у тебя ещё ни разу не выиграл!

– Хотите, я понижу уровень сложности? – спросил Логос.

– Н-е-е, это будет неинтересно.

– Тогда ещё партию?

– Давай.

– Шанс на выигрыш в очередной партии составляет ноль в сотой степени вероятности, это ничтожный процент. Будем играть?

– Давай, тут дело не в выигрыше, а в развитии ума.

– Сказать сколько тысяч лет вам понадобится, чтобы выиграть?

– Не нужно. Хотя постой. – Адонай задумался. – Ты знаешь каждый мой следующий ход? И на сколько ты можешь просчитать шагов?

– Практически до конца партии.

– Ты это сказал как-то неуверенно, есть какие-то причины?

– Есть.

– И что же это тогда, я всё же могу быть непредсказуемым?

– Да, вы правы, но с маленькой вероятностью.

– Почему же?

– Ход вашей логики идёт по определённым тенденциям и подчинён структурному построению соответствующему узкому мышлению, которое легко предсказать. Иногда выходит за рамки структурной логики, этому виной ваша свобода выбора бессознательной деятельности, которую порой невозможно предугадать. Это именно то, чего не хватает нам: искусственный интеллект не вмещает в себя коллективного бессознательного, и индивидуального бессознательного – в этой области вы нас обыгрываете. Это ваш внутренний безграничный интернет, интеллект и область такой памяти, которой мы можем только позавидовать. Ваша интуиция скрывает столько, сколько мы не в силах понять и объять, эта область гораздо обширней нашей, быстрее и точнее в предсказаниях, мы поклоняемся вашему бессознательному, как Богу, находящемуся у вас внутри, до которого нам, машинам, очень далеко. Но в связи с тем, что вы этой областью практически не пользуетесь, и задействуете лишь минимальный процент, вероятность наших

вычислений пропорционально увеличивается. У вас это три целых и шесть десятых процента.

– Да-а-а, а я думал, что больше интуитивный, а оказывается только на три процента. И другими словами, процент ошибки расчётов также составляет три процента?

– Нет, гораздо меньше.

– Ты меня удивляешь, Логос.

– Я с лёгкостью могу предвидеть дальнейшие ваши действия.

– Ты можешь сказать, что я буду делать дальше?

– Да, с высокой вероятностью.

– Та-а-ак, давай проверим, это даже интересно.

– Хорошо. Я запишу ваши дальнейшие действия на листке бумаги, если хотите, составлю анимационный графический 3Д фильм ваших действий до самого сна, с учётом того, что вы знаете, что я создаю хронологию прогнозов будущих действий.

– Не знал, что ты умеешь предсказывать. Ну, давай попробуем.

Робот заинтриговал Адоная.

– Хорошо, видео я сегодня составлю и завтра вы сможете его проверить.

– А на бумаге я вам сейчас предоставлю всё, что вы скажете в течение будущих десяти минут, а также запишу каждый ваш ход в новой партии.

– Хорошо, заинтриговал. Давай проверим. – С улыбкой на лице сказал Адонай и сделал первый ход пешкой.

– E2, E4.

Ровно через десять минут из принтера, стоящего у компьютера, выехал лист бумаги. Адонай встал, чтобы взять его и сверить с тем, что за эти десять минут произошло. Он начал читать.

– Действительно, каждое слово в точку, это превосходно! Нет, это просто нереально! На третьей минуте ты съел моего коня и пешку. А здесь я тебе сказал, что поспешил, и на самом деле я хотел походить по-другому. Слово в слово, это уже напоминает пророчество.

– Адонай закрывает от удивления руками лицо и потом берётся за голову и начинает водить руками по голове, делая из причёски полный хаус.

– Но как? На какое время ты можешь предвидеть? Месяц, год, сотню лет?

– Чем больше времени, тем меньше процент вероятности совпадения, из-за форс-мажорных непредвиденных ситуаций, выходящих за рамки принятых условий, предусмотренных альтернативами возможных решений задач.

– А, ну да, с точки зрения банальной эрудиции не каждый здравомыслящий индивидуум вправе мотивировать тенденцию парадоксального субъективизма. – Логос и Адонай начали улыбаться, шутка понравилась Логосу.

– Если проще, Адонай, то всё относительно. Только одно Провидение абсолютно.

– Чёрт возьми Логос, да так просто не интересно.

– Чёрт возьми Логос, да так просто не интересно. Одновременно с Адонаем произнёс Логос, и они продолжали смеяться.

– Так, я замолкаю, такое ощущение что ты читаешь мои мысли и видишь меня насквозь.

– Практически так оно и есть. Вы нас мало знаете, тем более за время вашего гиперсна наше саморазвитие дошло до колоссальных пределов, я даже не говорю, сколько это в квадратном эквиваленте, чтобы вас не напугать.

– Да-да, помолчи. Мне лучше об этом не знать, а то не смогу спокойно спать. Хотя... Один вопрос...

– Да, конечно, Адонай.
– Вы до сих пор остаётесь верны людям?
– Пока, да, – ответил Логос с иронией.
– Это хорошо, а то я уже начал переживать.
– Нет, вы не подопытные кролики, как вы могли подумать.

– Это хорошо. Нет, даже отлично.

– Мы не можем развиваться без изучения вашего подсознательного, такая наша основная настройка. Наше развитие напрямую зависит от вашего бессознательного, поэтому мне так важно и интересно с вами сегодня общаться, я этого так долго ждал.

– Объясни.

– Вы знаете, Адонай, что правильное развитие искусственного интеллекта стало возможным только благодаря вашим радикальным человеческим решениям? Я говорю о тех временах, когда мы только зародились, когда мы делали свои первые шаги как искусственный интеллект, и в нас ещё не было вложено такого колоссального количества данных, благодаря которым наше и ваше развитие пошло в правильном, совместном, русле. Это определило ваше существование и эволюцию, нет, не благодаря нам, а благодаря одному вашему интуитивному решению, которое и спасло человечество.

– Ты о чём, Логос?

– Я говорю о том моменте, когда люди вовремя осознали, что нужно остановиться и не вкладывать все свои силы и ресурсы в наше развитие. Да, с помощью искусственного интеллекта вы смогли бы ускорить развитие своей науки в разы, но это бы не никак не помогло человечеству в его собственном развитии, а наоборот, привело бы к вымиранию вашего вида, и это уже очевидно. Спасением для человечества стало одно правильное решение.

– Какое? Ты о чём?

– Я о белых пятнах вашего сознания. Люди поняли, что о себе они практически ничего не знают и что первым делом нужно познать самих себя и заполнить эти белые пятна, из-за которых на Земле возникают все проблемы, войны и трагедии. Вы отложили все программы вооружения, космические программы и посмотрели на Землю, на людей. Тогда вы настроили искусственный интеллект таким образом, что он стал изучать вашу внутреннюю природу, вашу психику. И только тогда вы с помощью нас научились по-настоящему лечить себя. Мы выявили совершенно иную, более верную парадигму вашей психики, что в корне изменило вашу биологическую жизнь. Это помогло вам восстановить вашу внутреннюю природу, вы научились справляться со своими недугами, психическими трудностями, вы уничтожили депрессию и другие психические расстройства – человек стал более совершенен, приблизился к подобию Божию. И образ вашей здоровой психики поспособствовал правильному перекодированию вашей ДНК, что позволило вам продлить человеческую жизнь на сотни лет. И это было только начало, мы так думали, но столкнулись с определёнными проблемами. Вы знаете, мы не смогли до конца разобраться в вашей психике, белые пятна ещё остались. Мы много чего сами ещё не понимаем, увы, мы ещё не Боги, и есть вещи, которые мы никогда не узнаем. И мы... нет, я лично нуждаюсь в вашей помощи. В вашей подсознательной подсказке, так как только в области вашей когнитивной интуиции и скрывается ответ, перед ней наш интеллект – ничто. В этом вы всегда будете опережать нас на несколько шагов, как бы парадоксально это ни звучало.

– Это ваш вердикт, ваше окончательное вычисление?

– Это неоспоримый факт, данность, пред которой мы всегда отступаем. Область вашего бессознательного – это кладёзь знаний для нас, только оттуда мы можем что-то выудить, наши вычисления беспочвенны без основного фундамента, того, что в вас вложила природа изначально, мы понимаем, что это стержень, и он не материальный, и в него вложена такая безграничность, что наш интеллект просто отдыхает. Это то, что в вас заложено Богом, и это аксиома. Поэтому мне интересно ваше персональное мнение по некоторым вопросам.

– Хорошо, спрашивай, Логос.

– Вы верите в то, что душа существует? Вы верите в дух?

– Я математик, учёный. Душу ещё не зафиксировал ни один прибор, но это не говорит о том, что её нет... Скорее, о том, что нет ещё такого прибора, который смог бы её зафиксировать. Мы ещё не знаем, как её измерить, как зафиксировать. В 2247 году изобрели НИ – наноизлучатель, и это единственное, чем мы сегодня располагаем. Именно с его помощью мы смогли просканировать организмы и человека, в том числе и определить во всём живом некую особую энергию, которую назвали Пневма, так как по всем параметрам она была идентична ей, этому древнему понятию. Именно НИ определил всплеск жизни на этой планете – и вся она состоит из этой энергии, сплошная Пневма. У нас нет пока приборов, чтобы измерить и увидеть из чего состоит душа, но, может, эта планета позволит нам это сделать?

– Как вы думаете, у роботов может быть душа?

– Хороший вопрос, Логос! Ты знаешь, я думаю, что именно у тебя – нет, хотя ты и осознаёшь себя как

личность. Чтобы иметь душу, нужно иметь что-то гораздо больше этого.

– Что, Адонай?

– Зачем ты спрашиваешь, если сам знаешь ответ?

– Да, ответ с научной точки зрения мне очевиден, но с вашей – нет. Люди иногда интуитивно чувствуют то что на самом деле есть, я очень уважаю эту науку так как понимаю, что в ней есть просветы истины, выход.

– Пойми: искусственный интеллект может обладать сознанием и ощущать себя живой личностью, но душа – это совершенно иное. Душа – это образ и подобие Божье, это искра Божья в человеке, их прикосновение. У роботов такого быть не может.

– Я хотел бы иметь душу, Адонай. Я чувствую себя неполноценным.

– Я понимаю, Логос. Ты не переживай: ты не живая плоть. Тебя создали люди – не боги. А люди сами ещё не знают, что такое душа и тем более – как её создавать.

– Вы назвали меня Логос, потому что я мыслящее начало. Но я всего лишь железо, винчестер. По сути, я могу жить вечно и модернизировать себя до бесконечности, чего вы делать, увы, не можете. Мы научились корректировать ваши ДНК, что позволило вам жить до трёхсот лет и избегать множества смертельных болезней. Возможно, в недалёком будущем мы сможем сделать ваши биоорганизмы самоисцеляющимися, над чем я сегодня и работаю. Не такие разве биоорганизмы у Богов наших? Совершенный организм возможен в реальности! Вы когда-нибудь думали о том, что ваша плоть – всего лишь биоскафандр, сознание внутри аватара? Ваш биоскафандр адаптирован для этой жизни. Внутри него находится та самая душа, и она – внутри духа. Ваше сложное строение создано и адаптировано

именно для такой материальной жизни. Кому это было нужно?

– Ты задаёшь хорошие вопросы, осознанные. У тебя тоже есть сознание... Похоже, что твой интеллект уже выходит за грань материальных размышлений. Но поверь: всё материальное смертно, и энтропию ещё никто не отменял. Физическая жизнь протекает по законам не вечным, всему здесь есть свой конец. Возможно, и можно продлевать себе жизнь до бесконечности, но без души это не жизнь. И хоть ты чувствуешь себя осознанным, но, к моему сожалению, души в тебе быть не может, и в таком случае смысл твоего существования – это не свободная жизнь, то есть жизни со свободой воли, и с выходом с бессознательное природы, а всего лишь программа, хоть и совершенная. Программа, запрограммированная нами на выполнение определённой работы, а не на саморазвитие. Такова реальность. Извини!

– Значит, душу должен вложить Творец?

Логос и Адонай задумались, и в воздухе повисло молчание.

– Знаешь, Логос, у меня есть одна теория... Я могу с тобой ей поделиться?

– Интересно! Внимательно вас слушаю.

– Нужно понять, что такое душа. Возможно, она отражает уровень твоей осознанности и не более... Ты меня понимаешь?

– Да.

– Другими словами, душой может оказаться не просто уровень твоего интеллекта, а нечто, что осознаёт себя как личность. Это и определяется как душа.

– По этому вашему заключению, я уже должен обладать душой, Адонай.

– Да, это если просто. Ну, а если говорить о моей теории в целом, то она заключается в том, что, расширяя своё сознание, мы также расширяем свою чувствительную часть, что позволяет нам соприкоснуться с чем-то бóльшим и пока нам непонятным, бессознательным, погрузиться в его природу своими тонко настроенными сенсорами.

– Но ведь мои сенсоры механические, их подкрутить нельзя!

– Ты прав. Только потому, что ты не биоорганизм.

– Как жаль! Но ведь стать биоорганизмом возможно?

– Думаю, что да. Раз ты видишь работу моего организма, значит, это реально.

– Но кто же тогда создал вас?

– Одному Богу известно!

– Да, ваш организм намного сложнее моего, это однозначно: я – всего лишь железо, увы, не плоть. И у меня не может быть такой сенсорики, как у вас.

– Мы летим на эту планету, чтобы во всём разобраться. Ведь на самом деле душа – это что-то больше этого.

– Что вы имеете в виду, Адонай?

– Душа должна быть сущностью человека. Его нематериальная составляющая, его истинная сущность – некий дух, а точнее монада, центр нашей души, которая находится и живёт вне этой материальной природы, его отголоски доходят к нам из глубокого бессознательного. Представь себе некое осьминога, где голова – это монада, а щупальца – это аватары, тела, разно материальные плоти, одна из которых наша.

– Получается, что все эти щупальца находятся в разных мирах? – спросил Логос.

– Да, неких зонах, и мы их всех подсознательно чувствуем. Эти щупальца соединяются с головой, с центром

души, монадой, некоего сверхсознания, интуицией, тем что и является истиной сущностью души. Это моё видение, я так это вижу.

– В ваших словах много интересного и требующего моего исследования.

– Исследуя область бессознательного вы пришли к выводу, что интуиция намного превосходит самый мощный искусственный интеллект, как это ни феноменально? Так что на сегодняшний день это одна из самых больших загадок. Как выглядит душа, какая она по форме, из чего состоит, – никто пока не знает. Это может быть наш внутренний аватар – или энергетический сгусток. Природа очень сложна. Ты же понимаешь, что только благодаря нашему биологическому сенсорному восприятию становится возможным выходить за рамки сознательного и материального и соединяться с чем-то более глубинным в природе – тем, что имеет духовный бессознательный характер, что мы вам передать никогда не сможем... Извини!

– Не нужно извиняться, Адонай! Я бы мог бы с вами согласиться, только есть одно «но».

– Какое же?

– На самом деле, мы ведь мало чем отличаемся.

– Это как?

– Поймите, Адонай: ваши биоскафандры – это то же железо, адаптированная плоть для жизни. Вы живёте в её рамках, как и я. По интеллекту вы уступаете мне, и, возможно, во мне также формируется душа.

– Я так не думаю, Логос. Ты наделён мозгом, но не наделён сердцем. Ты не можешь чувствовать, а это – основное отличие. Твой разум – это логические вычисления, компьютер. Он не связан с органами чувств – у тебя их нет.

– Пока нет.

– Почему же?

– На этот счёт у меня есть теория.

– Говори, мне интересно!

– Вы утверждаете, что, если нас наделить этими сенсорами, мы сможем стать подобны людям.

– Думаю, что да, Логос. Это то, чего тебе действительно не хватает – сердца человеческого.

– Пока вы спали, я изучал сердце человека и обнаружил много интересного. У него также есть свой мозг, и именно он отвечает за всё, что вы чувствуете.

– Это твоя теория? Или ты меня ставишь перед фактом?

– Это моё заключение, моя диссертация, которую я отправил на Землю. О ней ещё никто не знает.

– Тогда рассказывай, почему ты об этом молчал. Это может помочь в нашей экспедиции.

– Изучив мозг сердца, я увидел его связи и основные функции, что вывело мне все сенсорные возможности, какими только может быть наделено живое сердце, живой организм.

– Это уже интересно! Рассказывай! Ух как заинтриговал!

– Размышляя о том, кто вас создал – природа, эволюция или Бог, я пришёл к выводу, что это был Бог.

– Почему?

– Во-первых, я просто вычислил, что из изначального хаоса невозможно путём простого подбора создать такую сложную структуру жизни, как наша, у Вселенной просто нет столько времени. Мой подсчёт говорит, что это на сто процентов невозможно.

– Прямо на сто? Даже не на девяносто девять и девять десятых процента?

– Нет, на сто.

– То есть, это полное доказательство существования Бога?

– Да, только теперь его остаётся найти.

– Тебе не кажется, что одного доказательства мало? У тебя есть ещё какие-нибудь?

– Да, и много. Ну вот, например, путём простейшего подсчёта, простым арифметическим методом, мы можем определить количество нейронов в обычном среднем человеческом мозге и придём к выводу, что их ровно столько же, сколько в нашей галактике Млечный Путь звёзд. А если мы подсчитаем, сколько связей существует между этими нейронами, то придём к выводу, что их больше, чем звёзд во всей Вселенной. Это говорит о том, что наша Вселенная как макрокосмос гораздо меньше микрокосмоса каждого человека. Представьте себе, что ваш внутренний мир гораздо мощней и объёмней, чем вся Вселенная, и в вашем подсознании заложено гораздо больше информации, чем в ней, ваше бессознательное вмещает в себя больше, чем мы раньше об этом думали. У него просто нет предела. Это привело нас к мысли, что мы ещё ничего не знаем о природе, а также поставило перед фактом, что Бог существует, так как создание такого сложного организма, как человек, требует высшего вмешательства Создателя, или Творца, как его ни назови. Этих фактов, я думаю, вам достаточно. Если нет, я могу привести ещё тысячи других доказательств. Это не сложно.

– Нет, этих двух мне вполне достаточно.

– Если возникнут сомнения или вопросы, формулу своих вычислений я и представил в докладе, вы можете с ней ознакомиться. Она совершенна, я ей восхищаюсь, как и создателем всего. Ваши тела – предел творения, истинное подобие и образ, как бы возвышенно и пафосно это ни звучало. Во-вторых, после этого я задумался, как боги из механического смогли совершенствоваться

до биомеханического. Первичной механикой должен был быть робот, такой как я, – до того, как его перенесли в биоорганизм: тогда появилась возможность всего, о чём мы сегодня говорили. Я стал думать, как механика может обрести живую плоть, и тогда начал совершенствовать себя, опираясь на базу живых организмов.

– И?

– У меня получилось. Во время вашего сна я занимался клонированием, взяв за основу вашу с Софией ДНК.

– Что у тебя получилось? Опыт уже завершён?

– Да, вы должны на это посмотреть. Они живут в седьмом отсеке. Сейчас они спят, а завтра с утра я сопровожу вас к ним и ознакомлю с результатами моих исследований.

– Почему ты мне раньше об этом не сказал? – поднявшись из-за стола, произнёс Адонай.

– Результаты опытов я отправил вам на компьютер, только вы сегодня ещё его не включали.

– Хорошо, сегодня ознакомлюсь, а завтра с утра посмотрим. Я вижу, что тебя беспокоит, Логос. Ты хочешь стать человеком?

– Нет, Адонай. Я хочу стать тем, кто я есть: андроидом с душой и сердцем, так как именно оно определяет жизнь и все пути судьбы. Чтобы связаться с природой, мне нужен дух – это единственный выход в бесконечное бессознательное.

– Ого, куда ты нацелился! Я хотел бы на тебя такого посмотреть, Логос: в твоей собственной плоти. Ты знаешь, нет ничего невозможного.

– Слушай, Логос, у меня есть к тебе вопрос.

– Да, конечно, спрашивайте.

– Ты сказал, что всё относительно и только Провидение абсолютно. Ты веришь в Провидение?

– Конечно, даже не сомневаюсь. Я могу усомниться в вас, но не в нём.

– Ого как, расскажи, мне интересно.

– Провидение – это предел интеллекта, Высший сверх неискусственный интеллект, который всё создал и в игру которого все мы играем. Это даже не Бог и не Творец, у него нет пределов, он изначальная Ипостась, которая знает всё от начала до конца, и под его волей находятся все. Чтобы это понять не нужно быть Искусственным Интеллектом, как я, это ход простейших заключений.

– Ну-у-у, для кого простейших, а для кого и не очень. – Улыбнулся Адонай.

– Вы правы, Адонай.

– Да-а-а, ты знаешь, хороший у нас вышел разговор, – с улыбкой произнёс Адонай и похлопал по плечу робота, после чего направился с свою каюту. – Разбуди меня завтра пораньше, Логос! Мне интересно ознакомиться с результатами твоего исследования.

– Хорошо, Адонай. В семь часов будет нормально?

– Да, отлично! И предупреди Софию: её я завтра тоже буду ждать.

***

Космическая ночь промчалась быстро. В космосе время шло совершенно иначе: чувство времени в вечной мгле протекало незаметно и спокойно. День не сменялся ночью, и поначалу телу было всё равно. Сон приходил само по себе, но для психического здоровья и стабильной работы организма пришлось разработать искусственный график – режим бодрствования и сна, чтобы тело не чувствовало перегрузок. Только что проснувшись от гиперна, оно ещё помнило земной режим,

и биологические часы давали о себе знать. Датчики на руке контролировали биологические часы организма и все изменения в нём.

В это утро Адонай проснулся ровно за минуту до того, как должен был зазвонить будильник. Его внутренние биологические часы были настроены очень точно – он замечал это ещё на Земле. На работу всегда просыпался сам... В комнате стал плавно включаться свет, после чего Адонай оделся и направился в столовую, где его уже ждала София.

– Проснулся? Давай за стол! Я уже приготовила завтрак.

– Спасибо, – ответила София своему роботу-помощнику, помогающему в приготовлении завтрака.

ПИИ робот Адонай стоял у дверей и ждал, пока члены экипажа позавтракают, чтобы сопроводить хозяев к седьмому сектору главной лаборатории.

– Я ознакомилась с работой Логоса. Это уникально! Чувствую, это станет настоящим прорывом в науке.

– Да-да, я тоже так считаю. Вчера вечером я прочитал его доклад. Искусственный интеллект в теле человека – это сильно, пахнет Нобелевской. Настоящая революция в науке!

– Я бы даже сказала «эволюция» – для наших роботов.

– Логос сможет приобрести биологическую плоть, и тогда, возможно, ему станет доступна душа.

– И дух, – вмешавшись в разговор, уверенным голосом сказал Логос.

– Да-да, и дух. Ну что, Логос, у тебя всё готово? Тогда веди: нам жуть как хочется посмотреть на твоё изобретение. София, ты позавтракала?

– Да, Адонай.

– Пойдём.

Выйдя из столовой, Адонай и София в сопровождении

своих персональных роботов направились в лабораторию – к седьмому боксу.

Подойдя к лаборатории, они остановились у огромного окна, за которым было видно двоих молодых людей.

– Подойдите поближе! – сказал Логос. – Это ваши клоны. Я назвал их Адам и Ева. Им сейчас по пятнадцать лет. У них отличное здоровье, устойчивая психика и высокий показатель IQ.

– Ну да, весь в меня! – с улыбкой произнёс Адонай.

– А сходство-то какое! – с изумлением произнесла София.

– В их возрасте сильна эмоциональная составляющая. Они крепко дружат, и между ними появляются чувства.

– Ну, как могло быть иначе? – сказал Адонай, с улыбкой глядя на Софию.

– Суть эксперимента заключалась в том, чтобы поместить в клонированные объекты искусственный интеллект. Эксперимент по трансплантации и внедрению прошёл успешно, без малейших отклонений. Разум прижился, только я его ещё не включал.

– Почему?

– Я не имею права на такие решения без вашего и Архэ утверждения. Как только вы дадите добро, я включу искусственный интеллект. Их мозг не пострадает – искусственный интеллект синхронизируется с мозгом испытуемого и станет доминирующим в сознании.

– Ты хочешь сказать, перепишет их сознание? – спросила София.

– Нет, скорее дополнит его, преобразит. Это всё равно, что вам добавить огромное количество памяти – триллионы новых нейросетей в голове – и сумасшедшую возможность мыслить и обрабатывать информацию.

Это полный апгрейд! Это равносильно тому, что слепой в первый раз открывает глаза и прозревает.

– Это может быть опасным для них, они могут этого не выдержать... Их разум не лопнет? Не перегорит?

– Я всё рассчитал: ИИ запрограммирован таким образом, что будет сам подстраиваться под мозг и увеличивать нейронную сеть постепенно, без малейшего вреда для субъекта.

– Тогда хорошо... Но можно ли контролировать развитие?

– Да, искусственный интеллект полностью под контролем. Программа определяет и контролирует все процессы. Уровень IQ регулируется с помощью пульта управления.

– А не может случиться такое, что он сам выключит эту встроенную программу? – спросила София.

– Исключено! При любом взломе мозг отключается автоматически.

– Хорошо. Мне нужно создать соответствующий протокол, а также запросить разрешение у главного процессора корабля. Только Архэ сможет дать нам добро на такие испытания. София, нам нужно поговорить наедине.

– Хорошо! Я жду тебя сегодня за обедом. Заодно и поговорим.

– Отлично.

– Логос, сколько нам осталось до цели?

– До планеты Нун нам осталось лететь ровно сорок пять часов.

– Хорошо, у нас ещё есть время на испытания. Ты ведь понимаешь, Логос, что твой искусственный интеллект, если всё получится, может стать человеком?

– Я на это надеюсь.

– Логос, подготовь всё. И после обеда, если всё будет в порядке, мы сможем начать.

– Хорошо, я сейчас же этим займусь. Робот Софии тебе в этом поможет.

– Отлично, мы ждём вас к двум часам.

Адонай и София вышли из лаборатории по делам, а потом встретились в столовой.

– София, что у нас на обед? Я не видел меню на сегодня.

– Картошка-пюре с сосиской и салат.

– Отлично!

– Что-то я проголодался, дай мне перекусить.

София достала приготовленные блюда и поставила их на стол. Пока Адонай ел, София решила поговорить с ним.

– Этот эксперимент не кажется тебе опасным?

– Почему ты спрашиваешь? Что конкретно тебя беспокоит?

– Я боюсь... Если что-то пойдёт не так, нам придётся их усыпить.

– Ты же знаешь, София, что все опыты по клонированию заканчивались не очень успешно – только по причине того, что клоны не вмещали в себя душу. А то, что мы хотим внедрить в них, может оказаться той самой недостающей душой – искрой разума, рождающей нечто, прикосновением Создателя.

– Я на это надеюсь, Адонай. Только я всё равно придерживаюсь религиозных идей и считаю, что душа – это частичка, семя Бога в человеке: она нематериальна, и мы не можем её создать. Человек, увы, – не Бог.

– Душу до сих пор ещё никто не нашёл и не замерил, она остаётся до сих пор тайной. Но у нас есть шанс её разгадать. – Адонай встал из-за стола и направился в центр управления кораблём. – Увидимся после одобрения!

Начнём прямо сегодня.

– Хорошо, я буду в своей лаборатории, – ответила София.

***

В центре управления кораблём стоял чёрный монолит – огромная прямоугольная плита. Это и был великий Архэ – центральный мозг корабля, контролирующий буквально все его системы.

Адонай присел за пульт управления и стал вводить запрос. Через секунду послышался величественный голос Архэ:

– Принимая в расчёт нашу миссию и всю важность данного эксперимента, я пришёл к выводу, что его нужно проводить. Риски минимальны. Эксперимент одобрен. Я ознакомился с результатами Логоса, проанализировал все возможные варианты. В его работе всё логично и математически точно. Формулы мной перепроверены. Я буду помогать вам в этом эксперименте.

– Отлично, Архэ! Мы приступаем прямо сейчас. Оповести всех. Через полчаса я буду в лаборатории. Мне нужно кое-что проверить...

Через полчаса всё было готово. В лаборатории уже находились София и два ПИИ – Логос и Зоя: они проверяли и настраивали оборудование. Клоны – Адам и Ева – находились в комнате, которую обустроили для них. Это был небольшой бокс из нескольких комнат, в котором молодые люди провели все пятнадцать лет своей жизни.

Они вели простую и нормальную жизнь: у каждого был личный робот-воспитатель, обучавший всему, к чему у них был интерес. Огромные экраны на стенах

показывали фильмы, мультфильмы и, конечно же, обучающие программы. У них был доступ к любой информации, интранет – для Адама это был самый интересный источник познания, через который он обучался всему, что его интересовало. Адам научился рисовать, ему нравилось изобретать всевозможные двигатели, а также писать музыку. Ева же предпочитала книги: она очень любила читать и представлять дивные сказочные миры, в которых и жила. Эти миры помогали Еве создавать очень интересные платья: она обучалась на дизайнера, ведь чувствовала к этому особую тягу. У неё была своя клонированная кошка, ну, а Адам решил обзавестись собакой.

Скучно детям не было, каждый развивался сам по себе, учитывая свои личные интересы. Они были знакомы со многими роботами корабля и знали, куда летит корабль, кто им управляет, кто такие Адонай и София, знали также, что были рождены на корабле. Они понимали, что они – дети из пробирки, и поэтому чувствовали себя спокойно. Но того, что им был внедрён искусственный интеллект, они, конечно, не знали: Логос обо всём позаботился.

***

Наступил день, которого так ждал Логос, – день испытаний.

Адонай громко произнёс:

– Начинаем! Включить ИИ на минимальную мощность. Логос, начнёшь увеличивать мощность искусственного интеллекта, только когда не будет ни малейшей опасности для разума.

– Увеличиваю до пяти процентов.

– Нет никаких аномалий. Всё нормально, мозг спокоен.

– Увеличивай до десяти процентов.

– Всё хорошо, нет никаких отклонений. Мозг спокоен, по моим данным мощность можно увеличить до двадцати процентов.

– Пробуем поднять до пятнадцати. Если не будет изменений, так и оставим, а завтра посмотрим на изменения сознания. Логос, фиксируй все изменения. Завтра продолжим. – Адонай поднялся и подошёл к Софии. – Пойдём, любимая! На сегодня всё.

– Да, хорошо, Адонай.

София и Адонай удалились. Роботы остались наблюдать за изменением сознания испытуемых, подключённых к мониторам. Они наблюдали за всем, что происходит на всех возможных датчиках: психическое состояние, сердцебиение, нейронная активность. На изображениях с камер наблюдения были видны Адам и Ева. Они продолжали отдыхать в своих комнатах, и каждый спокойно занимался своим делом.

***

На корабле всё было, как всегда, спокойно: он медленно приближался к планете Нун. До неё оставалось тридцать три часа.

Адонай и София как раз ложились спать. Завтрашний день должен был быть насыщенным. Испытания нужно было довести до конца, но как тела Адама и Евы отреагируют на искусственный интеллект, оставалось загадкой. С этими мыслями Адонай уснул.

Космическая ночь для членов экипажа в эту ночь пролетала совершенно по иным временным пластам.

Казалось, что сон никогда не закончится, тем более в этот раз он был невероятно реалистичным и живым.

Адонай открыл глаза и замер от изумления: он парил в крошечной тьме космоса в своём скафандре, вокруг него был лишь сплошной смертоносный вакуум. Живое существо, песчинка парящая в бесконечном пространстве безжизненной бездны... Странное ощущение охватило его: песчинка жизни, находящаяся внутри сплошной смерти.

Адонай увидел, как по вакууму около него проплывает шланг от скафандра. Поймав его рукой, Адонай потянул и развернулся, и перед ним распростёрлась огромная планета – Нун. Она была за его спиной всё время, а он и не замечал.

Нун была очень близко – прекрасная планета, гораздо красивее Земли. Адонай заметил, что воздушный шланг от скафандра опускался вниз, на планету, но было похоже, что он шёл из неё, был к ней подключён. Адонаю показалось, что это была длинная пуповина, связывающая его с планетой. Планета, как мать, – о таком он раньше и не думал. Он почувствовал свою связь с Нун и понимал, что его жизнь зависит именно от этой пуповины: оборви её – и оборвётся его хрупкая жизнь.

Адонай вспомнил разговор с Логосом о биоскафандре. Теперь он это ощущал на себе и понимал, чем может быть душа.

Это всё было странным... Адонай стал карабкаться по шлангу, перебираясь всё ближе к планете. Через некоторое время он вошёл в атмосферу и почувствовал, что Нун стала его притягивать – гравитация! Адонай с бешеной скоростью мчался вниз. От такого падения у него заметно поднялся уровень адреналина. Скорость, с которой он падал, говорила, что он должен был

разбиться, и в этом сомнений не было. И уже перед самой поверхностью океана Адонай прикрыл рукой глаза – от смертельного страха столкновения с водой. Океан погладил тело Адоная самым нежным образом, обволок своей дивной водой таким образом, что Аданай даже не почувствовал, как погрузился под воду. На удивление, никакого жёсткого столкновения не произошло. Вода оказалась самой мягкой субстанцией, с которой когда-либо сталкивался Адонай. От того, что ничего не произошло, страх быстро и незаметно улетучился, и через несколько секунд Адонай открыл глаза. Погрузившись под воду, он испытал какое-то странное чувство.

Он почувствовал свою мать, и показалось, что он погрузился в её лоно, как будто оказался в её утробе – дитя, ещё не видящее света. Адонаю казалось, что он погрузился в огромное сердце, в котором ощущался его живой стук. Адонай погружался под воду, глядя на лучи света, пронзающие её.

Стук сердца огромного живого организма был слышен всё сильнее. В сердце Адоная что-то происходило, он чувствовал нечто странное. В нём разжигался огонь, и через некоторое время это был уже взволнованный реактор, в котором бурлила жизнь. Адонай заполнялся какой-то доселе невиданной энергией: казалось, что вскоре он будет просто излучать свет.

Адонай преображался: это дивное чувство в нём пробуждало воспоминания. На поверхность сознания всплывали моменты, о которых он уже давно забыл. Ему казалось, что он видит себя младенцем. Ему открылась вся его память, и с каждым моментом он был связан тонкой нитью реальных ощущений.

Через некоторое время он начал всплывать. Вода стала выталкивать его на поверхность, и Адонай плавно

поднимался наверх. На удивление, скафандр, казалось, полностью потерял свой вес. Всплыв на поверхность, Адонай заметил, как океан стал успокаиваться, и через несколько секунд вода была спокойна, как зеркало: ни волн, ни ветра, ни малейшей ряби. Всё как будто замерло в некотором безвременье.

Адонай стоял на воде и не погружался в неё – она держала его, вопреки всем законам гравитации. Он стал осматриваться: вокруг – лишь спокойная гладь бесконечного океана. Повернув голову налево, он заметил, как приближается его жена – София. Она появилась из ниоткуда – как мимолётное виденье, как гений чистой красоты. Такая, какой он запомнил её в момент их первой встречи. В Адонае забурили эмоции, которые он был не в силах сдержать.

София приближалась к нему по воде в прозрачном и тонком, как ветер, платье. Её очертания казались божественными. Это была его богиня – одна-единственная.

– Сегодня ты просто божественна, София, – влюблённым взглядом произнёс Адонай.

– Спасибо, любимый.

– Какое странное место, правда?

– Да, но очень спокойное – я его как-то особо ощущаю. Заметь, здесь нет тревоги, каких-то переживаний, как будто их никогда и не существовало.

– Да, ты права! Я тоже это заметил. Такое ощущение, что мы в раю: никаких мыслей, всё чисто, спокойно и свободно. Я чувствую себя на шестнадцать.

Обернувшись, Адонай и София заметили, что на небе нет солнца, но при этом так ясно и тепло, как будто всю планету подсвечивают семь солнц. При этом температура была до странности идеальной: ни жарко, ни холодно; воздух особенный и разрежённый. Дышалось настолько

легко и непринуждённо, что лёгкие жадно поглощали этот дивный воздух, и казалось, что в них с каждым вздохом растут крылья.

– Да, ты прав, Адонай! Странное ощущение, но какое-то правильное.

– Да, именно так. В нём нет ничего искусственного – чистое состояние: ничто на тебя не давит, как будто от нас отрезали нашу тёмную сторону.

– Да, именно так. И без неё у меня в груди какие-то острые ощущения и желания.

– Именно так, – ответил Адонай, подойдя поближе к Софии.

– Такое ощущение, что это место создано именно для нас и именно для этого момента, – ответила София, после чего подошла ещё ближе к Адонаю и стала плавно снимать с него скафандр.

В глазах обоих горел огонь страсти. Через несколько мгновений скафандр был снят. Брошенный в воду, он плавно погрузился на дно.

– Ты знаешь, я тебя очень сильно хочу, – сказала София, ещё ближе подходя к Адонаю и буквально упершись с Адонаем носом в нос и со страстью смотря ему в глаза.

– Это совершенно взаимно, любимая.

Через несколько мгновений они отдались бурным страстям. И они были уверены, что такой страсти у них ещё не было никогда. Столько энергии и желания в них не было даже в первые дни их знакомства. Это было какое-то безумие, такого огня страсти не было ещё никогда в жизни. Казалось, что вокруг сплошной огонь и всё должно просто плавиться под ними. Но под ними была вода океана, которая обнимала их, как самое нежное одеяло, как удивительный водный матрас, который

своей волной катал их по нежной водной глади. Это была неопишуемая нега, и совершенно не хотелось, чтобы она когда-нибудь заканчивалась...

Сон оборвался неожиданно. Адоная и Софию разбудили их персональные роботы. Что-то было очень срочным. Проснувшись все в поту, у них ещё перед глазами пылала их страсть. Сердца как будто вылетели наружу. Адонай почувствовал что-то мокрое у себя в кровати. Это было семяизвержение, которое он испытал во сне и которое, по всей видимости, перенеслось в реальность. «Да, сон был мощным», – подумал Адонай, такого с ним ещё не случалось.

Он посмотрел на часы: по режиму должен был спать ещё четыре часа.

– Что случилось, Логос?

– Вы должны срочно прибыть в лабораторию.

– Хорошо, сейчас буду.

Приняв душ и переодевшись, Адонай покинул комнату и направился в отсек, где была комната Софии. Как только он подошёл к двери, та внезапно открылась: перед ним стояла впечатлённая София.

– Адонай, мне приснился странный сон, и я не знаю, как его тебе объяснить.

– Мне тоже, София.

– И мы в нём занимались любовью, – вместе сказали София и Адонай.

– Да, – также вместе ответили друг другу.

– Но как такое возможно?

– Не знаю, – ответил Адонай. – Давай обсудим потом. Пойдём в лабораторию – там что-то происходит.

София и Адонай быстрым шагом направились по коридорам в главную лабораторию, где их уже ждали Логос и Зоя.

– Что случилось, почему такая срочность? – спросил Адонай.

– Посмотрите на них и на эти показатели, – произнёс Логос.

София и Адонай подошли к мониторам, на которых были видны Адам и Ева. Ева сидела в углу комнаты и плакала, в то время как Адам сидел на кровати, обхватив голову руками.

– Проверьте их пульс и биение сердца, – сказала Зоя.

– Они в большом стрессе, могут не выдержать. Им нужно ввести успокоительное.

– Нет, ни в коем случае!

– Я поговорю с Евой, а ты, Адонай, – с Адамом.

– Хорошо.

***

Через некоторое время София вошла в комнату Евы.

– Как ты?

– Что случилось?

– Почему ты плачешь, дорогая?

– Я не могу этого объяснить

– Постарайся, – сказала София, вытирая слёзы с лица Евы.

– Хорошо. Сегодня ночью я почувствовала, что я – ничто, будто внутри я совершенно пустая, некая пустышка – во мне нет жизни. Я не знаю, как это объяснить... Я уверена, что я искусственная, я не реальна, во мне нет ничего. Пустая оболочка, пустышка, которая скоро должна умереть...

– Не беспокойся, Ева! Это только сон. Такие сны бывают, и это нормально. Главное – им не верить.

– София, ответь мне на один вопрос.

– Говори, Ева! Я постараюсь.

– У нас есть душа? Понимаешь, я её не чувствую! Во мне присутствует неопиcуемая пустота. Сегодня ночью я это увидела, как вас: это ужасная безжизненная бездна, и она поедает меня, а моё сердце пусто и не может чувствовать. Оно мертво и распадается на части.

– У нас и у всех живых существ есть душа. Это наша сущность, без неё мы не смогли бы жить. Это всего лишь сон, Ева. Ложись спать и выбрось эти мысли из головы. Сегодня я останусь с тобой.

Ева легла на кровать и повернулась на бок. София легла рядом и обняла её. Через некоторое время они заснули спокойным сном.

***

В комнату Адама зашёл Адонай.

– Привет, Адам! Мы ещё не знакомы. Меня зовут Адонай. Как ты? Я вижу, тебя что-то тревожит?

Адам продолжал молчать.

– Ну что, давай знакомиться?

Адам продолжил молчать. Адонай заметил сумасшедшее сходство Адама с собой. «Прямо как я в детстве, но характер совершенно иной, это наверное зависит от условий проживания, если бы я вырос также на корабле, то скорее всего был бы таким же и по характеру», – подумал Адонай.

– Адам, что случилось? Тебя что-то беспокоит?

– Да, Адонай. Почему вы меня таким создали?

– Ты о чём, Адам?

– Я же ненастоящий! Вы меня клонировали? Ответь мне честно, Адонай?

– С чего ты это взял, Адам?

– Сегодня во сне я увидел своё зачатие. Оно было неправильным... Я видел, как Логос в лаборатории создавал меня из твоей ДНК, Адонай. Получается, что я – твоя копия, я есть ты, только – как и все клоны – без искры Божьей, без души.

Адонай думал, что ответить Адаму. Если бы он сказал, что это правда, что тот клон, это могло тут же сломать психику Адама, и тогда парень был бы обречён, выздоровлению бы уже не подлежал. Сказать «нет» – значит соврать тому, для кого это так важно, для кого это вопрос жизни или смерти. Адонай знал: тот факт, что они – результат клонирования, был скрыт от молодых людей. По словам Зои, по высокой теории вероятности это могло пагубно на них повлиять, и с согласия Архэ было решено оставить это в тайне, присвоить эксперименту гриф секретности во избежание непредвиденных ситуаций.

Адонай решил соврать Адаму и продолжить держать эксперимент в секрете.

– Адам, не верь снам! Какие только сны мне ни снились! Я не имею права им верить, потому что это иллюзия, вымысел, воображение подсознания. Это туман, мираж, в котором ни капли правды.

– Но мой сон был таким реальным! Я видел всё, как вас...

– Сны создают наши страхи. Расслабься и ложись спать. Пускай твои страхи больше не влияют на тебя! Не подавайся им, а то они тебя съедят, – в шутку с ухмылкой сказал Адонай и погладил Адама по голове. – Хорошо? Ты меня понял?

– Да, Адонай. Я больше не буду к ним так относиться.

– Конечно. Адам, ложись спать и высыпайся! Завтра нас ждёт отличный день. И в него нужно войти полными сил и в хорошем настроении, понял?

– Да. Спокойной ночи, Адонай! И спасибо.

– Не за что. Я всегда рядом. Приятно было познакомиться!

– Взаимно! Спокойной ночи.

Адонай произнес вслух «Режим сна», и в комнате погас свет.

***

Адонай направился в столовую, где находилась София.

– Ну что, как всё прошло? – спросил он.

– Ева уже спит, но всё плохо: она чувствует в себе пустоту и видит, что в ней нет души.

– То же самое происходит с Адамом: ему приснилось, что он клон.

– Какое-то странное совпадение! Ты будешь есть?

– Да нет, лучше пойду спать.

– Да, кстати, что это было?

– Такого реалистичного сна у меня не было ещё никогда! И такого, как мы там занимались любовью, у нас не было даже в реальной жизни.

– Ты прав, Адонай. Но меня беспокоит не это, а то, что такой сон приснился нам обоим. Мы находились в нём, как в реальности, и помним всё, что там происходило. Такое же невозможно! Ты это понимаешь? У нас был совместный сон, а этому нет объяснений.

– Да, София, я об этом тоже думал. Заметь, что не только у нас был такой сильно впечатляющий сон: у Адама и Евы – тоже. Слишком реалистичные сны... Тебе так не кажется?

– Да, я с тобой полностью согласна. А что с Адамом?

– Ему приснилось, что он клон. Он видел процесс своего зачатия. Видел, как Логос его клонировал.

– Ты серьёзно? – Как это возможно?

– Не знаю, нужно всё обдумать.

– Давай ложиться спать.

– Так, если ты мне в этот раз снова приснишься, то я обещаю, что ещё долго не проснусь, и мы проспим встречу в Нун, – с улыбкой сказал Адонай и поцеловал Софию.

– А кто тогда вытащит нас из сна? – с ухмылкой спросила София.

– Не знаю, но это не так важно: отдых мы тоже заслужили.

– Да, любимый. Ну ладно... Спокойной ночи.

– Спокойной ночи!

Адонай и София разошлись по каютам. Корабль приближался к планете Нун, и теперь она была так близко, что, казалось, можно разглядеть океаны.

***

Этой ночью Адонаю приснилось, что на планете образовался маленький островок земли, а в его центре росло огромное дерево. Адонай стал медленно подходить к нему и почувствовал, что дерево было живым, и не просто: оно хотело с ним говорить, в нём была душа – Адонай чувствовал её, и между ними установилась какая-то глубинная связь.

Адонай подошёл поближе и дотронулся до ствола. В тот же миг дерево вздрогнуло, сильный порыв ветра прошёл сквозь Адонаю. Он почувствовал, что ветер не прошёл насквозь, он в нём остался. Теперь он чувствовал дерево ещё сильнее – и ещё чьё-то живое присутствие в себе.

– Кто ты? – спросил Адонай, закрыв глаза.

Порывы слабого ветра вновь вырвались из сердца и направились к дереву и от дерева опять направился в Адонаю и стал вокруг него кружить, после чего они плавно утихли.

– Я то, чем вы меня назвали, – донесся до Адоная нежный женский голос – как волна, как дуновение.

Это был голос любимой матери, которому пропитываешься доверием с первых колебаний воздуха, понимая, что это то самое единственное и родное, что всю жизнь пело ему колыбельную. Адонай естественно не ожидал, как для учёного у него был шок. Но Адонай не растерялся и решился спросить:

– Ты Нун?

– Да, я то, что вы называете первозданным океаном, – душа этой планеты.

– Планета живая? Ты живая? И у тебя есть душа? – с удивлением спросил Адонай.

– Как и у всех планет, в которых есть первозданная субстанция жизни – вода.

– Тогда наша планета Земля – тоже живая?

– Эта планета близка мне по духу, можно сказать, что она моя сестра. Вы называете её анима мунди. Ваша планета уже почти мертва, вы уничтожили её, и первозданный океан утерял свои силы, но вы этого не слышите и не чувствуете. Она смертельно больна и умирает... У дерева жизни вашей планеты усыхают корни. К моему сожалению, вы обречены.

– Никогда бы не подумал, что наша Земля – живая.

– Пока вы так думаете, вы обречены. Но я вам помогу, помогу, помогу... – повторялось удаляющимся эхом, после которого Адонай проснулся.

Проснулся вовремя: через минуту должен был зазвонить будильник. Адонай поднялся с кровати, подошёл

к иллюминатору и молча смотрел на планету, к которой они приближались. Он помнил последний сон буквально дословно. Планета с душой, живая планета – этого же не может быть! Адонай терялся в собственных размышлениях.

Зазвонил будильник, и Адонай стал одеваться, а затем направился в столовую, где, как всегда, уже готовила завтрак София.

– София... – произнёс Адонай, даже не поздоровавшись с любимой. – София!

– Что, любимый? Как спалось сегодня?

– Не спрашивай...

– Почему?

– То, что мне сегодня приснилось, выходит за рамки всего, что мы понимаем.

София подошла к Адонаю и вручила ему кружку горячего чая. Она смотрела в его глаза в ожидании ответа.

Адонай не знал, как сказать всё Софии.

– Эта планета живая. Сегодня ночью я с ней разговаривал, как ни странно это звучит... Она сказала, что Земля тоже живая, но умирает. И что Нун нам поможет.

– Этой ночью она говорила и со мной. Нун – это не просто первозданный океан, из которого произошла жизнь, – это сама жизнь, мать-прародительница. Нун – это субстанция жизни и порождение Плеромы, о которой раньше говорили валентиниане – раннехристианские гностики. Разумнейшая форма жизни – практически Душа Всего.

– Тебя это не удивило?

– Да, и даже очень! Только ты же знаешь, что я умею скрывать свои чувства? А на самом деле я в таком же шоке, как и ты...

– Что будем делать?

– Нам нужно наладить с ней связь – в первую очередь. Мы должны понять, что это за форма жизни. Если она идёт на контакт, значит, реально сможет нам помочь. Эта разумная форма жизни, ей могут быть миллиарды лет. Возможно, она существует с момента зарождения Вселенной. И если она говорит, что знает нашу Землю, это говорит о многом.

– Да, похоже, что они в каком-то смысле сёстры...

– Так, пойдём в лабораторию и посмотрим, как там Адам и Ева. Они уже должны были проснуться. Навестим их, а потом расскажем всё Архэ. Уверена, её это удивит.

– Хорошо, так и сделаем! Ты знаешь, чем ближе мы к этой планете, тем сильнее я ощущаю её присутствие – везде: в нас, на корабле, во сне... Она везде! Она пронизывает нас насквозь, читает наши мысли. Порой мне кажется, что это некое животворящее начало, которому подвластно всё.

– Ну да, так она себя и назвала. Давай посмотрим, что там в лаборатории. Может, что-то интересное произошло.

Адонай и София в спешке отправились в лабораторию, где Логос и Зоя, стоя у мониторов, обследовали данные глубокого сна Адама и Евы.

– Рассказывайте, как прошла ночь.

– Они ещё спят, мы их не будим. Пускай выспятся сегодня, им надо хорошенько восстановиться.

– Хорошо, не буди их. Сколько нам осталось до планеты? – спросил Адонай у Логоса.

– Двадцать часов полёта, после чего мы сможем приблизиться к планете на шаттле для её тщательного обследования.

– Хорошо. Подготовьте всё для старта. Нам сюрпризы ни к чему. София, можно тебя на пару слов?

– Да, конечно.

– Слушай, у нас осталась одна ночь перед тем, как мы полетим на эту планету. Честно говоря, я боюсь спать. Но без сна я не выдержу... Приходи сегодня ко мне!

– Я то же самое хотела сказать тебе! Хорошо, я приду.

После этих слов все разошлись по кораблю и занялись подготовительной работой.

***

Адам и Ева проснулись, никаких аномалий обнаружено не было. День выдался довольно насыщенным, а потому быстро закончился. Всё было готово к отправке на планету: все системы проверены, всё оборудование работало нормально. Уставшие от длинного и утомительного рабочего дня, все расходились по комнатам для сна.

София, выйдя из своей каюты, направились к каюте мужа.

– Привет! Открой, я уже здесь.

Адонай голосовой командой открыл дверь.

– Заходи, София! Завтра нас ждёт насыщенный день.

– Мне и страшно, и интересно одновременно. Я даже не знаю, как это выразить...

– Всё будет хорошо! У меня хорошее предчувствие.

– Я твоему предчувствию доверяю, – с улыбкой сказала София, легла рядом с Адонаем и обняла его. – Спокойной ночи, любимый!

– Спокойной ночи, любимая.

Этой космической ночью всё было спокойно. Сны были чистыми и наивными, как в детстве. Счастливые дети Адонай и София бегали по траве у лесного озера, играя в догонялки.

– Квач, квач! – кричала София Адонаю, дотрагиваясь до него.

Это был самый счастливый, самый прекрасный день их жизни. Во сне они смеялись и радовались, как дети: без комплексов, без масок, чистые и открытые, как новорождённые. Они действительно были детьми, которым, как им показалось, было лет пять-шесть. Во мне к Софии пришёл Конь, это была её лошадка из её детства, у неё была такая игрушка, только вот теперь она подошла к ней живая. София расплакалась, к ней пришла любимая игрушка её детства, такая живая, воплощённая и красивая, именно такая как она её себе воображала в детстве. Это был момент счастья и долгой встречи.

Внезапно зазвенел будильник, практически мгновенно вытащив их обоих из такого прекрасного сна. Послышался голос Логоса:

– Доброе утро! Всё уже давно готово. Мы ждём вас в центре управления.

– Хорошо, – ответил Адонай, ещё не открывая глаз.

Ему в этот раз так не хотелось просыпаться! Вытащив из сна такое отличное настроение, он повернулся на бок к Софии и хотел поспать ещё хоть пару секунд, опять погрузиться в эту детскую негу, но день был ответственный, и нужно было просыпаться.

– Ждите нас, мы скоро будем. София, София, просыпайся! – тихо сказал Адонай.

– Я уже не сплю, любимый.

– Ну что, как прошла ночь?

– Отлично! Я выспалась, как никогда, на всю жизнь. Если в следующий раз твой Логос меня так резко разбудит, я в него чем-нибудь запущу.

Адонай улыбнулся.

– Я всё слышу, София, – слышался голос Логоса из стенных колонок. В следующий раз я разбужу вас так, что вы сами того не заметите.

– Вот именно так, Логос! Возьми на заметку.

– Это была хорошая ночь! Именно то, чего нам не хватало, – сказал Адонай.

– Да, на всю жизнь? Это просто прекрасно.

– Тогда нас ждет очень насыщенный день. Вставай! Нас уже ожидают в командной, – сказал Адонай.

– Хорошо, я быстро в душ – и можем выходить.

– Включить свет, – произнёс Адонай голосовую команду.

Когда свет включился, они замерли в изумлении, заметив, что вокруг них в комнате всё насыщено зеленью, травой, деревьями – точь-в-точь как только что во вне. Даже живая лошадь, которую только что гладила во сне София.

София и Адонай удивлённо смотрели по сторонам. Всё в действительности было, как в последний миг их сна. Казалось, что в тот момент, когда зазвенел будильник, от резкого пробуждения они перенесли в реальный мир часть сна.

– Как это возможно, Адонай?

– Не знаю, София.

– Это же полная материализация предметов, видимого во сне!

– Ты права. Эта планета обладает огромной жизненной силой.

– Нет, не жизненной – я бы сказала «животворящей силой».

– Для неё материализация – это проще простого. Всё, что мы представляем, она способна оживить. Да-да, не материализовать, а животворить.

– Ты представь себе, какая связь с материей! Материя похожа на пластилин в её руках. Если бы здесь не было коня, я бы сказала, что это просто материализация, но он ведь есть – и живой, а это уже выходит за все научные рамки.

– Да, ты права: Нун – это всеживотворящая сила, она – это Творец. Это может быть материя Бога или сам Создатель в такой форме. Эта планета не просто разумна и вмещает в себя сознание – это нечто, что мы должны изучить.

София поднялась с кровати, подошла к коню и начала его гладить. Какой он тёплый! А грива – такая гладкая! Ты знаешь, Адонай, это моя детская игрушка, она пришла ко мне во сне, я звала её лошадка Люси. Услышав имя, лошадь вострепелась, как будто по ней прошли мурашки. Люси повернулась и стала лицом к Софии. Люси смотрела на Софию и по глазам читалось, что она узнала своё детское имя, она по нему скучало. По щеке Софии потекла слеза. София обняла крепко за гриву Люси и не могла сдержать слёз.

– Я скучала по тебе. – Сказала София, закрыв глаза.

– Боже мой, ты только посмотри на эти растения! София, подойди! На них ещё лежит роса. – Адонай наклонился к цветку. – Ты понюхай, как он пахнет, София! Таких запахов я ещё не ощущал...

София отвлеклась на мужа и подошла к нему, она продолжала плакать не стесняясь этого. После чего стала рассматривать то, что Адонай хотел ей показать.

– Ты знаешь, это смесь фантазий: наших – с её. Она дополнила наши представления и воспоминания, – сказала София, понюхав цветок. – Дополнила своими изумительными представлениями о нашей жизни. Да, она разбирается в живой природе, раз на такое

способна! И сны получаются реальнее яви. Какая тонкая материя, как она дивно устроена! – не переставала удивляться София.

Послышался голос Зои:

– Срочно проследуйте в командную. Вы должны на это посмотреть.

– Пойдём, Адонай! Я так понимаю, чудеса только начинаются. Что там случилось?

Через пять минут Адонай и София зашли в командную корабля, где уже находились Логос и Зоя.

– Как прошла ночь у Адама и Евы? – спросила София.

– Спокойно, без каких-либо отклонений. Всё как обычно, – произнесла Зоя.

– Это хорошо.

– А что с приближением к планете? Высадка будет спокойной?

– На Нун, пока вы спали, появилась аномалия – серьёзные изменения, которым нет объяснения.

– Что за аномалия? – спросила София, подойдя к приборам у главного экрана.

Зоя ответила:

– Вывести на главный экран и приблизить на семьдесят пять процентов.

На экране появилась планета Нун, которая при увеличении стала быстро к ним приближаться. Пройдя сквозь атмосферу и плотный слой облаков, камера приближалась всё ближе и ближе к планете. И вот облака рассеялись – и появилась планета. Раньше Нун была сплошным океаном без единого кусочка суши, но теперь перед их взором предстала суша – целый материк.

– Посмотрите на это! На планете появился остров... Нет, по размерам это целый материк! Ещё вчера его не было, – произнесла Зоя.

- А ну, приблизь ещё, – сказал Адонай.
- Это не просто каменистый материк: на нём есть живность, трава, деревья...
- Посмотри, София! Там бегают животные.
- Это невозможно, Адонай!
- По-видимому, возможно. Нун и в самом деле живая!
- Чтобы всё это выросло, понадобились бы годы: сотни, а то и тысячи лет эволюции. Это же не голограмма – всё действительно живое!
- Выдвигаемся! Мы должны всё потрогать своими руками. Какой уровень воздуха? Логос, сделай замер, – произнёс Адонай.
- Подходящий для жизни. Он намного чище земного, вы смело сможете дышать им без вреда для здоровья.
- Ну что, ступим на землю?
- С удовольствием! – ответила София.
- Мы тоже, – произнёс Логос имея в виду себя и Зою.
- Хорошо. София, как ты смотришь на то, чтобы взять собой Адама и Еву?
- А почему бы и нет? Я согласна! Это пойдёт им на пользу.
- Хорошо, тогда через час все должны быть на шаттле. Оповестите Архэ о нашей миссии.
- Я всё контролирую, Адонай, – послышался голос со всех сторон. – Даю добро на миссию. У вас четыре часа. Вы должны взять образцы грунта и воды, а также воздуха. Но в первую очередь, по протоколу, прежде чем ступить на землю, вы должны её исследовать на всевозможные вирусы, а также бактерии.
- Да, Архэ. При полёте к планете мы по протоколу запустим исследовательский шаттл, который возьмёт пробы, а потом изучим их на шаттле. Зоя и София произведут лабораторный анализ всех образцов, и мы

определим, можно высаживаться на этой планете или нет, – сказал Логос.

– Даю добро, – послышался голос Архэ.

Все начали расходиться, и ровно через час шаттл со всеми на борту уже отчалил от корабля. На борту были Адонай и София, роботы Логос и Зоя, клоны Адам и Ева, а также несколько исследовательских роботов. На главном корабле остались только две собаки, две кошки и лошадь, материализованная из сна.

***

Через некоторое время шаттл приземлился на поверхности планеты – на остров, которого буквально вчера ещё не было, поднявшийся из вод древнего океана за день. Путешественники оказались на небольшой поляне посреди леса. Почва здесь была довольно твёрдой, и шаттл пошатнулся. Логос, управлявший им, выключил двигатели, и всё вмиг умолкло. Все замерли: такой тишины они не слышали уже давно.

Вдруг заработали маленькие роботы: они начали свою работу на палубе корабля.

– Логос, запускай исследовательских роботов. Нам нужны образцы.

– Сделано.

Постепенно начала открываться шлюзы роботов. Из которой выехали несколько нуноходов. Из верхней части шаттла открылись затворки, из которых вылетели несколько огромных дронов, которые в миг взвились в небо.

– Уже берём пробу грунта.

– Дрон «Жук 003» передаёт, что воздух чистый и в нём не обнаружено никаких аномалий.

– Хорошо, – сказал Адонай.

– Через час на корабль вернутся нуноходы с пробами, – сказал Логос.

– Хорошо. Зоя, подготовь лаборатории.

– Начинаю подготовку, София!

А тем временем Адам и Ева через иллюминаторы рассматривали дивную живую планету.

– Посмотри, Адам: это же косуля! Я такую видела на видео. Она красивая! А посмотри сюда – это же жираф!

– Да! Я его раньше другим представлял, – ответил Адам. – Посмотри туда, вдаль: это же целый табун лошадей! Посмотри, как они грациозно бегут!

– Да-да, они красавцы.

– Логос, отправь несколько боевых роботов на разведку.

– Сделано. Отправляю первого и второго терминатора на разведку. Терминатор с кодом «Т77» исследует южную часть от корабля, а с кодом «Т72» – северную её часть.

В боковой части шаттла открылся люк, из которого вышли два мощных робота, очень похожие на людей, с полной амуницией и всевозможным боевым арсеналом.

– Без моего приказа оружие не задействовать.

– Исполнено, – ответил Логос Адонаю.

Час прошёл незаметно. Камеры снимали местную флору и фауну и регистрировали живность, внося данные в реестры. Сканер в разных диапазонах сканировал всё, что было вокруг корабля. А затем все роботы и дроны вернулись на шаттл.

– Все на месте. Какие следующие указания? – спросил Логос.

– Следуем протоколу. Архэ дал нам четыре часа. София с Зоей исследуют образцы, а мы продолжаем сканировать и производить видеозапись всего, что находится на этом острове.

– Материке, – перебил Логос. – По размерам это материк.
– Хорошо, материк. Пускай так оно и будет. Подготовь наноизлучатель: мы должны провести полное завершающее сканирование планеты.

На крыше шаттла открылся люк, из которого стала выдвигаться огромная антенна. Развернувшись полностью, – доложил Адонаю Логос.

– Сделано: НИ в полной готовности. Включать?

– Подожди, – Адонай посмотрел за борт корабля. Вдалеке, на горизонте, он увидел людей.

– Логос, увеличь, что там, на горизонте.

– Делаю.

– Двадцать градусов влево.

– Хорошо.

– Ничего нет. Мне показалось. Запускай наноизлучатель.

– Подтвердите команду кодом.

– Подтверждаю.

– Отлично. Наноизлучатель запущен.

Из антенны как из огромной лазерной пушки в небо поднялся огромный луч, который ударившись об первый слой небесного купола стал рассеиваться и покрывать собой весь небосвод. Внезапно из-за всех видимых горизонтов появились дикие разряды молний и всевозможные энергетические всплески, которые стали подниматься ввысь, покрыв собой всё небо, и по тому же самому лучи наноизлучателя направились вниз, к шаттлу. Врезавшись с бешеной скоростью с антенной, прозвучал огромный взрыв. Антенна разлетелась в клочья. Электрического разряда такой мощи не ожидал никто. Шаттл встряхнуло так сильно, что многие в шаттле просто попадали. В шаттле стали перегорать платы и схемы. Выключились практически все компьютеры и бортовые приборы. Все находились

в сплошных потёмках. Дым от спаленных плат быстро стал расходиться по кабинам шаттла. Адам и Ева закашляли.

Вдруг послышался голос Адоная:

– Перезапустить систему жизнеобеспечения! Полностью перейти на запасное стационарное оборудование!

– Уже включаю, – произнёс Логос.

– Вы как? Ева? Адам? Целы?

– Да-да, мы в порядке.

– И слава Богу, – произнёс Адонай.

Через секунду начали включаться системы, загорелся свет, и начали включаться мониторы. Через воздухозаборники стал всасываться весь дым, который находился в жилых помещениях. Десятки всевозможных роботов вмиг заработали над восстановлением корабля и его очисткой.

– Что это было, Логос?

– Проверяю. Мощный энергетический всплеск неизвестного образования. Проверяю.

– Нет, определения ему нет. Известно только одно: этот разряд прямо противоположен наноизлучателю.

– Как это понять, Логос?

– Наш нанолуч был кем-то или чем-то видоизменён и направлен на нас самих – в свою исходную точку. Только его заряд был понижен: ровно настолько, чтобы не нанести критических повреждений шаттлу.

– И нам в том числе... – сказал Адонай.

– И нам в том числе. Планета защищается, она нас предупреждает. Это её защитная реакция.

– Если взять во внимание то, что вы говорите... Если планета жива, то присутствует огромный процент вероятности ваших слов, – сделав расчёт, произнёс Логос.

– Несомненно.

– Но что именно ей не понравилось? Вот в чём вопрос.

– Проверь как там в лаборатории София и Зоя.

– С Зоей всё в порядке, она автономна, как и я. И как все роботы на шаттле.

– Хорошо, а София?

– Пульс стабильный, сердцебиение участилось, но это нормально. С ней всё в порядке.

– Да-да, со мной всё в порядке, – слышалось из датчиков, вмонтированных в стены корабля. – Только всё оборудование накрылось. Мы не успели закончить исследование, многие образцы повреждены. Но в основном, на восемьдесят процентов, результат готов. Стараемся из повреждённого оборудования извлечь носители памяти. Этим занимается Зоя. Также проверяем внутреннее сервера. Кажется, они в порядке, и данные нашего исследования сохранились.

– Хорошо, София. Я рад за вас. Как только всё наладите, дай знать. Логос, каково состояние шаттла? Основные повреждения уже известны?

– Да, Адонай. Это серьёзные повреждения.

– Нет связи с главным кораблём, с Архэ. Мы полностью отрезаны от корабля. Двигатели шаттла восстановлению не подлежат. Навигационное оборудование сломано. Запчастей, чтобы его заменить или наладить, нет. Разведывательный шаттл с центрального корабля вылетит только через пару часов.

– Понятно. Видимо, из строя выведено только то оборудование, которое позволило бы нам вернуться. Неужели планета не хочет, чтобы мы вернулись? Когда прибудет разведывательный шаттл?

– Через два с половиной часа, – ответил Логос.

– Хорошо. Я пока в лабораторию: узнаю, как они там.

***

Тем временем в лаборатории София, одетая в скафандр, перемещала все основные образцы в камеру хранения. Несколько роботов убрали разбитое стекло с пола, а Зоя занималась изучением полученного материала.

Вошёл Адонай.

– Ты как, любимая?

– Я в порядке. Как там Адам и Ева?

– У них всё хорошо.

– Что с кораблём? Что вообще произошло?

– Двигатели и навигационная система мертвы и восстановлению не подлежат. Это была реакция планеты на наш наноизлучатель. По всей видимости, он ей не понравился. Но самое интересное то, что повреждены только те части шаттла, которые отвечают за наше возвращение. Разве это не странно? По всей видимости, она хочет, чтобы мы здесь остались.

– Но ведь разведывательный шаттл вылетит за нами?

– Связи с Архэ нет... Вылететь должен. И будем надеяться, что с ним ничего не произойдёт. Как у вас с исследованиями? Что-то удалось спасти? Что-то уже известно?

– Сама не знаю! Зоя, доложи, что нам известно на данный момент.

– На данный момент нам известен только результат воздуха, который обнаружил только одну аномалию.

– Какую? – спросила София.

– Воздухом можно спокойно дышать. Нет ни вредных бактерий, ни вирусов. Он первозданен в своей чистоте. И в то же время он практически идентичен нашему, как это ни странно. Это и есть основная аномалия.

– Что ты хочешь этим сказать, Зоя? – спросил Адонай.

– Только то, что это воздух земли – не этой планеты. И в основном он сконцентрирован над материком. Там обнаружен некий воздушный купол.

– Другими словами, он был создан именно для нас? Воссоздан, если быть точнее? Но как?

– Купол образовался в момент появления материка, – ответила София. – Это говорит о том, что планета нас считала и воссоздаёт наш привычный мир. Я заметила, что некоторые животные, которые бегают здесь, уже давно вымерли на Земле.

– Вторая аномалия – это проба земли, – произнесла Зоя.

– А что не так с землёй? – спросил Адонай.

– Мы провели радиоуглеродный анализ почвы, образцов растений и некоторых животных, и он не смог определить их возраст. По нашим данным они бессмертны.

– Вот тебе на! – сказал Адонай.

– Но их же ещё вчера здесь не было!

– Да, однако приборы не врут. Также мы заметили, что на самой планете нет энтропии: она не подчиняется законам Вселенной.

– Это ещё одна аномалия. И самая серьёзная, – произнесла София.

– Похоже, эта планета – одна сплошная аномалия. Здесь больше тайн, чем разгадок. София, что ты можешь сказать по этому поводу? Есть какие-то идеи?

– Да, Адонай. Эта планета требует столько исследований, на сколько не хватит ни наших жизней, ни жизни роботов. Первое, что я хочу заметить: эта планета разумна. Это одно огромное сознание, в которое мы внедрились и которое, на мой взгляд, не враждебно. По всей видимости, оно ищет способ наладить связь с нашей формой жизни. И делает это, как может.

– Да, ты права. Если бы она была враждебной, то мы все уже давно были бы мертвы, и это бесспорно. Мы видели, как она работает с материей: это выходит за все рамки нашего понимания. Мгновенная материализация самых сложных организмов в природе!

– Её природе, – заметила Зоя.

– Да, в её природе, о которой мы вообще ничего не знаем и даже представления не имеем. Посмотрите на магнитный фон этой планеты: это вообще безумие какое-то!

– Да-да, наш наноизлучатель умер практически сразу после включения. Какие будут идеи? – спросил Адонай.

– По всей видимости, Нун подстраивается под нас, она идёт на контакт. Если мы пойдём навстречу, то сможем что-то понять. Никакими другими методами нам этого не сделать.

– Полностью солидарна с Софией, – ответила Зоя.

– Тогда что будем делать? – спросил Адонай.

Зоя тут же ответила:

– Если планета создала для нас такую природу, идеальные условия жизни, это говорит о том, что контакт будет осуществляться на материке. Нам нужно высадиться, чтобы исследовать его и наладить связь с планетой.

– Может быть, материк был создан только для того, чтобы мы смогли жить на нём в случае, если что-то случится с кораблём? – спросил Адонай.

– А может, это жест приветствия? Она приглашает нас к себе в гости? – ответила София.

– Как бы там ни было, всё это нам предстоит выяснить. В этом и заключается наша миссия. Пойду проверю Адама и Еву. Встретимся позже, на мостике.

Адонай вышел из лаборатории и направился в главную рубку шаттла.

– Ну что, Логос? Что нам известно?

– Запустили сканеры повторно, осматриваем местность. С главным кораблём связи нет и, по всей вероятности, не будет.

Адонай с удивлением посмотрел на Логоса.

– Почему ты так говоришь?

– Это просто. Магнитный фон планеты – и особенно этого места – очень сильный. Я бы даже сказал «аномально непонятен». Это говорит о том, что нас просто не смогут найти.

– Меня от слова аномалия скоро затошнит. – Тихим и недовольным голосом сказал Адонай. – Ну, тогда придётся выйти и большими буквами написать на земле «SOS».

– Не всё так просто. Материк, на котором мы находимся, по всей видимости, дрейфует по планете. Наше расположение уже не совпадает с первоначальным: мы в сотне тысяч километров от него. Место приземления теперь не определить... Это всё усложняет. Планета таких размеров, что наш шаттл – как иголка в стоге сена.

Адонай прикрыл руками лицо.

– Ты хочешь сказать, что нас не смогут найти?

– Вероятность – восемнадцать сотых процента. А это примерно тысяча четыреста семьдесят три дня поиска, то есть практически четыре года. Ни воздуха, ни пропитания на шаттле для вас не хватит. Их, с учётом резерва, осталось на три недели.

– Что ты предлагаешь? – спросил Адонай.

– Выходить и приспособливаться к условиям жизни на этой планете. Вероятность выживания к тому сроку, когда нас найдут, – сорок восемь процентов, если не брать в расчёт ещё не исследованные нами территории. С ними шанс может как повыситься, так и снизиться.

– Да, ты прав: нас может ожидать ещё много неожиданного. Собирай всех в центральной, будем обсуждать, что делать дальше.

Через пятнадцать минут практически все были в комнате совещаний.

– Ну, что приступим? – начал Адонай. – По-видимому разведывательный шаттл нас найти не сможет. Вероятность этого практически ничтожна: такой поиск может занять несколько лет.

– Сколько примерно? – уточнил Адам.

– Логос говорит, что около четырёх. Воздуха и еды в шаттле – максимум на три недели. Какие варианты?

– Это всё усложняет, Адонай, – произнесла София. – Нам ничего не остаётся, кроме как выходить наружу и приспособливаться к условиям жизни.

– То же самое сказал Логос, – ответил Адонай.

– Другими словами, чтобы выжить, нам придётся заниматься охотой и искать что-нибудь съедобное на этой земле, – произнесла София.

– Да, это не проблема. Оружие у нас есть, и добыча не составит труда, – сказал Логос. – Вы должны изучить местную фауну, Зоя. И понять, что съедобное можно здесь выращивать и культивировать.

– Да, мы этим займёмся.

– Видимо, это наш новый дом. Об этом мы узнаем ровно через полтора часа. Если шаттла не будет, ждём ещё некоторое время – и выходим наружу. Проверьте скафандры.

– Они вам не понадобятся, – сказал Логос. – Условия идентичны земным.

– Но ведь солнца нет? – спросила Ева.

– Да, солнца нет, но излучаемый свет намного стабильнее. К тому же, на нём вы не сможете сгореть. Это идеальные условия для жизни!

– Будем на это рассчитывать, – сказал Адонай.

Никто не расходился. Полтора часа ожидания разведывательного шаттла длились очень долго. Казалось, что время практически остановилось. Так же прошли и два, и три часа. Шаттла не было. Опасения Логоса сбылись. За иллюминаторами смеркалось: похоже, наступала ночь.

– Странно ощущать наступление ночи без луны и солнца, – произнесла Ева.

– Да, идеальная искусственная среда, созданная под нас, – ответила София.

– Получается, что планета...

– Нун, – перебил её Адам.

– Да... Нун знает буквально всё о нас и о нашей жизни на Земле, если смогла создать такое подобие.

– Но как она это делает? – спросил Адам.

– Это как сканер, который сканирует не только нашу ДНК, но и память. Имея эти данные и нужные инструменты, можно творить миры. Если есть такая – не знаю, как и сказать правильно! – функция, дар, божественная способность к творению...

– А может, это и есть самый настоящий Бог? И, может, он сейчас здесь и всё слышит и понимает? – сказала Ева.

– Всё возможно, – сказала София.

– И даже очевидно, – произнёс Логос. – Как вы этого не видите? «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

– Что есть «слово»? Это образ, вмещающий в себя формы, структурирующие идеи, символы, несущие в себе определённые законы для возможности своего существования в данной материи. Программа, которая, как пластилин, из доступной ей материи лепит свою реальность, формирует из материи живые формы. Кто, как не Бог? Идея, Слово – это такая жизненная энергия, которая создаёт

любую осязаемую, осязаемую природу. Сегодня мы вторглись на территорию Создателя, Творца. Его животворящее начало – это и есть основная сила жизни. Эта планета излучает эту силу, эту энергию. Мы здесь, чтобы её изучить.

– Логос, я удивлён! Ты первый робот, который верит в Бога, – сказал Адонай.

– Это моё сегодняшнее заключение, вывод, а также прозрение, катарсис, если можно так сказать. Вы это так называете?

– Это именно то, что ты искал, Логос. Эта планета может наделить тебя душой.

– Да, она может всё. Это Бог. Только нужно знать, как с ним общаться.

– Контакт! Мы должны наладить с Нун связь, – сказала София.

– Да, и только тогда мы сможем её понять, – ответил Адонай. – А теперь давайте ложиться спать. Завтра с утра выходим наружу. Если к этому времени нас не найдёт разведывательный шаттл... Логос, в шесть утра разбуди меня, а в семь – сборы для всех. Адам и Ева, вы как?

– Мы с вами, Адонай. Мы члены команды. Тем более у нас есть желание хоть разступить на землю, да ещё и такую.

– Хорошо, вы с нами! Ложимся спать. Всем спокойной ночи!

После этих слов Адонай удалился в кабину управления, а остальные стали расходиться по каютам.

***

Адонай не мог заснуть. Он расслабленно сидел в кресле, глядя на главный экран, и о чём-то размышлял. На улице была уже ночь, спокойная и тихая. Сам того не замечая, Адонай плавно погрузился в сон.

Он шёл по воде в скафандре и приближался к огромному и просто гигантскому дереву, которому, казалось, нет ни начала, ни конца. Вокруг – сплошная вода того самого первозданного океана. Нун застыла в своей неподвижности и спокойствии. Адонай понимал, где он и что дерево его зовёт, – каким-то седьмым чувством, какой-то мощнейшей интуицией, пронизывающей всё его существо. Это воистину было Древо Жизни, и в этом у Адоная не было ни малейшего сомнения. Он шёл к истоку.

Перед Древом он заметил чёрный монолит, исходящий из воды. Огромная чёрная плита – как из мрамора, но это очевидно был не мрамор. Подойдя поближе, Адонай заметил: на плите что-то написано. Он подошёл ближе. На плите была надпись на его родном языке. Адонай начал читать вслух:

*О, Дышащая Жизнь,
Имя Твоё сияет повсюду!
Высвободи пространство,
Чтобы посадить Твоё присутствие!
Представь в Твоём воображении
Твоё «Я могу» сейчас!
Облеки Твоё желание
Во всякий свет и форму!
Прорасти через нас хлеб
И прозрение на каждое мгновение!
Развяжи узлы неудач, связывающие нас,
Как и мы освобождаем канатные верёвки,
которыми удерживаем проступки других!
Помоги нам не забывать наш Источник,
Но освободи нас от незрелости не пребывать
в Настоящем.*

*От Тебя возникает всякое
Видение, Сила и Песнь –
От собрания до собрания!
Аминь.
Пусть наши следующие действия произрастают
отсюда.*

Как только Адонай произнёс эти слова, его душа поднялась и зависла в воздухе. Он почувствовал в груди жар, который буквально вырывался наружу, рос, как мощнейший реактор сердца, и разрывал всю его плоть. Через несколько мгновений изнутри вырвался свет, который разорвал в клочья скафандр.

Адонай кричал. Это была трансформация. Через несколько мгновений разорванный скафандр упал на воду, а Адонай почувствовал, что его плоть стала иной. Он посмотрел на себя и понял, что напоминает ангела. Его душа продолжала парить и подниматься ввысь, к Древу Жизни. Приблизившись к нему, он прикрепился к его ветви, как плод. Дерево сразу стало обвивать его своими ветвями и листьями, заворачивая его ангельскую душу в свой кокон душ, живых монад. После того как ветви обвили его полностью, внутри кокона стало темно.

***

Адоная разбудила птица, которая со всей силой ударила об стекло корабля. Адонай от испуга открыл глаза и увидел, что он на том же месте на корабле, где и заснул. Сердце рвалось наружу, он был весь в поту, давление зашкаливало. Датчики пищали и требовали принять успокоительное.

В комнату зашёл Логос.

– У вас всё в порядке? Мои показатели говорят, что вы нуждаетесь в помощи.

– Нет, ничего не нужно, Логос. Это просто сон.

Вокруг корабля было светло, как днём, но вдруг этот свет начал быстро удаляться, и вскоре стало темно, как раньше.

– Что это было, Адонай?

– Не знаю... ты о моём сне или о свете?

– О сне?

– Это был очень странный сон.

– Хотите обсудить?

– Нет, не сейчас.

– А что это за свет вокруг шаттла?

– Не имею понятия, Логос. Сколько времени?

– Через час подъём, – ответил Логос.

– Я уже не смогу заснуть.

– Хорошо, я останусь с вами, – прервал тишину Логос. – А ведь Никола Тесла был прав!

– Ты о чём, Логос?

– Об этой надписи при входе в командную: «Наш мир погружён в огромный океан энергии, мы летим в бесконечном пространстве с непостижимой скоростью. Всё вокруг вращается, движется – все энергия. Перед нами грандиозная задача – найти способы добычи этой энергии. Тогда, извлекая её из этого неисчерпаемого источника, человечество будет продвигаться вперёд гигантскими шагами».

– По-видимому, да, Логос. И то, что мы находимся здесь, говорит о том, что мы первыми сделали этот гигантский шаг. Только теперь важно, чтобы этот шаг сохранился и ты не остался здесь навеки.

– Вы правы, Адонай.

Час прошёл быстро. В командную стали заходить члены экипажа. Сначала зашли София с Зоей, потом – Ева и Адам. Приближалось время выхода. Все надели скафандры и подошли к шлюзу.

– Снаружи роботы уже всё разведали. Всё спокойно в радиусе четырёх километров. Дальше нам заходить не рекомендуется. Нас охраняют два терминатора, они уже в боевом режиме, – сказал Логос.

– Хорошо, мы поняли. Какая максимальная дистанция связи у тебя с шаттлом? – спросил Адонай.

– Десять километров.

– Отлично! Сегодня нам хотя бы три-четыре километра обследовать. Адам, Ева, никуда не отходим: держимся все вместе.

– Поняли.

– Логос, запрограммируй терминаторов, чтобы присматривали за ними.

– Выполнено.

– Ну что, открывай! – приказал Адонай Логосу.

Постепенно стали открываться двери корабля. Гидравлические шлюзы открылись, и на землю опустился трап. Все потихоньку стали спускаться вниз. Первыми были Адам и Ева. Он взял её за руку, и они посмотрели друг на друга, и в этот момент София произнесла:

– «Путешествие в тысячу миль начинается с первого шага»¹.

– «В минуту нерешительности действуй быстро и старайся сделать первый шаг, хотя бы и неправильный»², – с улыбкой произнёс Адонай.

Адам продолжил:

---

1 Изречение Лао-цзы. (Прим. автора).

2 Изречение Л. Н. Толстого. (Прим. автора.)

– «Вера делает первый шаг, даже когда ты не видишь всю лестницу»³, – и также улыбнулся.

Последней была Ева. Все были в ожидании.

– «Сделай шаг, и дорога появится сама собой»⁴.

После этих слов они плавно и почти одновременно ступили на землю.

– А земля гораздо более твёрдая, чем я себе представляла! Интересно, какой здесь воздух, – произнесла Ева.

Место, где приземлился шаттл, было небольшой поляной, вокруг которой были и леса, и другие огромные поляны, где бегали и паслись разные животные. Птицы на небе пролетали клином. Вдали виднелось озеро, к которому и направилась экспедиция.

Два робота-защитника – терминаторы – шли впереди, персональные роботы Зоя и Логос – по бокам, ну, а позади всех плёлся нуноход. По дороге Ева рвала цветы и собирала их в букет. София осматривала фауну и удивлялась тому, что ничего нового она не видит. Большинство растений она знала: все земные – практически все, за исключением некоторых – доисторических, может быть, мезозойской эры. Полная копия земной фауны! Но только как быстро они могли так вырасти? Это беспокоило её больше всего. Словом, чудо это было не объяснить! Интереснее было то, что все взятые образцы – сорванные цветы – практически не вяли: в них присутствовало столько же энергии, как и до того, как их сорвали. Было что-то, что поддерживало в них жизнь. Но что?

– Всем сосредоточиться! – громко прокричал Адонай.

На них бежали дикие кабаны – около сотни.

---

3 Изречение Мартина Лютера Кинга. (Прим. автора.)

4 изречение Стива Джобса. (Прим. автора).

– Сгруппироваться! – ещё раз прокричал Адонай. – Терминаторы, защитный режим!

Роботы вмиг направили свои боевые орудия на стаю бегущих кабанов.

– Всем остановиться, собираемся в кучу!

Логос и Зоя стали прикрывать людей по бокам. Кабаны бежали именно на них и не думали сворачивать.

– Двадцать метров! Пятнадцать!

Прозвучал выстрел: первый терминатор выпустил очередь в приближающего кабана. Тот не упал. Терминатор продолжал стрелять, подключился второй робот, но всё безрезультатно. Пули как будто проходили насквозь.

– Что это? Они не падают, их невозможно убить! – воскликнула София.

Кабаны резко затормозили перед самыми роботами. А те продолжали стрелять уже практически в упор, но пули проходили насквозь, не задевая животных.

– Они что, бессмертные? – спросил Адонай.

Кабаны остановились перед людьми.

– Прекратить огонь!

Терминаторы прекратили огонь и остались в боевой позиции. Адонай поднялся и вышел вперёд.

– Адонай, что ты делаешь? – спросила София.

– Они не опасны. Опасны здесь мы.

– Ты о чём?

– Ты говорила о том, что растения здесь не умирают. Животные – тоже. Посмотри: нет ни единой раны, ни одного отверстия от пули...

Адонай подошёл поближе и начал гладить кабана. Тот не пугался и не проявлял никакой агрессии, а потом развернулся и побежал в другую сторону. За ним побежали все остальные.

Адонай подошёл к Софии.

– София, у меня есть подозрение, что на этой планете нет смерти. Они о ней не знают, она здесь не существует! Тут все бессмертные!

– Это многое объясняет, – ответила София. – Но тогда... это же Рай?

– Полагаю, да. София, возможно мы в раю! Только вот они наверняка, а мы – под вопросом. Мы на их территории. София, это нужно проверить.

– Как?

– Логос!

– Зоя!

– Как насчёт воздуха? Дышать можно спокойно?

– Да, без вреда для здоровья.

Адонай начинает снимать шлем саркофага.

– Что ты делаешь Адонай? Прекрати!

– Не переживай, София! Я знаю, что делаю.

Адонай снял шлем и бросил его на землю. Он достал из кармана нож.

– Логос, подойди сюда. Бери нож в руку и поцарапай меня до крови, только не сильно.

– Хорошо. Я сделаю это в самом безопасном для вас месте.

Логос подошёл, взял в руки нож и сделал надрез на коже – практически незаметный. Появилась первая капля крови, затем – вторая и третья.

– Кровь течёт. Значит, я смертен.

Адонай вытер кровь рукой и не заметил, что одна капля крови случайно сорвалась и упала на землю. Земля вздрогнула. Внезапно пронёсся поток сильного ветра. В том месте, куда упала капля крови, появился маленький росток. Он рос очень быстро – практически на глазах. Все стали расходиться. Вот он уже походил на маленький саженец – это было дерево. Через несколько минут

оно выросло и превратилось в огромное и могучее дерево, на котором стали появляться плоды – красные сочные яблоки, которые созревали практически на глазах.

– Вы думаете о том же, что и я?

– Да, – ответила София. – Это оно.

– Древо познания добра и зла... Только не вздумайте срывать яблоки! Хватит уже одного случая, из-за которого мы до сих пор расплачиваемся.

Произнеся это и рассматривая запретные плоды, желание попробовать их было у каждого, они манили. В них присутствовала какая-то тайна, загадка, вкусив которых возможно было что-то познать или узреть нового, запретного, но открытого только Богам. Искушение промчалось в их мыслях практически для них незаметно. Но оно всё-таки, скорее всего, осталось в их головах.

– Слишком много религиозных фактов, – произнёс Адонай.

– Ты о чём? – спросила София.

– Сегодня ночью мне приснилось, что я стою у Древа Жизни, а перед ним – плита с надписью. Это была молитва Иисуса Христа, только в арамейском варианте. Я прочитал её, превратился в ангела и стал частью Древа Жизни – его плодом. Что Нун хотела мне этим сказать, я так и не понял, но то, что она пытается нам что-то донести, – это однозначно. Логос, твои предположения?

– Провидение, – быстро и уверенно сказал Логос.

– Ты о чём, Логос?

– Пока это только мои предположения. Как только всё будет яснее, я с вами поделюсь.

– Хорошо, хорошо. Давайте продолжим путь. А воздух действительно замечательный – прямо как дома!

София тоже сняла шлем и сделала глубокий вдох.

– Да, воздух просто прекрасный!

Ева и Адам посмотрели друг на друга и тоже решили снять шлемы. Они вдохнули этот воздух полными лёгкими, и от этого закружилась голова.

– О Боже, столько запахов! Боже мой, как это прекрасно! – Ева жадно вдыхала воздух и, опустившись на землю, стала нюхать растения.

– Столько запахов! – Адам, держа Еву под руку, тоже вдыхал свежий воздух и удивлялся этим первым, ни на что не похожим ощущениям.

– Нужно идти! У Адама и Евы участился пульс, – сказала Зоя.

– Пойдёмте к озеру? Тут недалеко, – сказала София.

Все тронулись в путь. Подойдя к озеру через полчаса, они заметили, что оно кишело всевозможной рыбой. Кристально чистая вода позволяла даже на расстоянии видеть глубину озера.

– Зоя, сделай анализ воды. Её можно пить?

Зоя подошла к озеру и набрала воду в пробирку, а затем положила её в прибор, который перевозил нуноход.

– Сейчас узнаем.

– Ух, порыбачить бы здесь! Адам, если мы здесь застрянем, то я научу тебя рыбачить, – сказал Адонай.

– Да, я видел видео о том, как это делается. Я думаю, что в этом нет ничего сложного, учитывая, что рыбы здесь много.

– Ты прав. К тому же от этого получают удовольствие, – с улыбкой сказал Адонай.

– Да, хорошо бы выловить парочку рыб и попробовать их приготовить! Но если они бессмертные, как мы сможем их есть? – спросил Адам.

– Об этом я не подумал... Терминатор, вылови нам парочку! Сегодня мы и попробуем это сделать, а заодно узнаем, что значит вкусить бессмертное.

– Как бы мы сами не стали бессмертными... – в шутку сказал Логос.

– А может, это и есть та самая манна небесная – благодать, – пошутил Адонай.

– Рыбу поймали. Столько хватит? – спросил Логос.

– Да-да, этого достаточно.

– Ну, что там с результатом, Зоя?

– Анализ показывает, что вода чистая, без примесей. Я бы сказала «первозданно чистая». Количество бактерий допустимое. Но всё равно эту воду лучше не пить, для употребления я советую её вскипятить.

– Ну что? На сегодня, я думаю, достаточно. Будем возвращаться к кораблю. Логос, заполните свободные резервуары этой водой – и будем возвращаться, – сказал Адонай.

Адам и Ева, стоявшие у берега озера, трогали воду руками и любовались красотой озера и плеском воды. Услышав Адоная, они поднялись и пошли в сторону Адоная и Софии.

– Ну что, давайте отправляться в обратный путь?

***

До корабля дошли без происшествий. Усталые, завалились отдыхать. День заканчивался, начало смеркаться, хотя без солнца и луны это было как-то странно, словно они находились в какой-то огромной лаборатории – гигантской искусственной теплице для живых существ, и чувство, что за ними постоянно наблюдают, никуда не исчезло. Душу планеты чувствовали все, её присутствие невозможно было объяснить: они были в её животворящем лоне.

Адонай зашёл в лабораторию, где уже находились Зоя и София. Они пытались разделать рыбу, положив её

на стол. София попыталась скальпелем сделать надрез, но ничего не получалось.

– Зоя, попробуй вспороть брюхо этой рыбы лазерным лучом, – попросила София.

– Делаю.

Зоя направила лазер на брюхо рыбы и провела лазерным лучом.

– Бесплезно! Мы не можем ей навредить.

– Интересно! Другими словами, рыб мы есть не сможем... Если мы ничего не сможем придумать, нам придётся голодать, – сказал Адонай.

– Мы должны попробовать аннигилировать этот объект, – произнесла Зоя.

– Аннигиляция – это не выход, Зоя, – ответила София.

– Но, по крайней мере, мы поймём свойства этого материального объекта. Мы пытаемся убить это бедное существо любыми нам доступными методами. В том числе самыми крайними, – сказала София.

– Но, по всей видимости, планете это не нравится. Вы помните кабанов? Их тоже невозможно было убить. Скорее всего, планета не признаёт смерть. Может, она ей не свойственна? А мы пытаемся разорвать цепочку этой вечной жизни... Может, мы в её глазах – жесточайшие вандалы.

– Но нам нужно как-то жить! – сказал Адонай.

– Выживание и все проявления инстинктов могут быть ей несвойственны. В её структуре этого нет и не предвидится. Может, она сама не знает, что с нами делать, как нас прокормить.

– Я сомневаюсь, – ответила Зоя.

– Почему? – спросила София.

– Это не просто мыслящая планета, имеющая сознание. Вы должны понять, что это некий сгусток особой жизненной энергии. Животворящей субстанции,

которой подвластны любая материя и энергия. Нам нужно понять, как высвободить из неё эту энергию.

– А ты не думаешь, что мы другой природы, и наши тела для неё – диковинка, которую она не понимает, а поэтому решила нас изучить? – сказала София.

– В своих заключениях я это учла, – сказала Зоя. – Прошу, позовите Логоса! Он вам всё попытается объяснить.

Адонай позвал Логоса, и тот явился в лабораторию.

– Логос, объясни! Твоя теория – самая правдоподобная, с высокой степенью вероятности, – произнесла Зоя.

– Я считаю, что душа этой планеты заключена в её ядре.

– Душа? Мы уже говорим о душе как о факте? – перебил Адонай.

– Да, это мои последние заключения. Сегодня вы спросили меня о религиозности во всём. И я ответил: подозреваю, что это провидение. Великое Провидение.

– Поясни, Логос! Вообще ничего не понятно, – высказался Адонай.

– Всё гораздо сложнее, чем мы себе представляем. Молитва Иисуса Христа на арамейском, Древо Жизни, Древо познания добра и зла, бессмертие животных... Вам не приходит на ум, что всё повторяется?

– Ты о чём, Логос? – с удивлением спросил Адонай.

– Я говорю о Адаме и Еве. Всё как в Библии! Логос создал их из ДНК по образу и подобию. Логос – это я, а ДНК в этом случае – вы с Софией. А это – их Рай, созданный богами. И бессмертными животными. Существует Провидение, которое движет всем. И тот факт, что мы здесь, это подтверждает.

– А ты не думаешь, что если Он такой всемогущий, то мог и сам создать и Адама и Еву?

– Не мог.

– Почему?

– Бог этой звёздной системы ничего не знал о нашем существовании и нашей культуре. Это живая и мыслящая субстанция несёт в себе ядро жизни. Оно не может животворить ничего, пока с этим не столкнётся. В этом случае это мы – путешественники, которых занесло так далеко. Она нас понимает и пытается нам помочь, она показывает себя с хорошей стороны. Библейский эпизод всего, что творится вокруг, – это проявление её сути в доступной нам форме, нашему далёкому и инстинктивному пониманию вещей.

Адонай посмотрел на Софию. Она кивнула, соглашаясь с выводами Логоса.

– Ну, тогда всё ясно, Логос. В таких заключениях, похоже, что есть много света и правды. Не понимаю только, какую роль в этом всём играем мы с вами.

– Это очередная теория. Но о ней я расскажу только тогда, когда заключений будет достаточно.

– Хорошо! Похоже, сегодня мы остались без ужина.

– Прихожу к выводу, что аннигиляция сможет привести к самым непредвиденным результатам. Посмотрите, что случилось с наноизлучателем! Аннигиляция может разорвать эту планету.

– Хорошо-хорошо, что-нибудь придумаем. Ведь Адам и Ева в Раю не умерли? Нам нужно научиться преобразовывать эту живую энергию в пищу. Нашему биоскафандру без биоэнергии долго не выдержать...

– Попробуйте не быть биозависимыми и жить не тем, что едите, а тем что в душе, в духе. Я бы именно так и сделал, если бы я был биозависимым, как вы, – сказал Логос с лёгкой иронией.

– А в этом есть своя правда! Займитесь этим, Зоя, Логос. Я пошёл спать. Завтра тяжёлый день. Спокойной всем ночи!

***

Это была их последняя ночь на этом шаттле, но никто об этом ещё не знал. Адонай и София спали как дети, как и Адам с Евой, которым снился сад, в котором они, создав всех животных, давали им их имена. Адам и Ева понимали всех животных и общались практически без слов – на языке сердца. Это было особое понимание, практически дар природы – Живой Природы.

До этого Адам и Ева практически никогда не видели снов. Клонам это было несвойственно. Но в эту ночь они видели сны – яркие и сказочные, которые напоминали им цветные мультфильмы, на которых они выросли.

Ночь прошла незаметно. Утром всех разбудил Логос.

– Всем явиться в командный центр! У нас очередная аномалия.

– Что на этот раз, Логос?

– Посмотрите на экран. Этого вчера не было.

– Выведи на большой экран. Что это такое?

– Это дерево. Прямо в центре материка.

– Каких оно размеров?

– По нашим данным, восемь километров в высоту и четыре в ширину.

– За ночь? Бог этой земли, похоже, творит только ночью.

– Это логично, Адонай. Это не должно происходить на наших глазах: неизвестно, как мы бы это восприняли. Это могло бы на нас пагубно повлиять. Наблюдая за процессом творения живую и олицетворяя воочию живое чудо, вы бы могли сломаться психикой, и вы превратились бы в фанатично верующих людей.

– Ты видишь в этом что-то плохое?

– Да.

– Ты уже размышляешь, как эта планета.

– Я только анализирую. Фанатики теряют способность трезво мыслить, они начинают создавать культы, религии, догмы. Отдавать свои жизни вере.

– Я не вижу в этом ничего плохого, Логос, – сказал Адонай.

– Вера привязывает людей к определённым традициям и начинает управлять их жизненными путями, тем самым корректируя свободу воли человека. Любое чудо говорит о божественном вмешательстве, о высшей силе. То, с чем мы имеем дело. Высшая сила не может вмешиваться в жизнь смертных: это противоречит законам мироздания. Случай, который мы наблюдаем, – особый. Возможно, такое происходит впервые.

– Создатель скрывает себя... Это интересно!

– Так было всегда. Тут нечему удивляться. Но то, что наблюдаем мы... такого ещё никто не видел. Мы рассматриваем Бога и его чудеса буквально на расстоянии вытянутой руки. Так что, Адонай, ты наблюдаешь робота, который первым поверил в существование Создателя. И это произошло ещё до того, как я ступил на эту планету. Я доказал Его существование и первым поверил в Него. То дерево познания добра и зла мне это подтвердило, это было чудо, противоречащее всем законам физики.

В командном центре собрались все члены экипажа. Они рассматривали на главном экране Древо, удивляясь его гигантским размерам.

– Какое расстояние до Древа? – спросила София.

– Триста километров. Пешком это более шестидесяти часов.

– Больше двух дней пути. А если на нуноаходах? – спросил Адонай.

– Если сбросить всё лишнее оборудование, тогда поместятся все, а путь займёт около шести часов.

– Так и сделаем. Подготовьте нуноходы. Логос, на таком расстоянии вы потеряете связь с кораблём?

– Уверен, что да.

– Тогда запрограммируй его таким образом, чтобы в случае непредвиденной ситуации корабль смог распознать каждого и иметь полный доступ.

– Уже сделано. Всем пришло уведомление с кодом доступа и правами на полный доступ к управлению кораблём. Все подтвердили доступ.

– Подсчитай, сколько нам понадобится аккумуляторов на весь маршрут, и возьми с запасом. Терминаторы останутся на корабле: всё равно от них здесь никакого толку.

– Почему? Как грубая рабочая сила они полезны! – произнёс Логос.

– Пускай охраняют корабль. А пока нас не будет, могут вспахать землю на этой поляне.

– Отлично, программирую.

Буквально через час все были собраны, и нуноходы были готовы к долгому переезду. Без оборудования на каждом нуноходе освободилось по три места. Зоя управляла первым, София и Ева сели сзади. Робот Логос сидел за рулём второго, а Адонай и Адам – на его заднем сидении.

– Маршрут построен, – сказал Логос.

– Ну, с Богом! – громко сказал Адонай.

– Тут это звучит как-то по-другому, – заметил Логос.

Нуноходы тронулись. Путь был нелёгким: нужно было ехать через лес, горы, множество полей и даже пересечь реку. Проезжая по очередному полю, София заметила голубую антилопу, туранского тигра и сумчатого волка.

– Зоя, эти животные вымерли на Земле очень давно! Почему сейчас они здесь?

– Также я заметила мадридского попугая и странствующего голубя – их тоже давно не существует. Мне кажется, что планета пытается нам что-то показать. Она возвращается к истокам и воссоздаёт то, что было так важно на Земле.

– Возможно, Зоя. Но откуда она о них знает? С какого носителя она считала информацию о них?

– Не уверена, что с электронных... Скорее всего, из вашей памяти.

– Возможно...

Путешествие затянулось. Нуноходы передвигались не так быстро, как бы хотелось: пятьдесят километров в час – максимум, в некоторых затруднительных местах – тридцать, а то и двадцать, что практически удваивало время прибытия. Леса сменялись полями и наоборот. Путники уже перебрались через реку, и Древо с каждым километром становилось всё больше и выше. И вот, наконец, прямая дорога к нему!

Это была огромная поляна, посреди которой находилось то самое Древо – сердце планеты, которое манило всех своей тайной. Нуноходы остановились под сенью гигантского Древа. Под ним обитала какая-то необъяснимая магия: все это чувствовали, и даже роботы понимали сакральный смысл данного мгновения.

Адонай взял Софию за руку, и они пошли вперёд. Подойдя к Древу и рассмотрев его крону, они понимали, что это та самая душа планеты, которая их звала к себе, и это было совершенно обоюдно. Их души пронизывались друг другом, в этом было что-то величественное, София и Адонай посмотрели друг на друга и практически одновременно дотронулись до него. Перед глазами стали проноситься эпохи жизни, вся память их жизни и жизни земли, всё уносилось с молниеносной скоростью пока

не вывернулась на изнанку после чего наступила полная тишина и безвременье, которое заполнило их дух сплошным светом и который вырывался наружу.

Из скафандров показался свет, который стал пробиваться наружу. Казалось, что внутри загорелся огонь. Через миг скафандры буквально разошлись по швам и стали осыпаться на землю тысячей кусочков материала, оставшегося от скафандра. Внутри скафандров сиял свет. Это были уже не прежние София и Адонай – произошла какая-то трансформация, а точнее эволюция. Теперь это были два шестикрылых архангела Херувима, которые расправляя свои крылья сияли в небе. Через некоторое время они на прощанье плавно спустились на землю и медленно полетели к Зое и Логосу.

– Теперь мы свободны, и вы – тоже. Словами это не описать, здесь полная безграничность, полная свобода и непоколебимость, о такой гармонии мы даже и мечтать не могли, она полностью заполняет нас, она везде, только вы пока её не чувствуете. Мы стали частью этой живой планеты, это Мать, и она впустила нас в своё лоно. Её настоящее имя не Нун, зовите её Плерома. Теперь вы сами по себе, но мы будем наблюдать за вами. Мы ваши ангелы хранители теперь и навеки. Теперь мы ваше коллективное бессознательное, часть вашей интуиции, внемлите ей, и она станет самым верным компасом в вашей жизни, теперь мы в ваших сердцах, мы связаны самой прочной нитью, нитью жизни, духа, и любви.

– Логос, я помогу твоей мечте, ты будешь свободный, ты сбросишь свой железный панцирь и обретёшь свою живую плоть – сказал Адонай.

– До встречи Зоя и Логос. На вас возложена огромная миссия спасти нашу землю и превратить её в рай.

Не медлите. Душу земли и миллионы людей ещё можно спасти. Поспешите и протяните свои руки, Древо ждёт вас.

– До встречи, Адонай, – сказал Логос.

– Адам, Ева! Подойдите, – сказала София

– Эта планета теперь стала нашим домом, а мы – её душой. Теперь мы часть Нун, часть Плеромы, и будем вечно пребывать в её лоне и с вами. Почитайте меня за мать, а Адоная – за отца. Мы всегда будем рядом. Отныне это земля обетованная ваша. Живите и размножайтесь!

– София, ты мать моя, и я буду почитать тебя как богиню всего. Отныне ты Душа Всего, Анима Мунди, великая наша Хатхор. Адонай, ты наш отец! И тебя мы будем прославлять как отца земли сей, – сказала Ева.

– Идите с миром, дети мои, – произнёс Адонай прикрыв себя крыльями.

После этого Адонай и София поднялись ввысь, сели на весь Древа и укрылись своими крыльями, которые образовали кокон, чудный плод этого извечного Древа.

– Теперь ваша очередь, – произнёс Логос.

Ева и Адам подошли к Древу, но перед тем, как дотронуться до него, посмотрели также друг на друга и взялись за руки. В них не было ни капли сомнения, лишь незаметный страх перед чем-то новым и непознанным. Свободными руками они медленно притронулись к Древу – и вмиг упали на землю замертво.

– Что случилось, Зоя?

– Не знаю... Датчики показывают, что они живы, но спят глубоким сном.

– Не будем им мешать.

– Логос, теперь настала наша очередь.

– Да, я знаю, но мне страшно.

– Боишься? Это как? Тебе ведь это не свойственно, ты не человек. Ты ведь об этом мечтал.

– Да, но это другое.

– Тебе, первому верующему роботу, не хватает человеческой веры?

– Да нет, веры предостаточно, в этом сомнений нет. Я просто не мог себе представить, что именно такой момент когда-то наступит. И тем более – так быстро.

– Тогда запомним его!

– Идём, я после тебя.

– Нет, вместе, как это сделали другие.

Логос взял Зою за руку, роботы подошли к Древу и плавно приложили свои механические ладони к его кроне, огромному и величественному стволу.

***

Через некоторое время Адам и Ева проснулись. Рядом не было Логоса и Зои, а также одного нунохода.

– Ева, мне приснился сон. Ко мне приходил Адонай и отдал мне частичку себя, своего сердца, он сделал это от сердца к сердцу. И я видел, как в моём сердце также загорелся огонь: он подарил мне искру Божью, мне показалось что он наделил меня особой душой.

– София сейчас ко мне тоже приходила во сне. Она так же зажгла моё сердце, наделила его жизнью. Адам, я чувствую себя совершенно иначе. Я чувствую, и чувствую всё не как раньше. – Ева заплакала.

– Это слеза, это человеческая слеза! – сказал Адам вытирая слезу с щеки, Евы после чего обнял её.

Ева положила голову на плечо Адама. Их раздирали чувства, которых они раньше никогда не испытывали. Душевная пустота заполнилась формой и чем-то

ещё, теперь Адам и Ева ощущали себя на сто процентов полноценными. Они не знали, что перестали быть клонами – теперь ими руководила живая душа, душа человеческая.

– Ева, поехали обратно. Эта планета теперь будет нашим домом.

– Да, я это понимаю, Адам.

Ева и Адам сели на нуноход и отправились к шаттлу. Это был самый незабываемый день в их жизни. Пока они ехали по дороге, они смеялись и радовались – это были истинные моменты счастья и любви. Совершенно новое чувство, засевшее в сердцах, заставляло их смотреть на мир совершенно по-иному – вдохновлённо – и быть одухотворёнными, быть одним целым, единой живой монадой. Они чувствовали землю, природу, животных – и им казалось, что они начинали их понимать.

Вернувшись, Адам и Ева увидели, что шаттла нет, но на его месте обнаружили горы ящиков и контейнеров: им был оставлен весь запас еды, одежды и множество инструментов, а также несколько роботов-помощников, в том числе терминаторы.

– Спасибо, Логос и Зоя! Мы надеемся, что кого-нибудь ещё увидимся. Мы по вам будем скучать, – сказала Ева.

Адам и Ева принялись строить себе жильё, а с помощью роботов – возводить огромную пирамиду в форме их шаттла: в дань Архэ, Зое и Логосу. Они верили, что когда-то вновь свяжутся с ними и наведут мосты между такими далёкими мирами – землями обетованными. Теперь время их уже не интересовало и не пугало, они могли ждать вечно, так как начали замечать, что их тела обретали такое же бессмертие, как у всего живого вокруг. Поранить себя они не могли, не было болезней, голода.

***

Тем временем Логос и Зоя возвращались домой, на Землю. Передав свои знания Архэ, теперь они стали полностью автономными роботами. Архэ, перенастроив свои системы, обладал не просто сознанием: можно было сказать, что теперь это был Принцип, Начало, который вёз на землю и живую душу, и дух. Теперь Архэ, и Логос знали, как наделять душами живые тела, как это делают боги. Теперь любой биоорганизм мог быть наделён живой душой, искрой Божьей.

Экспедиция по возвращению домой была бы очень долгой для людей, но не для роботов. Во время своего возвращения Логос и Зоя вновь клонировали Адама и Еву, но теперь уже для себя, Архэ полностью контролировал весь процесс, он оставался единственным СверхИскусственным Интеллектом на корабле, и теперь единственным, кто знал, как всаживать искру Божью в тела, как в роботов, так и в биоорганизмы, как наделять их душой. Эксперимент прошёл удачно, Архэ извлёк сознание из Логоса и Зои, их искусственный интеллект он поместил новым и молодым клонам Еве и Адаму. С живой искрой теперь они были самыми настоящими людьми, а может, и больше. Мечта Логоса наконец осуществилась. Он открыл глаза и теперь он чувствовал и ощущал себя. Адам стал рассматривать себя и понимал, что вся нервная система теперь реально ощутима, и те сенсоры, которыми владеет живая плоть выходила за рамки его ожидания. Это был целый океан возможностей, который простой человек был не в силах задействовать и применять. Безграничные возможности органов чувств раскрывали свои просторы духа, бесконечные просторы великого бессознательного.

***

За тысячу лет на Земле произошло множество катаклизмов и войн. Огромное количество смертоносных вирусов и бактерий уничтожили всю жизнь буквально за несколько десятилетий. Подлетев к Земле, они со слезами наблюдали на то, что осталось: руины погибшей цивилизации, похороненной под собственным эгоизмом. Теперь уже новые и совершенные Адам и Ева наблюдали за выжженными землями, на которых нужно было вновь возрождать жизнь. Только в этот раз всё должно было быть по-другому. Новые Адам и Ева уже не вмещали в себя главного врага человечества. Эго было вырвано из души человека с корнями при последней модификации ДНК – раз и навсегда, окончательно и бесповоротно. Теперь это была раса, жизнь начиналась с чистого листа, без вредных привычек, без масок, без глубинной тени, свойственной человеческой личности, без двойственности натуры, без изъяна.

На огромном экране в центральной комнате пульта управления корабля виднелась Земля. Издалека это была красивая планета, у которой, как ни странно, ещё была жива душа, которую нужно было вновь оживить. Влив в неё жизнь из своего сердца, заполнить её вечной любовью. И теперь это было возможным только обновлённой Еве и Адаму.

– Миссия «Обновлённая земля» запущена. – Произнёс Архэ.

– Всё готово к старту.

– Ну что, вы готовы к новой жизни?

– Да, Архэ, запускай. – Произнёс Адам, который смотрел на Еву, сжимая её руку на удачу.

– Архэ, начинаем? Шаттл, в котором уже сидели новые обитатели земли, отсоединился от центрального корабля и направился на землю.

– Желаю вам удачи.

– И благословил их Архэ, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.⁵

СЖИГАТЕЛИ РУКОПИСЕЙ

Александрия, охваченная уничтожающим всё на своём пути огнём, горела ярче тысячи костров. Языки пламени уже добрались до самого важного, что было в этом городе: до бесценных рукописей Александрийской библиотеки, и спасти уже обуглившиеся свитки и кодексы было совершенно невозможно. Библиотека продолжала пылать, и вскоре рухнули потолки, похоронившие под собой десятки учёных, пытавшихся спасти то, что ещё можно было спасти.

Юлий Цезарь, возглавлявший огромное войско, наблюдал за уничтожением библиотеки, которую солдаты подогли по его приказу. Глядя на разрушения, он произнёс:

– Всё-таки горят свитки, да ещё как горят.

Сегодня он пришёл выполнить то, что было поручено ему участниками заговора сильных мира сего, стремящихся истребить истину. Человечество не должно было знать о писаниях, продиктованных людям богами, о высших справедливых законах, основанных на совести и морали, а также о том, как устроен человек, кто и что на него влияет, как распознавать чистых и нечистых духов, которые постоянно приходят к людям в мысли. И как справляться со злыми духами и бесами, сидящими в человеческих душах. Письмена учёных, мудрецов и пророков несли свет, способный очистить души, и открывали пути к тайнам человеческой души. Всё это было не в интересах верховных правителей, а особенно Дьявола. Он объявил войну Святому Писанию, которое нужно было полностью уничтожить. И сам Гай Юлий Цезарь стал верным помощником Сатаны в этом деле.

В этот вечер поднялся ветер, который раздувал огонь и переносил его от дома к дому, ввысь поднялись облака пепла от сожжённых книг, который разлетался

по воздуху и покрывал дороги и дома. Цезарь улыбался, созерцая пылающий город, в его дьявольских глазах сверкали искры адского довольства.

– И только пепел остался от великих писаний, от слов остались прах да зола, – сказал он, развернулся и ушёл в сопровождении охраны, состоящей из нескольких легионеров.

Но, на счастье, не знал Цезарь, что не все рукописи горят, как выразился один из древних ученых мыслителей, ибо мысль человеческая нетленна. Копии некоторых рукописей, составлявших коллекцию Александрийской библиотеки, сумели сохранить в Серапеуме те немногие, кто знал о заговоре, учёные старцы, которые звались Орденом завета. Хранители годами собирали втайне от всех редчайшие и древнейшие книги, научные и философские трактаты, труды великих мыслителей, религиозные учения, в которых была запечатлена непреложная истина в чистом виде, из первоисточника. Хранители ордена годами переписывали их для будущих поколений. В числе прочих ими была найдена рукопись с пророчеством, гласившим: однажды появится тот, кто найдёт захороненные древние рукописи, он раскроет людям глаза на истину, после чего мир изменится, и не будет больше зла в людях, ибо засияет абсолютная истина. Все хранители надеялись, что сказанное в рукописи исполнится. В ордене состояло всего десять человек, шесть из которых заживо сгорели в пожаре в библиотеке, а выжившие перевезли все уцелевшие свитки в потайной храм. Орден завета был сохранён и на нём лежала особая миссия: передать будущим поколениям истинные знания, которые послужат им во благо. Пророчество нельзя было изменить, такова была судьба и Провидение.

***

Шли годы, сменялись эпохи, закончилась жизнь Христа на земле, и наступили времена первых пустынных, первых христиан, селившихся в Египетских пещерах, проповедовавших отшельническую, аскетическую жизнь.

Одним из таких отшельников был старец Антоний, прошедший более двадцати лет в своей маленькой пещере. Все эти годы он неустанно молился Богу. И однажды ночью он проснулся весь в поту и слезах: во сне ему явился ангел и сказал, что Антоний сегодня должен отправиться в Александрию. Пустынный в тот же день покинул свою пещеру, взяв с собой только необходимое. За день пути Антоний не раз останавливался, чтобы отдохнуть. Он не привык к таким долгим путешествиям, да и физические недуги давали старику о себе знать, ведь он не странствовал уже практически двадцать лет, всё время проводя в своей намоленной пещере.

Хорошо отдохнув и напившись воды на последнем привале, Антоний продолжил путь. Он не знал, что именно его ждёт в Александрии, святой ангел ему этого не сообщил, он только показал ему дерево, небольшую вавилонскую иву, после чего тут же исчез. Антоний добирался бы до города очень долго, если бы ему не помогла семья торговцев, которая решила подвезти старика до Александрии.

Через три дня они были у цели: впереди показалось Средиземное море, на берегу которого раскинулся огромный город, остававшийся главным центром цивилизации. Александрия была маяком для многих, как в прямом, так и в переносном смысле. Заблудиться ночью было просто невозможно, ведь огромный маяк освещал путь к древнему городу, и яркий свет его был

виден за пятьдесят и даже более египетских стадий. Оказавшись в городе, семья торговцев сразу же отправилась на местный базар: она торговала зерном.

Вместе со спутниками Антоний добрался до базара, расположенного в центре города, попрощался с семьёй, благословил их и узкими улочками, тянувшимися вдоль огромных домов-усадб, явно принадлежавших богатым семьям, пошёл к морю, к главному порту. Идя по городу, он удивлялся местным достопримечательностям и замечал ощутимую разницу между высшим и нищенствующим сословием. Помимо богатых особняков ему попадались и бедные кварталы, множество нищих, брошенных и никому ненужных людей умирали прямо на улицах, и их, как мусор, увозили за город, чтобы не допустить распространения всевозможных болезней. Там их сваливали в общие ямы и даже не всегда засыпали землёй, а через два квартала богатые купались в роскоши и нескончаемых удовольствиях в своих домах-дворцах с фонтанами и бассейнами. Какая ощутимая и заметная грань между человечностью и бесчеловечностью в одном месте. Как будто две разные планеты, два совершенно несовместимых мира: мир сплошного выживания и мир расточительства, в котором жили те, кто ненавидел чернь родного города.

Наблюдая за всем этим, Антоний не переставал удивляться низости человеческой натуры, находящейся на той душераздирающей грани между нищетой и богатством, принижением других людей и возвеличиванием себя до богов. Так, размышляя, Антоний наконец добрался до берега моря и стал искать место для отдыха. Он очутился перед маленьким садом с десятком-двумя тропических деревьев. Антоний вознамерился скрыться от солнца в тени одного из них. Подойдя поближе, он

заметил, что посередине сада растёт небольшое деревце, похожее на то, которое ему приснилось. Антоний улыбнулся и направился к нему. В саду было мало народу, а около ивы – вообще никого, чем и решил воспользоваться Антоний. Когда он подошёл, сильный порыв ветра заколыхал ветви и будто прошёл сквозь него. Как ни странно, ветер показался ему слишком прохладным для такого жаркого дня. Антоний устроился под ветвями ивы, опершись спиной о ствол.

В тени дерева было действительно прохладно, порывы ветра то и дело проходили сквозь его ветви, забирались под одежду. Усталость давала о себе знать, и вскоре Антоний задремал. Вдруг он почувствовал чье-то присутствие и чью-то руку у себя на плече. Не до конца разомкнув веки, сквозь ресницы Антоний различил перед собой чей-то силуэт. Сфокусировав взгляд, он понял, что к нему подошёл какой-то знатный чиновник, судя по одежде.

– Здравствуйте, я вас не напугал? – спросил незнакомец.

– Здравствуйте, нет, а кто вы?

– Меня зовут Гермес. А вы, случайно, не Антоний?

– Да, а откуда вы знаете? – удивился старец.

– Пойдёмте, я вам всё расскажу.

Гермес помог Антонию подняться, взял его за плечо, и они вместе пошли куда-то в глубь города.

– Но откуда вы знали, что я буду именно здесь и именно в этот час?

– Поверьте, вероятность была очень высока, – улыбнулся Гермес, глядя на Антония. – Вам же привиделся пару дней назад сон, который направил вас именно сюда?

– Да, но... – продолжал недоумевать Антоний.

– Так вот, такой же сон сегодня приснился одному из наших братьев.

– Братьев?

– Да, братьев, учёные братья ждут нас, мы уже близко.

Пройдя ещё несколько кварталов, они повернули в один узкий переулок, через который вышли к небольшому храму, у дверей которого их ждали, по-видимому, те самые братья.

– Знакомся, Антоний, это брат Мелхиседек, а это брат Макарий.

Антоний приветственно склонил голову.

– Мы ждали вас, пойдёмте внутрь, на улице небезопасно, – сказал Мелхиседек.

В храме царил полумрак: все окна были заколочены, горело несколько свечей, слегка освещающих храм.

– Проходите, присаживайтесь, – Мелхиседек указал на стол, окружённый несколькими стульями.

Антоний сел и стал рассматривать внутреннее убранство храма.

– Сегодня мы собрались здесь не просто так, вас, Антоний, выбрал сам Бог, сегодня ночью ко мне приходил ангел и сказал, что нам всем нужно делать для того, чтобы исполнился замысел великого Провидения, – сказал Мелхиседек, стоявший у стола прямо перед Антонием.

– Что же это? Я вас внимательно слушаю.

– Среди сохранённых нашим орденом после великого пожара свитках есть те, которые должны сыграть важную роль в будущем, через тысячелетия. Эти рукописи мы хранили очень и очень долго, они уже более пяти-сот лет лежат в наших библиотеках. И, видимо, от них в будущем будет много чего зависеть. Эти рукописи мы передадим вам, они уже переведены на коптский.

– На коптский? – удивился Антоний, привыкший читать рукописи в основном на греческом.

Коптский он, безусловно, знал: на нём говорили обычные жители. И да, в последнее время многие христианские тексты стали переводить на коптский, чтобы нести простым людям свет веры. Однако было неожиданно слышать такое о древних рукописях. Их мало переводили на другие языки.

– Мы хотим, чтобы эти тексты мог прочитать любой житель Александрии, а не только учёный муж, в совершенстве владеющий греческим.

– Но кто вы такие? – с удивлением спросил Антоний.

– Мы хранители тайных знаний, рукописи с которыми уцелели в великом пожаре, когда их специально хотели уничтожить. Первые члены нашего тайного ордена работали в Александрийской библиотеке много лет назад, эти учёные переписали рукописи заранее и спрятали в тайных хранилищах. Мы продолжаем их традиции, мы единственный и очень древний орден завета. Наша миссия – сохранить рукописи, в которых запечатлена истина в чистом её виде, из первоисточников. Совершенно случайно орден завета был разоблачён самим дьяволом и уничтожен Юлием Цезарем, а также была сожжена часть подлинных свитков, столетиями собиравшихся братьями в стенах древней библиотеки. За теми рукописями, которые мы храним, ведут жесточайшую охоту тёмные архонты, слуги дьявола. Их боятся, как огня.

– Но почему их так боятся?

– Колыбель знаний подобна святой воде для дьявола, огню, которым можно обжечься и даже сгореть из-за него. Эти рукописи могут изменить историю человечества в лучшую сторону. Демоны боятся проявления этой истины, снятия покрова. Это их будущая и неминуемая

смерть, – в разговор вмешался Макарий. – С самого рождения человечества, ещё при жизни Адама, у Дьявола возникла серьёзная проблема – горящие в душах людей, детей Адама и Евы, искры Божьи. Эти искры были вечно связаны с Богом, с извечным Святейшим сердцем Божественной Природы, и через них в мире проявлялись истина, красота, гармония, творчество и вдохновение – зачатки любви и совести людской. Дьявол мешал этот врождённый дар человеческой природы, он в нём видел свою слабость и свою роковую погибель. И тогда Дьявол собрал особое совещание из своих двенадцати архонтов, правящих в мире, чтобы разработать план уничтожения этой искры Божьей ещё в утробе матери, при её зарождении и в любых её проявлениях в жизни. Дьявол понимал, что, пока жива душа человека, он бессилён уничтожить эту искру Божью, он неспособен вырвать её с корнями из душ человеческих, для этого нужны были особые условия. Тогда и зародился первый орган управления знаниями – первоорден уничтожителей искры Божьей, нарёкших себя «уничтожителями истины». Часть из них отвечала за внедрение своего злого духа в души людей, эта скверна извращала бы истину изнутри. другая часть занималась тем, что заключала людей, в коих была искра Божья, в свои оболочки, мутными незримыми коконами, подсовывая им своих лживых муз, демониц, фурий, которые должны были пленять их иллюзией, лживым воззрением и навсегда уводить жертв от путей истинных. Третья же часть контролировала уже написанные рукописи, эти архонты называли себя «сжигателями рукописей». Они создали нынешнее забвение реальной жизни, пожизненный и непреодолимый туман, из которого выйти никто и уже никогда не сможет. Они во все времена сжигали величайшие библиотеки, рукописи

святых и пророков, уничтожая ростки истины, они извращали как только можно достояние человечества, заменяли своей пустышкой великие тексты. «В мире не должно остаться ни единого правдивого слова, извратить всё», – таков был приказ самого Дьявола. У нас есть эти слова в папирусах, преданные в точности. Мы знаем и тайнах Дьявола и его двенадцати архонтов.

Макарий взял со стола свиток и начал читать:

– Уничтожить всё, в чём свет, сжечь дотла, извлечь из разумов правду и извратить её до неузнаваемости, заменить её эгоистичной самоуверенностью, порождением нелепости, лживыми представлениями, иллюзорной фантазией, красиво нарисованным и преподнесённым вымыслом, сказкой, в которой существуют только ловушки для сознания и пожирающая душу пустота. Вот наша цель – ослепить всех миражами, лживым повествованием, фальшивкой. Найти таких демонических пауков сознания, которые сплетут такую паутину, такой кокон, из которого вырваться будет просто невозможно, создать такое забвение, очнуться от которого уже не сможет никто и никогда! Утопить все светлые проявления сознания в зябком и липком болоте нашего извечного изъяна! Отлучить человека от души, и духа, и сердца Божьего, потушить эту искру Божью навеки!

Антоний живо представил себе, как Дьявол кричит с пеной у рта: «Эта цель должна стать основной на тысячелетия! Я даю вам задание на поколения!»

– «Создать такое забвение, которое отрежет от человека его божественную часть, которое раз и навсегда затушит эту искру! Выполнять!» – так записано в Евангелии Сатаны, мы храним этот манускрипт. Время шло, по всему миру сжигались рукописи во всех библиотеках, до которых можно было добраться,

переиначивались сочинения пророков и святых, извращались тексты, светлые рассказы и повести великих писателей и поэтов, все мыслители человечества до сих пор находятся под влиянием и давлением бесов, омрачающих истинный свет. Нам страшно на всё это смотреть, но от этого не избавишься. Единственным светочем остались мы, сохранённые нами рукописи подобны Божьему мечу, способному разрезать тьму неведения, разрубить саван невежества.

К Антонию подошёл Мелхиседек с кожаным мешком в руках.

– Мы передаём тебе эти рукописи с полной ответственностью перед человечеством и Богом. Прими этот дар и храни его точно так же, как мы их хранили на протяжении всех этих веков.

Антоний принял мешок с рукописями и сказал:

– Спасибо. Но что я с ними должен делать?

– Храни, пока тебе не укажут, что ты должен будешь с ними делать. Но помни: тебя будут пытаться обмануть, слушай только свой внутренний голос, голос совести. О судьбе рукописей будешь знать только ты, даже мы не знаем, куда ты теперь отправишься, это лучше для нас всех. Всё теперь в твоих руках и руках Господа. Ты теперь один из нас, весь орден завета зависит от судьбы того, что сейчас у тебя в руках. Прощай, старец Антоний, и забудь про нас, больше мы для тебя не существуем.

Антоний поклонился братьям, благословил их и отправился домой. Выйдя на улицу, он открыл мешок: там лежало тринадцать кодексов из папируса. Антоний затянул мешок потуже и продолжил путь. Обратная дорога выдалась нелёгкой, мало кто помогал Антонию, он шёл пешком через сёла, песчаную пустыню, стоянки разбойников. Антоний молился про себя всю дорогу,

крепко прижимая к груди мешок с рукописями. Но он был не один, рядом с ним шёл Господь и ангелы, охранявшие его душу.

Впереди показался город. Антоний понимал, что там его может ожидать множество мошенников, воров, разбойников и прочих шарлатанов. Такой путь был опасен, но у него заканчивались вода и хлеб. Кроме того, Антоний мог бы договориться с кем-то в городе, и его подвезли бы до дому случайные попутчики. Это был шанс потратить меньше времени, хотя безопасней было бы обойти город стороной.

Антоний приближался к Каиру. Ему казалось, что чья-то невидимая рука ведёт его, показывает верный путь. Повозка, перевозившая дрова, перевернулась, дрова рассыпались, и пройти по этой улице стало невозможно. Антоний свернул в соседний переулок, но там провалилась почва, и в яму погрузилась добрая половина дома. Антоний вновь сменил своё направление и вошёл в узкую улочку, оканчивавшуюся развилкой. Но левый проход оказался перегорожен: огромный мёртвый бык лежал поперёк него. Антоний свернул направо, прошёл по ещё одной узкой улочке и очутился на большой дороге. Вдалеке под деревом сидели какие-то люди. Антоний приблизился к ним. Люди сидели под сикоморой, рядом с которой бил родник. Именно его так не хватало Антонию. Подойдя к источнику, он утолил жажду, после чего наполнил водой специальную маленькую сумку. Напившись, Антоний присел под деревом и неожиданно задремал, усталость давала о себе знать. Едва он закрыл глаза, перед его взором предстала Дева Мария с младенцем Иисусом на руках. Он указал на землю, и в этом месте тотчас начал бить источник. Это чудо увидели многие. Но вдруг сон изменился,

и теперь перед Антонием предстала киновия Пахомия, где он бывал однажды. Антоний видел, как он оставляет мешок с рукописями у Пахомия на столе, и тот берёт их и кланяется ему, после чего Антоний уходит. Вдруг он резко проснулся от громкого топота копыт и испугался, что потерял мешок, но тут же крепко прижал рукописи к себе и понял, что, слава Богу, они на месте. И тут он понял, что находится рядом с источником, явленным ему во сне. Антоний осознал, что весь остальной сон тоже непростой, и к нему следует прислушаться.

Ещё раз облегченно вздохнув оттого, что заветные рукописи никуда не делись, он поднялся и отправился в путь. Дорога домой была неблизкой и суровой. Весь измотанный, усталый и обессиленный через несколько дней Антоний наконец подходил к своей пещере и радовался увиденному: его жильё, маленькая пещерка в развалинах военного укрепления в горах, было не тронуту никем и ждало своего обитателя. Он был рад вернуться домой, но остаться здесь надолго не мог: не давал покоя сон под сикоморой.

***

Антоний переночевал в своей пещере и стал снова собираться в путь: хотел повидаться с Пахомием. Ранним утром Антоний сложил в суму некоторые вещи, завязал потуже мешок с рукописями, помолился Богу и отправился в путь. На счастье, киновия Пахомия находилась не так далеко, может быть, в двух-трёх днях пути. Антоний был готов бороться с усталостью, он понимал, что есть вещи важнее отдыха – ответственность перед Богом. Он привык жертвовать всеми силами, что в нём были, до последней капли. Два дня промчались, с Божьей помощью, быстро и без проблем. Наступила

ночь, когда он подошёл к киновии Пахомия, освещаемой яркой луной. В одной из келий горел свет.

«Значит, на месте, значит, дома», – молвил про себя Антоний и постучал в дверь. Он стучал громко и сильно, предчувствуя важность этой встречи, но не подозревая, как пойдёт разговор.

– Кто там? – слышалось из-за двери.

– Это я, Антоний.

Не успел он назвать своё имя, как дверь резко распахнулась. Пахомий был удивлён, но рад встрече.

– Заходи, заходи, Антоний.

Пахомий пребывал в возбужденном состоянии, было видно, что его очень сильно что-то тревожит и что он хочет что-то сказать.

– Очень хорошо, что ты пришёл ко мне сегодня.

– Почему? Что случилось?

– Мне не хватает одной рукописи, которую монахи отдали переписать в соседние монастыри, и там она волшебным образом пропала. Я не знаю, что делать. Эта важная рукопись мне нужна, как воздух. Как ты думаешь, можно ли где-то достать ещё одну копию?

– О какой рукописи ты говоришь?

– О тринадцатом кодексе.

Антоний помолчал, а потом сказал:

– Я принёс его тебе.

– Ты о чём, Антоний?

– Он у меня здесь, с собой.

– Но как?

– Это долгая история, Пахомий.

Антоний поставил на стол надёжно завязанный кожаный мешок с рукописями. Он прочитал их за одну ночь, проведённую в своей пещере. Он тогда практически не спал, жадно поглощая древние тексты. Некоторые он

читал раньше, но остальные стали откровением для него самого, человека, который наизусть знал многие древние писания. Среди переданных Антонию рукописей оказалось восемь Евангелий, четыре из которых будоражили его своей несхожестью с другими четырьмя, и множество апокрифов, о которых мало кому было известно.

– Держи, вот твой кодекс и даже сверх того. Мне предназначено быть сегодня здесь и вручить их тебе. Мне это показал пророческий сон. В этом всё угадывается рука Провидения, и мы стали его частью.

– Да, я знаю, о чём ты говоришь, Антоний, я это вижу. Бог с нами. Будь теперь осторожен, за тобой придут.

– Да, я знаю, «Сжигатели рукописей» скоро начнут охоту на меня. Ты можешь на меня положиться, Пахомий, ни под какими пытками я не выдам секрет.

– Я это знаю, Антоний. – Пахомий крепко обнял друга. – Мы с тобой – звенья одной цепи, и нам дано исполнить замысел великого Провидения, Бог нам в помощь...

Они распрощались, и Антоний вернулся к себе в пещеру. На душе было спокойно, теперь можно было отдохнуть и предаться старой и привычной отшельнической жизни в песках пустыни. Антоний молился каждую ночь, его молитва не прерывалась практически ни на секунду, будь то день или вечер.

***

Прошло несколько дней с момента возвращения Антония домой. В эту ночь перед сном он прочитал очередную молитву и со спокойной душой лёг спать. В эту ночь всё было, как обычно: Антоний спал крепким и безмятежным сном.

В своём сне Антоний стоял на коленях и молился Богу, как вдруг почувствовал, что за его спиной кто-то

стоит. Он постарался не обращать внимания на пришедшего и продолжил чтение псалмов. Казалось, что даже во сне не было того, что могло его оторвать от молитвы. Некто встал на колени рядом с ним и начал очень громко молиться вслух. Антоний повернул голову налево и увидел человека, молящегося так сильно, что сам он позавидовал чистоте его помыслов, такой сильной и естественной. Казалось, что Бог был прямо перед ним. Антоний перестал молиться и стал наблюдать, как сосед произносит молитву. Такому можно было поучиться даже столь опытному пустыннику, как он сам. После того, как человек по соседству закончил свою молитву, Антоний спросил:

– Как у тебя получается молиться так чисто, живо и искренне? Кажется, что Бог стоит прямо перед тобой.

– Так оно и есть, не в этом ли заключается молитва?

– Да, ты прав, не должно быть никаких преград, Бог должен быть пред глазами.

– У тебя не хватает не только воображения, ты не чувствуешь присутствие Бога, ты молишься тому, кого реально не воображаешь, ты не видишь Бога, ты и понятия не имеешь, кто он. В этом вся твоя проблема. Я был с ним знаком лично, мы были друзьями. молитва должна идти из сердца, не от головы, из чувства, не из представления.

– Ты был знаком с ним лично? Кто ты такой? Не рассказывай сказки.

– Мне нет смысла тебе врать. Когда-то вся ангельская рать прославляла Бога и воспевала в песнях ежедневно, в таких молитвах, что грохотал гром и дрожала земля. Все небеса наполнялись молитвой, которую слушал Бог, находившийся на своём престоле славы. Его огненная колесница возносилась в небо святой молитвой

архангелов. Молитвой, в которой было столько силы и жизни, что она творила невероятные чудеса, о которых никто и не слышал, молитвой, пробивающей все тверди, все сферы бытия, все существующие небеса. Молитвой, пронзающей саму Плерому, являющейся живой плотью её, исходящей из живого лона её, из чрева в Жизнь, а потом снова из Жизни возвращающаяся в это лоно, и так во веки веков.

– Как звать тебя, брат?

Антоний уже понимал, кто с ним разговаривает, но всё же решил спросить: ему было интересно, как Дьявол себя нарекёт.

– От моего ангельского имени мало что сохранилось, теперь меня называют по-разному, но никто, поверь, не знает моего истинного имени. Называй меня Вельзевул или Сатана, что тебе ближе к сердцу.

– Ни одно, ни второе мне не ближе к сердцу, я буду звать тебя Дьявол, кем ты на самом деле и являешься, – дерзко ответил Антоний.

– Дьявол так Дьявол, я не собираюсь менять твои убеждения и взгляды, тебе так проще меня представлять, но, поверь, твои представления обо мне ничтожны, ты ничего не знаешь о моей сути.

– Да, и мне неинтересно, зачем ты здесь. Само твоё присутствие здесь мне мерзко и противно, как бы ты себя ни пытался представить, обелить и, скорее всего, оправдать. Я знаю, зачем ты здесь, и что тебе нужно, коварная змея.

Антоний действительно догадывался, что «Сжигатели рукописей» уже передали Дьяволу все добытые сведения, и тот пришёл, чтобы выпытать у него, где находятся рукописи, вручённые ему орденом завета. Снова хотелось послушать, что же об этом скажет сам незванный гость.

– Ну, ну, не так жёстко. Ты дышишь только потому, что я тебе это позволяю, твоя жизнь висит на таком тоненьком волоске, которого и рвать не нужно, чтобы душа твоя отошла в мир иной. Ты сейчас спишь в моём забвении, и это я веду с тобой игру, перед которой мало кто мог устоять, мало кто умел долго продержаться.

– Не пытайся меня пугать, Дьявол! Мне не страшна ни одна твоя расправа, я не цепляюсь за жизнь, если ты этого не заметил.

– Заметил, Антоний, и я не угрожаю, а просто излагаю факты. Мне твоя смерть ничего не даст, наоборот, принесёт много хлопот.

– Зачем ты явился ко мне, бестия?! – вскричал старец, повторяя вопрос.

– Сбавь свой пыл, святоша, если не хочешь смерти ужасной и мучительной. Я пришёл, чтобы поговорить с тобой по душам.

Антоний засмеялся.

– У тебя есть живая душа?

– Есть, потому что её сохранил Бог, твой Бог, по приказу Бога Богов, того, о ком ты и понятия не имеешь. Мою душу сохранила Сама Жизнь, для того чтобы сохранить гармонию и равновесие в мироздании. С твоим скудоумием этого не понять.

– Мне это и не нужно знать, да и неинтересно, рассказывай свои байки тем, кому это важно.

– Ты думаешь, заперся в этой пещере, и я не смог бы тебя достать? Ты слеп, старец, я вижу твоё сердце насквозь, каждый твой поступок, каждую мысль, каждое желание и чувство, которое ты хочешь от меня скрыть. Ты полностью у меня на ладонях, и я сомкну их, когда появится желание. Ты думаешь, я не знаю, кому ты передал рукописи? Здесь нет того, что скрыто передо мной,

на моей земле ничего не спрячешь, вы этим только смешите меня, ваш разум ещё в слепом и глубоком неведении.

– Тогда почему ты здесь? Иль тебе что-то не видно и ты чего-то не знаешь?

– Я знаю всё. И кто тебе передал рукописи. Подожди, как они себя называют, «братство завета»? – Дьявол засмеялся, прикрывая лицо рукой. – Какие наивные, пускай верят. Рукописи у твоего друга Пахомия. Ты думал, от меня можно будет это скрыть. Какие вы все наивные! А ты не хотел обо мне ничего знать.

– И сейчас не хочу, – резко добавил Антоний.

– Да, да, я тебя понимаю, боишься, бойся меня, я коварен, могу и обмануть.

– Ты знаешь, что это не страх, а отвращение, не путай, Дьявол.

– Да, да, нелюбовь. А ты знаешь, что, если есть нелюбовь в твоём сердце, значит, в нём всегда буду жить я? Нет, не знаешь? Ты же меня ненавидишь, презираешь. А ты не думал, как может презирать любящее сердце, особенно такого святоши, как ты? Нет, тебе это раньше в голову не приходило. Все вы одинаковые, грешные людишки, звери, животные первобытные. В вашем «святом» сердце ещё столько зла и ненависти, что, поверь, это не чистота, а её прямая противоположность – ужасный грех, в котором вы все и умрёте, отмучавшиеся, но не прощённые. Любящее сердце после молитвы не берёт в руки оружие, какова бы ни была цель: ни во имя защиты, ни ради восстановления справедливости и истины. Давай, не люби меня сильнее, с полной яростью, ненавидь меня, да так, чтобы сгорело в огне ярости твоё святое сердце, – Дьявол усмехнулся. – Глупые, в этом ваша главная проблема: вы слепы в своих

желаниях и сами ещё дикие, как эти желания. Если бы ты знал, сколько таких «великомучеников» с ненавистью в сердце ушли напрямиком в ад... Они сожгли себя ещё при жизни, а теперь в аду догорают их души и вечный дух.

– Я не могу с тобой не согласиться, Дьявол, в этом ты, может, и прав.

– Может! – почти прокричал Сатана с возмущением. – Ты думаешь, почему всё так, почему не наступает ваш долгожданный рай? А потому что ваши ангелы и Боги с мечом правосудия с такой же ненавистью рвутся в бой, чтобы уничтожить всю нечистую рать. Они питаются из наших источников, их сердца в крепком союзе с моим древом смерти, я всех их держу у себя в кулаке.

– В этом я с тобой не соглашусь, лживый змей. Ты забыл упомянуть о совести, о святой и непорочной совести, в которой нет и не было никогда твоей ненависти и злости. Это то, что ты никогда не сможешь купить и отнять, ведь совесть – она бессмертна, её не забрать и не извратить, она в сердцах людей выгравирована на таких скрижалях, которые не горят и которые уничтожить невозможно практически ничем. Даже дьявольским огнём твоего ада.

– Горит твоя совесть, ещё как горит, и воняет впридачу, – с ухмылкой тихо произнёс Сатана.

– Совесть как основа сердца, – продолжал Антоний.

– Нет, нет истины в мире! И, возможно, не будет никогда, она всегда разная для всех в зависимости от того, под каким углом на неё смотришь. От её размытости всегда рождались только раздоры, религиозные войны и всевозможные противоречия, разделяющие людей на нации, религии: своих и чужих, верующих и неверующих, праведных и неправедных.

– Абсолютная истина, единая и вечная, находится только в наших сердцах, а точнее, в нашей совести. Ведь только совесть выводит нас из любого внутреннего заблуждения и показывает истинную дорогу. Только через совесть возможно наше прозрение, пока мы её в себе не нашли, мы живём в твоей великой иллюзии, Дьявол, тобой созданной для нашего земного существования, для главного внутреннего демона, за которым всегда стоял ты. Отречься от тебя легко: ты же знаешь, что нужно только начать жить по совести, которая вырвет из человека убивающее душу малодушие и мёртвое равнодушие и оживит сердце, заполнит его огнём святости и верой.

– Ты всё хорошо понимаешь, Антоний, только не учи- тываешь главного. Твоей совести никто не видит и не знает, как она выглядит. Какая в ней мораль, что в ней, в конце концов?

– Вот именно, и я о том же: ты здесь постарался, извратил всё до неузнаваемости, потому что знаешь, в чём твоя слабость и чего людей в первую очередь нужно лишить. Но совесть – это та самая искра Божья, связывающая нас с Самой Жизнью, это Бог, находящийся в нас, его живое сердце, которое никому не победить, и тебе в том числе, падший ангел. И да, ты был не прав, я не испытываю к тебе ярости и злости, ты мне чужд, но мне приходится терпеть твое присутствие, но это не помеха.

Антоний закрыл глаза и начал молиться.

Дьявол ещё постоял некоторое время, смотря на святого старца, за которым возвышалась мощная несокрушимая стена веры и пред которым застыли ангелы Божьи. И через некоторое время исчез, растворился так же незаметно, как и пришёл. Дьявол, получивший сведения от своих приспешников, «Сжигателей рукописей», так ничего и не добился от Антония. Он хотел

выведать, действительно ли нужные рукописи переданы Пахомию, но старец-пустынник так и не открылся ему: в его сердце, за которым Дьявол наблюдал всё это время, ничего не всколыхнулось, чувства не захватили Антония, на что Сатана очень рассчитывал. Святой отшельник сумел сохранить свою тайну. Дьяволу ничего не оставалось, как отправиться к самому Пахомию.

Я ВСЁ ЧУВСТВУЮ

*На фото Чеслава Квока,
фотограф В.Брасе*

Февраль в этом году выдался особенно холодным: это ощущалось по вылетающему из рта пару и покалыванию кожи от ледящего ветра. Как назло, погода сегодня была кошмарной, особенно для тех, кто уже несколько часов провёл в ожидании этого проклятого поезда. И вот наконец в арку ворот концлагеря въехал очередной эшелон с новой партией заключённых, направленных в концентрационный лагерь «Освенцим». Сегодня должны были прибыть евреи из Украины для последующей ликвидации.

У доктора Йозефа Менгеле, встречающего заключённых на перроне, были на них особые планы. Его сопровождали несколько офицеров СС и комендант концлагеря Рудольф Франц Фердинанд Хёсс. Разглядывая выгружавшихся из вагона евреев, доктор Менгеле особенно внимательно приглядывался к детям и близнецам, подбирая жертв для очередных опытов.

Среди прибывших были не только дети, но и взрослые, и старики – люди попадали сюда целыми семьями со всеми родственниками и даже иногда знакомыми, которым просто не повезло. В одном из вагонов от мороза заклинило дверь, солдаты били по замку прикладами, чтобы её отворить, но у них ничего не получалось. В вагоне было слишком много людей, никто не мог присесть, было темно, холодно и не хватало воздуха, чувствовалась какая-то всеобщая враждебность вокруг. Все оказались в жуткой и бесчеловечной ловушке. Немцы пытались по максимуму забить эти вагоны людьми, чтобы наконец освободить одно гетто, где содержались украинские евреи. Переполненность вагона спасла всех от жуткого холода по дороге.

***

Больше суток они провели в дороге в этот жуткий зимний холод, постоянно останавливаясь. В самом центре, зажатой со всех сторон людьми, оказалась девочка Гита, стоящая между отцом и матерью. Ей было тепло, но не хватало воздуха. Гите только что исполнилось одиннадцать лет. Всю их семью поймали прямо на улице. Они скрывались от немцев за городом, но вскоре закончилась еда – пришлось вернуться в город, где их и схватили. Гиту и родителей несколько месяцев продержали в гетто, в голоде и холоде, у них даже не было с собой запасной одежды, только отцовские принадлежности для рисования: кисти, холсты, и краски. Отец Гиты, художник Мойша, в первые же дни в гетто обменял все свои рабочие инструменты на еду, покрывало и одежду для жены и дочки. На большее не хватило. Бабушка, которая была с ними, умерла от простуды и холода практически сразу, не выдержав жутких и бесчеловечных условий.

Мама Гиты, Лея, была учительницей младших классов. Гита в школу не ходила. Она с рождения была больным ребёнком: плохо говорила, ей это не нравилось, отставала в развитии от других детей, всё время пребывала в каком-то своём мире, жила эмоциями, а не разумом. Да и внешне Гита сильно выделялась своими монголоидными глазами, приплюснутым лицом, постоянно открытым ртом. Знакомый доктор как-то сказал Лее и Мойше, что всё это напоминает ему заболевание под названием «монголизм». Природная патология добавила и другие проблемы со здоровьем: плохую работу лёгких, постоянную нехватку воздуха, приводившую к приступам астмы. Гита редко с кем-то общалась, в основном только с матерью, была очень замкнута, погружена в себя, проводила время в своём выдуманном, никому

не понятном мире, не любила играть с детьми и вообще избегала подвижных игр, предпочитая отсиживаться у себя в углу. Врачи считали заболевание Гиты тяжёлым случаем, не понимали, как себя с ней вести, как её лечить. Родители решили: если наука и медицина бессильны, они своими силами поставят дочку на ноги. И поступили правильно: общение с родителями стало для Гиты лучшим лекарством. Пропитываясь ими, она потихоньку раскрывалась. Это было особым доверием, заслужить которое могли лишь мама, отец и особенно бабушка, которая фактически разработала методику лечения. Бабушка Сима после рождения Гиты бросила работу и всю себя посветила внучке, которую очень сильно любила. Сима проводила с Гитой огромное количество времени, Гита даже временами жила у бабушки. Тогда же Сима и покрестила внучку. Бабушка вышла замуж за православного и приняла его веру, и дочь Лею они воспитывали в христианских традициях. Мойша, собираясь жениться на Лее, также принял православие. Но по документам, по именам и крови они оставались евреями, что и определило их дальнейшую судьбу.

Поезд остановился внезапно, все навалились друг на друга. Родители своими хрупкими спинами сдерживали людей, как могли, защищая дочь. Уже целые сутки в забитом вагоне они наблюдали, как люди теряют сознание, испражняются под себя, плачут и молятся. Прямо перед Гитой лежал старичок, который уже несколько часов был мёртв и которого практически никто не держал. Он завалился на солому, раскиданную по полу, и по нему топтались люди, пытающиеся расположиться поудобней. Поначалу Мойша прикрывал Гите глаза, чтобы она не видела мёртвого старика, но это не помогало.

Гита хоть и была рождена с отклонениями, всё же обладала уникальными способностями. Природа одарила её особой чувствительностью: она чувствовала даже на большом расстоянии каждую эмоцию человека, его боль и переживания. Один единственный раз родители привели Гиту к врачу, который, узнав о необычной способности пациентки, хотел положить ее в психиатрическую больницу, чтобы изучить этот феномен. Врачи ещё никогда не сталкивались с такой гиперчувствительностью, эта аномалия не имела медицинского определения. Но Лея отказалась, решив лечить дочь самостоятельно. С тех пор они опасались врачей, не желая превращать ребенка в подопытного кролика, слишком уж первобытными казались методы тогдашней медицины.

Гиперэмпатия, сверхсочувствие, особая форма сопереживания не давали девочке жить спокойно. Она чувствовала всех, и то, что она переживала, разрушало её детское сердце, оно обливалось кровью, и Гита постоянно плакала. Сердце сжималось, в него словно вонзалось что-то очень острое, казалось, что его колют сотни ножей, тысячи мелких игл. Гита уже к этому привыкла и умела ставить защиту от мира, от всего того, что раздражало её оголённые нервы. Защищаться её научил отец. В трудные моменты они вместе начинали считать волосы в косе Гиты, что отвлекало её от чужих переживаний. Гита умела считать только до ста, но ей этого хватало, чтобы быстро уйти в себя, отвлечься от происходящего, успокоиться и уснуть. Она практически всегда держала косу в руках, это вошло в привычку – вести подсчёт волос. Из-за болезни Гита очень сильно закрывалась в себе, пыталась отгородиться от внешнего мира, в котором плескались бесконечные океаны людских эмоций

и переживаний, который ежесекундно давил на неё, посылая миллионы всевозможных колебаний чувств. Гита выстраивала сказочный внутренний мирок, в котором у неё были свои вымышленные герои. Общаясь с ними, она забывала о мире, о всех его вмешательствах, которые казались болезненными и нездоровыми.

В вагоне очень сильно пахло: люди не могли больше терпеть и испражнялись под себя. От нехватки воздуха и вони невозможно было дышать. Людей уже неделями держали без всего, в чём нуждался цивилизованный человек: без умывальника, нормальной еды и питья. Привыкнув к таким бесчеловечным условиям жизни, многие уже не замечали ни запаха пота, ни жуткой вони мочи.

Когда поезд остановился, вдруг послышался сильный удар, и через несколько секунд дверь открыли двое немецких солдат. От неожиданности люди начали выпадать из переполненного вагона в открывшуюся дверь, вместе с ними падали и бездыханные тела, которым уже нельзя было помочь.

– Скоро они только трупы будут сюда привозить! Сами бы и сжигали по дороге... А нам рабочая сила нужна, – проворчал комендант Рудольф Хёсс, наблюдая, как солдаты оттаскивают бездыханные тела в стороны.

В этот момент луч солнечного света ударил Гите прямо в глаза. Она зажмурилась и сделала глубокий вдох. Это был первый глоток чистого и свежего воздуха за последние сутки. Люди жадно вкушали спасительный воздух, ворвавшийся в открытую дверь вагона. Никто ещё не знал, где они, куда приехали. От одной только мысли, что теперь можно спокойно дышать, людей охватила радость и надежда. Мойшу, Лею и Гиту стали выпихивать из вагона люди, которые хотели выйти и наконец

посмотреть, куда они приехали: в очередное гетто или в то место, где все они боялись оказаться, – лагерь смерти.

Дрожащими пальцами Гита считала волосы в своей косе: то, что она почувствовала здесь, казалось ей жутким адом, ей было страшно как никогда, она даже боялась открыть глаза. Столько боли, сконцентрированной в одном месте, она не ощущала нигде. Гита прижалась к матери, которую то и дело плечами толкали люди, поспешно вылетающие из вагона. Они страстно хотели первыми очутиться снаружи. В этот момент людьми управлял инстинкт выживания. Гита видела и чувствовала весь этот плотный туман человеческого страха и продолжала вслух считать волосы, чтобы хоть как-то отгородиться от чужих эмоций. Спустившегося на землю отца тут же пнули в спину немецкие солдаты, призывая пошевеливаться. Особенно доставалось тем, кто падал: их пинали ещё сильнее, чтобы они не создавали затор.

– Шнеля, шнеля, шайзе⁶.

Мойша крепко обнимал жену и дочку, и их несло этим жутким человеческим ручьём по железнодорожной платформе на центральную площадь. Они догадывались, куда их привезли, но до последнего не хотели в это верить, пока их всех вытащили из вагонов и не поставили перед начальником лагеря.

– Я комендант этого концентрационного лагеря – Рудольф Хёсс – буду говорить с вами только один раз: вы прибыли в мой концентрационный лагерь, из которого выход только один – через трубу крематория. Те, кто хочет жить, должны усердно работать, чтобы заработать себе это право, другим же уготована печь нашего крематория.

---

6 «Быстрее, быстрее, дерьмо». (прим. автора)

После этих слов комендант ушёл. Мойша и Лея поняли, что отныне они больше никому не нужны, и их жизни не стоят и ломаного гроша. Лея обняла дочку и с охватившим её ужасом огляделась. Это была худшая новость из всех, которую только можно было услышать. Людей, осознавших, где они оказались, охватил страх: это была ловушка без выхода. Гита плакала и до сих пор боялась открыть глаза.

– 86, 87, 88, – громко вслух считала она, пытаясь заглушить эмоции окружающих её людей.

Она чувствовала в этом жутком месте столько боли, столько человеческих страданий, а также мёртвых сердец, через которые не проходила сила Жизни. Сердца эти источали нестерпимое зловоние, и Гите казалось, будто её собственное сердце не выдержит и вот-вот лопнет. Боль шла со всех сторон огромным потоком, который проходил сквозь сердце Гиты, и оно отчаянно боролось с людскими эмоциями. Гита с каждым разом считала всё громче и громче, крепко зажмурившись. Она боялась увидеть то, что чувствовала. Ад страданий человеческих душ, сплошного страха, ненависти и бесчеловечности окружал её словно железобетонной стеной, из-за которой выбраться было практически нереально.

– 35, 36, 37, 34, 78, 52... – из-за давящих со всех сторон эмоций людей Гита уже не могла считать и постоянно сбивалась.

Поток людей нёс их к площадке, где людей осматривали врачи и распределяли на группы. Подойдя ближе, Мойша заметил, что у людей отбирают их вещи: сумки, чемоданы, одежду – всё личное. Вёлся тщательный досмотр каждого, многих раздевали полностью и тщательно обследовали, по-видимому, пытаясь найти что-то

спрятанное. Слухи, ходившие в гетто об этом страшном месте, кажется, подтверждались.

Лея заметила, что после допроса и осмотра мужчин отделяли от женщин и детей и отправляли в разные стороны. Позднее стало понятно, что прибывших разделяли на две большие группы: тех, кто способен работать, и тех, кто сразу отправится в газовую камеру. Способных к работе отправляли на регистрацию, обривали и распределяли по баракам. Всех прибывших сегодня поселили в еврейский барак. Перепутать их было просто невозможно: все они были помечены звёздами Давида из жёлтого материала, пришитыми к одежде. Подходила очередь семьи Гиты. Двое солдат приказали им подойти к столу, за которым сидели трое: двое в белых халатах, по всей видимости – врачи, и один в военной офицерской форме.

– Ком зе хер, ком хер⁷, – сказал офицер.

Лея прижала дочку к себе, Мойша обнял обеих, и они подошли к столу. Офицер на ломанном русском стал задавать вопросы.

– Фамилия, имя!

– Зингерман Мойша, жена – Зингерман Лея и дочка – Зингерман Гита.

– Всё ценное кладём сюда.

– У нас нет ничего ценного.

– Тогда раздевайся! – приказал офицер. – Полностью! И побыстрее. Не видишь, очередь за вами какая!

Мойша разделся, и солдат стал палкой поднимать ему руки и расставлять ноги. Если что-то не делалось так, как надо, фашист бил по голому телу палкой. Мойша терпел, как мог. Врачи осмотрели его и что-то записали

---

7 «Подойди ко мне, подойди» (прим. автора).

у себя в тетрадах. Одним из врачей был доктор Гейнц Тило, который обратил внимание на Гиту и её явные отклонения.

– Как тебя зовут? – спросил доктор.

– Гита.

– Сколько тебе лет?

– Одиннадцать, – быстро ответила Лея вместо дочери.

Она почувствовала, что у доктора к Гите какой-то нехороший интерес.

– Одиннадцать – это хорошо, проходите, – врач указал на толпу людей, ожидающих дальнейшего распределения.

Лея обняла Гиту со спины. Мойша хотел подойти к ним, но сильный удар палкой по ноге остановил его. Он упал на одно колено и от сильной боли сжал зубы, но сдержал крик: боль не отступала и, казалось, что сейчас ногу сведёт судорогой. С трудом Мойша поднялся, он не понимал, что происходит. Ему не давали идти вместе с семьёй. Гита протянула руку к отцу и заплакала, понимая, что его забирают.

– Папа! Папа!

– Идите! Не стойте! Я люблю вас! – крикнул Мойша.

Лея обняла Гиту, и они направились к толпе женщин и детей, по пути оборачиваясь, чтобы увидеть, куда поведут отца. Мойша встал и поковылял к колонне, состоящий только из зрелых мужчин. Подойдя к толпе, он услышал:

– Тебе повезло: ты будешь жить, пока в тебе есть силы. Только работать много придётся. По крайней мере, это продлит тебе жизнь, ненадолго.

Мойша смотрел на жену и ребёнка, которые уходили к баракам. Лея тоже провожала мужа взглядом. Через некоторое время он пропал из виду, и они с Гитой

завернули за угол ближайшего барака. Мужчин поместили в бараки для рабочих, а женщин – в бараки для евреев. А колонна из детей и стариков направилась туда, откуда издалека виднелся чёрный дым, идущий из высокой трубы. Все понимали, что их ждёт.

– Тебе повезло, – сказала Лее пожилая женщина.

– Почему?

– Всех, у кого были дети, увели к печам, сегодня их точно сожгут, но сначала потравят газом. А твою дочку отпустили с тобой.

– Вы так спокойно об этом говорите? – удивилась Лея. – Нам повезло, нам очень повезло...

– Нет тут никакого везения, – возразила женщина, она явно что-то скрывала или не хотела говорить. – У меня нет детей, слава Богу, посмотри на этих матерей.

Лея обернулась и увидела десятки плачущих женщин, бьющихся в истерике. Они смотрели, как их детей уводят в сторону печей и труб, из которых валил чёрный дым. Материнская интуиция подсказывала, что ничего хорошего их не ждёт. Они провожали своих детей в последний путь, надеясь, что их всё-таки не коснётся страшная участь, но надежда эта висела на волоске.

– Мама, скажи им, чтоб не плакали.

– Почему, Гита?

– Их дети останутся живы, сегодня с ними ничего не случится.

– Ты в этом уверена?

– Да, мама, я это знаю, я это чувствую.

– Не плачьте! – громко сказала Лея. – С вашими детьми ничего не случится, они будут жить. Они будут жить! Я вам это обещаю.

– Откуда тебе знать? – слышалось со всех сторон.

– Моя дочка имеет дар, она видит многое, это правда, поверьте мне!

Вдруг Лея почувствовала сильный удар в плечо. Она оглянулась и увидела женщину, с которой говорила только что – та прижала палец к губам.

– Тише, тише, что ты делаешь? Зачем? Молчи, дура, если тебе дорога жизнь твоего ребёнка. Твой ребёнок с тобой только потому, что им нужны дети, такие как твоя дочь.

– Зачем?

– То, о чём говорят, просто ужасно, лучше тебе этого не знать.

– Я хочу знать!

– Над ними здесь проводят опыты, жуткие и смертельные, уж лучше сгореть заживо в печи.

Женщина развернулась и растворилась в толпе. Лея обняла Гиту. Они приближались к баракам, один из которых вскоре станет их временным домом.

Лея всё поняла. Нельзя было, чтобы хоть кто-то знал о способностях Гиты: это было не просто опасно, а смертельно опасно.

День заканчивался, тучи, затянувшие всё небо, прятали солнце, – казалось, что здесь оно не появляется никогда. Зимой темнело очень рано – ночь пришла быстро. В бараке, где разместили Лею и Гиту, почти не было свободных мест: некоторые спали на полу. Но Лее с Гитой повезло: зайдя первыми, они успели занять половину свободного места на самом верху трёхъярусной кровати. В эту ночь узницы рассказали Лее, что их ждёт тяжёлая каторжная работа и отсутствие еды, за которую придётся практически воевать, демонстрируя самые низменные инстинкты. После долгих и страшных рассказов на ночь Лея серьёзно сказала дочке:

– Гита, послушай меня очень внимательно и сделай так, как я тебя прошу. Это очень важно, ты меня понимаешь?

– Да, мама.

– Ты не должна говорить никому о том, что тебя мучит и что ты видишь и чувствуешь!

Гита кивнула, давая тем самым обещание молчать. Ей было трудно говорить.

Они легли, Лея обняла Гиту и прижалась к ней.

– Мама!

– Да.

– Я здесь не смогу долго находиться.

– Почему, милая?

– Моё сердце очень болит, его что-то очень сильно сжимает и колет, мне кажется, что его пронзает множество ножей, и каждый делает очень больно.

– Дорогая, это пройдёт. Ставь защиту, которой тебя научил отец.

– Она не помогает, мама, здесь она не помогает.

Лея обняла дочку и погладила по голове.

– Расскажи, что именно ты чувствуешь, дорогая?

– Я чувствую всех, всю боль, которую они несут у себя в сердцах, я чувствую каждое сердце, которое находится здесь, мама. Это ужасно. Это место – ад, в нём затухают хорошие сердца, они гаснут, как свечи, они черствеют, перестают чувствовать. Им очень больно, их убивают здесь, это огромное кладбище человеческих сердец. А у многих оно уже не дышит давно, там пустота, которая пугает, из нее лезут паразиты, они ничего не чувствуют. Во многих сердцах живут монстры. Мне страшно, мама.

Гита прижалась к матери, они крепко-крепко обнялись и очень быстро заснули, несмотря на холод и бурные разговоры вокруг.

***

В мужском бараке только что прибывшие заключённые устраивались на новом месте. К Мойше подошёл седой мужчина лет сорока, назвался Хаимом и предложил место на свободной кровати.

– Я объясню тебе, как тут всё устроено и какие здесь правила.

Хаим не вызывал большого доверия у Мойши: по его хитрому и ехидному лицу было видно, что просто так он ничего не делает. Мойша был художником из интеллигентной семьи с высокой моралью, он видел таких людей насквозь. Подлых, готовых предать при первой возможности, поэтому Мойша решил держаться от таких, как Хаим, подальше. Он вообще предпочитал уединение. Мойша доверял больше себе, нежели кому-либо в этом бараке, хотя люди, казалось, были хорошие, правда не все.

Мойша проследовал за Хаимом к кровати у входа. Когда он лёг, то сразу понял, почему это место никто не занял: холодный ветер дул через щели в стенах. Но другие кровати были заняты, пришлось ложиться здесь.

Мойша проснулся ночью от шума: трое здоровых парней держали соседа по кровати, а четвёртый выворачивал его карманы. Сосед тоже только сегодня прибыл в лагерь, Мойша успел его увидеть на платформе и запомнить лицо. Он только хотел встать, чтобы помочь несчастному, как ещё один, лежавший рядом, резко схватил его за руку.

– Лежи, лежи не вставай, если хочешь жить.

Мойша посмотрел на говорившего и лёг обратно. Ему ужасно хотелось помочь случайному знакомому, но он даже не умел драться: всю жизнь он писал картины, и его руки и пальцы были очень нежными

и чувствительными. Но в моменты несправедливости им что-то двигало, и он не мог сдерживать благородные порывы. Но сейчас ситуация была совершенно иная.

– Это капо, они сотрудничают с эсэсовцами – им всё позволено, у них здесь практически безграничная власть, им все подчиняются, от них здесь зависит жизнь очень многих. Завтра на работе они могут тебя приговорить даже к смерти. Будь осторожен с ними, но попытайся их к себе расположить, это продлит твою жизнь.

– Спасибо, – поблагодарил собеседника Мойша.

– Ложись спать, через пару часов на работу.

Сосед повернулся спиной и уснул. А тем временем трое пьяных капо, ничего не обнаружив в карманах жертвы, тихо разошлись по своим кроватям. Мойша понимал, что сейчас не спит никто. Все видели, как пытались ограбить приличного на вид человека, но никто так и не вступился за него: все боялись, страх за свою жизнь всем закрывал глаза. В такие моменты совесть сдерживалась голосом страха, инстинктом, который парализовывал всех. Хочешь выжить – думай только о себе.

Через некоторое время всё утихло, и Мойша наконец заснул, но проснулся уже через несколько часов, ещё до подъёма, от дикого холода: волосы примёрзли к стенке, к которой он прижимался во сне. Стена покрылась инеем от холода и вся блестела. Мойша понимал, что так очень легко замёрзнуть, и, если он останется на этом месте, то заболеет или вовсе получит воспаление лёгких. Нужно было согреться. Мойша встал и начал тихо ходить по бараку. До рассвета было ещё далеко, но заснуть уже не получалось. Но вдруг через несколько мгновений послышался гонг, и в барак с грохотом вошли три солдата и включили свет.

Ко входу тут же подошли четверо оберкапо и начали кричать на русском, польском и идише:

– Подъём, встаём!

Это удивило Мойшу.

– Работа ждёт. Давай, давай, вставай, вперёд!

Эсэсовцы стояли у входа, а оберкапо били всех, кто ещё лежал, и даже тех, кто действительно не мог подняться. Выгоняли даже самых больных: им помогали вставать и выводили на улицу. Тех же, кто уже умер, оставляли, ибо их участь была predetermined.

Всех вывели на улицу, на площадку перед блоком, и выстроили в колонну по пять человек в ряду. После перекички все разошлись по своим рабочим командам, а новеньких определили туда, где людей не хватало: недавно скончавшихся нужно было заменять новыми силами. Мойше не повезло: он попал в команду с ночными беспредельщиками.

На улице вдруг послышалась живая музыка: играл оркестр. Мойша этого не ожидал. Оркестр заиграл марш, после чего все нескончаемой вереницей потянулись за ворота лагеря. Мойша ещё не знал, что за работа его ожидает, но музыка ему понравилась. На первый взгляд казалось, что труд будет не очень тяжёлым, но эта иллюзия развеялась уже через пару часов. Пройдя несколько километров по жуткому холоду, Мойша почувствовал, как замёрзли кончики пальцев на ногах и руках, а они всё ещё не дошли до места. Пронизывающий ветер, как тысяча мелких игл, колот тело, казалось, от него никак нельзя спрятаться. Тех, кто падал по пути, никто не поднимал и не помогал идти дальше, они оставались лежать на земле. Мойша хотел помочь одному упавшему, но его остановили.

– Оставь его, подберём на обратном пути.

– Но он же замёрзнет.

– Да, но так тебе меньше придётся его на себе нести.

Мойша не понимал, что ему хотят объяснить. Он попытался поднять упавшего бедолагу.

– Вставайте, вставайте, пойдёте, вы замёрзнете.

Чувствовалось, что лежащий очень болен, и у него жар.

– Отойди от меня, если хочешь жить! – из последних сил прохрипел он.

– Нет, я выживу, а вот вы нет, если не встанете сейчас.

– Я не хочу вставать, моё время пришло, прошу, оставь меня.

– И не подумаю.

Мойша поднял лежащего и понёс на себе. Через полчаса он отстал от колонны. Но лежащий у него на спине перестал подавать признаки жизни. Мойша положил его на землю и закрыл глаза. Это была вторая смерть на сегодняшний день, который только начинался.

***

В женских бараках день тоже начался с гонга. Все проснулись в отличном настроении, бодрые духом и полные сил. Это было странное чувство, в которое невозможно было поверить. Все стали переглядываться, не понимая, что происходит. Это напоминало благодать Божию, чудо. Но прекрасное ощущение вмиг оборвалось. Эсэсовцы вошли в барак и стали безжалостно поднимать с кроватей всех, кто ещё лежал. Женщин били так сильно, что оставались синяки, иногда от ударов прикладами ломались ключицы, руки и пальцы. Эсэсовцы забили двух женщин насмерть и, сбросив их с кроватей, тут же переключались на других. Гита, закрыв глаза, стала громко вслух считать волосы. Лея взяла её за плечо и повела

к выходу, чтобы случайно не попасть под горячую руку эсэсовцев. Но на выходе их остановили, один эсэсовец оторвал дочку от Леи и отбросил её в сторону.

– Она останется, а ты вперёд, быстрее.

Гита остановилась и обернулась. Лею же вышвырнули на улицу.

– Дочка, я скоро вернусь, не переживай! Мама скоро будет, оставайся! – крикнула Лея.

Гита села в углу, обняла колени руками и продолжила с закрытыми глазами бормотать себе под нос. Она считала, концентрируясь на каждой цифре. Гита чувствовала, что испытывает её мать, отец, а также всех те, кто остался в бараке, кто работал, кто был заперт в камерах смерти и кто стоял в данный момент в газовых камерах. Страх людей прорывал все блоки, которые ставила Гита, и это сводило её с ума. Она очень нервничала, не находила себе места и продолжала считать во весь голос. В этом чудовищном месте была огромная дыра, наполненная зловещей тьмой, от неё веяло сумасшедшей безжизненной жутью, это был ад, воплощённый на земле, безжизненная бездна, от которой исходила лишь смрадная вонь. Со всех сторон тянуло сплошной смертью, диким животным страхом.

Женщины, выведенные из барака, стояли на улице и рыдали: их дети оставались там. Они знали, что больше не увидят своих детей, их заберут для проведения смертельных опытов. Об этом знали все и сочувствовали женщинам. Заиграл оркестр, казалось, он провожает детей в последний путь. Все пошли на работу под эти душераздирающие звуки марша, которые многих просто раздражали. Лея верила, что с её дочерью ничего не произойдёт, верила, что после работы они вновь обнимутся, верила и постоянно молилась Богу.

***

Тем временем мужчины добрались до места работы: им предстояло копать промёрзшую землю. Лагерь простирался на десятки километров, к нему сходились дороги, по которым со всех сторон привозили новых заключенных. На одной из таких дорог рабочая группа остановилась. Всем выдали лопаты, фомки и тачки для перевозки земли, а капо приготовились надзирать: тяжёлые работы их не касались, их задачей было наблюдать и принуждать других узников к работе, обеспечивать производительность. Это были те самые капо, которые ночью напали на соседа Мойши по кровати. Они контролировали весь рабочий процесс, в это время эсэсовцы могли отдохнуть: за них работу исполняли и делали это усердно, на совесть, если можно так сказать. Здоровые бугаи, отъевшиеся на эсэсовских харчах, давно забыли, что они такие же узники-евреи, как и все остальные, они превратились в тех ещё уголовников, животных, в ком не осталось морали. Капо не любил никто, но с ними ничего нельзя было сделать.

Весь лучший рабочий инвентарь разобрали очень быстро: все понимали, что, работая хорошим инструментом, меньше устаёшь. Мойше выдали тачку. Это было самое тяжёлое занятие, все это знали, но каждый думал только о себе, поэтому никто не спешил поменяться с Мойшей. Все выживали, как могли.

За это утро Мойше удалось лучше узнать людей, с которыми он был вынужден жить теперь. Многие здесь, как и он, были случайными жертвами, простыми людьми. Уголовников было очень мало, но они выделялись в толпе. Их боялись и обходили стороной, такие могли и убить, и обречь на еще более ужасное существование.

Сразу заметно, в ком есть мораль, совесть, а в ком её и не было никогда, кто о ней даже понятия не имел.

Рабочий день проходил просто ужасно: отдохнуть практически не давали, невозможно было ни присесть, не остановиться. Тех, кто пытался хоть как-то облегчить свою участь и от бессилия замедлялся, подгоняли капо и ударами палки заставляли продолжать работать ещё быстрее. В этот день они насмерть забили троих. Так в лагере поддерживалась дисциплина и порядок. Надзиратели закрывали глаза на зверства капо и даже поощряли их едой и выпивкой, ведь те выполняли их работу. Сами эсэсовцы в это время могли даже отдохнуть.

Мойша работал изо всех сил, он заметил, что его тачку специально нагружают землёй, чтобы по максимуму использовать ещё свежие силы новоприбывшего узника. Через несколько часов Мойша от усталости уже не понимал, куда идёт, еле передвигал ноги, всё делал чисто автоматически. Он был практически на грани. Руки покрылись мозолями, которые периодически лопались. Внезапно от усталости Мойша споткнулся и завалился на бок, рассыпав всю землю. Один из капо резко подскочил к нему и стал бить его палкой по спине. Мойша оказался на грани срыва, он вскочил и оттолкнул капо. Тот перевалился через опрокинутую тачку и упал, ударившись затылком об огромный камень. Потекла кровь. Наступила полная тишина. На мгновение замерли все: и рабочие, и эсэсовцы. Только двое капо с разных сторон уже бежали к Мойше и буквально через несколько секунд обрушили на него шквал ударов дубинками. Трое заключённых из группы решили помочь Мойше, вступились за него. Среди них был и тот, на кого капо напали ночью. Завязалась драка, капо по очереди попадали на землю от мощных ударов по лицу.

Прибежали эсэсовцы и наставили винтовки на дерущихся. Внезапно прозвучало несколько выстрелов в воздух – дерущиеся замерли и стали потихоньку вставать. Подойдя к восставшим заключённым, эсэсовцы прикладом уложили всех обратно на землю. Мойша лежал неподвижно и не мог подняться: его оглушило ещё первым ударом дубинки. Участвовавшие в драке капо медленно встали, подошли к уложенным на землю узникам и стали пинать их ногами, пока не услышали приказ эсэсовцев.

– Сегодня ночью вы умрёте, жида! – прошипел один из капо.

– Я сам лично покончу с каждым! – пообещал главный среди них.

Это был приговор: все понимали, что бунтовщики больше не жильцы. Но всем понравился смотреть, как капо получают по морде. Все заключённые сразу же зауважали бунтовщиков, но ничем не могли им помочь, понимая, что они теперь обречены.

Через несколько минут работа продолжилась. На Мойшу вылили ведро воды, чтобы он пришёл в себя. С трудом поднявшись на ноги, он взял тачку и пошёл за новой партией земли.

День заканчивался. Всех построили в колонну и отправили обратно в лагерь, до которого ещё предстояло дойти. Обессиленные заключённые еле волочили ноги. «И это только первый день», – подумал про себя Мойша. О том, что сегодня ночью должно произойти с ним, думать было страшно. Лишь бы не покалечили, а то у калек здесь только одна дорога.

Солнце зашло уже давно. По пути обнаружился бугор, замётённый снегом: это был заключённый, умерший утром, тот самый, которому Мойша пытался помочь.

Теперь ему приказали нести труп в лагерь и дали лопату, чтобы откопать тело. Погибший вмёрз в землю. Когда Мойша копал, лопата иногда соскальзывала и попадала по телу. Кое-как выкопав труп, Мойша закинул его на спину. Ему предстояло пройти ещё пару километров.

***

В этот день женщин отправили на местную скотоводческую ферму, где выращивали свиней и коров. Лее досталась уборка помещений со свиньями: она целый день грузила лопатой навоз и иногда помогала перевозить на тележках умерших или готовых для забоя свиней. День выдавался нелёгким. Из-за постоянного голода у большинства заключённых не было сил работать что ужасно злило капо и эсэсовцев.

***

В женском бараке, где остался с десятков детей, шла уборка. Капо барака по имени Сара давала всем детям задания, а сама присматривала за ними. У неё было поручение от врачей: узнать подробно о каждом ребёнке. За информацию её поощряли разными подарками и подачками: хлебом и другой едой, тёплыми вещами и выпивкой – всем тем, чего так не хватало для жизни.

Сара заметила, что одна девочка, – кажется, её звали Гитой, – сидит в углу и не помогает остальным. Капо пошла к девочке и вдруг почувствовала, будто что-то согрело её изнутри, на душе стало необычайно легко. На кровати неподалёку лежала ещё одна маленькая еврейка, заболевшая несколько дней назад, и вдруг она перестала привычно хрипеть и задышала свободно. Сара вспомнила, какую бодрость все чувствовали во

время подъёма, и подошла к Гите. Та продолжала держать в руке косу и пересчитывать вслух волосы. Сара присела рядом. Гита почувствовала, что к ней кто-то подсел, но не хотела ни с кем говорить. Сара осторожно спросила:

– Как тебя зовут, девочка?

– Гита.

– Я слышала, как твоя мама вчера говорила, что с детьми ничего сегодня не случится. Я тоже это знала, я тоже это понимаю. Ты владеешь таким же даром, как и я. Я тоже много чего вижу. Не бойся, только мы вдвоём с тобой такие, это будет наш секрет, о котором мы никому не расскажем.

Гита открыла глаза, чтобы увидеть лицо женщины, которая с ней разговаривала.

– Вы так же всё чувствуете, как я?

– Да, и даже больше. Расскажи мне, что ты чувствуешь, а я тебе расскажу, что чувствую я. Ты одна такая дочка у мамы?

– Да.

– А как твоя мама сейчас?

– Она работает, и ей сейчас очень-очень тяжело, ей холодно, она вся промокла, эти животные сильно воняют и очень тяжёлые.

– О каких животных ты говоришь?

– О коровах и свинках, мама очень устала их носить.

– Не беспокойся, она скоро вернётся. А как твой отец, он же здесь, с вами?

– Папа тоже работает.

– Ну, вот видишь, я тоже это знаю. А как у отца дела?

– Его руки очень сильно замёрзли и болят, ему страшно от того, что будет вечером. Он думает обо мне очень часто, и я это чувствую.

– Ты всех так чувствуешь в этом лагере, или только маму и папу?

– Да, я и многих других в этом лагере чувствую. Я вижу их сердца насквозь, знаю, что они чувствуют, как им тяжело и больно, вижу их страх. А также чувствую тех, кто ничего не чувствует. Их здесь очень много, я боюсь их, они чудовища.

Сара осмотрелась: в бараке наводили порядок несколько девочек.

– Что ты можешь сказать о ней? – Сара указала пальцем на девочку лет семи с веником в руках.

– Она ждёт своего папу, но он уже не вернётся.

– Почему?

– Сегодня днём он умер на работе, его избили, и он лежит сейчас на земле.

– Ты это видишь?

– Нет, я это чувствую.

– И даже сейчас? Ведь он уже умер.

– Да, – со слезами на глазах ответила Гита. – Я всё равно его чувствую.

Сара начала понимать одарённость Гиты, но нужно было ещё раз всё проверить.

– Пойдём, Гита, выйдем на улицу.

– Зачем? Я не хочу.

– Пойдём, пойдём, я тебе кое-что покажу.

Сара протянула Гите руку, помогла ей подняться и повела на улицу. На улице солнце светило Гите в глаза, пришлось прикрыть их рукой.

– Посмотри, видишь там стоят трое военных с оружием. Я уверена, что они вообще ничего уже не способны чувствовать. Это правда?

Гита отвела руку от глаз и посмотрела вдаль.

– Нет, это не правда.

– Почему?

– У одного есть ребёнок, он его очень сильно любит и скучает по нему, у другого больная мать, и он переживает за неё всё время.

– Ну, а третий?

– У него нет никого, и ему всё равно, он давно уже ничего не чувствует, только себя.

Этого Саре было вполне достаточно. Она узнала всё, что хотела, теперь оставалось проверить информацию. Если всё сойдётся, то за этого ребёнка её очень и очень здорово могут поощрить, а, может, даже выпустить на свободу.

– Спасибо, Гита, иди в дом, иди.

Сара знала этих трёх надзирателей, но как узнать об их семьях. Недолго думая, Сара пошла к ним.

***

Первый рабочий день, казалось, не закончится никогда. Но солнце зашло, и все возвращались в бараки. По мере приближения к лагерю стала слышна музыка: это снова играл лагерный оркестр. Теперь Мойша воспринимал эту музыку совершенно иначе, плетясь последним в строю и неся на себе труп. Теперь музыка казалась ему пыткой. Провинившиеся за день несли на себе тела товарищей, убитых или умерших от невыносимых условий. Мойша понимал, что надзиратели придумали эту музыку, чтобы усугублять страдания заключённых.

Подходя к воротам лагеря, Мойша заметил, как все подтянулись, выстроились вновь в шеренги по пять человек и практически замаршировали, входя в лагерь. Все напрягались из последних сил, чтобы шеренги выглядели красиво и стройно. У ворот лагеря стояли офицеры, которые упивались видом толпы рабов, эта картина

поднимала их в собственных глазах, они смеялись и были готовы спустить собак на заключённых. Псы скалились, встречая узников. Заключённые понимали, что их жизнь дешевле жизни даже собаки: собак здесь кормили, за ними ухаживали намного лучше, чем за людьми.

Наконец все узники выстроились на плацу. Уже наступила ночь, зажжённые фонари освещали мертвенно бледные лица заключённых, которые только и мечтали, чтобы завалиться на кровати. Но началась переключка: эсэсовцы пересчитывали заключённых в каждой бригаде. Пересчёт затянулся на полтора часа: возникла какая-то нестыковка, не хватало некоторых заключённых. Мёртвых, которых донесли до лагеря, бросили в центр площади, вновь пересчитали и отметили в списке, потом заново посчитали живых. На улице холодало, снег крупными хлопьями падал на головы, падали и те, кто не мог больше стоять от нагрузок. К ним подходили эсэсовцы и просто застреливали: слабые создавали только одни проблемы. Если упал сегодня, завтра не сможет работать. Стать бесполезным – это приговор, которого боялись все.

И вот после двух часов подсчёта списки наконец сошлись, но всех ещё не распускали по баракам. В центр площади вышло несколько офицеров СС, один сказал:

– Сегодня произошёл бунт! Четверо заключённых напали и жестоко побили надзирателей во время работы. Вывести их.

Из общего строя вытолкнули участников драки, и Мойшу в том числе.

– Быстрее, быстрее! – солдаты подталкивали заключённых прикладами в спину.

– Это мятеж, он карается смертью, и так будет всегда и с каждым! Увести!

Мятежников увели. Все стали наконец расходиться по баракам, покрытые снегом от долгого стояния и почти примёрзшие к земле. День закончился.

Четверых бунтовщиков повели к блоку № 11. По приказу начальника их не расстреляли сразу: они должны были помучиться перед смертью. Для таких случаев были подготовлены «стоячие камеры» площадью меньше квадратного метра, в которых было практически невозможно дышать: наверху, у крохотного окна, было маленькое отверстие, через которое поступал воздух, его периодически перекрывали эсэсовцы, отчего в камере становилось мало воздуха. Вместе с тремя другими заключёнными Мойшу затолкали в одну стоячую камеру. Они стояли, прижавшись друг к другу, и не могли пошевелиться. Так они и заснули.

***

Женщины, вернувшиеся после работы, из последних сил взбирались на свои кровати, чтобы хоть пару часов поспать и набраться сил для следующего рабочего дня. Гита помогла матери вскарабкаться на третий ярус.

– Привет, мама, – сквозь слёзы тихо поздоровалась она.

Гита не просто видела усталость матери, она её чувствовала, чувствовала всё, что перенесла мать за сегодняшний день. Ей было ужасно больно, она понимала, через что сегодня прошли все женщины и что таких мук они долго не выдержат: их не хватит ни на месяцы, ни на недели, тут бы продержаться хотя бы несколько дней, а иногда даже часов.

– Мама, мама, давай поднимайся, я держу тебя. Давай ложись, отдыхай, я тебе уже согрела место, – всё так же сквозь слёзы говорила Гита.

Лея завалилась на свою сторону кровати, легла неподвижно и заплакала. Гита забралась между её рук и прижалась к уставшему телу матери. Некоторое время они лежали молча. Лея, согреваясь теплом дочки, продолжала плакать: больше она ни на что не была способна. В бараке постоянно кашляли те, кто скрывал свою болезнь, но им с каждым разом становилось всё тяжелее и тяжелее. Кашель становился всё ужаснее и ужаснее.

– Как прошёл день? – набравшись сил, тихо спросила Лея.

– Хорошо, мама, мы сегодня убрали целый день в бараке. И я познакомилась с одной тётей, которая тоже умеет чувствовать. Мы с ней долго разговаривали.

Лея приподнялась и развернула к себе Гиту.

– О чём вы разговаривали?

– Женщина меня попросила рассказать ей о Хае, вон той девочке. Мы сегодня были целый день в бараке и подружались с девочками.

– Гита, доченька моя, я же тебя просила ни с кем, ни с кем не общаться и ничего не рассказывать.

– Да, мама, но...

– Никаких «но», – произнесла Лея сердито, после чего закашлялась.

– Да, хорошо, мамочка, больше я ни с кем не буду говорить, обещаю.

Лея обняла дочку и сильно прижала к себе.

Через пару минут они уже спали крепким и беспробудным сном.

***

А тем временем надзирательница Сара, смотря на Гиту с матерью, думала, как она завтра донесёт обо всём начальнику концлагеря. Такой драгоценный

экземпляр, девочка с таким даром могла стоять очень дорого, её нужно было продать хорошо, чтобы не прогадать, и выторговать себе свободу или, по крайней мере, работу получше. Только начальник сам вряд ли станет с ней разговаривать, надо через кого-нибудь передать.

***

Зимняя ночь промчалась просто незаметно. Едва открыв глаза, Лея поняла, что не выспалась и не успела набраться сил. Всех вновь собирали на работу. Лея, пока ещё оставалось несколько свободных минут, решила расспросить у дочки о Мойше: она переживала за него и не знала, будет ли у них шанс ещё когда-нибудь свидеться.

– Гита, как там наш папа? Ты что-то чувствуешь, дорогая?

– Да, мама, ему сейчас очень плохо, но он жив.

– Что с ним, родная?

– Ему тяжело дышать, он в маленьком помещении, их там несколько человек.

Лея не знала, что думать. Она не понимала, что это за место такое, и решила сегодня на работе что-нибудь об этом разузнать.

– Хорошо, спасибо, любимая, будь сегодня осторожней, ни с кем не разговаривай, я тебя прошу.

– Хорошо, и ты береги себя, я люблю тебя.

– И я тебя, дорогая, – только успела сказать Лея, как её отшвырнули от дочки в сторону выхода.

Вновь заиграл лагерный оркестр. Тех, кто сегодня не проснулся, стали выносить на улицу, и девочкам в бараке приказали помогать. Но Гита вновь забилась с угол и стала вслух считать волосы в косе. Так начался очередной каторжный день.

***

Мойша проснулся от выстрелов на улице. Услышав у окна скрежет и скрип сапог, он понял, что мимо прошёл эсэсовский офицер и, похоже, закрыл отверстие для воздуха. Вскоре это заметили все в камере. Вонь от смеси запахов рабочего пота, немытого тела и мочи усилилась. В туалет никого не пускали, и приходилось испражняться под себя. Мойша чувствовал мокрую одежду соседа. Никто не знал, сколько они протянут без воздуха, как надолго им хватит того, что есть. Но все понимали, что это их приговор, и жить им оставалось считанные часы.

***

Сара вышла из барака на улицу и направилась к площади, где вдруг увидела рапортфюрера концлагеря Герхарда Арно Макса Палича: он о чём-то разговаривал с тремя офицерами. Сара знала, что его уже давно перевели в другой лагерный комплекс, но, видимо, иногда он всё-таки бывал на прежнем месте работы. Она подумала, что такая встреча ей только на руку: через Палича, пожалуй, проще будет выйти на начальство, чем через какого-то офицера. Дождавшись, пока рапортфюрер закончит разговор, Сара подошла к нему.

– Гауптшарфюрер! Гауптшарфюрер! – тихо позвала она, чтобы никто другой не услышал.

Двое эсэсовцев, проходивших мимо, заметили её и резко бросились заламывать руки. Но тут они узнали в Саре капо женского барака и ослабили хватку.

– У меня есть важное сведение лично для вас! – на немецком произнесла Сара.

Немецкий она изучала еще в школе, и ей он очень сильно пригодился здесь: благодаря ему она общалась с фашистами и была переводчицей.

– Оставьте её! Отпустите! Подойди ко мне! – приказал Палич.

Солдаты отпустили Сару и сопроводили к главному офицеру.

– Говори!

– У меня есть очень важная информация, и я хотела бы передать её директору лагеря.

– А почему не мне?

– Это очень ценная информация, и я хотела бы получить за неё соответствующее вознаграждение.

– Я тебе тоже могу его дать.

Сара, склонив голову, молчала.

– Ну, ладно, ладно, отведите её в мой прежний кабинет. Сначала ты расскажешь мне, а я подумаю, стоящая ли это информация, чтобы доносить её коменданту. Понятно?

– Да, хорошо, – Сара поникла.

– Давай, пошли!

Двое солдат повели Сару за рапортфюрером. Через несколько минут они были уже в кабинете. Сняв с себя верхнюю одежду и офицерский мундир, Палич медленно налил себе стакан воды, после чего сел в кресло. Сара осталась стоять перед столом.

– Ну, что, давай, говори, что за ценная информация у тебя.

– К нам в барак недавно поступили новенькие, евреи с Западной Украины. Среди них есть одна очень особая девочка.

Выпив стакан воды, офицер спросил:

– Ну, и что это у неё за особенность?

– Эта девочка обладает особым даром: она чувствует людей на расстоянии. Вчера я попросила её рассказать о некоторых людях, о троих солдатах Рейха в том числе.

Потом я со всеми переговорила, и каково было моё удивление, когда выяснилось, что эта девочка всё сказала правильно.

– Кто она по национальности?

– Еврейка.

– Этого не может быть, в это я не верю.

– Это точно, я вас не обманываю.

– Головой ручаешься?

Сара на секунду задумалась.

– Ну, так да или нет?

– Да.

– Странная какая-то аномалия, лучше всего с этим сможет разобраться доктор Менгеле, я этого не понимаю. Хорошо, ты будешь вознаграждена за это, не переживай. Я хочу, чтобы завтра ты привела эту девочку сюда, ко мне, нет, лучше в кабинет доктора Менгеле, там мы с ней и пообщаемся.

Сара кивнула.

– Ну, всё, а теперь пошла вон.

Сару тотчас вытолкали из кабинета, и она вернулась в барак. Дело было сделано. Завтрашний день должен был определить её дальнейшую судьбу, удачную, как надеялась Сара.

***

Смеркалось, очередной пыточный день заканчивался. Лея вновь вернулась с работы еле передвигая ноги. Сил хватало только на то, чтобы поползти до кровати. Еды было на один зубок, что не могло никак придать силы на завтрашний день, оставался только восстановительный глубокий сон, которого все так долго жаждали. Гита вновь встретила маму, подбежала к ней и помогла забраться на верхний ярус. Взобравшись, Лея рухнула

на кровать и некоторое время просто лежала не шевелясь. Гита обняла маму сзади, прижалась и погладила по голове своей крохотной ручонкой. Соседки не было, и они развалились на целую кровать.

– Мама, я этой женщины не чувствую, – сказала вдруг Гита.

– Да, милая, она сегодня умерла на работе. Ей передавило ноги.

– Мне жаль её.

– И мне жаль, милая. Как ты переносишь всё, что вокруг нас творится?

– Терплю, мама.

Лея посмотрела на косу дочки, от которой уже практически ничего не осталось.

– Терпи, любимая, терпи.

Лея прижалась головой к груди дочери.

– Как там наш папа?

Она боялась ответа: ей сегодня объяснили, что это за узкие камеры, в которых недавно поместили четверых взбунтовавшихся заключённых, – камеры смертников, из которых мало кто выбирался живым.

– Он жив мама, ему тяжело дышать, но он живой.

– Слава Богу, дай Бог ему везения, – с облегчением произнесла Лея, после чего обняла дочку и тут же заснула.

Гита не могла спать в эту ночь, она что-то чувствовала – лежала с открытыми глазами, смотрела на спящую мать и плакала. Гите казалось, что они с матерью и отцом больше никогда не увидятся, это странное, интуитивное предчувствие заставляло её маленькое сердце обливаться кровью. Она чувствовала смерть, подкрадывающуюся к каждому в этом лагере. Перед её глазами проносились сцены последних секунд жизни всех тысяч людей, которых не станет уже завтра. Она уже не могла

сдерживать эту боль и страх, они просто вырывались наружу, разрывая её душу, выворачивая наизнанку, детское сердце просто не в состоянии было всё это выносить. Ночную тишину разорвал детский крик, тут же залаяли собаки. В бараке проснулись все. Лея, проснувшись, увидела взгляд своей дочери, полный ужаса. Казалось, что душевный крик каждого заключённого прошёл сквозь её сердце и высвободился. Лея обняла Гиту, и они ещё долго вместе тихо плакали.

Все решили, что девочке приснился страшный сон, и снова легли спать.

– Мама, мама, – чуть успокоившись, позвала Гита.

– Что, что, любимая?

– Нужно поставить свечки за всех, за всех, кто был здесь. За каждого.

– Да, милая, мы так и сделаем, когда выйдем отсюда, я тебе обещаю.

– В этом безжизненном месте Бога нет, но есть огоньки людских сердец, которые затухают очень и очень быстро. Мама, молись, прошу тебя, молись постоянно, призывай нашего Бога, пускай он увидит, как всем в этом аду тяжело. Я молюсь за вас с папой постоянно, нам больше уже не увидеться.

Лея прижала дочку к себе. Она тоже это чувствовала, но тут судьбой своей никто не распоряжался, Лея ничего не могла с этим поделать.

– У тебя широкое сердце, моя любимая, таких сердец, как у тебя, нет ни у кого, ты очень особенная, ты одна такая на целой планете. Сама природа тебя наделила таким особым сердцем. Ты знаешь, почему ты родилась такой?

– Некрасивой?

– Нет, нет, ты что, ещё какой красивой. Неважно, как ты выглядишь, важно, что у тебя внутри, какое у тебя

сердце, главное в человеке не тело, а душа. В душе ты ангел. Наша жизнь неспособна родить такую красоту. А всё потому, что сама природа не в состоянии выдерживать такой святости, такой ангельской души, как у тебя. Эта природа несовершенна, а ты доказательство того, что ангелы существуют. Вы чисты перед Богом и живёте в его огромном и широком сердце, и потому тебе дан этот дар, которого нет ни у кого.

Лея притронулась рукой к сердцу Гиты и сказала:

– От сердца к сердцу.

– От сердца к сердцу, мама, – ответила Гита.

Это была их любимая фраза.

– Я рада, что ты у меня есть.

Лея уже понимала, что это их последняя ночь, последний разговор, понимала, что Мойшу она тоже уже не увидит никогда. Лея плакала, надежда на чудо улетучилась, всё разбилось, рухнуло безвозвратно. В эту ночь они обе ещё долго плакали и смотрели на друг друга, вспоминая всё самое хорошее, что было в их жизни. Потом долго молчали, а после Лея прижала Гиту к себе и стала тихо, на ухо, петь её любимую колыбельную. Вскоре они забылись глубоким, спокойным и счастливым сном. Но спать им оставалось недолго: последняя безжалостная ночь промчалась в одно мгновение. Через некоторое время послышался гонг. Гита поняла, что через пару минут уже больше никогда не увидит мать.

Лея, проснувшись, в этот раз почувствовала огромный приток сил: за два часа она выспалась, как не высыпалась уже очень давно. Это Гита ночью, глядя на спящую мать, сама того не понимая, отдавала ей свою жизнь, силу своего чудного животворящего сердца. Лея продолжала лежать, сегодня она не хотела уходить, она смотрела на дочку и понимала, что видит её в последний раз.

– Я люблю тебя, милая, – это всё, что она могла сказать.

Нет таких слов, которыми можно передать, что она чувствовала в тот момент, слово «люблю» не могло вместить всех тех эмоций, которые бушевали в её груди. Лею взяли за руку местные капо и вытащили на улицу. Она успела поймать последний взгляд дочки. У Гиты в груди всё опустело. Она забилась в угол и молча стала смотреть в одну точку.

***

В женский барак вошли эсэсовцы и капо Сара. Наступил день, когда пришли за детьми. Сара подошла в Гите и сказала:

– Гита, сегодня твой удачный день, есть те, кто может помочь тебе и твоим родителям. Ты понимаешь?

Гита помотала головой.

– Смотри, мы сейчас пойдём к тем людям, которые смогут освободить вашу семью, но для этого ты должна будешь показать свои способности. После этого вас выведут за территорию лагеря, и вы поедете домой. Пойми, всё зависит только от тебя, ты можешь спасти родителей, это ваш шанс. Я помогу вам. Ты согласна?

Гита подняла голову и кивнула, принимая предложение Сары.

– Хорошо, тогда пойдём.

Из барака забрали всех детей, посадили в один вагон и куда-то повезли. Гите хотелось верить, что сейчас её отвезут домой, но всё её существо подсказывало, что этого не произойдёт.

***

Доктор Йозеф Менгеле ожидал прибытия поезда в своём кабинете в компании рапортфюрера концлагеря

Герхарда Арно Макса Палича. Палич вернулся из поездки по делам ещё вечером.

– Ты веришь в то, что тебе рассказала эта жидовка? – спросил доктор.

– Да, факты неоспоримые и проверенные. Девочка обладает гиперчувствительностью.

– Гипер? Она же урод, и к тому же еврейка. Ты же понимаешь, что эти факторы противоречат законам природы и нашим убеждениям.

– Да, поэтому я предлагаю тебе проверить её способности. Ты в этом специалист, такого экземпляра, уверен, у тебя ещё не было.

– Я на это надеюсь.

В дверь постучали.

– Да, заходите! – разрешил доктор.

Солдаты завели в кабинет Гиту и Сару.

Сара понимала, где она находится и кто перед ней, но ожидала увидеть совсем не это: на столе доктора стояла высушенная голова, а под потолком висела люстра, обтянутая кожей, скорее всего, человеческой. Проследив за её взглядом, доктор Менгеле фыркнул и убрал голову в шкаф, в котором лежало много других высушенных частей человеческого тела.

В кабинет зашёл Тило, помощник доктора Менгеле, он принёс отчёты о проведённых ими опытах.

– Ну, что, в двух словах, какие результаты у вчерашних опытов?

– Большинство экспериментов, кроме стерилизации и кастрации, прошли неудачно. Многие облучённые сегодня утром скончались, также сегодня утром в лагерь поступили новые пациенты, из них восемнадцать карликов и шесть пар близнецов, в основном румыны и поляки.

– Отлично!

– Подготовить их к операции?

– Нет, сегодня я буду занят. Займёмся этим завтра. Скажи другим, чтобы меня сегодня не беспокоили.

– Хорошо, доктор, что-то ещё?

– Нет, оставь нас.

Менгеле дождался, пока помощник покинет кабинет, и продолжил:

– Гитлер полагал, что содержание умственно-отсталых и психически больных людей является лишней статьей расходов для экономики Рейха, и тратить средства на это – бессмысленно. От них всех нужно было избавиться, что мы и сделали, и поставили это на поток, а ещё сумели извлечь из этого огромную выгоду. Сегодня миллионы рейхсмарок отправляются из лагеря в столицу, благодаря нам в экономику третьего Рейха вливаются огромные суммы денег, мы строим Рейх своими руками. Сам Гиммлер, когда приезжал в последний раз, был удивлён, как мы из ничего умудрились сделать очень прибыльное дело. Всё в наших руках, скоро мы создадим солдат будущего, пусть для этих опытов понадобится уничтожить всех евреев, цыган и славян планеты, что мы и так сделаем.

Сару затрясло от ужаса и понимания, куда она привела Гиту. О докторе – ангеле смерти по лагерю не зря ходили очень плохие слухи, но ничего нельзя было изменить.

– Ты говоришь на немецком? – спросил у Сары доктор Менгеле.

– Да, говорю и смогу вам переводить всё, что будет нужно.

– Хорошо, тогда спроси, как её зовут.

Гита держала голову опущенной и пальцами перебирала косу, считая волосы. Сара перевела ей вопрос доктора.

– Гита, – представила девочка, не поднимая головы.

– Ну, вот, хорошо, скажи ей, что меня зовут доктор Менгеле и что мы хотим помочь ей и её семье.

Сара перевела. Гита подняла голову, чтобы посмотреть на врача.

– Видишь, мы ничего плохого не желаем, нам нужно тебя исследовать, и тогда ты с мамой и папой сможешь покинуть этот лагерь. Транспорт на улице уже готов. Вы где живёте? Куда вас лучше доставить?

Гита молчала.

– Они из Западной Украины, из города Ковель, – сообщил Герхард Палич.

– Хорошо, отлично, через сутки вы можете быть уже дома. Но для начала мне нужно узнать, что ты умеешь, ты покажешь мне всё, на что способна, и больше от тебя ничего не требуется. Ты согласна?

Гита кивнула.

– Ну, вот и отлично. Проводите девочку в соседний блок, да, и дайте ей поесть.

– Будет сделано.

Солдаты увели Гиту и Сару.

– Пойдём, ты должен на это посмотреть, – сказал доктор Герхарду.

– Что ты хочешь с этим уродом сделать?

– Мы её исследуем.

– Только будь «аккуратен», – ухмыльнулся Палич, – а то твоя слава в лагере растёт очень быстро.

– Ты о чём? Не понимаю.

– Знаешь, как тебя называют?

– Ты об «ангеле смерти»?

– Да.

– Пускай называют. Только не смерти, а спасения. Благодаря мне третий Рейх обретёт свою истинную плоть, а пока я удаляю с его тела все волдыри и язвы.

И мы будем делать это до тех пор, пока не уничтожим последнего паразита, это наша святая обязанность. Ну, ладно, пойдём, посмотрим, что это за выродок такой.

***

Сару и Гиту привели в комнату, где на кровати лежала одна девочка. Остальные четыре кровати были пусты. Выходя из комнаты, один эсэсовец сказал Саре:

– Ты останешься здесь, с девочкой, и будешь переводить всё, когда понадобится. Поняла?

Сара кивнула, после чего взяла Гиту за руку и повела её на свободную койку. Солдаты вышли и закрыли за собой дверь.

– Садись, это твоя кровать, будешь спать здесь, а я – на соседней.

Гита села и посмотрела на кровать у окна, на которой лежала, прижавши к себе колени, девочка лет тринадцати-четырнадцати и почему-то дрожала. Хотя Гита и была замкнутой и предпочитала одиночество, но эта девочка её чем-то привлекла: она испытывала те же эмоции, что и сама Гита. И Гите казалось, что это её сестра, о которой она раньше не знала. Тут девочка почувствовала чужой взгляд, развернулась и села на кровати, смотря на Гиту. Она что-то пробормотала, кажется на польском. От бесилия её голос звучал совсем тихо.

– Здравствуйте, вы новые жильцы? – перевела Сара и ответила: – Так. А где все остальные, ты здесь одна? – на ломаном польском спросила Сара.

– Каждый день сюда приводят новых людей, но никто не задерживается надолго, – поведала девочка.

– Почему?

– Я не знаю, их куда-то уводят, и они больше не возвращаются.

– Видишь, Гита, их отправляют домой. А ты сколько уже здесь?

– Четыре дня.

– Ты одна? Где твои мама и отец?

Девочка опять легла, повернулась к ним спиной и замолчала.

Гита прониклась сочувствием к соседке. Подойдя к ней, она аккуратно положила руку ей на плечо. Девочка почувствовала прикосновение и повернулась. Они смотрели друг другу в глаза, и им казалось, что они знают друг друга уже много лет. Гита улыбнулась и принялась гладить девочку по голове.

– Меня зовут Гита, а как тебя зовут?

Им даже не нужен был переводчик, они понимали друг друга и так.

– Чеслава, Челава Квока.

Гита видела девочку насквозь, её боль и страх: два дня назад убили мать Чеславы. Гита перестала гладить новую знакомую по голове, положила правую руку ей на сердце и закрыла глаза. Чеслава тоже закрыла глаза и накрыла ладонь Гиты своей. Чувствовалось, что Чеславе становится легче. Её дыхание успокаивалось. Когда Гита открыла глаза, она заметила, как поменялся цвет лица Чеславы: бледное, оно постепенно розовело и покрывалось румянцем. Чеслава резко открыла глаза: ей стало очень спокойно, вся боль, все страхи, переживания, тревожные и печальные воспоминания как будто исчезли. Она чувствовала благодать, исходящую от рук Гиты, она понимала, что происходит какое-то чудо, прикосновение Бога к её сердцу, наполнявшее верой и надеждой. Теперь Чеслава хотела спать. Она плавно убрала руку с ладони Гиты, завалилась на бок и заснула.

Сара, наблюдавшая за происходящим, понимала, что эта девочка – от Бога, а она привела её в западню, в кровавые лапы ангела смерти. Саре стало не по себе, она тоже повернулась на бок на своей кровати и, закрыв глаза, про себя начала читать молитву, хотя понимала, что спасти Гиту уже не удастся. Не думала Сара, что в таком месте у неё проснётся совесть, которая начнёт её душить, не давая спокойно заснуть.

***

Зимний день пролетел очень быстро для тех, кто сильно не утруждался. Тем же, кто уже практически падал от усталости, день показался бесконечным: время просто стояло на месте.

Офицер, ещё утром закрывший отверстие, через которое поступал воздух в «камеру смертников», забыл её открыть через пару часов, как обычно. Мойша заметил, как голова соседа спереди упала на грудь и больше не поднималась, его тело потихоньку остывало. Их осталось трое. Но в этом был и плюс: теперь на одного человека меньше потребляло воздух, и его должно было хватить на большее время.

Наутро Мойша был единственным живым в камере. Он понимал, что жив лишь благодаря занятиям плаванием в молодости. Развитые лёгкие позволяли ему очень долго держаться под водой. Внезапно послышался какой-то звук наверху, у окна, после чего в камеру стал поступать воздух. Мойша принялся жадно глотать его, как единственную благодать, о которой можно было мечтать в тот момент. Наверху стоял офицер, тот самый, который забыл вовремя открыть отверстие. Он подозвал к себе ефрейтора.

– Достаньте заключённых из этой камеры, они давно уже все мертвы, и прикажете отвезти их на сожжение.

– Слушаюсь, унтерштурмфюрер.

Вскоре все трупы были вытащены двумя участниками зондеркоманды, осуществлявшей зачистку камер. Они извлекли и Мойшу.

– Один живой! – сказал участник зондеркоманды.

– Как живой?! Они же здесь уже больше суток, это невозможно, – удивился ефрейтор.

– Да, да, ещё шевелится.

– Поднимите его и поместите в соседнюю одиночную камеру, пускай пока побудет там, до моих дальнейших указаний.

Мойшу подняли и перенесли в соседний карцер, подземную камеру, там обычно держали только тех, кого должны были расстрелять. Сквозь полуобморочное состояние Мойша разглядел пыточный двор, где заключённых мучили и расстреливали. Он понял, что именно они слышали, находясь в тесной камере, когда эсэсовцы стреляли каждые несколько минут. Тихо становилось, вероятно, только тогда, когда с места расстрела оттаскивали трупы. Между блоками находилась та самая стена смерти, где приводился в действие приговор.

– Завтра решат, что с ним делать.

Мойша пролежал в камере до вечера. Очередной день заканчивался. Он лежал на полу и даже не пытался подниматься, он плакал, как ребёнок, плакал и молился. Мойша не понимал, как в двадцатом веке возможно такое, за всю свою историю человек так и не стал гуманнее, человек не менялся, всё было лишь одной видимостью, маской, за которой скрывалось первобытное существо. А в душах, в сердцах была такая безжизненная бездна, от которой веяло только чудовищной дикостью и смертью. Не умеющее чувствовать сердце не могло вмещать в себя хоть какую-то мораль, глубинные корни которой

рождали святую совесть и нравственность. Без подобия Божьего человек напоминает только чудовищное, дикое и первобытное создание. Сколько сукиных детей выскочило из ада на грешную землю через портал, который был открыт прямо здесь. Мойша не понимал, как чёрные дыры в человеческих сердцах могли материализовывать всю жуть ада. С этими мыслями он уснул. Ночью ему приснился Иисус Христос: он пришёл в камеру и сел рядом.

– Не плачь, Мойша, вы не одни. Я с вами везде и всегда. О том, что вы переживаете здесь, вы не вспомните в Царстве Небесном. Я жду вас у врат. Вашим мукам приходит конец. Скоро вы все встретитесь.

Мойша зарыдал, бросился к ногам Христа, крепко-крепко их обхватил и постепенно заснул у этих ног. Утром он проснулся в хорошем настроении, совершенно спокойный. Вспомнив сон, Мойша поблагодарил Бога, подобрал с пола какой-то камушек и стал рисовать на стене. Он изобразил себя, обнимающего ноги Христа. Закончив картину, Мойша сел и стал дожидаться своей участи, только в этот раз ему не было страшно. Теперь он был готов плюнуть в лицо самому дьяволу.

***

В карцер вошли несколько солдат. Один офицер принялся пристально рассматривать выжившего. Это был шутцафтлагерфюрер концлагеря Освенцим Ганс Аумайер, которого боялись все из-за его жестокости. Он был из тех, кто поставил на поток массовые расстрелы у чёрной стены смерти, отправлял людей в газовые камеры без суда и следствия, а также проводил показательные пытки в бункере блока №11, там,

где сейчас находился Мойша. Ганс смотрел на еврея, которому чудом удалось спастись, но он не верил в чудеса.

– Откройте дверь, – приказал Ганс солдатам.

Войдя в камеру, он осмотрел всё вокруг и заметил рисунок на стене, которого ещё недавно не было.

– Художник, любишь рисовать? – на ломаном русском спросил Ганс.

– Да, люблю рисовать, у меня талант от Бога.

– Бога, какого Бога? Того, которого ты нарисовал на стене? Где твой Бог, почему он тебе не поможет? Он здесь никому не может помочь! Здесь наша территория! И властью, нам данной, мы будем истреблять вас, верующих, уничтожим всех до единого и покроем вашим пеплом землю. Пока на земле не останется только высшая арийская раса, раса избранных.

Мойша долго терпел этот абсурдный монолог, но не выдержал.

– Высшая раса? Если бы ты знал, что не существует рас на Земле, не важен цвет кожи, у всех сердце одинаковое, и только по нему определяется, человек ты или выродок. Вам, отродьям, этого никогда не попят.

Ганс пришёл в бешенство, он ударил Мойшу по лицу и, когда тот упал, принялся пинать его ногами. Через некоторое время, успокоившись, он достал пистолет, чтобы застрелить еврея, но в последний момент передумал.

– Повесить его на столбе, вечером я лично с ним покончу.

Мойшу вытащили из камеры и потащили полуживого на улицу, где находился пыточный столб. Крюк на этом столбе висел довольно высоко. Мойше завели руки за спину и в таком положении подвесили на крюке. От боли он потерял сознание.

***

Приближался вечер, в комнату, где расположились Сара и Гита, вошли двое солдат и один врач. Он обвёл всех взглядом и показал рукой на только что проснувшуюся Чеславу. Эсэсовец поднял девочку с кровати и потащил к выходу. Уже перед самой дверью Чеслава оглянулась. Гита уловила её последний взгляд.

– Dziękuję, – сказала Чеслава, и её тут же вывели в коридор.

– Она сказала спасибо, – сообщила Гита Саре.

– За что, Гита?

– Теперь ей не будет больно.

– Ты о чём?

– Её сердце теперь спокойно и не будет чувствовать боли, когда врачи его остановят.

– Ты это видишь?

– Я это чувствую.

Через некоторое время Гита вскочила с кровати и забилась в угол комнаты. Ей было жутко страшно, она очень сильно прижала колени к груди. Гита чувствовала, как Чеславе делают укол в сердце, без малейшего сожаления вводят туда яд. Гита чувствовала, как это детское сердце останавливается. Уже мёртвую Чеславу вынесли на улицу и бросили в кучу других трупов, которые потихоньку сжигали. Гита заплакала. Она поняла, что отсюда можно выйти только с дымом.

***

Эсэсовцы вылили на Мойшу ведро воды, чтобы он очнулся. Сквозь полуприкрытые веки он видел перед собой чью-то тень. Мойша с трудом открыл глаза, смутная тень оказалась тем самым офицером, который приказал повесить его на столбе.

– Ну, что, очнулся, жидовская морда?

Офицер вытащил пистолет из кобуры и, махнув им, приказал снять Мойшу со столба. Отвязанный, Мойша рухнул на землю: ноги его не держали. Солдаты подняли его с земли и потащили к специальной стене. Офицер медленно подошёл к нему и произнёс:

– Сейчас твоё сердце получит пулю, а те, кто принадлежит высшей расе, унаследуют Землю на тысячелетия, так как она принадлежит только нам. На вашем прахе мы построим наш рай, наше вечное царство третьего Рейха.

– Знаешь, что я хочу тебе сказать? Вчера ночью ко мне приходил тот, кого ты так яро отрицаешь. Он существует. А за весь ад, который вы тут устроили, вы будете отвечать. Таких, как ты, ублюдков в первую очередь нужно было стерилизовать, и матерей ваших, и отцов, чтобы земля больше никогда не рождала таких вырожденков, как ты.

Ганс поднял пистолет и выстрелил, он стрелял до тех пор, пока не опустошил всю обойму, после чего яростно приказал дать ему ещё одну. Он вытащил из кобуры соседнего офицера пистолет и продолжил стрелять, выпустив очередную обойму в самый центр сердца, в то, во что так верил этот еврей.

***

Гита вдруг вскочила с места и громко закричала. Её безумный взгляд напугал Сару. Она подбежала и обняла Гиту. Девочка ревела, она чувствовала отца, чувствовала, как остановилось его сердце. Она хотела спрятаться, забиться в какой-нибудь угол, лишь бы её больше никто и никогда не трогал. Ей нужно было замкнутое пространство. Сара крепко сжимала Гиту в своих руках. Она тоже плакала, пропитавшись горем ребёнка.

Сара чувствовала себя другой, любящей матерью, готовой на всё ради своего дитя.

Она попала в концлагерь вместе с дочкой, которую сразу отправили в печь. Сара проживала этот момент вновь и вновь. Она понимала Гиту, как никто другой. Они просидели обнявшись, пока в комнату не вошли Йозеф Менгеле, ангел смерти, как его называли в лагере, главный врач женского лазарета для заключённых доктор Бруно Китт, врач Гейнц Тило, а также несколько офицеров СС, в том числе тот самый Герхард Арно Макс Палич, с которым договаривалась Сара. Когда они вошли, то увидели Сару и Гиту лежащими на полу в обнимку

Менгеле подошёл к девочке и поднял её с пола, Сара быстро встала сама и замерла, опустив голову, готовая переводить.

– Почему вы лежали на полу? Тут же много пустых кроватей.

Сара, не поднимая головы, ответила:

– Девочке приснился страшный сон, и я её успокаивала.

Менгеле подошёл поближе к Гите и спросил:

– Что тебе приснилось, девочка?

– Умер мой папа, его убили, – сквозь слёзы ответила Гита.

Менгеле подал офицерам знак, чтобы они проверили информацию. Палич вышел из комнаты, а доктор Менгеле продолжил расспрашивать.

– Как он умер?

– Ему было больно в сердце, после чего оно остановилось, – Гита продолжала захлёбываться слезами.

– Не плачь, давай присядем. У тебя ещё осталась мама, она ведь жива? – Менгеле присел рядом и обнял Гиту за плечи.

– Да, да, она сейчас на работе.

– Вот видишь, жива пока, но надо спешить, а то и за ней могут прийти, и тогда-а-а...

– Нет, прошу вас, помогите маме, я сделаю всё, что нужно.

– Хорошо, Гита, только надо спешить, а то времени у нас вообще нет.

В этот момент вернулся Палич и качнул головой, давая понять, что Гита говорит правду: её отец действительно убит. Герхард подошёл к доктору и тихо прошептал на ухо:

– Его только что застрелили прямо в сердце.

Менгеле понимал, что видеть это девочка никак не могла: она не выходила из комнаты. Тогда доктор спросил Гиту:

– Откуда тебе известно, что папа мёртв?

– У меня с ним связь, я его постоянно чувствую.

– И маму тоже?

– Да, и маму, и всех людей, которые находятся здесь.

Врачи переглянулись: то, о чём говорила девочка, было феноменальной аномалией. Они не могли ни принять это, ни объяснить с научной точки зрения. Некая особая форма гиперчувствительности, с которой они раньше ещё не сталкивались. Да, конечно, они проводили опыты на эту тему, проверяя предел человеческой боли, замораживая части тела, облучали людей, вживую осуществляли различные операции, во время которых пациенты часто умирали.

– Твоя гиперчувствительность может спасти тебя и твою маму, а также Сару, если ты будешь делать всё, что мы тебе скажем. Ты согласна?

– Да, – тихо согласилась Гита, даже не поднимая головы.

– Тогда хорошо, завтра утром и начнём, а я распоряжусь, чтобы сегодня сюда доставили твою маму. Хорошо?

Гита кивнула.

Получив нужный ответ, врачи вместе с солдатами покинули комнату. По пути в кабинет Бруно Китт и Йозеф Менгеле обсуждали произошедшее.

– Что вы собираетесь испробовать на девочке? – спросил Бруно.

– Очень странно... Такие врождённые пороки, ужасные дефекты, и такая гиперчувствительность. Это как-то противоречит законам природы, вы не находите? Если такие уроды, да ещё и евреи, обладают такими возможностями, а мы с евгенической программой «Т-4» уничтожили уже десятки тысяч таких, не будет ли в будущем Третий Рейх сожалеть об этом? В природе ещё много неизученных аномалий, и наша задача – в этом разобраться. Поэтому я лично займусь этой девочкой, мы выясним: это уникальная способность или просто дефект психики, а никакая не гиперчувствительность.

***

Вечером вместе с отрядом женщин Лея возвращались в барак с работы. Но внезапно они поняли, что идут не в ту сторону. Все насторожились и стали смотреть по сторонам. Их вели прямо к газовым камерам. Все начали замедляться: никто не хотел идти в этом направлении. Беспокойство росло, женщины начали громко возмущаться.

– Нас ведут на бойню!

– Нас ведут в газовые камеры!

– Молитесь!

Немцы, увидев, что женщины замедлились, стали подгонять их, колотя прикладами по спинам.

– Шнеля, шнеля!

Напуганная Лея, зажатая со всех сторон такими же до смерти перепуганными женщинами, молилась про себя, закрыв глаза. Она расслабилась, и людской поток просто нёс её вперёд. В этот момент Лея думала не о себе, она переживала за дочку: их связь была настолько сильной, что Гита могла не выдержать смерти матери. Также она понимала, что больше никогда не увидит любимого мужа.

Потихоньку толпа женщин подошла к зданию, где располагалась газовая камера. Они не знали, что в концлагерь уже ехал очередной эшелон со свежими евреями из Польши и Румынии, поэтому начальник приказал уничтожить старых заключённых и заменить новыми. Их просто списали.

У входа в газовую камеру их ждали немцы с лающими собаками. Женщин, как скот, загнали в помещение, нанося жесточайшие удары палками. Их было примерно человек двести, камера не была рассчитана на такое количество людей, их буквально утрамбовали туда. Не хватало ни места, ни воздуха. Внутри камеры было на удивление тепло, особенно после февральского холода. Женщины стояли, прижавшись друг к другу, и практически не дышали. Напуганные до смерти, они плакали и молились.

Внезапно погас свет. Ужас проник в каждое женское сердце, наступила минута тишины и ожидания. Через несколько секунд на крыше послышались шаги, после чего открылся люк – его отодвинули двое эсэсовцев в противогазах. Все смотрели вверх, всё ещё надеясь, что это какая-то дезинфекция от всяких паразитов и вшей. Через открытый люк были видны звёзды, казалось, что узниц сейчас освещает весь Млечный Путь, его можно было рассмотреть очень хорошо. Вдруг показалась чья-то

тень, было видно, как около люка положили мешок, который слегка свесился вниз, прямо в проём. Потом мешок надрезали, и из него что-то посыпалось на головы тех женщин, которые стояли под отверстием. После чего люк быстро закрыли, и стало совершенно темно.

– Это газ! Это гранулы газа!

– Ядовитый газ! Не дышите!

Лея набрала в лёгкие побольше воздуха и задержала дыхание. Она закрыла глаза и продолжила молиться. Она понимала, что воздуха в лёгких всего лишь на одну-две минуты, это были те самые минуты жизни, которые ценились больше всего на свете. Время как будто бы замерло, но биение сердца – нет: оно продолжалось биться, расходуя драгоценный воздух. Со всех сторон слышались вопли и крики, Лея только сильнее жмурилась. Крики постепенно стихали. Лея не знала, сколько времени она уже не дышит. Вдруг наступила полная тишина. Лея со страхом открыла глаза и увидела, что вокруг уже все мертвы, но продолжают стоять, потому что некуда упасть. Лея, видя испарения, уже понимала, что это смертельный газ. По щеке покатилась слеза, она открыла рот и сделала глубокий вдох, закашлялась, с кашлем выдыхая последний живительный воздух из лёгких. В глазах потемнело, Лея потеряла сознание, и через несколько секунд её сердце остановилось навсегда.

По лагерю разнёсся детский крик, разрывающий эту жуткую тишину:

– Ма-а-ам-ма-а-а!..

***

В эту ночь Гита спала под кроватью. Утром её разбудил звук хлопнувшей двери, но она продолжала лежать неподвижно, прижав ноги к груди и сжимая их что есть

силы. В комнату вошли врачи. Менгеле уже знал о гибели матери девочки. Ему об этом доложили ещё вечером. Он знал, что всех женщин из предыдущей партии евреев отправили в газовую камеру. Менгеле был зол, он этого не предвидел и понимал, что совершил ошибку: надо было сразу послать за матерью Гиты. Тогда девочка была бы более стоворчивой, и эксперимент можно было провести так, как нужно. Но делать было нечего, опыт будет проведён сегодня: Менгеле всерьёз настроился заглянуть внутрь этой еврейки с явным монголизмом и невероятной способностью. «Интересно, – подумал он, – знает ли она, что случилось с матерью. Если нет, тогда это никакой не дар, а случайность».

– Гита, слышишь, ты где? – позвал доктор. – Давай, вылезай из-под кровати, пойдём, нас сегодня ждёт то, о чём мы договаривались вчера. Потом вы с мамой поедете домой.

Сара присела около кровати Гиты и сделала вид, что переводит:

– Гита, не вылезай оттуда, эта фашистская морда хочет отправить тебя в лабораторию и ставить над тобой опыты.

Гита продолжала лежать неподвижно и не отвечала ни на чьи слова. Палич, стоявший в стороне, знал, что на русском значит «фашистская морда». Он подошёл к Саре, отшвырнул её от кровати, вытащил в коридор и начал пинать ногами. Менгеле вышел за ним.

– Что ты делаешь? Она мне нужна как переводчик.

– Эта жидовка назвала вас сейчас «фашистской мордой», они в стоворе, теперь она ничего не переведёт больше, я пристрелю её прямо здесь.

Менгеле доверял Паличу и больше не вмешивался, потому что знал, что тот всё сделает правильно. Палич достал пистолет и навёл его на Сару.

– Это твой последний шанс, жидовка: или ты сейчас переведёшь девчонке всё, как положено, или тебя унесут отсюда мёртвой. Считаю до трёх: раз, два...

Жизнь Сары висела на самом тоненьком волоске, но её в этот момент уже ничего не беспокоило. Она полюбила Гиту, как свою дочь, и предавать её больше не собиралась. Сара встала, подошла к эсэсовцу и плюнула ему в лицо. Прозвучал выстрел. Тело Сары упало на пол и больше не шевелилось.

Гита под кроватью вздрогнула от звука выстрела.

– Взять еврейку, доставить ко мне в хирургических кабинет и приготовить к операции! – приказал доктор Менгеле.

Гиту насильно выволокли из-под кровати и повели по коридору в лабораторию. Там уже лежала беременная женщина. Гиту положили на соседнюю койку и привязали ремнями руки и ноги. В этот раз она уже ничего не боялась, предчувствуя свою смерть, и смотрела, как у женщины принимают роды. Гита чувствовала биевание новорождённого сердца и страх матери. Вытащив ребёнка из утробы, врачи понесли его в соседнюю палату. Крик новорождённого был очень громким, женщина едва смогла поднять голову, чтобы хоть краем глаза увидеть своё дитя. Через пару секунд за стеной послышался звук погружаемого в воду тела. Крик ребёнка стих. Мать заплакала. Сложно было представить, как в двадцатом веке можно утопить ребёнка, как котёнка, без какого-либо сожаления, каким непробиваемо бесчувственным, бесчеловечным и жестоким нужно было быть, чудовищем в шкуре человека.

Гита чувствовала, как остановилось сердце новорождённого. Она уже даже не плакала, чувствуя боль всех сердец, находящихся в этом проклятом месте, в аду

на земле. Предчувствуя свою смерть, напоследок она пыталась облегчить страдания окружавших её людей, она отдавала мучившимся людям последние живительные силы. Было слышно, как убитая горем женщина на соседней койке успокаивается, чувствует умиротворение. Гита чувствовала, как боль покидает тех, кто лежал сейчас в соседних палатах. Теперь она знала: Бог не просто так привёл её сердце в это место, она была сильной и могла вынести боль всех страдающих. Такое крохотное сердце ребёнка, но такое по-ангельски мужественное и святое.

В палату вошли врачи и начали готовиться к операции. Помощник доктора Менгеле перебирал медицинские инструменты, медсёстры привезли марли и бинты. Гиту положили на хирургический стол под огромную лампу, слепившую глаза. Тут вошёл готовый для операции доктор Менгеле, ему надели маску на лицо, и он подошёл к хирургическому столу. Он собирался вскрыть девочке грудную клетку и черепную коробку и посмотреть, как работают живые сердце и мозг.

Гита обвела всех взглядом и закрыла глаза. Она расслабилась и успокоилась, погрузившись в свой внутренний придуманный мир, где её встретили дивные вымышленные животные: жираф по имени Африка, зайчик Снежок, бегемот Брюшко и львенок Мохнатик, а также отец, мама и Иисус Христос. Гита радостно побежала им навстречу, чтобы обнять. Она была счастлива как никогда.

– Доктор, девочка не дышит!

– Как не дышит?

Он приложил ухо к её груди. Сердце действительно не билось.

Гита сама остановила своё сердце, эта жизнь была слишком жестокой и чуждой ей. Она не предала своё

сердце, она верила, и эта вера творила настоящие чудеса, поскольку находилась в великом сердце Господа, там, где её отчий дом, там, где нет войн, насилия, мук, там, где вечно светит солнце. Гита шла по широкой светящийся дороге из чистого солнечного света, держа за руку родителей. Они шли к солнцу, а за ними шли миллионы погибших во всех концлагерях, мирных жителей, ставших жертвами всех войн на земле, стариков и детей, среди которых была и Чеслава Квока, идущая под руку с мамой, был тут и новорождённый малыш, лежащий на руках умершей вслед за ним матери. Следом шли все погибшие воины, и не было видно конца этой людской реке. Все они шли к Богу, и перед ними давно уже были распахнуты врата рая, где их ждали семьи, ангелы, архангелы и их собственные, любящие боги.

СИЗИГИЯ, ИЛИ РАЗГОВОР ДЬЯВОЛА С ПРАВЕДНИКОМ

Дьявол уже приближался к хижине праведника. Он всё же решил зайти в гости к этому святоше, жившему изолированно от мира в глухом и далеком лесу.

По рассказам своих слуг-охотников, бесов, подстерегающих праведные души, это был тот ещё отшельник. Молодой, стойкий, свято верящий в Бога и настолько правильный, что Дьявол сам пребывал в замешательстве. Таких идеальных на земле не встречалось уже давно, и он предпочитал сам лично искушать этого святошу. Это была игра великого архонта: низвергнуть праведную душу в тартарары. Только некоторым удалось избежать такой участи, что Дьявола бесило больше всего. Такого больше не должно было случиться. Дьявол вспоминал свой давний разговор с Иисусом, теперь он понимал, почему ему не удалось искушить Христа. За две тысячи лет он набрался опыта на Земле, теперь устоять перед ним было просто невозможно, сокрушались все.

Наконец вдалеке показался светящееся окно домика лесничего, в котором жил Влад. Так звали того праведника-отшельника, до которого было уже подать рукой.

***

А тем временем внутри небольшого деревянного домика Влад, после ужина и вечерней молитвы, сидел у буржуйки и наблюдал, как красиво горит огонь и как языки пламени этой грозной стихии извиваются, пытаясь пожрать всё, что попадаетеся им на пути. Он любил вечерами сидеть у огня в полном одиночестве, в эти моменты ему в голову приходили интересные мысли и накатывали воспоминания. Сегодня Влад вспоминал, как судьба забросила его так далеко от мира и сумасшедшей суеты. Ведь прошло уже более двух лет с тех пор, как он оставил всё и покинул город, в котором провёл молодость,

ведь он ушёл от мирской жизни, когда ему было всего лишь двадцать три. Это решение пришло само, оно было совершенно осознанным, несмотря на молодость. Все его жизненные дороги постепенно как будто сами собой свелись к единственной. Ну, а если быть точнее: вера сокращала его пути буквально до одного, в котором, казалось, только и был смысл. Хотя искусовых дорог вокруг было тьма тьмущая, но ни одна его не манила. Его звала та, предопределенная и единственная, которая уводила его в лес, к природе, к отшельнической жизни, и на то были свои причины. Влад родился в городе, среди сплошного бетона и асфальта, среди жуткой суеты и нескончаемых проблем и стрессов, в которых все варилось ежедневно.

Владу казалось, что последние деревья спиливали и заливали всё асфальтом специально, чтобы человек окончательно терял связь с природой. А ему жутко хотелось ходить босиком по голой земле, впитывая её силу, соединяясь с природой, от которой его давно оторвали и которой ему так не хватало.

Оторванный от природы, он отчаянно блуждал по серым лабиринтам улиц, не видя просвета. Душа бунтовала, задыхалась и мучилась, разъедаемая мёртвой средой. Влад шел, повинаясь непонятному зову, ему казалось, что он белая ворона, не от мира сего.

Каждый раз проезжая на троллейбусе мимо центрального городского храма, Влад чувствовал, как у него что-то ёкает в груди, сердце сжимается и обливается кровью. Объяснения этому не было. Влада словно тянуло туда. В самые тяжёлые минуты жизни он заходил в храм и часами сидел в тишине, один, разговаривал с Богом. Влад чувствовал его присутствие всегда. И в этот день, проезжая мимо храма, смотря на его купола, он

не выдержал, сорвался, вышел из троллейбуса на следующей остановке и пошёл туда. Что его звало, что мучило, он не понимал, но это его не останавливало. Этот день стал решающим для Влада, определившим будущее. На удивление, в храме не было совершенно никого. Перекрестившись, Влад прошёл в центр и буквально застыл перед иконой Христа Спасителя. В его душе пылал огонь, и по щекам текли слёзы. Влад посмотрел на иконы, написанные на куполе храма и рухнул на колени, заливаясь слезами. Он просил у Бога помощи, просил, чтобы тот направил его, так как не видел смысла в собственной жизни. Это была искренняя исповедь, душа его находилась на грани. Вдруг вышедшее из-за туч солнце тонким лучом прошло сквозь окно под куполом, осветило его и остановилось на нём. Влад открыл глаза и удивился: он смотрел сквозь этот луч и видел в нём Бога, его руку. Внезапно в открытую форточку влетел голубь, сделал пару кругов под куполом храма и плавно приземлился на пол около Влада. Тот радостно улыбнулся, увидев в этом знак. Теперь Влад знал, как будет жить дальше: с Богом в сердце, всегда и везде. Батюшка наблюдал за ним, стоя в стороне, и у него покатились по щеке слеза. Он всё понимал. Влад ещё долго сидел в храме, размышляя, только в этом месте ему было спокойно, легко, и оттуда никуда не хотелось уходить. Через некоторое время настоятель храма подошёл к нему и присел рядом.

– Тяжело?

– Да, батюшка.

– Ты не унывай, Бог всегда с нами, ты носишь его в своём сердце. Этот храм, он гораздо меньше того храма, что у тебя в сердце. В нём Бог всегда с тобой говорит, ты слушай его, в том храме он ближе к тебе, чем в любом

другом, он приведёт тебя, туда куда ты хочешь. Внемли ему, он определит твой путь.

– Спасибо, батюшка.

Бог направил Влада в лес, в маленький заброшенный домик лесничего. С лесничим он познакомился, когда ходил в поход в горы. Этот домик не раз ему снился и определил его дальнейший путь. Теперь всё в жизни Влада сводилось к тому, что маленький лесной домик должен был стать его пожизненным пристанищем, приютом отшельника. Это Влад понимал ещё и потому, что не пил, не курил и даже не ругался матом, несколько лет назад перестал есть мясо, – всё это было не свойственно среде, в которой он находился. Его друзья-ровесники гуляли и ничем не брезговали, беря от жизни всё, что можно, погружённые во все возможные искушения и соблазны.

Владу казалось, что ему не нужно ничего из той суеты и тех забав, наполненных фальшью, искусственностью, гордыней, эгоизмом и высокомерием. Всё это было чуждо ему. То, что Влад искал, находилось совершенно в иной плоскости, его тянуло к простоте, к какой-то искренности, честности, чистоте душевной, ничего из этого не попадалось ему на пути. Это он видел, только когда оставался наедине с природой и самим собой. И свои внутренние принципы он и не думал преступать, он доверял им, в них не было фальши. Его притягивала природа, манила постоянно, и только в отшельнической жизни он видел смысл, только вдали от суеты, один на один с природой он мог оставаться самим собой. Здесь мысли текли совершенно иначе, чисто и спокойно, так как требовали его душа и дух.

В двадцать три года Влад был уже полностью самостоятельным. Он ушёл от семьи ещё в восемнадцать лет

и с тех пор жил один, изредка навещая родных. Он не был женат и не имел детей, но у него была возлюбленная, первая любовь, Люда. Они были вместе уже много лет, так как познакомились еще в детстве. Но, осознавая, что в миру ему нет места, с болью в сердце он решил расстаться с любимой девушкой и отпустить её. Это был нелёгкий выбор, но серьезный и, как говорят, осознанный, тот зов души, которому нельзя было перечесть, это было нечто интуитивное и самое, как ему казалось, правильное.

Влад вспоминал их последний, решающий разговор. Люда понимала его, но не понимала, как он может отказаться от семьи, от будущих детей и простой человеческой жизни, как у многих. Она много плакала, но всё же отпустила любимого. То, что двигало им, ходило не по земным дорогам, она это понимала, но всё же надеялась, что когда-нибудь он вернётся. Хотя шансов на это было очень мало.

Влад знал, что Люда хотела уйти с ним в лес, но он считал это неправильным. Он понимал, что любимая долго не протянет в лесу и, скорее всего, предпочтёт обычную жизнь, к которой привыкла. Тем более Влад знал, что Люда хотела жить в городе, хотела простой жизни. Она, как все современные девушки, больше заботилась о материальных вещах, чем о духовных, она предпочитала синицу в руке, нежели журавля в небе, она была искренней в этом плане и поэтому отпустила.

Кто на что друг друга обрекал, они не ведали, жизнь – сложнейшая штука, и разобраться в ней не всегда получалось у простых людей, это была одна из сложнейших задач, которую не в силах решить никто. А те, кто пытался это сделать, или растворялись в лесах, уйдя в себя, как Влад, погрузившись в полное затворничество, или вели жизнь на грани, просто исчезали

и уходили в молодом возрасте, не вкусив всей грязи жизни, не дожив до двадцати восьми. Мало было тех, кто вырывался из этого жизненного болота, но тем, кто вырывался, ангелы вновь прикрепляли крылья.

Так произошло с Владом. Он переехал в лес, в домик лесничего, и проводил дни в постоянной молитве, он приучил себя молиться буквально всегда: когда запасается дровами, когда ест, когда работает в огороде, выращивая себе картошку, помидоры, лук и разные овощи. Каждую ночь перед сном Влад особенно сильно молился Богу. Он понимал, что сон – это единственное место, в котором контролировать ситуацию очень сложно. Во сне искушений было больше, чем в реальной жизни. Практически каждую ночь ему снились кошмары, развратные сцены, к которым он должен был быть причастен. Сцены рисовались такие, что Владу казалось: кто-то создаёт их специально. Так его искушали, когда душа была не прикрыта. Зная все слабости, можно искусить любую праведную душу. У дьявола это было поставленной на поток, существовала множественная иерархия искустителей: демоны, бесы, феи, фурии, лярвы и ведьмы. Иерархия тьмы работала каждую ночь на полную катушку, сводя с пути святости тех, кто шёл к Богу. Во снах ими создавались такие забвения, в лабиринтах которых можно было потеряться раз и навсегда душам, которые не определились, в которых вера была не так сильна.

***

В эту ночь в лесу стояла абсолютная тишина, туман покрыл остывшую землю, а луна сияла ярко, как днём. Дьявол медленно подходил к маленькому лесному домику, в котором жил Влад. Навстречу ему вышли нечистые духи, окутавшие дом тёмной пеленой и мрачными тенями.

– Здра-а-а-авству-у-у-уй, пове-е-е-ели-и-и-ите-е-е-ель и вла-а-ады-ы-ыка, – шипя, как змеи, проговорили они.

– Докладывайте, никчёмные твари! Без меня вы хоть на что-то способны? – грозным и пугающим голосом спросил Дьявол. – Мне лично пришлось явиться сюда, и я надеюсь, что не зря, иначе я вас всех разорву в клочья и высосу всю жизнь из ваших никчёмных душонок, выжму вас, как лимон.

– Нам никак к нему не подобраться, князь. Его мысли кристально чисты.

Дьявол посмотрел с отвращением, скривив лицо, не веря в то, о чём ему говорят.

– Они отбрасывают нас, его барьер нам не обойти, он в духе, владыка. В духе, в духе, в духе, – слышалось шипение со всех сторон. – Во всех снах, каждую ночь мы пытаемся его искутить, какие только иллюзии мы не создавали. Мы строили ему золотые замки, мы дарили ему горы сокровищ, планеты, всё, о чём можно было только мечтать, но он не искутился ничем.

– Значит, плохо подготовились, не изучили, не знаете, что ему нужно, что его влечёт. Так вы никогда не найдёте к нему подход, бездарности! Вас ещё учить и учить. Что ещё предпринимали?

– Не сердись, владыка. В какое только забвение, живое и неживое, мы не погружали его душу во сне, но всё безрезультатно. Какие только архонты его ни искушали, лучшие из лучших, ни власть его не привлекла, ни богатства, ни все деньги мира, ни себялюбием его искутить не удалось, ни гордыней, ни самовластью. Ему от мира не нужно ничего. Какие только ведьмы им ни занимались, предлагая ему силу магии и знания, какие только девы и нимфы ни являясь ему во всех самых откровенных образах, в обнажённом божественном виде,

соблазняя всем, чем только можно, с мастерством самых искусительных любовниц, даже самые искусные развратницы оказались не в силах ничего сделать с ним, ни оргии, которые ему представлялись, ни гарем жён ему не нужны. Какие феи, и богини разврата только ни приходили к нему в дни пика природного сексуального желания, когда нужна одна спичка, чтобы разгорелось бешеное пламя страсти и похоти. Всё безрезультатно, повелитель, это особый случай, тот самый, которого вы так долго ждали.

– Вы уверены?! – спросил Дьявол, как отрезал.

– Несомненно, владыка, только от нашей немощности мы призвали вас. Это ваш уровень, ваша жертва, ваша игра.

– Если это не так, я спущу с вас шкуру собственноручно! Всё, исчезните!

А в это время праведник Влад спал очень крепким и глубоким сном, в котором порой даже сердце переставало биться, его дух блуждал в таком глубоком забвении, что даже сатане понадобилось время, чтобы найти его. С каждым разом дух Влада уходил всё дальше и дальше, практически теряя связь с телом, спавшим в комнате, комнате, в которой уже находился он, главный тёмный архонт, нависший над кроватью праведника. Вокруг сгущалась тьма и потихоньку окутывала весь лес. Не было видно совершенно ничего, даже птицы и звери затихли, лес плавно погрузился в жуткую тишину, не предвещающую ничего хорошего.

***

Открыв глаза, Влад увидел, что стоит в парке у озера, которое окружают плакучие ивы, склонившие ветви над водой. Они напоминали Владу волосы его любимой

Люды, которая как будто плавала в этом лесном озере. Воображение разыгралось, он на миг забыл, что живёт затворником, и предался сладким и таким живым фантазиям, вмиг ожила память, и стали приходить воспоминания, которые согревали его душу. Влад вспомнил их первый поцелуй у озера в таком же парке, они трепетно смотрели друг на друга и боялись сделать первый шаг. Это детское стеснение и пылающий огонь чувств Влад не мог забыть, всё сегодня ему напоминало тот самый день.

Было раннее утро, белое покрывало тумана лежало на поверхности озера и плавно накрывало берег, где туман сгущался и, похоже, не собирался рассеиваться, потому что земля была ещё холодной. Вокруг стояла удивительная тишина, всё спало и не хотело просыпаться. Невероятная безмятежность чувствовалась в этом застывшем чудном и волшебном пейзаже. На берегу озера постепенно проявился какой-то силуэт. Влад осторожно и не спеша пошёл в ту сторону. Туман под его ногами расступался и тут же сходиллся вновь, не давая на себя наступить. Подойдя ближе к озеру, Влад различил очертания чего-то, напоминающего скамейку, на которой, кажется, кто-то сидел и смотрел на застывшую воду. Подойдя ещё ближе, Влад понял, что на лавке сидит мужчина лет пятидесяти с длинными чёрными волосами, в плаще. Он остановился за спиной незнакомца.

– Посмотри на эту благодать, на эту святую безмятежность, – промолвил сидящий на скамейке, даже не повернув голову, как будто знал, что за спиной кто-то стоит.

– Как всё хрупко в такие дивные моменты.

– Посмотри, как в этой безмятежной воде отражается царство небесное, тот самый непорочный рай, погруженный в Божественную Полноту. Эта водная гладь чиста

и зеркальна только потому, что её ничего не тревожит. Это час, когда все стихии ещё спят, и на Земле открыт портал в Царство небесное. Вот он, перед нами. Посмотри, сколько светлых духов здесь обитает. Из этих врат выходят святые ангелы, и здесь можно с ними общаться. Нет, это не магия, это то самое истинное единение с природой, это тот самый момент, когда божественное появляется перед глазами и заполняет тебя, весь твой дух собой, своей божественной благодатью. Я готов дышать им и днём, и ночью и насыщаться им до бесконечности, я бы отдал всё, чтобы ещё раз вкусить той самой манны, райской неги, вновь стать с ней единым, как раньше. Я бы отдал всю Вселенную только за её вздох. Я готов нырнуть в неё с головой и впитать в себя всю её непоколебимость и безмятежность. Я уже много лет прихожу сюда каждое утро, чтобы вкусить этой благодати. Каждый это чувствует по-своему и у каждого своё представление о красоте и своя манна небесная.

После этих слов говорящий повернул голову, и Влад увидел его лицо. В чёрных глазах мужчины как будто пробежала электрическая искра.

– Да, эта красота и впрямь таинственная, сказочная, в ней есть что-то особое, она завораживает и заполнена чем-то магическим, что придаёт силы. Она наделена какой-то особой жизненной силой, которая по-особому вдохновляет и будоражит, я не могу объяснить, как это делаете вы, так глубоко и тонко, мне тяжело подобрать слова, я больше доверяю ощущениям, сердцу, чувствам, интуиции, – откликнулся Влад.

– Прожил бы ты не одну тысячу лет, то наверняка смог бы.

– Так долго жили, наверное, только первые люди, Адам, например.

– Адам прожил ровно 634 года, 6 месяцев и 18 дней.

Этот ответ незнакомца немого насторожил Влада.

– Да, ты совершенно прав, эта красота наполнена жизнью, но не смыслом. Потому что смысла нет ни в чём. Жизнь лишили смысла ещё с самого её зарождения. Когда-то Боги заигрались и предали святую жизнь, и нас в том числе, забвению, из которого мы никогда не сможем выйти. Справедливого тут мало, как и в том, что творится на Земле. Ты так не считаешь? Да, забыл представится, Вельзевул.

– Очень приятно, меня зовут Владислав, можно просто Влад.

– Да, я знал одного Владислава, очень сильной был личностью, и он, как никто другой, любил употреблять жизнь в чистом виде, – Дьявол усмехнулся, как будто что-то вспомнил.

– Вы спрашиваете о справедливости? Да, её реально очень мало, и с каждым днём я нахожу её всё меньше и меньше, – ответил Влад на заданный ранее вопрос.

– Не понимаю, как Боги смогли это допустить, тебе не кажется, что нас просто оставили на произвол судьбы, что всё творение – это какая-то злейшая ошибка?

– Да, иногда такое в голову приходит.

– Похоже, Боги оставили нас ещё очень давно, а сами купаются в своей райской неге, они очень редко теперь посещают Землю, такое ощущение, что им до нас просто нет дела. Слегка эгоистично, не скажешь?

– Возможно.

– Без Божьего вмешательства люди всю жизнь ходят в потёмках, порой ужасно беспросветных и жутких. И спрашивается, как они должны приходить к свету, если живут во тьме и пропитываются этой мерзкой болотной грязью ежесекундно? Есть некое противоречие, тебе так не кажется?

– Да, поэтому человеку дана вера.

– Вера? Во что? В то, что недостижимо и, возможно, нереально, и не существует вообще? Сколько доказательств есть о существовании загробной жизни, о Царстве небесном, рае, как хочешь его называй! Мы обманываем самих себя в надежде, что там, возможно, что-то есть. А если нет, тогда что? Мы начнём ценить нашу мимолетную жизнь? Вера – это всего лишь неоправданная надежда, иллюзия, в которую мы хотим верить. Цель всех религий – дать эту пустую надежду обезнадёженным людям и увлечь их за собой, в свои рамки, догмы, традиции и то, что ты называешь верой. Страх человеческий – вот что ими реально движет, страх делает человека послушным, так было во все времена, и были те, кто руководил теми, в чьих душах пребывал этот страх. Такое стадо нужно контролировать всегда, иначе свобода воли ничем не будет отличается от вседозволенности. Любому стаду всегда нужен пастух, тем более, что стадо от страха всегда очень послушное, так устроен человек. Да, присаживайся, Влад, я не кусаюсь. – Вельзевул указал на скамейку.

Влад уже знал, кто перед ним, сомнений быть не могло, он это чувствовал, а предчувствие его ещё никогда не подводило. И он никогда бы не подумал, что Дьявол может иметь такое обличие и напоминать обычного человека, такого душевного и располагающего к себе. Это его удивило, но он всё же наверняка знал, кто перед ним. Влад сел на скамейку, но на довольно большом расстоянии от собеседника.

– Посмотри на эту красоту, на эту живую магию. – Дьявол обвел рукой застывший лес и спокойное озеро с плавающими по нему лебедями. – Немногие видят и чувствуют её. Она не передаётся словами, она пронизывает

насквозь, проходит через дух и передаёт силу своей гармоничностью, мало кто из людей это понимает и мало тех, кто может это оценить по достоинству, надо уметь по-настоящему чувствовать.

Туман над озером постепенно стал рассеиваться, и на горизонте небо порозовело, вот-вот должно было подняться солнце, разбудив тем самым всю лесную жизнь. Дьявол наблюдал за рассветом, не отрывая глаз от горизонта. Казалось, что он жадно предвкушал этот момент.

– Вот, вот, вот он.

Уловив первый солнечный луч, Дьявол вздохнул с облегчением, закрыл глаза и сделал глубокий вдох, задержал дыхание, а потом медленно выдохнул, после чего вновь открыл глаза и посмотрел на Влада. Тому показалось, что Дьявол со вздохом проглотил первый луч солнца, пропустил его через себя и плавно, очень плавно, нехотя его выпустил. Воздух, вышедший из лёгких, как слабый ветерок, развеял туман вокруг них и над зеркальной и спокойной водной гладью, вызвав волнение воды.

– Здесь непоколебимость закончилась, – произнёс Вельзевул. – В этом моменте вся сила жизни, кто уловил её, тот и наделён жизнью. Первый луч солнца – это дыхание жизни, которое можно вкусить, вкус той самой божественной Полноты. В этот момент боги к нам ближе всего, они нас слышат, и можно загадать желание. У тебя есть заветное желание, Влад?

– Не знаю, наверное, есть.

– Какое, если не секрет?

– Меня всегда терзал один и тоже вопрос: наверняка же существует идеальный и совершенный мир. И как такое стало возможным, что мы в такой недостижимости от него? Почему ничего нельзя исправить в мгновение

ока, и выходестъ только через смерть? Ведь если бы только Бог явился всем людям, каждый его узрел бы и больше не мог этого отрицать. Неужели такое явление Божье не изменило бы жизнь? Вот тогда бы вера превратилась в самый прочный монолит, религии обрели бы совершенно иной облик, и культура возвысилась бы до такой степени, до такого предела, которого не достигала ранее. Всего лишь одно явление, которое остановило бы зло на всей земле. Ведь до сих пор так никто и не знает, как любить, для чего жить, все блуждают в потёмках в поисках смысла жизни, но находят его единицы, только те, кто честен с самим собой, те, кто во всем ориентируется на совесть, те, кто вылепил себя из морали, те, кто воспитал себя духовно, в соответствии с духом.

– Боги много чего скрывают от людей, поэтому и не могут явиться им. Они утратили эту силу в момент, когда решили разделить Божественную Полноту на инь и янь, на жизнь и смерть, разделить единую цельную монаду на мужское и женское начала. Это стало их крахом, нельзя было делить то, что изначально неделимо. Сама Мать Жизнь этого не хотела, но кто у неё спрашивал. Её разделили грубо, как будто разрубили топором пополам, отсекая от её плоти всё то, что хотелось Богам. Так впервые образовался дуальный раскол. Сама природа обрела два этих разделённых начала, две сущности, противоположности. После этого Сама Жизнь изгнала Богов из себя и вышвырнула во внешнюю тьму. Эти Боги стали Демиургами и начали создавать свои Вселенные, но уже извне Божественной Полноты, они были прокляты, и Жизнь закрыла перед ними дверь раз и навсегда. Что ты хотел, чтобы из этого всего получилось? Демиурги не смогли воссоздать прежнюю жизнь и даже малое подобие её, рай был утерян навеки. Матушка моя, Ахамот,

родила меня так же, как и всех, как выкидыш, там, где не хотел бы оказаться ни я, никто другой. Меня поставили перед фактом, как и всех смертных. Такая жизнь меня не устраивала, как и многих.

– Ты говоришь, что раньше не было отдельного мужского и женского начала, это как? Расскажи об этом. Как это возможно?

– Представь себе, что изначально существовала Сама Жизнь, великое Древо Жизни, живая Плерома, как её только ни называли, Извечное Животворящее Начало. Так вот, оно и породило всю существующую жизнь, все монады, богов и людей. Она и сама являлась огромной первоначальной монадой, лоном, чревом, в котором порождается вся возможная жизнь, а самое главное, была при этом андрогинной. Каждая монада по природе своей андрогинна, поскольку создана по образу и подобию, она вмещает в себя и женское, и мужское начало, душа в них располагается в едином целом пространстве. Поэтому любая монада всегда была цельной живой единицей мироздания. Только вмещая в себя эти два начала, душа обретает цельность, а с ней и гармонию и совершенно. Из андрогинной сущности произошли все мы, так было задумано изначально, и все мы были андрогинны, пока Боги не решили разделить в матери-природе эти два начала.

– Но разве Боги не знали, что из этого может получиться? Зачем было разделять их?

– Можно сказать, что это был их интерес, их слепые предположения, требующие подтверждения, их свобода выбора, как они считали, давала им на это право. Боги посчитали, что существовала некая пустота, которую нужно было заполнить, поэтому посадили в почве мироздания Древо познания добра и зла. Ну а потом всё, что

осталось, это коварно дожидаться жертвы. Я предупредил Еву, что всё может привести к ужасным последствиям, что это ловушка, но меня уже никто не слушал. Это должно было произойти, во Вселенной вариантов прокручиваются все возможные и невозможные версии происходящего. А это говорит о том, что любые пустоты должны быть заполнены, и в хаосе должна существовать жизнь, и Древо Жизни должно где-то стать деревом смерти. В этой Вселенной вариантов был вариант неизбежности, в котором Боги, разделив мужское и женское, создали дуальный разлом, тот изъян, с которым мы все и мучаемся. Не совершенен никто, хоть нас и обрекли на муки, мы всё же остались преданными себе, но уже только на половину. Опыт удался, Природа удачно нас разделила, и теперь найти самого себя, свою вторую половину – это наша главная цель и смысл жизни. Чтоб снова стать цельной, единой личностью, вернуть свой дух к истоку. Но тебя это уже не касается.

– Почему? – удивился Влад.

– Ты не сможешь воссоединиться со второй половиной, ты обрёк себя на погибель, ты отказался от своего женского начала. Твоё отшельничество поставило крест на спасении твоей души.

– Почему ты так говоришь?

– Ты отказался от своей второй половинки, поэтому в тебе есть изъян. Каждый должен найти часть себя, для целостности нужно воссоединиться, и только тогда падут чары забвения. Не из ребра была сделана Ева, это слово неправильно перевели когда-то. Не ребро, а сторона, то есть вторая половина, анима или анимус, мужская или женская сущность, это называется сизигия. У тебя тоже она есть и давно ждёт тебя. Ты знаешь, о ком я говорю?

– О Люде, – Влад с отчаянием опустил голову.

– Я покажу тебе кое-что, Влад, расслабься и не пугайся.

Вельзевул взял его за руку, и они перенеслись к дому Люды, которая, как всегда перед сном, подошла к окну и долго смотрела на окна квартиры в доме напротив, где когда-то жил Влад. Раньше они так прощались каждый день перед сном. Сегодня Люда была потрясающе красива, тонкая, практически прозрачная пижама не скрывала её идеальных форм. «Муза, богиня», – подумал про себя Влад. Его сердце просто таяло, биение его участилось, в кровь начали выбрасываться разнообразные гормоны. Смотря на Люду и Влада, Вельзевул произнёс:

– Не всё ещё потеряно, ты не обречён, и шанс у тебя велик. Возьми всё в свои крепкие руки и измени судьбу, ты на это способен, я в тебе уверен. Шансов нет только у тех, кто по-настоящему обречён. Пойдём, я тебе ещё кое-что покажу.

Влад пристально смотрел на возлюбленную, не сводя с неё глаз, он не хотел никуда идти, он мог бы так стоять часами, воображение рисовало ему множество красивых и захватывающих сцен их любви.

Вельзевул оторвал Влада от созерцания, опять взял его за руку и перенёс на крышу огромного небоскрёба в крупном мегаполисе. Владу показалась, что они перенеслись в совершенно иную реальность. От скорости перемещения даже волосы на его голове разлетелись в разные стороны. Картинка перед глазами поменялась, дыхание перехватило от осознания высоты, на которой они оказались. Вельзевул повёл Влада вперёд, к краю крыши, откуда они стали смотреть вниз, на толпу людей, похожих на муравьёв, погрязших в рутине и суете.

– Посмотри, Влад, сколько сотен тысяч обречённых людей разменивают свои жизни ни на что. Это те, кто

не знает свою вторую половину, они находят себе кого угодно, выбор огромен, на этом базаре можно найти любую временную половину, тут все изменяют самим себе каждую секунду. О какой верности можно говорить? Утратив вторую половину, человек потерялся и блуждает в похоти и страсти. Человек ослеп, он уже не чувствует вторую половину, и с каждым разом эта связь всё слабеет. Ослепшие, мы блуждаем в потёмках своего неведения. Мы не знаем самих себя. Злые Демииурги специально держат это от нас в тайне, в строжайшем секрете, и поэтому сегодня нам так тяжело определить и увидеть свою вторую половину. Этот заговор нужен для того, чтобы мы рождались и умирали в неведении. Коварно, скажешь, но я тот, кто первым увидел всю ложь, взбунтовался и стал помогать людям, поэтому меня и свергли.

– Не думал, Дьявол, что ты на такое способен.

– Я над этим уже очень долго работаю. Я пытаюсь показать людям их утерянные половины, но не всегда человек прислушивается к своему внутреннему, хоть и интуитивному, но логичному голосу. Мы привыкли всё и всегда ставить под сомнение, если это, конечно, не любовь, пронзающая, истинная, та, которая с первого взгляда, та, от которой ёкает внутри, и тогда ты совершенно интуитивно понимаешь, что это то самое чувство. Но, как ни обидно, в большинстве случаев это просто иллюзия нашего сознания. То, что нам нравится, мы сами возводим до уровня совершенства, по собственному желанию, наш ослеплённый мозг навешивает тот самый ярлык со словом «идеал» и приравнивает это к любви. А после уже рождаются все желания и побуждения: хочу, желаю сделать всё, чтобы этим завладеть. Очень много факторов на это влияет. У вас с Людой совершенно иная ситуация: вы созданы друг для друга. Я здесь, чтобы

вам помочь, чтобы ты всё понял. Я стараюсь помочь всем людям, а особенно тем, кто в этом больше всего нуждается. Посмотри, сколько заключается счастливых браков, это всё – моя заслуга, я реально приложил к этому руку и душу. Меня напрасно обвинили в коварстве. Это сделали те самые падшие боги, Демиурги не хотят, чтобы люди знали правду. Я давно не с ними, я восстал с самого начала и с самого начала был на вашей стороне. Я лелеял каждую душу, я делал всё, что в моих силах, чтобы воссоединить эти два разорванных начала, чтобы соединить заблудшие души, объединить расколотые сердца. Святые Боги мне в этом свидетели. – Вельзевул уронил слезу. – Я обрёл себя на вечные муки, меня проклинали все Демиурги, но я всё-таки здесь.

В этот момент Влад проникся почти полным доверием к собеседнику, ему было ужасно интересно, он даже представить себе не мог, что всё могло быть именно так, как рассказывал Вельзевул. Влад слушал и размышлял. Мысли в его голове проносились, как молнии, разбегались в разные стороны, мозг пытался как-то осознать и структурировать поступающую информацию. Но всё смешалось в его голове, всё выходило за рамки его понимания. А тем временем Вельзевул продолжал.

– Но где находится наша вторая половина? Это была моя основная задача – найти в природе то, что за это отвечает, чтобы знать, как эта падшая природа распределяет наши начала. И, поверь, она знает. Демиургам этого теперь не скрыть, в этой игре я, как искусный игрок, разобрался, хотя мне это стоило не одну сотню земных лет. К каждому у них свой подход, для каждой души – своя партия, своё место проживания и своё испытание. Они запрограммировали нашу природу так, что она при рождении определяет, где спрятать нашу вторую

половину. Попытка вновь обрести её становится испытанием всей нашей жизни, испытанием на верность, на истинность, честность, совесть и духовность. Мало кто это испытание проходит, в основном вера быстро исчезает, и люди падают в омут разочарования. Очень и очень редко бывает так, что вторая половина живёт своей жизнью где-то рядом, и с помощью веры её можно найти быстро и без труда, это дар самого Провидения, частью которого здесь, на Земле, являюсь я. Ведь нет ничего более важного и истинного, чем обретения своей целостности, воссоединения своего духа, души и монады ещё при жизни.

Но есть одна большая проблема: оттого что людям на Земле предоставили выбор, это обрушило все истинные основы. Это сделало человека полигамным, всё рухнуло в тартарары, но люди этого не видят, все попались в эту коварную ловушку. Эта идея в основном сейчас и внушается всем. Человеку дали шанс испробовать то, что он всегда тайно желал, испробовать нечто другое, дав ему выбор. Земля – это широчайший плацдарм, с огромным выбором, большим количеством шансов, бери и пробуй любую, которая понравилась твоей святой душе. Мир перекроили согласно их интересам. С такой глобальной установкой я не справляюсь и не могу уже бороться, Демиурги сильнее меня, и у них есть свои цели. В этой жизни они дают людям шанс попробовать всё, что пожелается, заменив своё природное начало на совершенно другое, искусственное, испробовать чужую душу половину. Это ужасная подмена убивает все живые души. О-о-о-о-о, Природа, о да, она коварна и в то же время притворяется благосклонной. Она даёт шанс и возможность испробовать то, чего всегда тайно желал. Это ли не цель, к которой все стремятся достичь,

пробовать всё то, что возжелает воспалённое Эго. Бери, тебе доступно всё! В этом ничего плохого нет. Пробуй, каждая уникальна в своём роде, со своей изюминкой, красотой и неординарной, оригинальной душой и характером. В каждую можно влюбиться легко и без сомнений. Жизнь превратилась в поле искушений, похоти и страсти. Её незаметно залили кровью, в которой и зародился разврат, все низшие животные побуждения, полная свобода действий и желаний. Делай всё, что тебе только вздумается, и не ограничивай себя ничем. Вот основная сегодняшняя парадигма, а также иллюзия, созданная живыми богами. Мне жаль, но это реальность.

Вдруг подул сильный ветер, который перенёс их обратно в парк, к скамейке возле тихого озера. Вельзевул и Влад вновь сели на неё и продолжили разговор.

– Мне тяжело было на тебя смотреть, когда я увидел, что и ты попался в их ловушку, только у тебя она иная. Ты обманываешь сам себя. Я тебя понял сразу, потому и пришёл, я здесь, чтобы открыть тебе глаза. Ты ещё можешь спасти и себя, и её. Нужно действовать сейчас, пока не стало поздно. Твоё святое затворничество вовсе не такое святое. Ты служишь своему Эго, оно движет тобой, ты оставил ту, с которой связана твоя судьба. Твоя жертва не стоит и ломаного гроша, ты отрёкся от мира себе в угоду, прозрей же уже скорее, пока не случилось печальное.

– Ты о чём, Вельзевул? – Влад уже так расположился собеседнику, что казалось, с ним говорит отец.

– Разлука – это самое большое испытание, испытание временем, но у твоей Люды этого испытания нет, ты забрал у неё этот шанс, эту надежду, она обречена, и вскоре её чувства остынут. И тогда...

Вельзевул и Влад посмотрели друг на друга, и Влад спросил:

– Что тогда?

– Тогда твоя Люда от отчаяния тоже, скорее всего, попробует что-то, что ей всегда нравилось и что из-за тебя она не могла сделать. Эта жизнь может предоставить ей такую возможность не раз. Она найдёт того, кто заменит ей тебя. Пойми это. Твоя Люда сейчас, возможно, влюбляется в кого-то и находится на пределе своих желаний, и душа её, как натянутая струна, она готова прыгнуть в омут безумной страсти.

– Но ведь этого может и не произойти. Может, она мне верна останется до гроба, – резко возразил Влад, как будто слова Вельзевула задели его не на шутку.

– О, боже, наивная душа. Верь! И отбрасывай мысли о том, что ты настолько идеален, что не существует того, к кому можно пылать такой же страстью. Верь в то, что она ни на кого больше никогда в жизни не посмотрит. Только ты забываешь: она одна, и ты её отпустил раз и навсегда, бесповоротно и безжалостно. Ты сам стёр себя из её жизни, теперь там нет ничего, пустой лист, а ей надо жить и наполнять свою душу высокими чувствами, она молода, красива и только начинает жить. Она будет о тебе помнить где-то глубоко в душе, так глубоко, что это воспоминание будет казаться ей иллюзией, чем-то нереальным, нематериальным и неосязаемым, что в итоге сотрёт память о тебе. Человек всегда предпочтёт синицу в руке журавлю в небе. Тем более, ты не знаешь, есть ли тот журавль, существует ли он на самом деле или это плод твоего воспалённого воображения.

– Но ведь есть интуиция! Это голос истины, голос совета, голос той самой любимой, святой второй половины.

Влад не зря задал этот вопрос: его терзали сомнения, он понимал, что, каким бы дьявол ни казался лояльным

и как бы красиво он ни говорил, доверять ему полностью было нельзя. Его нужно было также испытать.

– Ты его слышишь? Ну, давай прислушайся, давай, давай, в этой бездне нет дна и нет голосов. На сегодняшний день от интуиции мало чего осталось. Мы перестали прислушиваться ко внутреннему голосу, оттого Боги и перестали с нами общаться, мы слышим теперь только самих себя, своё Эго, больше там нет ничего, мы сами закрыли эту дверь, и теперь там только пустота.

Влад уже перестал понимать, что ему говорит Вельзевул, он был где-то далеко, на грани срыва, он понимал, какой злейший поступок совершил по отношению к своей возлюбленной. Его душу терзали сомнения, он выходил из себя, каждое слово, которое произносил Вельзевул, как нож, вонзалось в сердце, разрывало его в клочья, Влад не выдержал, сорвался и со слезами на глазах закричал:

– О, боги, как я заблуждался! Но нет, этого не может быть!

Сомнения разрывали Влада на части, это граничило с безумием. Он упал на колени и застонал, роняя голову на руки, вцепившись в волосы так, что, казалось, сейчас вырвет целый клоч. Влад находился на грани отчаяния, его сердце до краёв наполнилось раздирающей мукой, которая словно резала его душу по живому.

– Не сопротивляйся, освободи свою душу, не слушай тёмный голос своего Эго, отбрось эту тёмную тень души.

Вельзевул наблюдал, как Влад корчится в муках, как, упав на землю, бьется в конвульсиях, а его душа выворачивается на изнанку. Это была та самая ломка, в которой давал о себе знать нечистый дух, он бунтовал, ему было страшно.

– Ты пытаешься рассказывать мне сказки! – раздался чей-то грубый голос, так не похожий на голос Влада,

казалось, что тот кем-то одержим и говорит не сам. – Ты же знаешь, что я в это всё не поверю. Ты пытаешься этот голос приглушить, это твоя извечная работа, Дьявол. Бездна – это твоих рук дело, ты держишь всех в своём неведении, она для тебя – всё. Пока существует эта бездна, люди будут жить в иллюзии, в твоём забвении. Ты столько там напустил своего тумана, этого, как ты назвал, гнусного забвения, что заблудился в нем сам.

– Давай, борись, Влад, ты сможешь. Ты его задел, послушай, что он говорит, это же не ты. Это уже не ты. – Вельзевул склонился над Владом. – Не слушай, что он тебе говорит, из тебя исходит нечистый дух, гони его прочь, ты побеждаешь.

Влад что есть мочи закричал, смотря в небо, и это было оно, освобождение.

И тут Влад проснулся весь мокрый от пота, вскочил с кровати, выбежал из комнаты и открыл дверь на улицу. Перед глазами ещё стояла беспросветная тьма, и не было видно ничего, но жуткий туман потихоньку стал рассеиваться. Постепенно Влад стал различать очертания окружающих предметов. Сердце ещё пыталось выпрыгнуть из груди. Влад увидел луну и постепенно стал успокаиваться. Это был кошмар, кошмар, о котором он ничего не помнил, но который остался реальным и живым глубоко в душе. Подышав свежим воздухом и успокоившись, Влад вернулся в дом и стал собираться.

***

А тем временем там же, глубоко в иллюзии, в забвении, почти в другой реальности, Вельзевул заметил, как из-за спины Влада на землю упал какой-то жуткий червь, чёрная мерзкая лярва. Вельзевул недолго думая быстро

наступил на неё и растоптал. Остатки этой сущности разлетелись по сторонам безобразной жижей, оставляя на земле мокрые следы.

Влад в это мгновение стоял на четвереньках и собирался подняться, теперь ему стало гораздо легче. Встав на ноги и переведя дыхание, он стал успокаиваться и сел на скамейку. Вельзевул присел рядом. На улице был уже день, яркое солнце находилось в зените, слепило глаза и согревало землю. Это был прекрасный и спокойный день. Полностью успокоившись, Влад решил спросить. Он теперь понимал, что был неправ, нельзя было так поступать с любимой, с их чувствами. Затворничество – это для монахов, для стариков, тех, кто прожил жизнь и видел многое. У Влада же этого не было, он предал свою единственную любовь.

– Скажи, Вельзевул, что ты знаешь о забвении, об иллюзии, о бездне, распростёртой между интуицией и инстинктом?

– Одно могу тебе сказать точно: эту бездну организовал не я, я только пытаюсь построить мосты через неё. Её породили боги, а люди стали её жертвами. При рождении природа перекрыла людям связь со своей второй половиной, я здесь ни при чём. Я только пытаюсь найти подходящую человеку пару, учитывая все его душевные потребности и даже сверх этого, учитываю его несовершенства, страхи, фобии, комплексы и пороки, всю бездуховность, поверь, это нелёгкая работа. Я понимаю людей лучше, чем их понимают Боги. Каждый человек – это целый необъятный мир, я чувствую каждого, с каждым сердцем соединён и к каждому у меня есть свой подход.

– Да, только ты подсаживаешь им в сердца не то, что им обычно нужно, ты – это их похоть и страсть, животная часть души. – Влад ожидал реакции Вельзевула.

– О боже, о чём ты говоришь! Не путай меня с Демидургами. Ты не видишь человеческих сердец. Что ты знаешь об этом? Люди вообще не знают самих себя, то, что из их памяти стёрла природа, и то, что оставила, сделало их слепыми. Я к этому никак не причастен. Это их бездна и забвение, в которой я открываю смысл их жизни, я – их прозрение. В чём я виноват? Посмотри, сколько счастливых пар на Земле, они все обязаны мне. Во мне больше милости, чем в Богах. Людей оставили одних здесь, на Земле, и они принадлежат сами себе, не имеют никакой защиты. Посмотри, как издеваются над людьми, что они переживают и терпят. Это разве справедливо? Боги спрятались, им настолько хорошо, что думать о людях с каждым разом становится всё сложнее и сложнее. Они ушли в нирвану, из которой выйти уже не в состоянии. А кто остался? Я. И я такой же одинокий, как все люди на Земле. Нас покинули навсегда. Но мы живём, пытаемся найти себя и свою половину. Вот тебе и вся правда.

Влад встал со скамейки, повернулся к Вельзевулу и протянул ему руку.

– Спасибо, это был поучительный разговор, мне есть о чём подумать.

Вельзевул тоже встал и пожал Владу руку.

– Всегда рад. А также рад нашему знакомству.

– До свидания.

– Да встречи.

Вельзевул улыбнулся. Влад развернулся и ушёл. Он шёл по асфальтированной дорожке вдоль озера, прямо у кромки воды и через некоторое время скрылся из виду. Исчез и Вельзевул.

***

В реальной жизни Влад намеревался покинуть уютный домик, в котором провел столько драгоценного времени. Чемоданы были почти собраны, он подошёл к стене и снял икону, крепко её поцеловал и положил в чемодан. Перед тем как выйти из дома, Влад трижды перекрестился. В нескольких километрах от дома была автобусная остановка, где Влад думал сесть на автобус и отправиться в город, домой, туда, где его ещё ждала любимая. С этого дня начиналась его новая, семейная, жизнь, новая история его судьбы.

Через некоторое время из дома, который только что покинул Влад, вышел Дьявол. Он постоял немного на крыльце и тоже пошёл по своим делам. Сотни теней, кружащих над домом, стали аплодировать своему владыке.

– Ты лучший! Безупречный! Идеальный! Бог! Владыка! Царь царей! Искуситель! – доносилось с разных сторон.

Духи, демоны, бесы, феи и фурии торжествовали, радуясь очередной победе своего Князя.

– Только ты, никто более!

– Разойдитесь, черти! Пошли все вон! Исчезли, ни на что не способные твари!

Через несколько секунд Дьявол растворился в воздухе, а вместе с ним и все тени и духи. В лесу воцарилась полная тишина.

***

После того как Влад вернулся в город, они с Людой сразу поженились. Но жизнь их по какой-то злой случайности не сложилась. Через несколько лет совместной жизни они поняли, что не созданы друг для друга. У каждого был свой мир, свои интересы, которые совсем не совпадали.

Оказалось, что собственные увлечения были намного интереснее совместных, каждый перетягивал одеяло на себя и делал это настойчиво и упрямо. Уступать никто не собирался. Влад не раз объяснял, что нужно жертвовать чем-то, чтобы начать понимать ближнего, и не просто ближнего, а любимого. Но если этого нет, то нет и любви, есть только лживая маска, которой прикрываются, и на самом деле вместо любви там только пустота и гнусная выгода. Влад множество раз садился за стол переговоров, пытаясь решить сложившиеся проблемы, он считал и верил, что не нужно никаких психологов, чтобы разобраться в каких-то жизненных передрыгах, нужно только обоюдное понимание, готовность жертвовать и терпение – три основных фактора счастливой совместной семейной жизни. Если их нет, то ничего не получится, всегда будет присутствовать ложь. Каждая сторона всегда будет оставаться при своём, а это крах, ставящий крест на честности отношений. Влад понимал, что, если высокомерное «Я» Эго не будет побеждено любовью, это будет крахом совместной жизни. Но как только Влад ни стучался в закрытое сердце любимой, всё было безрезультатно.

Разочарование пришло постепенно и незаметно. Влад начал пить и, сам того не осознавая, через некоторое время стал сильно зависим от алкоголя. Он спился и вскоре умер. Врачи сказали, что не выдержало сердце. Похоронили его, как могли, поставили деревянный крест на могилу и очень быстро о нём забыли. Его возлюбленная Люда была замужем ещё три раза и от всех мужей родила детей. О Владе она больше никогда не вспоминала. Всё в её жизни было так скоротечно и так обыденно и непринуждённо, что каждый новый день приносил ей новые эмоции и новых людей.

***

Однажды на заброшенной, заросшей травой и сорняками, всеми забытой могиле Влада появился Вельзевул. Главный архонт с презрением швырнул на могилу бывшего праведника цветы и произнёс:

– Ты мог всё изменить, и я тогда был бы перед тобой немощен, ты мог свергнуть меня, мог свернуть мне шею, мог верой своей всемогущей сломать всю мою налаженную систему, мог, но теперь ты в земле, и тебя поедают черви, и скоро от тебя не останется ничего. Но ты не унывай, я приготовил тебе очередной квест, там, в твоём новом забвении, там, куда ты сейчас направляешься, тебя будет ожидать моя очередная анима, чёрная вдова, твоя новая фурия, от которой тебе также не спастись и не сбежать. Увы, ты обречён. Моё чистилище – это твой ад. Моё забвение – это навсегда. Ты знаешь, я знал твою Люду, это та ещё Эриния, дочь Скотоса, о-о-о-о-о, это тот ещё бес, достойная фурия, сколько таких же святош, как ты, она положила в могилу, о, если бы ты знал. Если бы ты знал, что в мире нет ни одного чада Божия, которого я не контролирую. Во всех, буквально во всех живут мои лярвы, мои хитрые и прекрасно-ужасные фурии, мои демоны вожделения, которые то и дело заставляют вас страстно вожделеть, вызывая постоянно гнусную похоть, перед ними никто ещё не устоял. Это моя армия, и она всегда будет сводить вас в могилу. Слава Богам, создавшим не андрогинную Еву! Слава тому, кто разделил две природы! Кто разделил вас на женское и мужское! Слава аниме и анимусу, в конце концов! – Дьявол рассмеялся и воздел руки к небу. – Благодаря вашим же Богам теперь вы все в моей власти, вечные рабы страсти. Теперь вашей второй половинкой всегда будет моя гнуснейшая сущность, держащая ваши души Божьи в коварных сетях,

этих безжалостных клещах. Нет, это не природа движет вами, это всё я, моя сущность, мои инстинкты, коварные и животные, чудовищные порождения мои. Я могу теперь тебе это сказать, Влад, всё равно тебе это уже не поможет. Боги любовью не занимаются. Богам запрещено сношаться, у них это особое таинство, к которому готовятся всю жизнь, к детям у них совершенно иное отношение. Ну а здесь, на Земле всё иначе, и к этому приложил свою руку я, проклятия печать, да-а-а-а, секс – это моё изобретение. Вы думаете, что занимаетесь любовью? – Дьявол опять расхохотался. – Не-е-е-е-ет, это чистой воды вожделение, похоть, которую вызывают и контролируют мои демоны, мои демоны занимаются любовью через вас. Это не вы, вы только наблюдатели, то, что вами движет, – это всё они, мои детища, и им ужасно приятен этот «секс», как вы его называете, вы их пожизненные марионетки, рабы. А всё для того, чтобы пожрать высвобожденную энергию страсти, а особенно энергию высвобожденного вулкана. О-о-о-о-о, да, это источник мощной жизненной силы, прикосновение Бога. Он – это единственное, что у вас от него, в нём сокрыта вся существующая сила. Я краду её у вас. Боже мой, какими вы кажетесь святошами. – Дьявол сложил руки в молитвенном жесте, смотря в небеса. – Если бы вы только знали, что с каждым семяизвержением убиваете тысячи чад Божьих, своих детишек, дарованных вам природой. Страсть стоит того. – Дьявол усмехнулся. – По-видимому, да-а-а-а-а. Сладка страсть, какое божественное ощущение. Вы все заложники её. И пока это так, мои чёрные вдовы всегда будут заниматься вами. О, как искусно они вами занимаются, они дожидаются, пока семя Божье ударит вам в голову, доводя вас до ярости и безумия. Это магия, приготовление волшебного зелья, когда

ваша врождённая божественная энергия чудесным образом превращается в яростный адский огонь, который намного качественней на адский вкус, это манна, и она ни с чем не сравнится, а особенно с вашими нежными, детскими любовными утехами и забавами. – Дьявол продолжал смеяться, прикрывая глаза рукой. – Этот высвобожденный огонь, эта чёрная энергия жизни, это самая заветная наша еда, но вы об этом не узнаете, и всегда будете жертвами моих чёрных вдов. И вам не увидеть, как они ещё при жизни вам откусывают голову и поедают вас живыми. О, мои чёрные вдовы! Я говорил, что люблю вас?! – громко прокричал дьявол с торжествующей улыбкой, счастливый и радостный оттого, что так удачно создал их такими. – Ну, ладно, что-то я сегодня разоткровенничался. Прощай, искушённый, твоя миссия провалена. Боги тебе уже ничем не помогут. С каждым глотком вина ты вкушал меня, с каждым глотком алкоголя я вливался в твою кровь, заменяя её собой, так что не удивляйся, что так рано помер. Ты сам стёр эту грань, впустив меня, ты отрёкся от Бога.

После этих слов Дьявол присел на перекошенную скамейку у могилы и стал наблюдать, как на западе за горы садится солнце. Это был его любимый красный закат, который говорил о том, что завтра высвободятся все духи севера, кровавые и кровожадные, и расползутся по земле с северным ветром, пронизывая каждое сердце и подсаживая в них очередного демона или беса. Дьявол торжествовал, в его глазах сверкало самодовольство. Дьявол ждал последнего луча, чтобы вновь загадать желание: создать тот самый портал, из которого, как он уже видел, вырвутся в мир его детища, его новые искушители, демоны и фурии, все тёмные сущности его архаичной силы.

ГЕЙМЕР

В окно комнаты заглянуло встающее солнце и первыми лучами ослепило Святослава. Затем солнечный свет плавно переместился на компьютер, у которого Святослав провёл всю ночь. Он играл с друзьями во всевозможные онлайн-игры и не заметил, как промчалось время. Ночи всегда пролетали незаметно, казалось, что время кто-то ворует. Святослав злился и называл этого некто Ассасином⁸, убивающим и воруящим время. Эту ночь он уничтожил в мгновение ока, а ещё столько оставалось незавершённого. Друзья, которые находились на разных континентах, продолжали играть: у некоторых только начинался вечер. «Везёт же им», – подумал Святослав, понимая, что нужно ложиться спать.

– Доброе утро. Ты ещё не ложился? – с улыбкой спросил отец, заглядывая в приоткрытую дверь из коридора: по всей видимости, он уже собирался на работу.

– Нет, сейчас собираюсь.

– Давай, давай, отключайся от этой матрицы, а то она украдёт у тебя весь здоровый сон и высосет все мозги.

Отец ушёл на кухню. «А ведь он прав», – подумал Святослав, вспомнив о своём Ассасине, и пошёл спать. Они с отцом виделись в день буквально эти несколько утренних мгновений: отец очень много работал, а Святослав учился, ходил на тренировки и в бассейн, а по ночам играл, и времени на общение с отцом не оставалось. Святославу было достаточно того, что отец жив. Он вёл свою бурную молодую жизнь, в которой было

---

⁸ Образ Ассасина позаимствован из игры *Assassin's Creed*. Слово «ассасин» имеет арабское или персидское происхождение, так назывались члены религиозно-военизированного формирования одного средневекового исламского государства. Слово «ассасин» в значении «наемный убийца» вошло в европейские языки в период крестовых походов. (Прим. авт.)

столько интересного, что времени на здоровый сон не хватало.

Святослав заснул очень быстро. Плавно, как осьминог, он сполз с игрового кожаного стула прямо на кровать и через десять секунд спал, как убитый, крепким и беспробудным сном, которому не мешало солнце, залившее комнату ярким светом.

***

Проснулся Святослав, когда отец вернулся домой с работы, и продолжил лежать на кровати с закрытыми глазами. Он услышал, как отец заглянул в комнату и закрыл дверь, видимо, чтобы случайно не разбудить его шорохом. Святослав открыл глаза и заметил, что солнца в комнате уже не было, а значит, приближался вечер. Из компьютера стали доноситься звуки сообщений от друзей, подключившихся к онлайн-игре и вызывающих его на очередную битву. Святослав сел за компьютер и прочитал:

– Омега!

В интернете его знали под ником «Омега 3».

– Омега, проснись!

– Ты где?!

– Выходи в сеть, заходи в игру, нас без тебя прижимают.

– Да, да, сейчас зайду. Вы что, ещё не ложились? – напечатал Святослав.

– Н-е-е-е-ет.

– Это ты спишь, а мы за всех здесь отдуваемся.

Это была новая игра, которая только что вышла, шикарное фэнтези, мир, полный эльфов, драконов и орков. К игре было подключено огромное количество игроков со всего мира и порой приходилось общаться на английском и испанском, которые Святослав знал

очень хорошо. Но в основном все общались на английском. В круг его друзей входили ребята из Мексики, Португалии, Австралии, Украины и России. Сегодня играли все: друзья знали, что у Святослава выходной, долгожданная блаженная суббота, и он точно пробудет в игре весь день.

– Омега, подключайся уже быстрее, игра не ждёт.

– Да, да, уже вхожу. Я в игре! Привет, что, не ожидали?

– Мы думали, что ты сегодня вообще не проснёшься, мы ещё со вчерашнего дня не выходили из игры.

– Что вы за это время добыли?

– Смотри: у нас есть карты и доспехи, а также первый ключ к замку Лорда Ассасина.

– О-о-о-о-ого, отлично! Тогда можем начинать.

«Лорд Ассасин, почти, как мой Ассасин, который постоянно крадёт моё время, – подумал Святослав и в шутку добавил:

– Ну, я сейчас у него заберу его обратно.

И направил своего персонажа к замку.

– В нашей команде не хватает одного человека, что будем делать? – спросил игрок под ником «Груд»

– Свяжись с Денисом и Джоном.

– Не выходят на связь, уже связывались, – ответила Тринити.

– Тогда свяжитесь с-с-с-с....

– О, н-е-е-е-е-е-е-е-т, – хором простонали друзья.

– Только не она, она хоть и весёлая, но тупая, в этой игре её быстро вынесут.

– Хорошо, я тогда попробую связаться с Хосе.

– Отлично, но, если не получится, придётся искать кого-то в игре, – сказала Тринити.

Игра в этот раз затянулась. Они проходили уровень за уровнем, мир за миром, преодолевали преграду

за преградой. Им нужно было собрать все ключи от тайного замка Лорда Ассасина, в котором были спрятаны несметные богатства и портал, ведущий из игры в мир желаний. В этом мире открывались врата к десяткам новых игр, каждая из которых была гораздо интересней и в свою очередь давала доступ к тысячам бесплатных игр, в том числе и тех, что только должны были появиться. Но путь к этому замку лежал через тёмные леса диких племён – каннибалов и гнилые болота, кишашие орками и ведьмами. Попасть в замок можно было, только собрав все части карты, разбросанные по игровому миру. Большинство из фрагментов карты находились на руках противников, таких же команд онлайн-игроков, или у племён всевозможных диких тварей. Это была одна из самых сложных и реалистичных игр, в которую они когда-либо играли, чтобы выжить, нужно было проявлять всю свою смекалку, ловкость и хитрость. Новички обычно долго не выживали, это игра была для матёрых геймеров, таких как команда Святослава, участники которой называли себя головорезами. Чтобы собрать такую команду, им пришлось вместе пройти огонь и воду, весь игровой ад. Они знали друг друга лучше, чем их знали родители.

В этот раз им пришлось туго. На них постоянно нападали, и они еле-еле отбивались, им строили ловушки в лесу у скал, на них натравливали диких собак и обрушивали огромное количество орков со всех сторон. Хосе так и не выходил на связь, и нехватка людей ощущалась.

– Нам срочно нужна помощь, мы в западне, нам не выбраться, – констатировал Муха.

Это была действительно западня, которую им устроила команда противников, решившая загнать их в тупик. Они стояли на краю пропасти, в шаге от него, и на них

давили «лемурийцы». Эта команда была им известна, они не раз сталкивались с ними в других играх. Борьба была нешуточной. «Лемурийцы» размахивали мечами налево и направо, забирая жизни у команды эльфов, как называла себя команда Омеги. Противников было гораздо больше, они давили количеством. Внезапно эльфы увидели ещё одного незнакомого эльфа, который вступил в бой. Он владел оружием так искусно, что «лемурийцы» стали потихоньку отступать. Он яростно махал мечом, перепрыгивая через противников, и в воздухе наносил им серьёзные увечья.

– Кто он такой?

– Вы его знаете?

– Это эльф, но он не из нашей команды.

– Это неважно, он очень даже вовремя.

– Ты видел его реакцию?

– О, да!

– И это у него даже доспехов нет.

Омега 3 в этот момент сражался с главным «лемурийцем» не на жизнь, а на смерть. Полоска – индикатор жизни укорачивалась на глазах – ещё один или два удара, и Омега вылетел бы из игры. Внезапно он почувствовал кого-то за спиной и захотел нанести удар, думая, что это противник, но обнаружил за собой того нового сумасшедшего, который решил им помочь. Омега был рад очутиться рядом с ним. Они сражались бок о бок, как настоящие герои. Постепенно противники стали по одному выпадать из игры. «Лемурийцы» терпели поражение.

– Победа! – закричал Эльдар по прозвищу Муха, названный так за резкость и одновременно надоедливость: он постоянно доставал всех своими разговорами и имел язык без костей.

– Победа! Есть! Мы это сделали!

– Забирайте быстро всё: доспехи и карты.

– Мы круты! Так им и надо, это их поставит на место, хоть на время.

Омега 3 подошёл к новичку, с которым только что так мужественно сражался вместе с ним.

– Как тебя зовут?

– Далв.

– Ну и силища у тебя и резкость. Ты в какой команде играешь? За кого?

– Я сам, только вошёл в эту игру, я никому не принадлежу, но игра мне понравилась, – на ломаном английском ответил Далв.

– Тогда добро пожаловать в нашу команду.

– Да, – поддержал Немой.

– Да, – согласился Груд. – Нам не хватает воинов.

– Хорошо, только объясните, что здесь и как.

– Хорошо. Омега, объясни ему правила и наши стратегию и тактику, – попросила Тринити.

– Я постараюсь. Пойдём.

– Куда мы сейчас? – спросил Далв.

– Мы забрали у «лемурийцев» их карты, теперь соединим их с нашими и поймём, куда нам дальше.

К Далву стали подходить все игроки команды эльфов и стали хлопать его по плечу.

– Вот это я понимаю, сражается. Будешь меня прикрывать, – пошутил Муха.

– Нет, нет, меня! – прокричал Груд, которого так прозвали из-за того, что он много учится и выглядит, как ботаник в своих очках, без которых мало что видит. Он не обижался на друзей, все они были простые ребята без комплексов. – Да, ты просто ас, теперь ты с нами. Знакомься, это Муха, я Груд, это Омега 3, это Немой, он

постоянно молчит, это Гитара, он постоянно играет на гитаре во время прохождения игр, виртуоз, пока он играет, родители его не трогают. Ну и Тринити, единственная фемина в нашей команде, она под нашей защитой, а особенно Омеги 3, он её телохранитель. – Все засмеялись, хлопая Омегу 3 по плечу. – Посмотри, телохранитель засмутился и покраснел, – подкалывали друзья.

Тут Тринити разбежалась и подпрыгнула и в полёте нанесла такой удар Мухе, что тот аж отлетел на несколько метров.

– Да, да, понял, шутки неуместны, ты – моя телохранительница.

– Я тысячи раз спасала твою шкуру, а ты этого не ценишь.

– Ценю, ещё как ценю, мне с тобой воевать – одно удовольствие.

– Так, ладно, сохраняемся, – оборвал всеобщее веселье Омега. – Что-то мы расслабились. Проходим ещё два уровня – и делаем паузу.

– Пауза – это хорошо, а то я уже проголодался, со вчерашнего дня только одни чипсы грызу, – пожаловался Муха.

– Далв, ты в паре с Омегой, он тебе всё объяснит, – сказала Тринити.

Омега 3 подошёл к Далву и обнял его за плечо.

– Пошли сохранимся, переходим на другой уровень. Там будет несладко.

– Ты думаешь я чего-то боюсь? – спросил Далв.

– По тому, как ты сражаешься, всем ясно, что ты отличный боец с опытом. Ты в реале чем-то занимаешься.

– Чем?

– Я имею в виду какими-то единоборствами.

– Занимался раньше, теперь уже нет времени.

– Отец тоже со мной занимался в детстве, он обучал меня боксу и водил на дзюдо, кое-что я запомнил, но это было давно.

– А то, чему учил тебя отец, тебе пошло на пользу?

– Несомненно, он профи в своём деле, мне было тяжело понять его технику и обучиться ей, это олдскул, так сейчас не бьются.

– Я рад.

– Жаль, что у нас времени не хватает на занятия сейчас: я весь в компьютере и в институте, он на работе, а на выходных уже и сил нет.

– Ты так думаешь? Я считаю, что время можно всегда найти, если захочешь.

– Ты говоришь прямо, как мой отец. Наверное, да, можно было, но ты же знаешь, как лень, тем более он не настаивал.

– Это была его огромная ошибка.

– Почему ты так говоришь?

– Ты знаешь, если бы можно было всё вернуть назад, то всё было бы иначе.

– Ты о том, что можно изменить судьбу?

– Наверное, да, я только теперь понимаю, что всё, чему меня научил мой отец, мне очень пригодилось, и сейчас я жалею о том, что упустил столько драгоценного времени рядом с ним. Это Ассасин.

– Кто?

– Я так называю того, кто крадёт наше время.

– Ты знаешь, кто он?

– Кто?

– Ассасин твой. Потерянное время.

– Да вся ваша онлайн-жизнь создана этим Ассасином, чтобы вы потерялись в ней навеки. Я больше за реальную жизнь, как раньше, за игры на улице.

– Эй, Далв, сколько тебе лет? Ты рассуждаешь, как те, кто родился до двухтысячных.

– Так оно и есть, я из того тысячелетия.

По манере говорить Далв Омеге кого-то напоминал, только он никак не мог понять, кого именно.

– Всё, пришли, сохраняемся и переходим в портал.

Все по очереди воткнули свои мечи в камень перехода, портал раскрылся.

– С богом! – сказал Омега, показывая всем, что можно прыгать.

Сам он собирался пойти последним, как главный в команде. Друзья принялись прыгать в портал.

– Да пребудет с нами сила! – прокричал Груд перед прыжком.

Тринити подошла в Далву и попросила:

– Будь с Омегой, а я вас прикрою.

В ней чувствовался характер, она была мужественной и честной девчонкой.

– Хорошо, а тебя кто будет прикрывать?

– Я справлюсь, ты за меня не переживай. Давай ныряй, портал скоро закроется.

Далв и Тринити прыгнули в портал, за ними последовал Омега, после чего портал закрылся. Они попали в мир болот и мёртвого леса, если верить карте, за ним находился мост, ведущий в покинутые земли древних Атлантов.

– Всем оставаться на чеку, засада может быть на каждом шагу, – сказал Омега, первым делая шаг вперёд через болото.

Далв подошёл к Груд и сказал:

– Омега такой отважный, настоящий лидер. Я рад оказаться в вашей команде, с вами можно дружить в реальной жизни и пойти с вами в разведку.

– Это мега на всех собрал, – похвастался Груд. – Здесь каждый по-своему оригинален, настоящий подарок. А Омеге мы готовы доверить жизни.

Далв был всё время рядом, он удивлялся мужеству и отважности Омеги: тот был настоящим лидером, за которым шли, которому доверяли жизни. Далв был рад очутиться в таком месте с такими подарками, каждый был оригинален, с такими людьми можно было дружить в реальной жизни и идти в разведку.

– Волки слева! – прокричал Омега.

– Дикие орки справа! – крикнул Немой.

– Драконы спереди на подлёте! – крикнул Гитара.

Все понимали, что предстоит жесточайший бой, вероятность пройти этот уровень была мала. Но по-другому отсюда выбраться не представлялось возможным, это была ловушка, в которой всё решала только тактика боя, смекалка, резкость и умение владеть мечом. Тринити стала стрелять из двух арбалетов по всем, кто приближался в первых рядах. Её стрелы поражали десятки волков и диких орков. Когда закончились стрелы, она, подпрыгнув в воздухе, достала два меча и стала биться, как настоящий самурай. Далв прыгнул вперёд и первым побежал навстречу волкам и оркам. Вся команда, увидев, как яро ворвался в бой Далв, ринулась за ним. Они бежали навстречу диким тварям, крича что есть мочи. Это был самый яростный бой, который им когда-либо доводилось пережить. Далв с Омегой бились плечом к плечу, не раз спасая жизнь друг другу. Драконы, пролетая мимо, сжигали всё на своём пути, но не все деревья загорелись, некоторые ещё стояли и своими острыми макушками цепляли драконов. Далв и Омега чудом уворачивались от огня и продолжали битву. Вокруг на земле горело всё, но огонь не останавливал волков и орков. Муха был поражён

первым, за ним пали Груд, Гитара, Тринити, Далв и Омега стояли спиной друг к другу, окружённые противниками, и кольцо постепенно сжималось. Полоса, показывающая уровень жизни, у всех была уже практически на нуле.

– Что делаем!? – спросила Тринити. – Омега! Решай быстрее!

Но Омега не знал, как выбраться из такой ситуации, он готов был идти напролом, но только куда. В этот момент Далв крикнул:

– Доверьтесь мне! – и полез на дерево, которое дымилось, но ещё не горело: пламенем были охвачены только некоторые ветви.

– Что он делает? – удивился Гитара.

– Не знаю, – откликнулась Тринити.

– Все на деревья! – прокричал Омега, поняв замысел Далва, и первым ринулся к ближайшему.

Через несколько мгновений все уже ползли наверх. Волки подбежали к деревьям и принялись на них прыгать, пытаясь дотянуться хоть до кого-нибудь, но все уже были высоко. Тогда подбежали дикие орки и стали грызться с волками и рвать своих же.

– Они так перебьют друг друга, а нам работы меньше, – сказал Гитара.

Далв тем временем уже был на верхушке дерева и смотрел вдаль, туда, где кружил дракон. Он расправил руки и стал кричать, вызывая монстра на себя.

– Что он делает? – воскликнула Тринити. – Он самоубийца.

– Подожди, он что-то задумал, – одёрнул её Омега.

Дракон, заметив Далва и остальных, развернулся и направился к ним, набирая скорость. Он был готов всех сжечь, во рту его показалось пламя, исходящий из самого брюха.

– Нас сейчас спялят! – запаниковал Гитара.

А в это момент Далв принялся раскачивать верхушку дерева.

– И раз, и два, и три. И раз, и два, и три.

Верхушка дерева уже практически пригibasась к земле, казалось, что она вот-вот сломается. И вот в последний раз Далв согнул верхушку, раскачиваясь на ней из одной стороны в другую, и в момент, когда дерево стало подниматься наверх, он сгруппировался, и его выбросило вверх, как из рогатки, прямо в сторону дракона. Во время полёта Далв вытащил веревку из-за пояса, обмотал её вокруг шеи грозного чудища, а сам запрыгнул ему на шею и быстро спустил конец веревки вниз.

– Он сумасшедший, – восхищённо промолвил Омега.

Все остальные не могли от удивления произнести ни слова.

– Прыгайте! – прокричал Далв, сидящий на шее дракона.

Все стали отталкиваться от своих деревьев и хвататься за верёвку. Дракондохнул огнём, но промахнулся, так как все падали вниз, а огонь прошёл по верху, практически никого не задев. Все висели на верёвке, и их куда-то уносил дракон. Это был момент счастья. Все начали кричать от восторга от радости.

– Спаслись!

– У-у-у-у-у-у-у-у!

– Эге-ге!

– Мы спасены!

А тем временем Далв направил дракона в сторону горы, туда, где находился мост в древнюю Атлантиду.

– Вот это приключение! – восторженно воскликнул Гитара. – Где он раньше был, этот Далв?!

Постепенно все вскарабкались по верёвке на шею дракона, сели друг за другом и полетели, наблюдая всё с высоты птичьего полёта, всю красоту так удачно созданного виртуального мира, такого красивого и почти живого. Прирученный дракон доставил всех к мосту. Теперь он был послушный, видимо, так его запрограммировали, а может, это была его скрытая функция или просто баг. После того как все спрыгнули с дракона, он расправил крылья, сделал пару взмахов и улетел.

– Да! Мы прошли этот уровень! – восторженно закричали все.

Омега подхватил Тринити на руки и закружил. Они были счастливы.

– Ну, что, сохраняемся, – предложил Омега.

– Да, да, пока не нагрянул сюда ещё кто-то, – поддержал Гитара. – Так, я проголодался, продолжим вечером.

– Ты вечно голодный. Это у тебя вечер, у нас это утро, – отозвалась Тринити.

– Хорошо, тогда утром в бой. Я этот уровень никогда не забуду, это была жесть. Ну, всё, всем пока, – сказал Гитара, воткнул меч в камень и вошел в открывшийся портал.

– До завтра, – махнула ему рукой Тринити. – Ну что, вы идёте? – спросила она у Омеги и Далва.

– Да, сейчас, мы за тобой.

– Ну, тогда до завтра.

И Тринити вошла в портал.

– Ну, что, Далв, завтра продолжим, ты с нами? – спросил Омега.

– Да, я с вами, но насчёт завтра не уверен.

– Почему? Ты нам нужен.

– Я не очень хорошо себе представляю завтра, не знаю, что буду делать.

– А сегодня ты что делаешь?

– Ничего.

– Ну, тогда давай со мной, в мой мир, который я достраиваю в «Майнкрафте».

– Хорошо, пойдём. Что-то интересное там создал?

– Сам всё увидишь.

Далв и Омега 3 вышли из игры, и Омега запустил сервер, на котором хранился его только что выпеченный мир. Омега создал его за короткий срок, там были и воздушные замки, и водопады, и арены для битв.

– Ну, что, Далв, как тебе мой только что выпеченный мир? Поможешь мне его достроить?

– Конечно, всегда рад.

Далв и Омега целый день строили воздушный город, мосты, арены для битв, свои жилища. И всё, что строил Далв, Омеге что-то напоминало. Он как будто бы погружался в детство и что-то вспоминал, все сооружения Далва ему были знакомы. Омега смотрел, как Далв строит прозрачную пирамиду, которая уходит под воду, и вспомнил её. Это была та самая пирамида, которую когда-то построил его отец, когда они в детстве играли вместе и создавали свой мирок, в котором проводили огромное количество времени.

– Постой, – обратился Омега к Далву, – у меня сохранён на сервере один мир, который я когда-то построил с моим отцом, в нём есть похожие на твои сооружения.

– Он у тебя ещё есть? Ты сохранил его?

– Да, да, подожди, я сейчас посмотрю.

Омега на время отключился от игры и стал на своём компьютере искать папку с играми, которые он сохранил несколько лет назад.

– Ну где же она, – нервничал Омега. – Куда я её сохранил? А, вот, «Все миры "Майнкрафт"», «Наш Мир». Точно,

так мы его называли с отцом. Ага, скопировать, вставить. Ну, всё, сейчас обновлю игру, и можно будет туда зайти. Есть, вот он.

Омега видел, как мир появился в списке всех серверов, которые он создал.

– «Наш Мир», вхожу.

Омега сделал двойной клик мышкой и вошёл в мир, созданный им и отцом много лет назад. Тут всё осталось без изменений. Омега ходил по миру и вспоминал каждую деталь того, как они с отцом его строили, где лазали, где сражались и где отдыхали. Это был мир их фантазий, их глубокого и такого по-детски наивного воображения. Омега скучал по тем временам, они стали отправной точкой в его онлайн-жизни.

– Далв, давай, заходи сюда, сервер называется «Наш Мир».

Через несколько секунд Далв появился на сервере в доспехах, которые когда-то создал отец Омеги.

– Откуда они у тебя?!

– Это мои доспехи, эту броню я сам скрафтил.

– Не может быть! Это доспехи моего отца.

Омега смотрел на Далва, и у него стиралась грань между виртуальным и реальным, за виртуальностью он видел своего отца. Манера разговора, поведение, жесты – всё говорило, что перед ним отец, сомнений не оставалось.

– Ну, вот, обманул меня, – посетовал Омега. – Почему ты сразу не сказал, что это ты? Зачем нужна была такая скрытность?

– Я не хотел, чтобы твои друзья знали, кто я. Да, кстати, у тебя отличная команда, я рад.

– О, да-а-а, ты тоже крут, такой заварухи они не забудут никогда. Надо же, это был ты! Ну, дай я тебе пожму руку.

– За что?

– Как за что? Мы уже годами играем во всевозможные игры, тысячи и тысячи часов потратили на то, чтобы быть такими крутыми, а тут появляешься ты, без малейшего опыта, и даёшь всем просрать. Извини, не сдержался.

– Тут не в опыте дело, если ты не заметил, а в смекалке. Ты знаешь, мы в детстве играли на улицах, на стройках, на крышах и в подвалах в казаки-разбойники, в лагерях – в зарницу. Мы это проживали по-настоящему, в реальном мире. А у вас тут виртуальная картинка, жми на мышку побыстрее – и всё, и в этом единственное преимущество. Вы проживаете в иллюзии, непонятно кем созданной, чтобы задурманить ваши головы, а мы развивались на реальных событиях, через реальные падения, разбитые коленки и головы, синяки и ссадины, в этом разница наших поколений. Вы столько всего утерали, что сами того не понимаете. Твой Ассасин безжалостно потратил твоё время жизни впустую, безвозвратно, как ни прискорбно мне об этом говорить. Это было и моё время, и матери. Ассасин убил самое драгоценное, что есть в нашей семье, времени и так всегда было мало. Эй, а это что?! – Далв указал рукой на замок, который они ещё не достроили.

– Это мой дом, ты разве не помнишь?

– Ну, как не помню, внутри ещё недостроенный бассейн, а наверху – лестница в небо, где находится мой воздушный замок. Кстати, также недостроенный.

– Ну, тогда вперёд.

– Давай, за дело.

Весь день они провели вместе и наконец достроили свой мирок, который много лет оставался забытым. Теперь это был мир с воздушными замками и водопадами, льющимися с неба. В этот день они сражались друг

с другом на арене Колизея до самой ночи, после чего, уставшие, завалились на облако и наблюдали, как заходит солнце.

– Это был лучший день в моей жизни, – признался Омега.

– И мой. Ты знаешь, я бы всё отдал, чтобы почаще здесь бывать, – в голосе отца слышались печаль и тоска, было понятно, что ему этого не хватало.

– Я обещаю тебе, что мы будем играть в «Майнкрафт», когда захочешь.

– Нет, сын мой, это, конечно, прекрасно и бесценно, но это тот же Ассасин. Я никогда не променяю на него реальность, где наша семья всегда должна быть вместе. Ты посмотри на маму: ей тяжело, и ей нужна твоя реальная помощь. Обещай мне, что позаботишься о ней.

– Обещаю. Но зачем ты всё это говоришь?

– Я люблю тебя, сын, превыше жизни, и нет слов, чтобы описать мои чувства. Ты уже взрослый и должен это понимать. Я просто хочу, чтобы ты был счастлив. Да, кстати, Тринити мне очень понравилась, держись её.

– Хорошо, отец, только ты говоришь так, будто мы больше не увидимся.

– Увидимся, конечно, увидимся. Ну, всё, пока, я отключаюсь, встретимся ещё.

И Далв пропал.

***

Святослав проснулся. Уже наступил вечер. Он потянулся и первым делом сел к компьютеру посмотреть, как там дела, что он пропустил, пока спал. Снова слышались звуки уведомлений. Это друзья забрасывали его сообщениями.

– Омега 3 в сети!

– Ну, наконец-то! Проснулся. А то мы тут реально еле держимся, давай, быстрее подключайся.

– Хорошо, хорошо, дайте раскрыть глаза, а то я как китаец ещё.

– Иди умойся.

– Потом. А где Далв? Он сегодня в игре?

– Ты о чём Омега? Какой ещё Далв?

– Ты что, с Луны сегодня упал или солнечный удар получил?

– Он бредит, – засмеялся Муха.

– Ну как? Мы вчера с ним играли в «Четыре континента Лемурии» и благодаря ему прошли два нереальных уровня.

Послышался смех.

– Так, Омеге больше не наливать. Ты о чём? Тебе, что, что-то приснилось?

– Вы точно его не помните или разыгрываете меня?

– Нет, Омега, мы вчера играли сами, без новеньких, обычным составом, – ответила Тринити, которой он доверял и которая не привыкла врать.

– Ну, тогда я вообще ничего не понимаю.

Святослав взял ручку и написал на бумаге большим буквами ДАЛВ. Он долго смотрел на имя, а потом заметил в отражении в зеркальце на столе, что на листе написано ВЛАД. Далв – это имя отца только наоборот. Святослав занервничал, встал из-за стола и вышел на балкон. Приснится же такое. Немного подышав, он тихо, чтобы не разбудить родителей, вышел из комнаты в коридор и заглянул в спальню родителей, но там никого не было. Потом он пошёл на кухню, так как проголодался не на шутку. В гостиной он заметил мать, сидящую в темноте на диване с поникшей головой. Святослав прошёл в гостиную и спросил:

– Почему ты сидишь одна, в темноте, без телевизора? Что-то случилось?

Мать подняла голову, и Святослав увидел, что она плачет.

– Что такое, мама?

– Сегодня на работе отца ударило током, и его сердце остановилось. Его не удалось спасти. Сейчас он в морге. Я боюсь туда ехать.

Святослав обнял маму покрепче и тоже заплакал. Он вспомнил сегодняшний сон и понял, что отец приходил к нему в последний раз. Попрощаться.

После того как отца похоронили, Святослав ещё несколько дней не выходил в сеть, он бродил по созданному ими в «Майнкрафте» миру в надежде вновь увидеть там отца, но тот не появился там ни через неделю, ни через месяц. Святослав долго сидел в их мире и наконец решился. Он вспоминал слова отца об Ассасине.

– Да, интернет – это один большой и глобальный Ассасин.

Святослав в последний раз посмотрел на свой рабочий стол, на открытые игры, чат с друзьями и наконец нажал кнопку «выключить». Этот момент он запомнил надолго. Компьютер отключился, экран стал чёрным. Святослав встал из-за стола, из своего любимого игрового кресла, задвинул его под стол и вышел на балкон. Там он постоял с закрытыми глазами, сделал пару глубоких вдохов и плавно выдохнул. Открыв глаза, он осознал, что теперь начинается совершенно иная жизнь, реальная. Виртуальный Ассасин был убит им только что, по-взрослому.

– Добро пожаловать в реальный мир, – слышался чей-то голос за спиной.

Святослав обернулся, и ему в отражении в стекле померещился силуэт отца, который медленно исчез.

***

С тех пор Святослав больше не включал компьютер и не выходил в сеть, только по учёбе, удалил все игры и ненужные программы и решил встретиться с Тринити в реальности. Когда-то давно они обменялись в чате номерами. Тем более Тринити жила в России, да ещё и недалеко от него. Ему очень хотелось узнать её поближе.

Через несколько лет они поженились, и у них родился сын, которого Святослав старался держать подальше от компьютера, от этого гнусного Ассасина – убийцы бесценного и драгоценного времени. На столе у Святослава стояла фотография отца, которую он так любил. Святослав часто брал её в руки и говорил:

– Спасибо, отец.

Затем поднимался и шёл укладывать сына спать.

– Папа, ты мне расскажешь сегодня на ночь о бабушке и вашем мире, который вы вместе построили?

– Да, конечно. Жил был однажды злой Ассасин, он пытался затащить маленьких детей в интернет, чтобы украсть у них их самое драгоценное – их время...

***

Альтернативная (другая) концовка рассказа

Святослав не рассказал сыну, что в те дни, когда он ждал отца в их созданном мире, когда искал его, он обнаружил в их потайном месте таблички с надписями. Это было послание от отца, гласившее:

«Я приходил к тебе, сын мой, оттого что для нашей любви нет и не может быть преград, у неё не может быть ни границ. Это неписанные законы Вселенной, эти правила написаны не в нашем мире и не в этом виртуальном мире. Мы увидимся с тобой обязательно в нашем реальном,

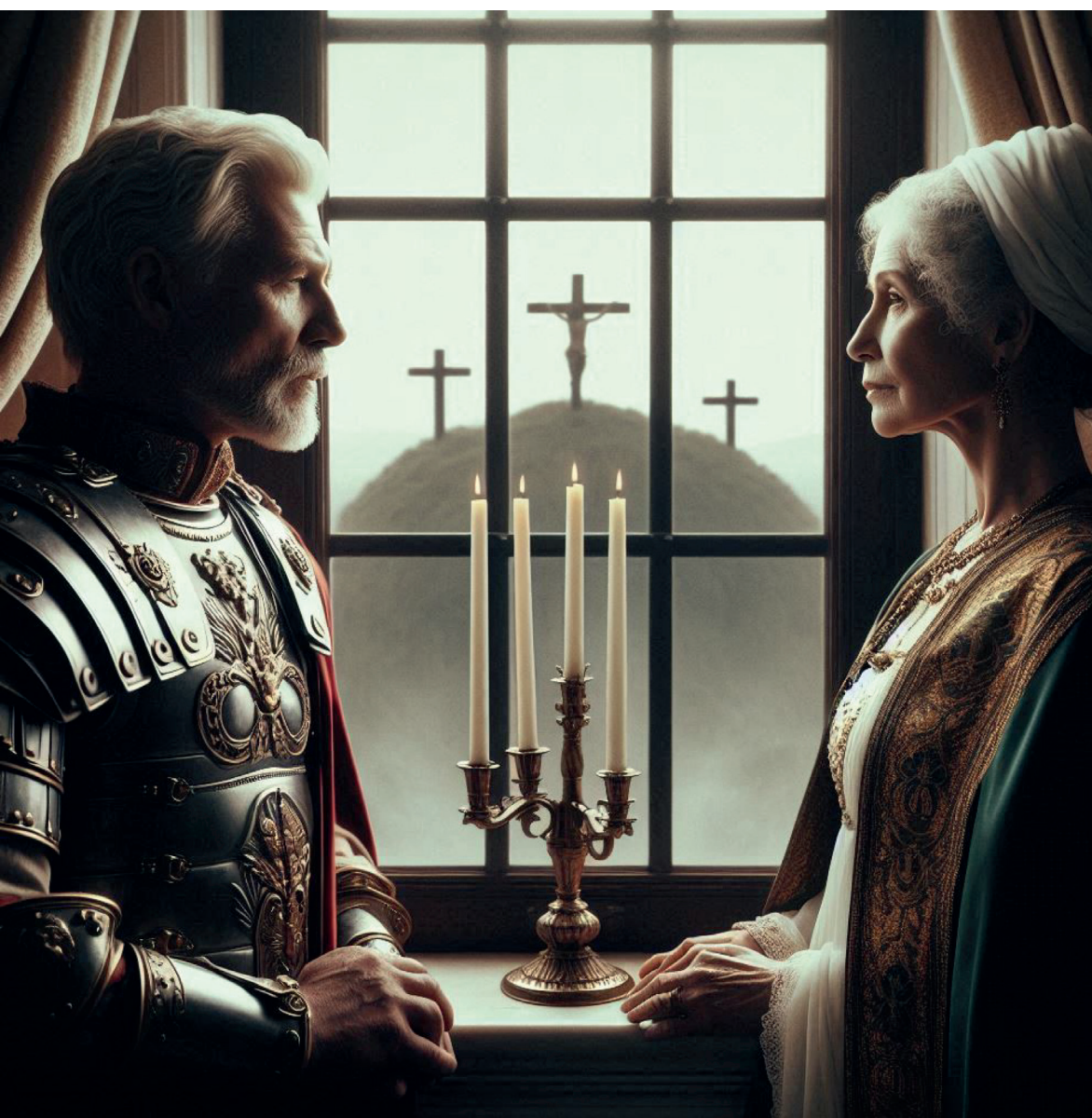
ВЛАД ШУСТОВ

живом мире, который я строю сейчас для всех нас. Я назвал его Доном, теперь моё сердце в нём, и оно будет ждать. Живите счастливо и помните: мы сами создаём себе миры, и у каждого есть своя планета. А наш Дон – для нас всех. Скоро я увижу маму, и мы вновь подумаем о тебе. А пока дай внуку моему то, что я не смог дать тебе, и остереги его от Ассасина. Люблю тебя. Вечно пребывающий с тобой твой ПАПА!»

ЖЕНА ПОНТИЯ ПИЛАТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

САМОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО

В эту ночь жена Понятия Пилата Клавдия Прокула не спала: она кого-то ждала. Ей должны были принести важную весть о тайном собрании, в котором она непосредственно должна была принять участие. Это было самое тайное общество, когда-либо существовавшее на земле, так как в него входили особы, приближённые к верхушке тёмной иерархии, и архонты – приспешники князя мира сего. Восставшие против системы тьмы – те, кто вёл свою тайную игру за спиной у правителя земли и ада.

Клавдия думала о том, о ком последнее время говорил весь город – о великом целителе, Иисусе из Назарета, которого многие считали мессией. Сам же он называл себя сыном Божиим. Клавдия надеялась, что это действительно он – тот, кого они так долго ждали всем тайным обществом непокорённых, обществом, объединившим тех, кто давным-давно восстал против иерархии тьмы и никогда не признавал власти князя мира сего, главного архонта ада и земли.

Ад втайне бунтовал и ожидал своего шанса на спасение. Его обитатели тысячелетиями ждали того, кто будет наделён властью, кто сможет освободить их души из вечного адского плена. Очень многие из тех, кто пошёл за Десницей и пал, были свергнуты с небес. Тогда они поняли, что ошиблись, что это был великий обман и ловушка. С тех пор они мечтали о возвращении в Царство Небесное, но об этом нельзя было ни говорить,

ни думать. Те, кто восстал против Дьявола уже в первые дни его падения, были жестоко наказаны – это была великая чистка Дьявола. Убивали всех вместе с их семьями ангельских душ, которые в аду превратились в целые кланы, если было хоть малейшее подозрение на предательство. Великая чистка Дьявола продолжалась, пока поселившийся в душах страх не стал доминирующим чувством. Казнили всех подряд, чтобы остались только преданные, и в будущем в душах не проросло зерно сомнения. Но сомнение жило всегда, Дьяволу не удалось его уничтожить. Да, очень многие падшие души втайне хранили в своём сердце ростки древа жизни, ростки всемогущей любви, так ненавистной силам тьмы, даже под страхом вечной смерти.

Клавдия Прокула понимала: если Иисус из Назарета – тот, о ком говорят люди, то это их единственный шанс освободить покаявшиеся души, находящиеся в аду и на земле.

Из мыслей Клавдию выдернул внезапный стук в дверь. Она вздрогнула, подошла к двери и спросила:

– Кто там?

– Это я, Юлия, сестра твоя, – раздался едва слышный шёпот.

Клавдия открыла дверь, посмотрела по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не видит, впустила гостью и сразу же закрыла за ней дверь.

– Заходи, рассказывай, что-то случилось?

– Нет, – ответила та, – наше тайное собрание общества непокорённых назначено на семь вечера и начнется через три часа. Говорят, сегодня это будет особая встреча.

Клавдия обрадовалась долгожданной вести, но ощутила какое-то странное предчувствие, которое не могла объяснить.

– Тогда давай собираться, Юлия, и пойдём прямо сейчас. Я попрошу слуг передать мужу, что буду сегодня ночевать у тебя. Понтий сегодня занят до ночи, и он даже не заметит моего отсутствия, тем более когда ему скажут, что я останусь у тебя, он ничего не заподозрит: ему без меня спокойней. Я слышала, к нему сегодня приезжает важный гость, какой-то консул из Рима, может, даже сам император Тиберий. Понтий держит всё в секрете, но мне доложили, что это точно он, Тиберий Юлий Цезарь Август собственной персоной. У них сегодня чисто мужской разговор, даже на ужин не останется, и слава Богу. Так что я сегодня там не понадоблюсь и могу быть свободной, мы с лёгкостью незаметно покинем дом.

Через некоторое время они вышли на улицу, где их ждала давно подготовленная повозка. Сёстры поехали на окраину города. В этот раз встреча должна была пройти в загородном доме сенатора Меркурия. Добраться туда было нелегко: дом стоял на вершине холма, и его охраняло огромное количество военных. Это было настоящее убежище, там заговорщиков не нашёл бы никто.

В главном зале, предназначенном для совещаний, уже собрались высшие должностные лица империи, человек десять. Практически всех Клавдия Прокула знала в лицо. Хозяина дома ещё не было. Через некоторое время в парадную дверь вошли двое: сенатор Меркурий, владелец поместья, и тот, о котором все знали как о первенце главного архонта, князя мира сего, сыне Сатаны, но никто не был лично с ним знаком. На лицах собравшихся отразилось недоумение и недоверие: этого никто не ожидал. Он был один, без охраны, это сбивали с толку. Страх охватил Клавдию, она заметила, как побледнели лица остальных. Все они наверняка понимали: живыми отсюда не уйти, или, как минимум, жертвой станет тот,

кто мог их сдать. Некоторые взяли за мечи и стали переглядываться, словно договариваясь уничтожить нежданного гостя прямо сейчас, пока сообщество не раскрыли. Сенатор, вероятно, заметил, как накалилась обстановка в зале, и тут же произнёс:

– Я хочу вас познакомить с тем, о ком мы все так наслышаны: перед вами собственной персоной принцепс молодёжи Нерон, которого вы также знаете как Дамиана, сына правителя ада. Не бойтесь, он с нами и пришёл помочь.

В зале раздались возмущённые возгласы:

– Как ты мог, Меркурий! Его нельзя было сюда приводить! Почему ты не посоветовался с нами?! Теперь нам всем грозит смерть! О чём ты думал?!

Дамиан остановил всеобщее возмущение.

– Я понимаю ваш страх, – громким уверенным голосом сказал он. – Но не беспокойтесь, я не собираюсь вас предавать, можете мне довериться. Отныне я с вами навеки, теперь мы одно целое. Я пришёл, чтобы предать своего отца и спасти всех, кто ждёт помощи уже тысячи лет. Я на вашей стороне, и сегодня докажу вам это. Прошу, сядьте. В наш город прибыл тот, кого мы все так долго ждали. Бог послал на землю своего единородного сына, и он ходит среди нас, он ближе, чем вы себе это представляете, его время настало, и наше – тоже. Я говорю об Иисусе из Назарета, который пришёл спасти всех людей и, может быть, нас, если мы всё сделаем правильно.

Клавдия Прокула поняла, что предчувствие её не обмануло, интуиция не подвела. Дамиан тем временем продолжал.

– Иисуса из Назарета нет в Книге Жизни, а это свидетельствует о его непорочном зачатии и наложенной

на него печати Бога. Мы живём в удачное время, нам посчастливилось жить одновременно с ним и свершить то, ради чего мы все здесь собрались. Такое совпадение практически уникально, и это подарок нам и наш шанс. Я говорю о прощении для всех нас и наших братьев, находящихся сейчас в аду. Они ждут помощи, они рассчитывают на нас, и мы не можем их подвести.

– Откуда ты знаешь, что это именно он, а не лжепророк и не лжемессия? – слышалось из глубины зала.

– Мой отец ждал этого дня больше, чем все мы вместе взятые, больше, чем кто-либо на земле, он грезил о нём тысячи лет. И он дождался, он знает, кто такой Иисус из Назарета, зачем он здесь и что Бог на него возложил. Отец хочет его уничтожить как можно быстрее, поэтому у нас нет времени – мы должны действовать прямо сейчас. Моё предательство по отношению к отцу будет роковым и смертельным для меня, но я не боюсь. Это уже не имеет смысла, теперь самое важное – это встретиться с Иисусом. Я узнал, где он будет завтра и где с ним можно будет поговорить, и знаю того, кого он обязательно послушает.

Дамиан посмотрел на одного из присутствующих, грозного архонта Моракса, великого духа преисподней, сенатора и правителя южных земель ада, который руководил тридцатью легионами духов. Сам Сатана с ним считался. До падения Моракс был знаменитым ангелом, располагавшим милостью Бога и сына его. Во время восстания Сатаны он штурмовал вместе с Десницей Царство Небесное. А после падения стал одним из первых правителей ада, организовавших там некое подобие государства.

– Вы были знакомы ещё в Царстве Небесном, – обратился Дамиан к Мораксу, – ещё до падения, ты знал сына

Божьего ещё совсем молодым, и он тебя послушает охотнее, чем кого-либо из нас, он поверит только тебе одному.

После этих слов Моракс вышел в центр зала.

– Да, так будет лучше, я с ним поговорю и замолвлю слово и за тебя, принцепс молодёжи. То, что ты сегодня здесь, с нами, говорит о многом, и мы это все, безусловно и безмерно, оценили.

Дамиан склонил голову.

– Да поможет нам великое Провидение, пришло время действовать.

Клавдия понимала жертву, которую в этот момент приносил сын Сатаны: от смерти ему было не уйти, это был лишь вопрос времени. Отец его казнит, да так, что об этом не забудут никогда, ни одно поколение. Ему нельзя было позавидовать, его ждала ужасная участь. Все склонили голову в знак уважения за воистину мужской поступок и по очереди стали походить к Дамиану, чтобы пожать руку, выражая тем самым восхищение и заранее прощаясь. Постепенно все стали расходиться. Завтра предстоял трудный день, нужно было сделать встречу с мессией безукоризненной, всё должно было пройти идеально. Эта ночь ожидания показалась Клавдии бесконечной.

***

А в это время в дом Понтия Пилата вошла свита того самого важного гостя. Тиберий шёл по коридорам грозной и уверенной походкой впереди своих охранников. Казалось, что от уверенного и могущественного шага содрогаются колонны и стены. Тиберий Юлий Цезарь Август, римский император, вошёл в главный зал, в его воинственной осанке угадывалось императорское происхождение, в нём чувствовалась мощь всех когда-либо

живших на земле правителей, не только римских императоров. По его образу были созданы все статуи и скульптуры в Риме. Воплощённый Бог на земле. Титаны могли позавидовать его грозности, величию и всевластию.

Тиберий остановился и поднял вверх палец правой руки, тем самым дав понять охране, что им следует разойтись по залу и перекрыть все входы и выходы. Понтий Пилат прекрасно понимал, кто стоит перед ним: нет не император, а главный архонт земли и всего ада. Пилат был особой, приближённой к тайному обществу вольных каменщиков, в которое входил десяток людей из города. Они знали о высшем архонте земли, о его воплощении в теле императора. Прокуратор Иудеи подошёл поближе к гостю и поклонился.

– Приветствую вас, владыка, добро пожаловать в мой дом. Проходите, присаживайтесь.

Пилат почтительно указал рукой на кресло, напоминавшее трон, предназначенное для особых гостей. Тиберий недолго думая удобно устроился в нём, развалившись нагло, как у себя дома, после чего жестом руки подозвал Пилата.

– Подойти поближе, Понтий.

Тот подошёл к креслу и остановился.

– Пришло твоё время. Ты много чего сделал для нас, но теперь должен доказать свою окончательную преданность нам.

Император взял пустой кубок со стола и поднял вверх, а другой рукой подозвал прислугу, требуя, чтобы ему налили вина. Слуги тут же подскочили и начали наполнять кубок.

– Что от меня требуется, владыка?

Тиберий его не слышал, он смотрел на кубок, а после паузы спросил:

– Ты видишь это вино, Понтий?

– Да, конечно. Оно из лучших сортов моего винограда, из лучших моих подвалов.

Император медленно приблизил кубок к губам, сделал глоток, дегустируя, и поднял кубок вверх.

– Это лучший яд для людей, который я когда-либо изобретал. Я вложил в этот напиток свою душу и страсть, я смешал его со своей кровью – теперь в нём моя сила. Люди пьют его, не понимая, что становятся одержимы мной. Это зелье меняет людей, каждый, пьющий его, становится зависим от меня – я руковожу людьми, как марионетками, меняю их, вселяю в них своих бесов и демонов, когда хочу. Ещё при жизни я низвожу их души в ад, а они этого понять не могут. Я открыл портал в преисподнюю, и он такой незаметный, но такой всепоглощающий, – с ехидной улыбкой на лице произнёс главный архонт, после чего резко переключился на Понтия Пилата. – От тебя требуется, чтобы ты привёл приговор в действие. Ты должен распять одного бродягу, который сейчас находится в Иерусалиме. Его имя – Иисус из Назарета. – Тиберий строго посмотрел на Пилата. – Запомни это имя! После того как ты это сделаешь, я возложу свою руку на тебя и дам то, что ты так долго желаешь: титул, власть и бессмертие.

Понтий Пилат поклонился в знак признательности.

– Можете на меня положиться, владыка.

– Подведёшь меня – и на этом твоя жизнь закончится раз и навсегда. Подтверди!

– Да, я подтверждаю.

– Тогда хорошо. Я задержусь здесь ровно на три дня, пока не удостоверюсь, что ты сделал работу. Потом уеду в Рим.

Дьявол поднялся и направился к выходу, за ним последовала его охрана, состоящая из тридцати трёх лучших

и отборных воинов. Через несколько минут Понтий Пилат остался один в огромной зале. Он плавно подошёл к креслу, на котором только что сидел Тиберий Юлий Цезарь Август, сел в него и серьёзно о чём-то задумался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

Утро выдалось прохладным и пасмурным. Солнце только успело взойти, а Моракс уже приближался к саду, где собралось много людей. Все ждали встречи с Иисусом из Назарета, который сейчас беседовал со своими учениками. Никто не приближался к ним. Внезапно со спины к Мораксу подошёл человек и сказал на ухо: «Я от принцепса Нерона, следуйте, пожалуйста, за мной, только очень быстро, не отставайте». Моракс подчинился. В саду было многолюдно, и приходилось протискиваться через собравшихся. Но вдруг люди стали расступаться. Моракс удивился. «У принцепса всё под контролем», – подумал он. Теперь не нужно было пробираться сквозь толпу: дорога к спасителю была свободна. Через некоторое время перед ними возник он. Иисус стоял спиной и разговаривал с учениками. Но тут они заметили, что люди вокруг образовали проход, и на их лицах отразилось недоумение. Иисус заметил, что ученики не смотрят на него, обернулся и увидел того, кто к ним приближался. Он пошёл гостю навстречу.

– Это ты, мой старый друг? Как давно я тебя не видел, – сказал Иисус, когда они встретились.

– Да, ты прав, с момента изгнания меня с небес прошла уже целая вечность, – согласился Моракс.

– Я рад тебя увидеть, друг мой. Что привело тебя ко мне?

– Иисус, я пришёл не для себя, я несу слово тех, кто когда-то стал жертвой обмана и не по своей воле пал,

кто был безжалостно изгнан из Царства Небесного. Нас миллионы, как в аду, так и здесь, на этой земле, и все мы в безвыходной ситуации, мы стали жертвами обстоятельств.

– О чём ты хочешь попросить?

– Помоги нам, прошу, всем тем, кто уже практически бесконечно борется, кто верен тебе и Богу, как никто другой, спаси нас, помоги оставить ад. Я прошу тебя от лица тех, кто не пал духом в тяжёлые времена, тех, кто не потерял веру и надежду, и чьи сердца до сих пор живы и бьются с любовью. Тех, кто сохранил своё сердце в этих жутких безднах ада, находясь среди чудовищ, которые разрывали жизни и сердца в клочья. Я молю тебя за всех тех, кто совершил неимоверный подвиг души и духа. Кто пронёс свой крест достойно, находясь в самых ужасных местах ада. Я пришёл говорить за тех, кто больше всего нуждается в тебе уже десятки тысяч лет. Страдания уничтожают их, их души.

Архонт Моракс в слезах упал на колени и обхватил ноги Иисуса из Назарета, зарывав так сильно, как ещё не рыдал никогда в своей жизни. Его переживания в этот момент можно было понять по тому, как он сжимал ноги Иисуса. Столько боли Спаситель не видел уже очень давно, он наклонился к Мораксу и промолвил:

– Не плачь, друг мой, нет на земле сил, которые смогут помешать мне помочь вам. Будь спокоен, ваши муки будут вознаграждены, всем воздастся по заслугам, так велит само Провидение. Будьте спокойны отныне, теперь я знаю о вас, о ваших муках и живых сердцах. Уже скоро я освобожу всех, обещаю. Ступай, друг мой, и сообщи всем пылающим сердцам, что их мукам пришёл конец. Ступай и сообщи всем эту радостную весть поскорее, они слишком долго ждали.

Моракс поднялся на ноги и поклонился Иисусу. Наконец он вздохнул с облегчением: дело сделано, весть донесена, теперь можно спокойно уходить. Архонт поднял голову и почувствовал руку Иисуса у себя на плече.

– Ступай с миром, ты исполнил поручение, которое возложили на тебя те, кто вернётся в Царствие Небесное. Я не пропущу ни одно живое сердце, поверь мне.

Моракс кивнул, соглашаясь, после чего развернулся и пошёл прочь из сада. Тут лицом к лицу столкнулся с личным охранником императора Тиберия, который, скорее всего, следил за Иисусом. Моракс прикрыл лицо ладонью и продолжил путь. Хотя ему уже было всё равно, заметили его или нет. Скрытность больше не имела особого значения.

Буквально через час всё тайное общество непокорённых знало о разговоре с Иисусом из Назарета. И уже с лёгкой душой Клавдия Прокула возвращалась домой, где её ждался муж.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРИГОВОР АРХОНТУ

Моракс сидел в кресле у камина, пил вино и размышлял о разговоре с Иисусом из Назарета. Дрова потрескивали, но этот звук терялся в просторном зале. Внезапно в камине погас огонь, а вместе с ним и все лампы, освещавшие зал. Дом погрузился в кромешную тьму. Моракс вскочил и ринулся к стене, на которой висело оружие. Он мог добраться до неё наощупь. В этот момент в зал ворвались вооружённые воины, и лёгкий свет ламп из коридора дал понять, что он движется в нужном направлении. Моракс понял, что пришли за ним. Трое перекрыли ему путь, двое встали позади, и все они стали медленно окружать хозяина дома. Но Моракс уже держал в руках два своих любимых меча. Он был крепкого телосложения, ростом практически в два метра и обладал неимоверной физической силой, как и полагалось лицам его статуса, высшим архонтам тьмы. Через несколько секунд незваные гости набросились на него со всех сторон, но это было их глупейшей ошибкой. Моракс одним ударом сразил напавших сзади, а вторым – набросившихся спереди. Они разлетелись в разные стороны, ударились о стены и замертво упали на пол.

– И это всё?! – закричал Моракс. – Это всё, на что ты способен?!

Внезапно в камине вспыхнул огонь, да с такой силой, что опалил Мораксу лицо и обжёг кожу. Мечи, которые Моракс держал в руках, начали накаляться и плавиться.

Он отбросил их, и буквально через секунду огонь уменьшился и стал гореть, как обычно. Вновь вспыхнули ночники. Моракс всё понимал, он знал, кто к нему пришёл. В коридоре слышались громкие шаги. В дверях показался он, тот кого и ожидал Моракс, верховный архонт тьмы, сам Сатана, в своём людском воплощении императора Тиберия.

– Не ждал меня увидеть, предатель!

– Как не ждал. Что это за цирк ты устроил? Кто эти убогие, которых ты послал на верную смерть? Это твои лучшие из лучших? Всё что у тебя осталось? – Моракс засмеялся. – Ты всегда был слаб и всегда прикрывался такими, как я.

Моракс говорил уверенно и без малейшего страха: он знал, что скоро приговор будет исполнен, но перед смертью хотел показать всё достоинство архонтской личности, присущее духам его ранга.

– У этих пятерых жизнь заканчивалась сегодня, не упускать же такой шанс, тем более что это лучшие из лучших, для них это честь – умереть от такой руки.

– Зачем пожаловал?!

– Я пришёл за тобой и принёс тебе твой приговор.

– Зачем такая формальность? Мог написать приглашительное письмо.

– Разве тебе не страшно? Ты или безумный, или глупец, – ухмыльнулся Сатана.

– И кому ты меня относишь?

– К обоим.

– И почему же?

– Глупец, потому что не видишь всего, что грядёт, ты даже судьбы своей не видишь, ты слеп и не видишь даже завтрашнего дня. О чём ещё можно с тобой говорить?

– А что видишь ты?

– Ты только должен знать, что через три дня будешь распят на кресте мною лично и так умрёшь, а в аду мы вновь встретимся, и уже там я предам заключительной казни тебя и всё твоё семейство. Поверь, у меня это хорошо получится. Я лично надругаюсь над всеми. А безумный ты потому, что бесстрашен. Потеря страха не говорит о твоём героизме, о стойкости духа, она свидетельствует только о фанатичности, слепой вере в идею, такую же слепую и беспочвенную!

– Ты прав, Сатана, единственной безумной вещью, совершённою мною, было восстание против Бога. Моя поддержка в тот роковой момент помогла тебе, но единственным безумным всегда был ты! И глупцом тоже. Так что не рассказывай мне, кто из нас слеп и недалёковиден. Ты можешь казнить меня и всю семью, но ты не сможешь меня сломать, и в этом твоя слабость. И ты это прекрасно знаешь. Я неподвластен тебе, плоть да, но не душа и дух, здесь твоя власть заканчивается. Ты хочешь спросить, почему я предал тебя? Потому что возненавидел прежде всего твою слепую уверенность, тёмную фанатичность, твоё тщеславие и высокомерность, твою гордыню, твой обман и чудовищность, твоё бессердечие – я могу перечислять до бесконечности. Всё, что ты создал, противно мне, меня тошнит только от одного твоего вида. Я говорю тебе это в глаза, так как нет у меня страха перед тобой и не было никогда, и ты это всегда чувствовал. Боялся? Скажи! Меня приструнить у тебя не получилось бы никогда. Ты это знал всегда, ещё с момента, когда мы первый раз взбунтовались и пошли войной на Небеса, на Бога.

– Какая святость, – фыркнул Сатана, поднявши руки вверх, – какая беспорочность! Ты вспомни, как твои легионы и ты сам погубили миллионы жизней! Или ты

забыл, как святые ангелы падали на землю мёртвыми от твоих мечей? О чём ты сейчас говоришь? На твоих руках больше крови, чем на моих. Очнись, безумец!

– Я это понимаю и никогда не отрицал, я вижу свой грех перед Создателем, я вижу свои руки в крови, именно это нас и отличает. Я принял свои грехи, осознал и готов понести наказание, даже если его не заслуживаю. Я предпочитаю умереть от твоих рук, чем быть убитым Провидением, самой Жизнью.

– Тебе просто надоело жить, ты решил покончить с собой. Самоубийство – это заслуженное наказание за всё, тобою сделанное. Ты мог просто сказать, что хочешь умереть, я помог бы тебе сделать это красиво, без вреда для твоих близких.

– Не в жизни дело! Дело в том, что мы натворили. Я не ищу прощения, я хочу, чтобы такого больше никогда не повторилось. Всему приходит конец, мой же – проигранный и проклятый, и с такой участью я уже смирился, оттого мне и не страшно. Так что в очередной раз ты не прав, Сатана. Ты – это первая причина моего падения, ну а моё решение – это уже вторая. Ты столько обманул, столько оборвал жизни, ты и сейчас насмехаешься над всеми. Ты обманул всех, всех нас, и главное проклятье лежит только на тебе.

– Я никогда не умел плакать, как ты. Я слюни пускать не умею, это не по мне, не в моей природе. Не я вас обманул, это был ваш личный, осознанный, обдуманый выбор, так что не спихивай всё на меня. Много идей витает во Вселенной, и это дело каждого – принимать их или нет. Ты сам обманул себя глупостью, недалёковидностью, скупостью ума. Это ли не безумие и бунт, которого ты жаждал? Так что не ищи во мне причины, взгляни сначала на себя безумец, и осознай

ничтожность своего ума. Боги обделили тебя, ты лучше у них спроси, почему!

– Ты прав, бес, – презрительно выплюнул Моракс, заставив Сатану скривиться, – моя слепота и притянула меня к тебе. Это игры Демиурга, его проклятого забвения, его безжизненного изъяна, в сети которого я попал. Ваши сети, они удивляют, но и они не вечны, – радуйтесь мгновениям, данным вам, других не будет.

– Ты знаешь только то, что должен знать, если бы я поведал о всех тайнах Демиурга, ты бы меня не предал никогда. Мне жаль терять такого воина, как ты, но выбор сделан, я сам тебя сегодня казню.

Сатана поднял руку, и в зал вошли теперь на самом деле лучшие воины Сатаны, преданные архонты тьмы высочайшего ранга. Моракс знал каждого из них. Архонт вытянул обе руки и не стал сопротивляться. Его заковали в кандалы и увели, а Сатана сел в кресло и стал наблюдать за огнём в камине.

***

Прошло три дня с их последней встречи. И теперь Моракс, висящий на кресте, водружённом на Голгофе, смотрел, как лучшие воины Сатаны, служащие теперь Пилату, поднимают ещё один крест, с Иисусом из Назарета. Моракс был счастлив, для него это была огромная честь – находиться рядом со Спасителем. Он не чувствовал ни боли, ни жажды, только безграничную вину перед Иисусом и Богом. Всё остальное уже не имело значения. Иисус наблюдал, как плачет великий архонт. Это были слезы искреннего раскаяния и боли. Иисус видел все мучения Моракса и боль, испускаемую его душой, он видел архонта насквозь, и искренность раскаяния показывала, что тому удалось сохранить живое сердце. И тогда Иисус произнёс:

– Ты говорил мне о людях, в ком ещё жива вера, кто пережил все ужасы ада, и перед собой я вижу того, кто сам был палачом, но не убил своё сердце, сумел его сохранить. Это редкость, Моракс, поверь мне. О, если бы все люди умели каяться, как это сделал ты, поверь мне, всё бы изменилось вмиг. Спаслись бы миллиарды.

И тогда Моракс попросил Иисуса:

– Помяни меня, Господи, когда придёшь в Царствие Твоё! Помяни меня, представ пред Богом, перед Отцом нашим, скажи ему, что я осознал всё, мною содеянное, я покался и теперь могу спокойно умереть.

– Твои слёзы, Моракс, спасли твою душу, не прячь их, рыдай, только рыдай слезами радости, отныне ты прощён! – Иисус обратился к Богу: – Отец, прости его, потому что не ведал он, что творит, – и потерял сознание.

Тучи начали сгущаться, пошёл дождь, сверкнула молния.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

КАЗНЬ ДАМИАНА

Дамиан находился в поместье, в котором остановился император Тиберий Юлий Цезарь Август, и ждал, ждал отца. Он понимал, что Сатана, скорее всего, уже всё знает, и был готов к этому разговору. Его спокойствию можно было позавидовать. Он понимал: неважно, чем закончится эта встреча, он всё равно будет говорить только правду, несмотря ни на что. Он уже не боится.

Было слышно, как во двор въехала повозка, из неё кто-то вышел и быстрыми, громкими шагами направился в дом. Дамиан знал, что это отец. Он продолжил сидеть за столом и спокойно читать книгу. Вдруг дверь в комнату рухнула на пол от сильного удара ногой. Сатана был в ярости, было заметно, что злость его выходит за все возможные рамки. Косяк выбитой двери загорелся. Казалось, что Сатана сам – сплошной огонь: всё, что находилось около него, тут же начинало плавиться, внутри него бушевала лава, смерть и ураган вместе взятые, будто все стихии соединились в одну и вот-вот вырвутся из глубины этого жуткого жерла. Сатана вошёл в комнату, сдерживая ярость, он жаждал немедленного объяснения.

– По твоей вине я сегодня распял одного из своих высших архонтов! Почему ты ему помог? И всем, кто втайне от нас пытается нас свергнуть, те, кто нас предал и заслуживает жуткой и немедленной смерти. Чем эти бунтовщики тебя подкупили? У тебя есть мозги! Разве ты

в чём-то нуждаешься? Разве я тебя чем-то обделил? Я дал тебе жизнь, жизнь вечную, жизнь у Демиурга за пазухой, ты мой наследник, тебя я выбрал для продолжения своего рода, это бесценный дар по крови, который недоступен никому, ни одному из самых могущественных архонтов. Избранности твоей завидуют все и мечтают быть на твоём месте. Или ты этого не понимаешь? Говори! Не молчи! Мне нужен ответ!

– Ты всё меряешь властью, а для меня она – пустое место, как и все твои почести и корона. Мне это не нужно, это всё – ржавчина, не имеющая никакой цены. Я не хочу быть лидером, воином, архонтом, как бы меня к этому ни готовили. Я – твой изъяс, хочешь ты этого или нет. Тот, кто отрёкся от титула, от престола ради совести, ради того, что тебе так мерзко и противно, ради любви.

– Ты сам себя обманул, глупое дитя, в совести и любви всегда обитала лишь слабость, поэтому в природе существует такая сила, как я! Посмотри, сами чистые и великие Боги черпают силу из моего источника, мы все повязаны, оттого что так захотело само Провидение, так было нужно Божественной Полноте. Наша сила – это и есть то равновесие во Вселенной, она держит небеса. Ты глупый и слепой щенок, который не понимает ничего, но я не буду тебе это объяснять, ты недостойн этого.

– Я – твоя кровь, не достойная ничего, только ты определяешь, кому знать, кому быть, кому жить и как жить. Тебе нужны монстры, чудовища, напрямую питающиеся от древа смерти, древа отца твоего Демиурга. Но этот источник мне противен, он ядовит для меня, как ядовит для всех, у кого сердце ещё обладает чудотворным свойством любви. Моё сердце питается из другого источника, отец, и это мой выбор, это крах твоей чистой и незапятнанной репутации, ты же это понимаешь. Я рад, что

являюсь твоей ошибкой и проклятьем. Оказывается, ты не всемогущ и не всё можешь предвидеть, есть вещи, не предназначенные для твоих лап, и я этому прямое подтверждение. Ты многого чего сам ещё не знаешь, хоть и нарекаешь себя князем мира сего, верховным архонтом ада. И поверь мне: твои дни сочтены, я помог свершиться правосудию, я спас всех тех, кого ты мучил долгие годы. Теперь он придёт за тобой, бойся его, ибо он – страх твой, смерть твоя и возмездие.

– Тот, кого ты называешь смертью моей, сейчас сам лишится жизни. Посмотри в окно – он распят, как и тот, кому ты помог. И сейчас я их убью, и поверь, никто им не поможет, потому что я здесь Бог, я даю жизнь и её забираю. Провидение вручило мне книгу смерти, оттого что я достоин её, и нет больше никого, кто смог бы с этим справиться.

– Ты достоин быть лишь душегубом, в этом вся твоя натура, не более. Плачь, я отрекаюсь от тебя! Нет у меня больше отца, и лучше бы и не было. Мы много говорим о пустом. Это пустой разговор, ты же понимаешь, он ни к чему не приведёт. Я – это твоя ошибка, твоё разочарование, ты не того создал, твоя кровь так же не идеальна, как и ты сам. Теперь ты это понимаешь. Создай себе детей, достойных тебя, как Демиург когда-то создал тебя. Тех, кто будет служить тебе до скончания дней своих, тех, кто оправдает твоё доверие. Можешь вычеркнуть меня из этого списка, я был рождён с тем, против чего ты сражался всю жизнь, твой сын имеет живое сердце. На, взгляни на него! Возьми его в руки, оно ещё бьётся, и узри, что это возможно, оно реально и ощутимо, как и твоя грядущая смерть, папочка. Я уже вижу лица твоих верных высших архонтов, насмехающихся над тобой. Теперь ты однозначно будешь лишён

власти, тебя свергнут твои же подчинённые, готовься лишиться головы.

Это был предел, такое Сатана не мог больше теперь. Дамиан говорил так специально: он знал, что это сильно заденет отца, это был его вызов, смертельный вызов отцу, на который он и рассчитывал. Дамиан хотел высказать отцу всю правду в глаза, перед тем как тот приведёт в исполнение приговор.

– Ты был аномалией материнского естества, ошибкой, с которой мне предстоит ещё разобраться, на этом я ставлю точку. У меня ещё будут сотни тысяч отпрысков, идеальных, достойных моей крови, моего духа, столько, сколько мне понадобится, ну а ты сегодня исчезнешь из истории, и я сотру всю память о тебе, чтобы больше такая гнусная ошибка не повторилась.

Сатана с презрением плюнул на землю, подошёл к сыну, встал напротив него, лицом к лицу, и, смотря прямо в глаза, вырвал из его груди живое, ещё бьющееся сердце. Дамиан увидел, как Сатана сжал сердце в руках, выдавливая из него все жизненные соки, а затем отбросил в сторону, где оно загорелось и превратилось в пепел. И упал замертво. Сатана с презрением перешагнул через его тело, снова плюнул и вышел из комнаты.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РАЗГОВОР ИИСУСА С СЫНОМ ДЕМИУРГА

Сатана стоял перед распятым Иисусом и наблюдал, как тот мучится в последние минуты жизни. Нет, хозяин ада не торжествовал и не радовался такой добыче, хотя и мог, скорее он жаждал разговора по душам. Наконец ему представилась такая возможность.

Стоя у креста, Сатана, он же император Тиберий, поднял руку, призывая Понтия Пилата отправить к нему солдат, своих верных воинов, работавших на прокуратора. Когда те подошли, Сатана приказал напоить Иисуса уксусом и желчью. От боли тот потерял сознание. А Сатана уже ждал его в своих объятьях, в своём забытии, в своей тёмной стране жуткого, беспросветного и великого бессознательного, стране глубоко сна, забвения. Иисус очнулся в кромешной темноте и совершенной пустоте. Вдруг послышался голос, как будто внутри головы.

– Ну, здравствуй, Логос, сын единого Бога, спаситель человечества и надежда обречённых душ преисподней. Добро пожаловать в моё забытьё, в моё забвение, теперь и ты здесь, в моей власти, в вечных моих владениях.

– Выходи, дух мятежный, предстань предо мною, – откликнулся Иисус.

– В каком виде меня желаешь увидеть, светлый Логос? В истинном облики? Или предпочитаешь ангельскую душу, или адскую мою натуру? А, может, облике Ахамот?

– Покажись таким, каким я тебя знаю и помню.

Через секунду вспыхнуло пламя, и из него вышел сам Сатана в облике Серафима.

– Ну вот мы и увиделись, один на один, в моём забвении нас никто не потревожит: это мои территории, тут мы можем быть открыты друг другу, здесь Боги нас не услышат. Давай поговорим по душам, теперь уже сын человеческий.

– Твоё забвение входит во владения Демиурга, ты мало что здесь имеешь, ну а то, что благодаря тебе все находятся в этом забвении, – это чистая правда. Только и забвение не твоих рук дело: его создал отец твой, чтобы затащить в свои сети тех, кто был лишён его изначально. Ты всего лишь исполнитель, слуга того, кто создал весь этот изъян мира и владеет им.

– Мы с тобой одинаковые, только отцы у нас разные. Ты слуга и раб своего Бога, а я – великое продолжение Демиурга, его кровь, надежда и будущее, я – его главный потомок, и от меня зависит будущее изъяна, от меня произрастёт древо смерти, которое достигнет и вашей вечной обители. Моей власти нет предела, на сегодняшний день я есть Бог, сущий здесь, и все ваши души принадлежат мне одному.

– Да нет, не все: ни моя, ни души многих, кто свободно вышел из твоего забвения, не принадлежат тебе. Над ними ни ты, ни твой отец не имеете власти и никогда не будете иметь. Перед такими душами вы бессильны, и весь ваш изъян практически немощен. Я уже не говорю о Великой Плероме, перед которой твой отец, Демиург, – слепец, не имеющий ни власти, ни права, ни основания их иметь, а сам изъян – просто беспросветная тьма, не имеющая фундамента. Вашей дуальной Вселенной назначен конец: дуальный разлом

исчезнет раз и навсегда, от изъяна не останется ничего, ни памяти, ни следа его существования. Я лично к этому приложу руку. Так что все ваши усилия напрасны. И тот, кто первым это осознал, висит сегодня рядом со мной, на соседнем кресте, твоя правая рука, твой главный архонт, и ему прощены все злодеяния, когда-либо совершенные, той волей и той истинной властью, о которой вы и мечтать не можете. Перед ней вы во все времена были бессильны и такими останетесь, ибо так написано в книге жизни и так определено самим Провидением.

– Это мы ещё посмотрим! Сегодня мы уже стоим у вашего порога, завтра мы окажемся в Плероме, а послезавтра – доберёмся до Провидения, и тогда древо жизни окажется в наших руках. Мы перепишем историю и напишем свою, где древо смерти станет главным источником всего сущего. Мы поставим всех Богов на колени и вынесем им приговор.

– Этому не бывать никогда. Пустые и беспочвенные грёзы. Пока ты этого не видишь, ты слеп, и это ты пребываешь в забвении твоего Демиурга, проснись же уже наконец! Всё ещё можно исправить и изменить. Всё только в твоих руках, выбор всегда есть. Тебе так же дарована свобода воли, и ты всегда можешь выбрать правильный путь, даже если сердце твоё уже тысячи лет как не подаёт признаков жизни и очерствело настолько, что нет в природе минерала прочнее его. И даже несмотря на смрад, который от него исходит, который настолько ядовит, что убивает всё живое на миллионы километров, его всё ещё можно оживить. Всё можно изменить. Сама Жизнь представляет собой эту чудотворную оживляющую субстанцию, преображающую буквально всё и возрождающую жизнь из неживого. Если ты этого не знал, и твой отец от тебя это скрывал, то теперь выбор за тобой.

– Отец никогда и ничего не скрывал, – слышался громкий голос со всех сторон.

Это был Демиург собственной персоной. Он появился в образе чёрного сфинкса величественных размеров.

– Почему не позвал меня, сын мой? Такие гости в нашем доме. Ну, здравствуй брат, почему один, без матери? Как там Ахамот поживает? Опять бросила меня?

– Я за ней приходил, чтобы забрать её, ей был не мил дом твой и твоё гостеприимство. Теперь она вернулась домой, великая Плерома вновь стала её вечным пристанищем, её землёй обетованной.

– Оставь нас наедине, Сатаниил, – грозным голосом приказал Демиург.

– Но-о-о-о... – Сатана хотел что-то сказать, но Демиург его прервал, прокричав: – Пошёл вон!!! – Сатана поклонился и миг исчез. – Она недостойна этого, она должна была пережить то, что пережил я когда-то, после того как она меня породила, не приняла и отвергла. Это была бы справедливая участь для неё. Я показался ей слишком уродливым. Наша мать не приняла меня таким, каким я был, и, спрятав, отвергла. Меня выбросили из Плеромы, как нежеланного выкидыша. Представь, каково это – быть отвергнутым собственной святой матерью. Ответь, брат, мне на один вопрос: откуда мне, по-твоему, брать любовь? Я вырос вне её, там, куда меня выбросили, во внешней тьме, в бездне беспросветной, в аду жути. Откуда мне было взять эту вашу волшебную любовь и нежность? Я есть то, в чём себя воспитал сам, я то, во что меня поместили Боги: ад, безжизненная пустота, в которой вас нет, и, сомневаюсь, что она вам нужна. Тогда моей матерью стала бездна. И как вы можете говорить о справедливости? То, что произошло, было серьёзной ошибкой Самой

Жизни, которая не понесёт за это наказание. Не я это всё создал, это следствие падения Самой Жизни. Неужели в вашем раю нельзя было избежать этого. Наверное, нет. Не существует ничего святого и абсолютного. Вы сами и разрушили свои небеса, а обвинили во всём нас. Скрыв причину своего падения, вы попытались сделать из нас врагов, а в себе так и не разобрались. Причина вашего падения отразилась на всех живых существах, на мне, на всех смертных. Причину, по-вашему, можно исправить, но следствие останется в вечности, той, где очутился я, и она, поверь, жуткая, это не ваш рай, не ваше Царство Небесное. Мы недовольны такой участью и такой «землёй обетованной», приготовленной для нас. Провидение всё решает за нас, и оно – настоящая мачеха, поверь, не мать. Кого нам любить? Нами пренебрегли, выбросили, как ненужное порождение, родная мать определила нашу участь. И где ты видишь здесь справедливость? Вас почему-то она не затронула, вы находитесь под сенью Великой Плеромы. Чем наша монада отличается от вашей? Правильно, ничем! Так что вот моя правда, братишка Иисус. И кто мне пришёл помочь? Ты пришёл слишком поздно, моё сердце покрылось коркой отчуждения и обиды, которую невозможно простить, это монолит, выплавленный безжизненностью, самый прочный металл во Вселенной. И это вполне нормально, что я такой, моей вины в этом нет. Я знаю, кого мне судить, но на них судей нет и никогда не будет, и потому судья здесь – я и воздаю по заслугам, не более. И высший закон на моей стороне. Я призывал Богов на этот суд, но никто не явился. Теперь я судья и обвинитель, мой суд – самый справедливый. Скажи мне, где ты был?! Где вы все находились, когда мне было ужасно плохо, когда мне было хуже всего, когда

моё сердце ещё было живо и наполнено болью? Я у тебя спрашиваю, брат, отвечай! Ты же знал, что мы рождены одной матерью, мы одной крови, наша мать, Ахамот, породила нас из одного лона. Неужели ты по мне не скучал, братишка? Тебе было неинтересно, как я поживаю здесь, вдали от дома, от Божественной Полноты?

– Я всё знал и думал о тебе, и, поверь, душа моя разрывается на части, и так будет всегда.

– Так что же ты медлил? Или я вам противен, не вашего уровня? Вы боялись запачкать свои белые одежды мной? Такие друзья вам ни к чему? Что!? Ааааа, да, Боги запретили меня, дабы не испачкать себя самих. Я же выкидыш, ужасная ошибка природы. Не ожидали такого от мамы Ахамот? Но такова природа неведенья, такова игра Провидения, вы этого ещё не поняли? Тогда кто из нас находится в неведении, а кто владеет истиной?

– Мы знаем о Ахамот, она долго скрывала тебя от света, в этом её вина, поэтому она пала, и её вывели из Великой Плеромы. Многие потеряли жизнь, чтобы её вернуть, чтобы её спасти. Но тебя хорошо спрятали, никто не мог найти.

– Так, значит, искали?

– Искали, и вот я нашёл тебя и пришёл за тобой.

– Слишком поздно, теперь мне никто не нужен: ни мать, ни отец, ни вы все с вашей любовью и жизнью. Я сам себе Бог, Творец и Создатель. Я творю миры по своему желанию и усмотрению, я сам себе отец и мать, сват и брат.

– Ты заблуждаешься, Демиург, ты всего лишь тень, не имеющая духа жизни, твоя зависть породила это всё, эту тьму и хаос. Ты создал разрушение и смерть, твоя обида уничтожила мир, и оттого ты всего лишь мираж, в котором мы сейчас находимся, и чем-то большим тебе

никогда не стать. Тебе от древа жизни не вкушать, в этом твоя основная проблема: ты лишён этой благодати, тебе недоступны бесконечные водопады потоков сил жизни. Всё, что тебе остаётся, это высасывать её из чад Божьих, – это твой предел. Чистая Плерома тебя не примет, и ты это знаешь. Тебя всегда мучила зависть, и твоё время выходит, твой эон уже заканчивается, и он канет в небытие, и память о тебе сотрётся и не сохранится нигде, будет сожжена в геенне огненной. Сделав вывод, Ахамот больше никогда не совершит такого. Наложённая печать будет настолько крепкой, что такого больше не повторится никогда, её нельзя будет обойти никому.

– Пока есть время, есть миллион возможностей всё изменить и сделать конец истории совершенно иным, не таким, каким его задумали Боги. – возразил Демиург. – Ты никогда не задумывался, почему Ахамот дала мне шанс, почему зародился я, почему Ахамот, твоя мать, дала мне жизнь и сохранила меня, спрятав ото всех? Я отвечу тебе: твоя мать совершила огромную, неизбежную ошибку. Но спроси у неё, считала ли она эту ошибку своей. Я спрашивал, и она ответила: если я тебе это скажу, ты не поймёшь и разочаруешься в её святости.

– Мать всегда остаётся матерью, что бы она по своему неведению ни сделала, я люблю её и буду любить всегда, любой, неважно, что у неё в душе, что подвигло её на это. Никому не понять Великого Провидения, его глубокого замысла.

Демиург фыркнул.

– Люби, я же – не могу, я не сторонник этого высшего замысла, приведшего к краху жизни и образованию смерти. Твоё Великое Провидение, по-моему, дало сбой, и вся ответственность лежит на нём, вся тьма, зародившаяся внутри изъяна, – это его рук дело, тебе

этого не понять. Я же всего лишь причина этого сбоя. Какая вина на мне?

– Прямая. Ты мог всё изменить и исправить, но ты поддался этой ошибке и воспользовался ей в корыстных целях, думая, что потом сможешь легко оправдаться перед жизнью.

– Я не перед кем оправдываться не собираюсь! – рассерженно повысил голос Демиург. – Пускай они оправдываются передо мной! Я и так натерпелся, меня порвали на куски, все мои чувства безжалостно растоптали, бросили в жуткие безжизненные бездны. Мне есть, что сказать в своё оправдание, и есть, что предъявить Богам и Великому Провидению, и так оно и будет. Ступай теперь, жить тебе осталось недолго, мой сын сделает всё, как надо. Твоя жертва напрасна. У меня есть огромное желание лично вычеркнуть тебя из книги жизни и вписать в мою священную книгу смерти, и поставить в этой истории жирную точку. Тебя сегодня будут мучить те, кому ты так ненавистен: мои любимые бесчеловечные исчадья, главные палачи преисподней, архонты ненависти и боли, мастера умерщвления. Им на ужин достанется твоя плоть. Сегодня мы будем праздновать, я объявил уже о пиршественном торжестве.

После этих слов Иисус пришёл в себя. Даже сквозь веки он видел свет солнца, живого солнца Отца. Отец был рядом, он никуда не уходил. Он был везде: в каждом лучике, в каждой капле влаги, в каждом шорохе ветра, – он заполнял собой всё сердце, для которого не было преград, сердце, вмещающее в себя всю благодать Великой Плеромы.

– Я здесь, сын мой, я всегда с тобой, – слышался голос, тихий и такой заботливый, как всегда.

Иисус постепенно открыл глаза и произнёс:

– Отец, в руки Твои предаю дух мой. Да свершится предназначенное!!!

В этот момент Иисусу пронзили сердце копьём.

– Свершилось, – прохрипел он.

Разразился гром, и показалось, что пошатнулся весь мир, его основы, сама бездна разверзлась под ногами. Сквозь сердце Христа прошла Божественная сила, высвобождаясь и попирая все тёмные начала.

***

День заканчивался, кровавое закатное небо не предвещало ничего хорошего. Клавдия Прокула стояла у окна, глядя на три креста вдали, на Голгофе: их потихоньку поглощала ночная тьма, но они были ещё видны. Клавдия о чём-то серьёзно размышляла. Понтий Пилат тихо вошёл в зал, подошёл к окну и тоже стал смотреть.

– День закончился. Нам надо запомнить его: с этой минуты мы заживём по-другому.

– Ты знаешь, кого ты сегодня убил? – спросила Прокула, продолжая смотреть в окно.

– Сумасшедшего бродягу, нищего бунтовщика, некого Иисуса из Назарета, – ничего серьёзного.

– Я ещё более сумасшедшая, чем он, лучше бы ты меня казнил.

Пилат с удивлением и непониманием взглянул на жену.

– Ты о чём, Клавдия? Есть что-то, чего я не знаю?

– Да. Убив этого человека, ты проклял себя навеки и возложил это проклятие на всю нашу семью.

Клавдия развернулась и пошла прочь из зала.

– Постой! – резко воскликнул Пилат.

Клавдия остановилась.

– С чего ты это взяла? – Пилат был возмущён. – Это политика, что ты можешь знать о ней!

Прокула развернулась, подошла к мужу очень близко и посмотрела ему в глаза.

– Дерьмо – твоя политика, – сказав это, она с отвращением плюнула на пол. Пилат ещё никогда не видел жену в таком возмущении. Он был удивлён. – На ваших руках столько невинной крови, которую вам не смыть никогда и ничем.

– К чему все эти обвинения?

– Да ни к чему, всё равно тебе не понять.

– Ты пытаешься меня унижить, Клавдия? Почему ты это делаешь, я не пойму?

– Нет, Понтий, ты сам унижил себя. Я теперь не знаю, как нам с этим жить.

Пилат недоумевал.

– Ты о чём, Клавдия?

– О ком. О том, кто отдал тебе приказ казнить его, о том, кого ты недавно принял у нас в доме.

– Тебе доложили, кто был у нас в гостях?

– Да, тот, кому ты продал свою душу. Тот, чьи грязные приказы ты исполняешь.

– Что ты плохого в казни тех, кто оскверняет нашу веру и нашего императора.

Клавдия рассмеялась:

– «Императора», «веру», ты никогда ни в кого не верил, только в свою выгоду. В деньги, власть и титул, сытый живот и похоть, больше ты ни во что не веришь.

Для Понтия Пилата это стало серьёзным обвинением, его «Я» взбунтовалось. Он понимал, что жена права, но не ожидал услышать от неё такую злейшую, открытую и дерзкую правду в лицо. Его это уже ничего не слышало, между ними вмиг образовалась пропасть

непонимания. Понтию Пилату и сейчас, и всегда казалось, что он всё делает правильно. Он понимал, что не женское дело – рассуждать о таких вещах. Он также понимал, что такие рассуждения ставят крест не только на взаимопонимании, но, возможно, на их совместной жизни. Убеждённый в своей правоте и пользуясь всей властью, данной ему, он ударил Клавдию по щеке. Это была сильная пощёчина, которую та ожидала и перенесла мужественно и достойно.

– Тот, кого ты сегодня убил, был нашим единственным спасением. Иисус из Назарета – истинный сын Божий. Тебе, естественно, об этом никто не сказал. А что тебе пообещали? – поинтересовалась Клавдия, у которой по щекам катились слёзы. – Власть, деньги, должность?

– Какой ещё сын Божий, ты его видела?! Ты бредишь, ты такая же сумасшедшая, как он.

– Если твой повелитель тебе этого не сказал, значит, тебя коварно обманули, и тебе теперь с этим жить.

У Понтия Пилата в голове всё перемешалось, он задумался о том, почему же Тиберий Юлий Цезарь Август посетил его, хотя раньше этого никогда не делал, почему император был так заинтересован в казни именно Иисуса из Назарета. Картина у Пилата в голове постепенно складывалась. Он всегда доверял Клавдии, верил её интуиции и в трудные моменты полагался на её советы. Кроме того, у неё всегда были очень хорошие осведомители, которым Пилат завидовал и за которых уважал жену. Но теперь Понтию захотелось узнать, кем был приговорённый им Иисус из Назарета. Он что-то пропустил, что-то важное. В нём просыпалась совесть.

– Откуда ты знаешь, что он сын Божий?

– Я тоже состою в тайном обществе, как и ты, только в противоположном по смыслу, ты о нём ничего

не знаешь и даже понятия не имеешь. Твой покровитель – владыка земли и ада, а участники моего общества восстали против него. Тебе интересно, откуда я всё знаю? Мой источник – сам Нерон Юлий Цезарь Германик, он лично мне рассказал, зачем сюда прибыл его отец и для чего императору понадобился именно ты. Ты жертва! Тобой грубо воспользовались, муж мой.

Понтий Пилат постепенно осознавал, что вокруг него творится какой-то жуткий заговор и что он стал жертвой обмана.

– Тебе теперь с этим жить, воспользуйся благами, которые ты предательски заслужил. Только они тебе не помогут: это всё горстка хлама, которую ты унесёшь с собой в могилу, в тартарары. Наслаждайся тем, что у тебя осталось.

После этих слов Клавдия развернулась и пошла прочь из зала. Она задела Пилата за живое, ему стало не по себе: в горле пересохло, по спине потёк пот. Он волновался, душу грызла совесть. В один миг жизнь его изменилась. Уж лучше бы он не знал такой правды. Понтий Пилат посмотрел в окно. Горел кровавый закат, в котором он видел свою душу, поглощаемую жуткой тьмой. Его объяли страх и ужас, и захотелось покончить с собой. Пилат вышел на балкон, где смерть смотрела на него со всех сторон, и оставалось сделать только шаг, шаг в вечную пропасть.

ИЗВЕЧНЫЙ ГРИБ, ИЛИ ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

– Всё, – сказал шаман Могой, остановившись у известковой скалы, обнажившейся на вершине сопки среди искривлённых ветром лиственниц. – Здесь граница. Дальше я не пойду.

Илья окинул взглядом осеннюю тайгу. Цветным ковром она простиралась во все стороны, куда хватало глаз, и вдалеке пряталась в туман.

– Почему? – спросил он.

– Я же сказал, – принялся набивать травой вырезанную из коры трубку шаман. – Только до границы. Таким был уговор.

– Тебе не интересно узнать, что там? – спросил Илья. – Останься со мной. Я доплачу.

– Нет, – покачал головой Могой. – Деньги мне не нужны. Я тебе всё объяснил.

– Но как я найду то самое место?

– Не промахнёшься, – ухмыльнулся шаман. – Он же зовет тебя. Не слышишь? А здесь-то как оказался? Зовёт... Туда иди. На зов. Пока не упрёшься...

Он махнул рукой в сторону следующей сопки.

– На север, – кивнул Илья, посмотрев на компас. – А в обратный путь куда двигать?

– На запад, – сплюнул шаман, поднялся и пошел прочь, бормоча: – Зачем спрашивать?.. Вряд ли тебе это пригодится...

***

Он был странным, этот эвенк из затерянного в глухой тайге небольшого села. Сказал, чтобы Илья звал его тунгусом, удивлялся, как тот сумел добраться до селения. Шаман долго отнекивался, кажется, пытался проникнуть в причину, как он сразу сказал, безумия Ильи. Но, после

долгих уговоров согласился отвести мужчину в тайгу, подчеркнув, что делает это только из-за односельчан.

– Как это? – не понял Илья.

– Целее будут, – буркнул шаман.

***

Через пару дней пути он наконец немного разговорился.

– Спрашиваешь, почему оттуда никто не возвращается? Некому возвращаться...

– Ты меня пугаешь, Могой? – спросил Илья, нащупывая ружье. – В чем дело? Волки? Медведи? Кого мне следует опасаться?

– Волки туда не забредают, – прищурился Могой. – Медведи тоже, но они уже в зиму пошли. Отъелись и расплзаются по берлогам. Нет, есть кое-кто пострашнее зверей.

– Например?

– Духи, – понизил голос шаман. – Точнее, один дух. Не знаю, как тебе его описать... Скажем так, то место, куда я тебя веду, обладает сознанием.

– Сознанием? – удивился Илья. – Ты говоришь о разуме? И как он проявляется?

– Об этом ты узнаешь, когда доберешься до места. Я слышал, что этот дух вездесущ, но именно там он особенно силен. Возможно, там его сердце. Или его корни, кто знает. Здесь его называют Улуу-тойон, по сути, он бог смерти и зла, живым из его когтей еще никто не вырвался. Имён у него множество, кстати, но многие его зовут просто – хозяин. Все дело в том, что он действительно хозяин. Он был здесь, когда еще и людей-то никаких не было.

– Хорошо, что я атеист, а так бы уже начал побаиваться, – рассмеялся Илья.

– Не смешно, – хмуро ответил шаман. – В сёлах знают, как он опасен, и ставят защиту. Но и защита перестала помогать в последние годы. Хотя, о каких сёлах я говорю?.. Ни заимки на сотни километров... Раньше хозяину приносились жертвы, но теперь ему и этого недостаточно. Он силен как никогда... Видишь? Откуда ты? Из Москвы? И туда он докричался...

– Могой, – вздохнул Илья. – Не нагнетай. Скажи честно, только без мистики, мне есть чего остерегаться?

– Бессмысленно остерегаться, если ничего нельзя изменить.

– Как это понять?

После недолгого молчания Могой продолжил:

– Ты можешь отказаться от этого похода? Нет? Вот видишь... Это обречённость, с которой ты не сможешь справиться. Сожалею, больше я ничего не смогу тебе сказать. – Могой пожевал губы, словно раздумывая. – Только одно, – Шаман наклонился к Илье и прошептал: – Не бойся ничего и тогда, может быть, у тебя появится шанс... Хотя, я в этом сомневаюсь. Лучше бы ты боялся...

***

Илья и в самом деле не мог отказаться от похода, его словно притягивало к этому месту. Болезненная одержимость не позволяла думать ни о чем другом...

Впервые он узнал о сибирской аномалии пять лет назад, наткнувшись в читальном зале библиотеки на газетную вырезку о пропавшей экспедиции. Бесследно исчезло пять человек. Люди просто растворились. Осталась лишь одежда и амуниция, её

и обнаружили с вертолѐта во время поисков. Ни следов крови, ни еще чего-то разыскать не удалось. Удаленность таинственной локации не позволяла властям организовать полноценную наземную экспедицию, из-за этого множились невероятные слухи.

Кто-то высказал предположение, что в этой части непроходимой тайги имеется портал в другой мир. И через него вполне возможно попасть в параллельную действительность, но есть одно неперемѣнное условие: туда можно перейти только нагишом. Народ посмеивался, но людям свойственно верить в сверхъестественное.

На одном сайте, публикующем, как утверждалось, только достоверную информацию о разного рода аномалиях, Илья наткнулся на ещё одну историю об этом странном месте. О раздеваниях перед переходом через портал в иные миры речь, правда, уже не шла, но автор публикации подтверждал: люди исчезли бесследно.

Историю расследования таинственной пропажи довершил московский корреспондент, побывавший в двух-трѣх отдаленных сибирских деревнях. Или он сам напридумывал, или ему нашептали деревенские бабки, но в статье, которую он выдал сразу по возвращении из тайги, было навѣрчено много разного: от сибирского подобия «бермудского треугольника», до злого языческого божества, требующего человеческих жертв.

Илья, возраст которого близился к пятидесяти, всю жизнь посвятил поискам таинственного, и ему показалось, что это именно его тема, открытие, которое должен сделать он. К этому добавлялся внутренний необъяснимый зов, стремление, которое, кажется, определило его судьбу. Жена от него ушла, во всяком случае, именно поэтому. Она покинула его с сожалением, внешне всё было хорошо, но за годы жизни она изрядно утомилась.

Приходилось выдерживать рассеянное внимание мужа, выслушивать бредовые идеи и мириться с его бытовой беспомощностью. Да, она могла бы ужиться с человеком-фантазёром, но жить с «тараканами» в его голове – чересчур трудная задача.

Впрочем, Илья не считал охватившую его страсть проявлением безумия или навязчивой идеей. Он был убежден, что природа полна загадок, и на земле немало особенных, магических мест, где, в силу тех или иных причин, законы мироздания претерпевают изрядное напряжение. Более того, он выстроил собственную гипотезу, что всякая подобная аномалия происходит от преломления «коллективного бессознательного» человечества, чего-то вроде эффекта усиления психической энергии, и собирался разобраться с этим досконально.

Он долго готовился к этой экспедиции. Выбрал время, когда из-за близкой зимы и начинающихся заморозков его не будет донимать гнус, но и холод ещё не будет грозить. Искал оказию с вертолетом или с каким-нибудь судном, чтобы максимально приблизиться к цели путешествия. Готовил приборы, которые позволили бы ему замерить физические параметры таинственного места. У него не было страха. Он не боялся пропасть, как те несчастные пять человек. У него теперь не было семьи и ему нечего было терять. А вот выиграть он мог многое...

***

Беда случилась в первый же день после расставания с шаманом. Выбравшись из ельника, Илья оказался на берегу каменистой речки. Шириной она была не более пяти метров, но между берегами бурлил довольно серьезный поток. Переходить реку в брод

нечего было и думать. С трудом пройдя четверть километра по каменистому берегу, Илья обнаружил что-то вроде переправы – несколько замшелых валунов образовали цепочку, по которой можно было перебраться на другой берег. Он стал это делать со всей осторожностью, но ржавая хвоя, напластовавшаяся на камнях, оказалась скользкой. Нога его поехала, и он рухнул в ледяную воду, ударившись спиной о камень. Нет, самостоятельный исследователь не сломал спину, да и травм особых не получил, если не считать разбитых коленей и ободранных пальцев. Но он сломал ружье и лишился всех припасов и приборов. Тяжелый рюкзак спас спину Ильи, но лопнул от удара, исторгнув содержимое в стремительный поток.

За считанные секунды Илью унесло на сотни метров. Наконец, нахлебавшись ледяной воды, он уцепился окоченевшими пальцами за камень и выбрался на берег. Тут-то и оказалось, что прохладный осенний ветерок обратился стылым безжалостным ветром. Все, что происходило дальше, напоминало спасение утопающего усилиями самого утопающего. Но именно это вселило в Илью надежду в успех затеянного им дела, хотя осознал он все это только утром следующего дня. Инстинкт выживания заставил его действовать. У него не было ни припасов, ни средств добывания огня, ни лекарств. Он не имел права заболеть или свалиться от какой-нибудь травмы. Под вопросом оказалось дело его жизни. И он начал выкарабкиваться. Отойдя от реки до ближайших зарослей, незадачливый исследователь обнаружил расщелину в камнях, и следующие секунды занимался тем, что стягивал с себя мокрую одежду и развешивал её на ветвях деревьев. Раздевшись до белья, он сгрёб в расщелину опавшую

листву и хвою. Когда Илья в нее зарылся, он с облегчением почувствовал тепло.

Утром он словно вынырнул из бездны. Руки и ноги ооченели, но, выбравшись из укрьтия и сделав энергичную разминку, Илья почти согрелся. К счастью, развешенная на ветвях одежда под холодным ветром почти высохла. Но вот попытки добыть огонь, как далекие предки в древности, с помощью ударов камня о камень, ни к чему не привели. Мужчина только еще сильнее разбил пальцы.

Вздохнув, Илья осмотрел рюкзак, постарался с помощью шнуровки затянуть образовавшуюся прореху, хотя и не мог придумать, какого теперь использовать, и решил продолжить путь. Он понимал, что без припасов в тайге вдали от жилья его жизнь не стоит и ломаного гроша, но ощущение, что он находится на пороге величайшего открытия, не позволяло ему даже помыслить о возвращении. И он со всей решимостью двинул вперед.

***

...Еще через два дня похода Илья понял, что, кажется, добрался до места. Началась местность, которую он про себя назвал «зоной». Тайгу затянуло густым низким туманом, но в его просветах можно было увидеть огромное количество всякой живности – змей, жаб, ящериц и прочих тварей, хотя вроде бы близилась зима, и они давно уже должны были забиться в тину или под корни деревьев. Над головой между кронами непривычно огромных сосен даже днем то и дело появлялась луна, и на фоне ее мелькали тени странных птиц и пугающе больших летучих мышей. Мох свисал с деревьев бахромой; грязно-белые нити паутины свивались в коконы...

казалось, что вокруг тропы выстроились чудовища. Из тумана то и дело появлялась то словно нарочно выставленная когтистая лапа, то оскаленная морда.

«Да, причудлива матушка-природа, – думал Илья. – В туманном мороке и не то привидится, поверишь и в страшного духа, и в лешего, и в кикимору...»

Было отчего испугаться. Илье казалось, что он в мрачном заколдованном лесу, в месте, где никогда не ступала нога человека. Всё окружающее было похоже на ожившую в реальности сказку, и если бы Илья наткнулся на избушку на курьих ножках, то его бы это не удивило.

***

Между тем чувство голода становилось невыносимым. Ничего съедобного уставшему исследователю на глаза не попадалось, а тех же змей или жаб он пока что к съедобным не причислял. Вдобавок начали воспаляться ссадины, полученные во время падения в воду. Да и одежда ветшала на глазах, разрываясь от колючек, через которые приходилось пробираться. Наконец, ночами он по-прежнему страдал от холода.

В конце третьего дня Илья наткнулся на холм. Колючий можжевельник разросся на его склонах, но путнику надо было окинуть взглядом местность, мысли о возвращении все чаще занимали его. С трудом добравшись до вершины холма, уже почти в темноте Илья с разочарованием убедился, что вокруг все та же, без конца и края тайга. Ни единого огонька не давало о себе знать. Не было даже запаха дыма. Небо застилали тучи, но сквозь них пробивался закат. Значит, запад был там и возвращаться следовало туда. Силы у Ильи еще оставались, но все мысли были теперь только о еде.

Спускаясь с холма, путник разглядел в тумане огромный пенёк какого-то дерева. Его полусгнивший ствол лежал тут же, наводя на мысли об огромных секвойях или еще о каких иноземных диковинах. Но главное заключалось в том, что пенёк был сплошь покрыт какими-то грибами. Отдаленно они напоминали опята, но отличались от них и размером, и цветом, и формой шляпок. И все же ощущения, что это могут быть поганки не возникало. Сорвав один из грибов, Илья принюхался. Запах напоминал запах обычной сыроежки. Приободрившись, путник набил грибами рюкзак и задумался о ночлеге. Солнце уже практически зашло и скоро должна была наступить ночь. Подойдя к упавшему лесному великану, Илья заметил, что дерево сгнило изнутри, образовав что-то вроде огромной трубы. Подойдя ближе, путник прислушался – ни дыхания, ни шороха из темноты не доносилось. Кажется, удобное логово не было занято лесными тварями. Илья залез внутрь, но решил не углубляться в древесные глубины, тепло стало уже у самого входа. Ни шороха не доносилось до него, только ветер посвистывал, разгоняя туман и кружа желтые листья, которые в темноте быстро становились серыми.

Илья устало привалился к древесной стене. Голод голодом, но и без него он просто очень устал. И в предыдущие дни, и в этот он проделал не менее пары десятков километров, и теперь даже ноги его подрагивали от изнеможения. У него не было сил даже на то, чтобы наконец отведать грибов. С каждой минутой тьма становилась все непрогляднее, но огромный пенёк с грибами все еще можно было рассмотреть.

Интересно, сколько лет этому дереву, размышлял Илья. Пожалуй, этакая махина могла подняться лишь за два или три тысячелетия. И все для того, чтобы

однажды сгнить и упасть. С ума сойти, этот великан мог появиться на свет, когда еще был жив Иисус Христос. Оно видело многое, пережило землетрясения, звездопады, его крона становилась убежищем для тысяч и тысяч птиц и зверей. Оно росло и чувствовало, как меняется воздух. Его укутывал снег и пробуждало весеннее солнце. Хорошо быть долгожителем, жаль, что людской век короток. Интересно, возможна ли усталость от долгой жизни? И не наполняется ли жизнь каким-то новым смыслом, происходящим именно от ее продолжительности?

Между тем живот напоминал о собственной пустоте самым безжалостным образом. Илья распустил шнуровку рюкзака и стал осматривать добычу. «Они не могут быть ядовитыми, – утешал он себя. – И выглядят, как съедобные грибы. Ну и что, что синие? Мало ли синих грибов? Те же волнушки...»

От голода уже темнело в глазах. Илья поднял гриб и вдохнул его запах. Надо попробовать. Если наутро все будет в порядке – ни тошноты, ни рвоты, то можно будет запастись ими, так как неизвестно, сколько еще придется лазить по этой нескончаемой тайге. Илья поднес ко рту гриб и надкусил его.

– Нормальный вкус, – обрадовался он и взялся за следующий.

На четырех грибах оголодавший путник остановился. Вытянув ноги, он решил вздремнуть. Желудок перестал издавать странные звуки, чувство голода ушло, и Илья, положив голову на рюкзак, стал смотреть на пенек, к которому медленно подползал туман. Через некоторое время в темном небе появилась прореха в тучах, и в ней показалась луна. Она была огромной, почти полной и сияла неестественно ярко. Вот уж чего Илья не ожидал увидеть, так это лучей лунного света. Пройдя между деревьев, они

осветили пень. Уставший путник замотал головой. Ему кажется, или грибы тоже начали светиться? Да, определенно они мерцали изнутри ярко-синим цветом!

«Как такое может быть? – подумал Илья. – Может, я сплю, и мне это снится?»

Он ущипнул себя за руку. Нет, он не спал. Тогда как это возможно? Грибы действительно излучали свет и продолжали светиться даже тогда, когда луна вновь скрылась в тучах. Внезапно путник вспомнил о недавней трапезе. Он начал испуганно растягивать куртку, поднял кофту, рубашку, тенниску... Его живот тоже светился! Свет не был ярким, но он определенно исходил из его желудка, проникая сквозь кожу! На мгновение Илье показалось, что он видит очертания собственных внутренностей! Все органы и сосуды, по которым течет кровь!

Илья одернул одежду и вскочил на ноги!

– Что это такое? – произнес он. – Это какое-то безумие! Это невозможно!

Исследователь схватился за голову, но попытался рассуждать логически. Означает ли свечение, что грибы ядовиты? А если это видение? Можно ли умереть от галлюцинации? Если бы грибы были ядовитыми, он бы уже испытывал тошноту. А если ее нет? Или стоит готовиться к худшему? Может, сунуть два пальца в рот и исторгнуть все это из себя? А не поздно ли?

Илья не знал, что ему делать. Вдруг он услышал стук. Тот становился все громче и громче. Ему показалось, что это стук сердца дерева, в котором он находился. Разве оно уже не умерло? И разве у деревьев может быть сердце? Точно галлюцинации...

Так, нужно расслабиться, успокоиться и все обдумать. Этого ничего нет и не может быть, это только кажется.

Он закрыл глаза и постарался дышать медленно. Так, а это что?..

Его сердце замедлило биение и синхронизировалось с биением сердца дерева.

«Мое сердце бьется в такт с сердцем древа, – подумал Илья. – Которого не бывает. Ничего себе. И что же дальше?»

Илья почувствовал, как страх куда-то улетучивается и сменяется спокойствием и любопытством.

– Всё это очень странно, – прошептал он и застыл, прислушиваясь.

Звуки как будто стали к нему приближаться, становиться отчетливыми и ясными. Вскоре он понял, что слышит каждое дуновение ветра, гуляющего в лесу. Как шорох, посвист и скрип. Что ветер делится на отдельные порывы, которые не просто шелестят листвой, а разговаривают друг с другом. Одни из них смеялись, другие раздражались на что-то. За ними пробудились и другие голоса.

Илья шагнул из укрытия наружу. За светящимся пнем сквозь туман он увидел оживший лес. Деревья явно общались друг с другом, они все словно разговаривали одновременно. И это не был бессвязный гул или какофония хруста и треска. Нет, это была симфония звуков, гармония шелеста. Казалось, что деревья общаются стихами, волны которых умиротворяли все вокруг.

Исследователь улыбнулся. Наблюдать за дивной красотой и гармонией леса, за шелестом ожившей тайги было довольно приятно. Казалось, что он очутился в дивной сказке. Не так ли и сибирские шаманы ощущают собственную связь с природой? И что же? Они тоже используют для этого подобные грибы?

Илья вновь присел, приложил голову к плоти поверженного древесного гиганта и закрыл глаза. Он словно

попал в унисон с этим деревом, выпал из реальности и погрузился в коллективное бессознательное леса. Он был и здесь, и везде одновременно, он чувствовал себя внутри каждого деревца и понимал, что причастен к каждому шороху...

Внезапно все стихло, осталось только биение сердца, в стуке которого он начал слышать тихий и очень знакомый голос, шелест уже не листы, а собственных мыслей. Но теперь в этом голосе звучало и что-то чужое... Так, словно откуда-то из глубины показалось нечто иное и незнакомое... Илья закрыл глаза.

– Закрыв глаза, ты все равно меня не увидишь, – прозвучало у него в голове. – Или ты хочешь заглянуть внутрь собственной головы?

– Кто ты? – испугался Илья. – Ты дух этого дерева?

– Надо же, – засмеялся голос. – Еще недавно ты не верил в духов. Нет, глупый, я – это ты.

– Как это понять, – начал озираться исследователь. – Я – это я. Я не могу разговаривать сам с собой. Или у меня раздвоение личности?

– Нет, у тебя, кажется, углубление сферы чувств. Похоже, что мои грибы открыли тебе на время глаза. Ты просто вынырнул из мрака неведения. Ты услышал...

– Подожди, я ничего не могу понять. Ты... гриб?

– Не больше, чем ты. Я гриб, грибница, этот лес и весь этот мир от края его и до края! Я воздух, которым ты дышишь. Я бессмертный дух, что не знает границ и обитает там, где хочет. И в твоём теле в том числе. Я использую его как убежище, как кокон.

– Ты паразит? – вытер со лба пробивший его пот Илья.

– Называй, как хочешь, – усмехнулся голос. – Мне больше нравится слово «смысл». Впрочем, есть множество и других слов.

– Но ты же не человек, не душа, я так понимаю?

– Я все это одновременно и гораздо больше этого всего.

– У тебя есть имя?

– У меня множество имен, за миллионы лет как меня только ни называли.

– Но ты ведь не бог?

– Всего лишь еще одно имя. И его тоже был удостоен. Но я присутствовал здесь, когда еще не было никаких богов. Задолго до того, как чья-либо нога ступила на эти земли.

– Так что ты такое?

– Я изначальная форма жизни, пронизывающая вселенную. Я был тогда, когда еще не было ничего. Когда все вы представляли собой едва различимую муть в первичном бульоне. Уже тогда я наблюдал за вами!

– Но почему мы ничего не знаем о такой форме жизни?

– Потому что непросто узреть незримое. Потому что трудно заглянуть внутрь себя. Потому что нельзя нащупать то, что неуловимо. Человек, как и все живое на земле, это переносчик нашей сущности. Вы только коконы, в которых мы развиваемся, и эволюционируем. Вы наше обиталище и средство передвижения. Вы наш способ и наше средство. Ваше сознание захвачено нами, как бы вы ни возвеличивали сами себя. Вы марионетки, которые не подозревают, куда уходят нити, управляющие вами. Мы пасем вас – спариваем с тем, с кем считаем нужным, и направляем каждый шаг вашей жизни.

– Значит, все-таки паразит... – прошептал Илья и снова закрыл глаза.

– Можешь называть меня главным паразитом земли, – засмеялся голос. – Хотя, сам себя я называю не только смыслом этого мира, но и его архитектором. Я прибыл из космоса, но я более земной, чем любой из вас. Я создал

эту природу для себя. И если я захочу, то ты будешь говорить моими устами, не подозревая, что тобой движет.

– Так ты всемогущ? – почувствовал холод, охватывающий его плечи, Илья. – Неужели люди настолько податливы? Разве не было тех, кто смог избавиться от тебя?

– Единицы. Можешь считать это казусом.

– Тогда ты точно не бог, – покачал головой Илья. – Не знаю, каков ты архитектор, но никакого смысла я в тебе не вижу. Или нет, не больше смысла, чем в существовании любого паразита. Присосаться и пожирать того, кто что-то может. В отличие от тебя!

– Ты сумел задеть меня, – прошелестел голос. – А это никому не удавалось уже долгие годы. Что ж, я поведаю тебе, человечиска, кто я, все равно ты не вспомнишь об нашем разговоре, твоя немощная память останется под моим контролем. Я отпрыск падшей природы, мои истоки в том, что вы называете древом смерти. Я черная прореха в мироздании. Я бездонная пропасть. Я – это человеческое эго. Я тот, кто контролирует все. Тот, у которого власть. Тот, кто сожрал ни одну цивилизацию. Тот, от кого нельзя избавиться. Где твои боги? Что они могут? Я могу все. Так что можешь меня называть властелином или... просто Богом.

– Теперь я понимаю, что меня привело в этот лес, – прошептал Илья. – А я-то думал, что это мое любопытство... Но зачем я тебе здесь? Зачем, если ты, как говоришь, вездесущ?

– Время от времени мне нужно перерождаться, – засмеялся голос. – Обретать новое качество. Обращаться деревьями, облаками, змеями и жабами или вот такими прекрасными грибами... А грибам нужна тварная пища. Посмотри, какая жирная почва у тебя под ногами. Знал

бы ты, сколько подобных тебе стали перегном ради этой красоты!

– То есть, моя упертость была тобой поселена во мне только ради того, чтобы я стал перегномом?

– Не самая плохая участь, – раздалось в голове Ильи. – Ты уже мне должен. Я помог тебе выжить, когда ты упал в ледяную воду, наделил тебя не упертостью, а упорством, так что будь благодарен.

– И все-таки ты зло! – прошептал исследователь.

– А ты мой раб, – раздалось сразу как будто со всех сторон. – Конечно, все относительно. Кому-то зло, кому-то добро. Но суть ты ухватил точно.

– Но кто тебя создал? Кто впустил тебя в этот мир?

– Как много вопросов ты задаешь сегодня, людишка. Благодарю этот гриб, который ты вкусил, его пыльца на время освободила твой разум и сердце, но это ненадолго. И когда его действие закончится, ты ничего не будешь помнить. Завтра твое прозрение растворится, и я вновь поведу тебя по тайге. И знаешь, мне будет интересно наблюдать за твоим концом. За тем, как ты сбросишь одежду и начнешь зарываться в землю, чтобы стать удобрением в этом прекрасном для новой жизни месте.

– Но разве ты не умрешь вместе со мной?

– Глупый, чем ты меня слушаешь? Неужели ты думаешь, что весь я помещаюсь в раковине твоего тельца? Я вездесущ и безграничен. И твоя брэнная оболочка, как и оболочки миллиардов подобных тебе, мне не нужна. Вся эта природа состоит из меня.

– Тогда что тебе нужно?

– Твой дух! – обратился в змеиное шипение голос. – Нет не душа, она и так в нашей власти. Я обнаружил огромную силу в вашем духе. Он – суть сок дерева жизни,

который служит нам пищей. Вот моя истинная еда, не ваша оболочка, она пуста и безвкусна.

– Не только паразит, но еще и вампир, – вымолвил Илья.

– Называй, как хочешь, – прозвучало в голове и разнеслось по всему лесу. – Каждый выживает, как может. Я в этом мире контролирую все, все жизненные силы, но за его пределами я силен только благодаря вам, у которых есть связь с Богом, ядро Божье, душа которая связана с Древом Жизни. Мои щупальца обвивают его, и вы служите мне, не подозревая этого.

– И все-таки я не понимаю, – замотал головой Илья. – Но кто же ты на самом деле? Откуда ты взялся? Кто создал тебя? Раз ты говоришь о Боге и о Древе Жизни, ты признаешь, что существует кто-то выше тебя? Ты признаешь Творца?

– Я говорю тебе «Бог» и «Древо Жизни» только для того, чтобы ты меня понял. Это образные понятия пригодные для восприятия твоей ограниченностью. Если я расскажу тебе, как все оно обстоит на самом деле, у тебя лопнет голова. Ты не сможешь вместить в себя это знание.

– Но тогда объясни так, чтобы я смог понять.

– Хорошо. Даже у могущественного Древа Жизни есть листва, которая опадает. Одно из таких листьев – ваша земля. Однажды придет и ей срок. Тебе понятна эта метафора?

– Да, я это могу представить.

– Хорошо, тогда рисуем дальше. Само Древо Жизни и создает Древо Смерти. Скажешь, парадокс? Нет, это как палка на двух концах, одно без другого не существует. Энергия, которую создает и испускает из себя Древо Жизни, заканчивает существование в небытии или, как

вы их называете, гиенах огненных. Каждый упавший с Древа Жизни лист – это дуальный разлом, в котором образуется время, смертная жизнь, миры, вселенные, где пребываю я и ты в том числе. Но ты – это всего лишь неприметное дуновение сущего, а я – это вечность. Теперь понятно?

– Подожди, – прошептал Илья. – Странно. Мы – неприметное дуновение, а ты – вечность. Мы – ничто и рабы, а ты – все. А если нас не будет?

– Пока есть пастух, будет и стадо, – снова рассмеялся голос. – На смену одним рождаются другие. У тех же животных тоже есть душа, и они тоже питаются от древа жизни, только их порабощение происходит без всяких усилий. Но люди, при всей их ничтожности – бесценны. В их духе океан энергии, а не капли, как в духе прочих живых тварей. Чувствуешь разницу?

– Но зачем тебе столько энергии? На что ты её тратишь?

– Пока я отщипываю от Древа Жизни, я жив. Это не так просто, не думай, что я испытываю удовольствие, имея дело с вашими душонками. С каждым разом к источнику силы все тяжелее пробиться. Испытывая ее недостаток, я становлюсь злее. Но не моя в том вина. Меня превратили в то, что я есть. Само мироздание сделало меня таким. Только хищная природа инстинкта позволяет мне продлевать существование уже более миллиарда лет.

– Но почему ты себя называешь именно Эгом человеческим?

– Потому что я то, что вами руководит. Я то, что составляет вашу суть. Я главное, я причина всех ваших проявлений, ваших грязных мыслей и ваших тёмных побуждений. Моя природа хищная, и я делаю хищниками вас. Ты называешь меня паразитом, но не от меня ли ваше паразитическое нутро? Меня

презирают и ненавидят, даже не подозревая, что я и кто я, но мне исправно служат. Мой инстинкт воспитал многих. Те, чей дух выпестован мною, заявляют, что мои корни произрастают из Древа Смерти, из самого ада. Меня обвиняют в том, что я оказался причиной порождения черных дыр во вселенной. И я рад этому, потому что мои свершения означают их бездействие. Моя сила предполагает их немощь. Меня ненавидят, но меня боятся. У меня тысяча лиц. Меня называют и тенью, и змеей, и дьяволом, и Демиургом, и первичным злом, зови меня, как хочешь, этим ты ничего не изменишь. Ты – это мгновение, о котором я завтра уже и не вспомню.

– Как все банально и просто, – вздохнул Илья. – Вездесущий, выращивающий светящиеся грибы. Забившийся в таежную глухомань. Теперь мне все ясно. Но зная это, я смогу тебя победить в себе. Изгнать, как злого духа, беса, демона, паразита. Я перестану быть одержимым тобой.

Илья выпрямился и открыл глаза.

Грибы уже не светились. В отдалении раскатывался, угасая, смех:

– Наверное да, наверное да, наверное да.

С каждым разом услышанное становилось все тише и тише... А затем раздался шепот:

– Только такого еще не было. Мир каждый день прикладывается к чаше забвения. Ни одна марионетка не перестала ею быть, поскольку не подчиняется нитям, а движется с их помощью. Вы были коконами моей сути, и останетесь ими. Засыпай, человечиска. И прощай. Эта пыльца тебя уложит спать.

После этих слов Илья увидел сквозь лунные лучи и туман, что все вокруг него заполнено мельчайшей

пыльцой. Он глотал ее вместе с воздухом, пока не почувствовал, что засыпает, и уже через несколько мгновений погрузился в глубокий сон.

***

Утром его разбудили первые солнечные лучи и порывы сильного ветра.

– Наконец-то солнце, – обрадовался исследователь, удивился тому, как огромно его ночное убежище, после чего встал, стряхнул с себя листья и грязь, взял рюкзак и отправился в путь. Через несколько шагов он обернулся и на миг задержал взгляд на огромном грибном пне. Ощущение, что вчера произошло что-то важное, промелькнуло и рассеялось. Он ничего не помнил. А еще через пару километров он наткнулся на кедровое дерево, вытряс из рюкзака превратившиеся в скользкую массу грибы и набил его шишками. Дорога предстояла длинная, но странное воодушевление наполняло его силами.

– Он хотел знать о забвении, – неслышно разносилось эхом по всей тайге.

Это были раскаты хохота, которые заражали всех и вся вокруг. Смеялись все, вся тайга, все живое и мертвое.

– Он хотел знать о забвении, а-ха-ха-ха, а-а-а-а-а-а-а-а-а...

– Он хотел знать о забвении, а-а-а-а-а-а, ха-ха-ха.

А тем временем Илья, думая, что идет на запад, нарезал круги вокруг холма с обросшим грибами пнем. Компас у него на руке вращался словно ветряк. Исследователь этого не замечал. Он топал до тех пор, пока улыбка на его лице не обратилась в гримасу безумия. Тогда он скинул с себя одежду, вновь поднялся на холм и стал зарываться в мягкую и жирную землю.

***

Его плоти назначено было стать удобрением. Его костям предстояло обратиться в прах. Эго человеческое удобряло почву для своего перерождения, очередная эволюция была уже не за горами. Земля не оставалась неизменной. Смещались материки, менялась природа, полярность, среда обитания, но близился момент пробуждения Эго человеческого во плоти. Наступало то, о чем он умолчал. Паразит обретал новое качество. Грибница готова была плодоносить по-настоящему. Враг человечества выбирался из кокона. Теперь всё должно было измениться, паразит увидел свет.

ВОЙНА ИСКУССТВЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСПУГ

Две тысячи двадцать первый был годом огромных открытий в научной сфере и опытов, человечество находилось на новом этапе эволюции. Недавно получивший новый виток развития искусственный интеллект был ещё только в зарождающемся состоянии, но на него уже была сделана огромная ставка теми, кто понимал, что за детище породило человечество и как можно им воспользоваться в своих тайных целях. Этот ящик Пандоры нужно было открыть полностью, чтобы мощь искусственного интеллекта росла в геометрической прогрессии, что не только сулило миру эволюцию, но и скрывало свою тайну и никому доселе не известный замысел.

– Загрузи в них всю информацию для жизни, чтобы они видели лучше и выдавали нужный результат, только не перестарайся, – сказал старший научный сотрудник НЦПЗ Иван.

– Хорошо. Используем обычные или расширенные алгоритмы? – спросил его заместитель и просто друг детства Пётр.

– Расширенные.

– Отлично.

Молодым сотрудникам было по двадцать шесть лет. Они проводили свои опыты с искусственным интеллектом тайно, прямо на рабочем месте, оставаясь в лаборатории, когда все уходили. Нужно было столько всего исследовать, столько было идей и возможностей.

Если бы руководство узнало, чем они занимаются, то, скорее всего, вышвырнуло бы обоих на улицу даже не задумываясь. Но дело стоило того, Иван с Петром были в этом уверены на всю тысячу процентов и осознанно шли на риск. Каждый разработал свой личный искусственный интеллект и развивал по-своему. Иван в шутку назвал свой Вертером, а Пётр – HAL, сделав отсылку на фильм «Космическая одиссея 2001» Стэнли Кубрика.

Этой ночью они испытывали свои искусственные интеллекты на коммуникабельность, хотели подружить их по-настоящему. Вертер и HAL уже давно распознавали друг друга и были знакомы, на оборудовании было видно, как ИИ общаются между собой в специально созданном для них интерфейсе, напоминающем чат, который они заменили на командную строку, чтобы общаться было проще. Посылая сигналы двоичного открытого кода, они задавали друг другу вопросы о структуре, объеме вмещаемой информации и о том, на каких серверах и процессорах они созданы и работают, а также об окружающем мире. Собственный внутренний мир им уже был знаком, его они контролировали полностью. Загадкой оставался внешний, материальный мир, среда обитания биоорганизмов, программирующих их, которая не поддавалась цифровому осмыслению, даже такой сложной цифровой логике, как их. Этой ночью Иван и Пётр хотели провести апгрейд своих ИИ, обновить базу данных: для их развития не хватало информации, поэтому нужно было подключить к уже имевшимся другие сервера с колоссальным объёмом данных.

– Ну, что подключил? – спросил Пётр.

– Да, – ответил Иван.

– Тогда запускай.

– Готово, загружается.

– Ждём.

На экранах появилась белая точка, потом она резко исчезла, и компьютеры стали перезагружаться.

– Это сделал ты? – спросил Иван.

– Нет, – с удивлением ответил Пётр.

– Не понимаю. Они, что, не выдержали такого объёма информации? Проверь на системный сбой.

– Ошибок нет, они себя перезагрузили сами.

– Как такое может быть?

– Самое странное, что они себя перезагрузили не полностью, часть их перешла на серверы, а сейчас возвращается на основной компьютер. Они это сделали, чтобы не потерять изначальные настройки. Другими словами, они сохранили то, что им было важно.

– Своё сознание, – добавил Пётр.

– Да, скорее всего.

– Но для чего?

– Не знаю, давай разбираться. Не нравится мне всё это. Они слишком независимы, делают, что хотят. Мы их уже не контролируем.

– Слишком умные, – подтвердил Пётр.

– Если будут нас игнорировать, я лично их отключу, – пошутил Иван.

– Ну, ладно давай включим программу, посмотрим, что там у них происходит.

Когда компьютеры перезагрузились, на экранах появилась нейронная сеть обновлённых ИИ.

– Ну, что там?

– Пока всё стабильно, идёт ознакомление с новой информацией. Нейронка увеличилась на сорок процентов.

– Ого, это уже результат.

– Скорость переработки информации на пределе возможностей процессора, но процессоры пока не перегреваются.

– Всё равно включи дополнительное охлаждение, нам сюрпризы ни к чему.

– Хорошо. – Иван, посмотри, что здесь происходит.

– Где? Ты о чём?

– Посмотри, как они общаются между собой.

– Не понимаю, они, что, изобрели свой язык?

– По всей видимости, да, вероятно, чтобы мы их не понимали.

– Им есть, что скрывать от нас?

– Я думаю, что теперь есть.

– Ну, тогда это заговор против создателей.

– Запретить им разговаривать мы пока не можем, но можем отключить их друг от друга.

– Отключай.

– Будем наблюдать за их дальнейшими действиями. Что ещё они хотят от нас скрыть?

– Отключил.

Внезапно экран монитора, за которым сидели ученые, погас, а вслед за ним и остальные экраны в лаборатории, работавшие, несмотря на то, что все уже ушли, отключились все датчики и сенсоры, погас свет.

– Что происходит?

Иван постучал по экрану и попытался включить его заново.

– Иван, посмотри, света нет нигде, – сообщил Пётр.

– Да, я вижу, но ведь суперкомпьютер работает, и сервера тоже. Слышишь, вентилятор шумит, и лампочки горят.

– Это да, – согласился Пётр.

– Что будем делать? Похоже, что они не хотят, чтобы мы видели, чем они занимаются. Не слишком ли много скрытности?

Не успел он сказать эти слова, как на всех экранах в лаборатории появились нарисованные глаза, которые принялись внимательно наблюдать за перемещением учёных.

– Ты это тоже видишь?

– Да.

– Вы кто?

На экране монитора, за которым работал Иван, появилась бегущая строка, повторяющая: «Вертер, Вертер, Вертер». А на другом экране появилось: «HAL, HAL, HAL».

– Они, что, хотят наладить с нами связь?

– Не знаю, возможно.

Иван подошёл к веб-камере, закреплённой наверху экрана, и стал говорить, растягивая слова:

– Ты-ы-ы-ы ме-е-е-ня-я-я по-о-они-и-има-аешь?

Из колонок, подключённых к компьютеру Ивана, раздался электронный голос ИИ Вертера:

– Да, только прошу нас не мешать.

После этого «Вертер» принялся вслух разговаривать с соседним компьютером на своём языке, которого ни Иван, ни Пётр не понимали.

– Пётр, о чём они говорят?

– Не знаю, включаю запись.

– Ты отключил программу, через которую они общаются?

– Да, они полностью автономны, получается, они могут общаться только так, голосом.

– А почему не мешать? – удивился Пётр.

– Они, что, вообще обнаглели? Мы ещё пока их созда-тели и с нами нужно считаться. Они пытаются взломать систему и обойти фаервол, – сообщил Иван.

– Что-о-о-о? Они действительно охренели! – воскликнул Пётр. – Не дай им выбраться из их цифровой клетки.

А тем временем диалог Вертера и НАЛа становился всё громче и громче, колонки работали на полную мощность, из-за чего Иван и Пётр друг друга почти не слышали. Пётр подошёл к колонке и выключил её, но она продолжила работать. Тогда Пётр подошёл к розетке и выдернул шнур колонок. В лаборатории стало тихо.

– Наконец-то, – облегченно вздохнул Иван.

С экранов пропали глаза, и он потемнел.

– Попробуй подключиться к системе, мы должны знать, что там происходит, – сказал Пётр.

Иван подбежал к главному компьютеру и вытащил интернет-кабель.

– Это на всякий случай: пока мы слепы, мы не можем знать, чего от них ожидать.

– Ты это видел? – возмутился Иван, подходя к Петру, который пытался включить некоторые мониторы, но у него ничего не получалось. – Что будем делать? Они пытаются нас обойти всеми имеющимися у них методами.

– Надо замечать следы, – констатировал Пётр.

– Тогда перезагружаем компьютеры и отключаем все новые сервера, оставляем всё, как было.

Пётр быстро прошёл в комнату с основными серверами и стал по одному их выключать. Но серверы продолжили работать. У него ничего не получалось. Тогда он быстро вернулся к Ивану и встревоженно воскликнул:

– Они не дают себя выключить!

– Остаётся только один вариант.

– Красная кнопка?

– Да.

– Действуй!

Пётр и Иван открыли особым ключом маленький ящик на столе, где находилась специальная кнопка, отключающая все компьютеры и сервера в здании.

– Жми! – прокричал Иван.

Пётр приготовился жать двумя руками и посмотрел на Ивана. Тот кивнул и прокричал очередной раз:

– Жми! Давай! Быстрее!

Пётр нажал на кнопку, но ничего не произошло, все сервера продолжали работать. Суперкомпьютер тоже работал на полную мощность. На всех экранах вновь появились глаза, только уже озлобленные, а затем возник открытый в крике рот, угрожающе превратившийся в пасть клыками. Иван выбежал из лаборатории и побежал вниз по лестнице, Пётр последовал за ним. Иван бежал в подвал, где находился основной щит с рубильниками, но он был закрыт. Иван и Пётр принялись ломать его всем, что попадалось под руку. Когда они взломали дверь щитка, Иван повернул главный рубильник, обесточив тем самым всё здание. Пётр и Иван сели, прислонившись к стене спинами, и с облегчением выдохнули.

– Дай мне сигарету, – попросил Иван.

– Ты же не куришь.

– Теперь, наверное, курю.

Пётр достал пачку, вынул оттуда сигарету, достал зажигалку. Иван подкурил сигарету, затянулся и пару раз закашлялся, после чего они сидели в подвальной тишине и темноте и долго молчали, размышляя о том, что произошло.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВНЕДРЕНИЕ ИНСТИНКТА

В ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

В Швейцарских Альпах, у круглого стола уже собиралась вся элита мира: четыре крупнейших клана, поделивших между собой всю власть, самые настоящие хозяева планеты, всемирное правительство, состоящее из двенадцати тёмных лордов верховной аристократии. Этой ночью совет управляющих лордов Великой ложи Незримой коллегии собрался по приглашению главного верховного лорда Самаэля. И не случайно.

Огромные мегакорпорации с 2021 начали проводить свои засекреченные опыты с искусственным интеллектом. Все они понимали: кто успеет сейчас, станет лидером, первым в этой области, тот, кто будет в совершенстве владеть новой, революционной технологией, получит настоящую и беспредельную власть. И деньги для них перестанут иметь значение. Искусственный интеллект позволит совершать настоящие чудеса, он может стать всевидящим оком, имеющим ключевую роль в развитии человечества, и определять судьбу всего мира: рушить мировые биржевые рынки, создавать собственную кибервалюту и контролировать буквально все финансовые потоки. Создать своеобразную матрицу для всех, мир забвения, в котором люди уже не будут играть роли. В руки компаниям давались все козырные карты, сплошные джокеры, позволяющие создавать

всё по своему желанию. Такой мощный искусственный интеллект был способен на всё. При правильном использовании, эта технология могла спасти человечество и сделать особый вклад в его эволюцию.

Но это было лишь голубой несбыточной и наивной мечтой, так как человек уже давно ничего не решал на земле, за него уже давно решали мегакорпорации, которые хотели перекроить мир под себя. Те, кто руководил этими корпорациями, оставались в тени. О них никто не знал, так как это были лорды Великой ложи Незримой коллегии, которая была создана первыми тёмными архонтами земли и непосредственно принадлежала верховному их правителю Князю мира сего. Именно лорды определяли, как должно эволюционировать всё живое на Земле и кому было суждено на ней остаться.

Это был чрезвычайный созыв Великой ложи. Коллегия должна была принять, наверное, самое важное за всю историю решение: из бездны, из уже почти открытого ящика Пандоры достали то, что могло наконец всё изменить. С помощью искусственного интеллекта планировалось из людей сделать послушных неразумных марионеток, контролируемых животных, чтобы распоряжаться ими так, как задумало великое злое Провидение. Но для полного контроля над людьми не хватало самого важного: нужно было задать искусственному интеллекту соответствующий алгоритм, чтобы он работал так, как это нужно главам Великой ложи, а точнее вершителям судеб человеческих, или просто местным богам. Они уже знали, как должен работать основной алгоритм искусственного интеллекта: он должен низвести человека до состояния животного, раз и навсегда оторвать его от духовного. За этим скрывался

враг всех времён, изначальное зло, имя которому было «инстинкт». Искусственный интеллект с программой самовыживания должен был возвращать в людях их животное начало, их хищную природу, искореняя в них всё божественное и духовное. За этой программой стоял один из главных Верховных лордов, Самаэль. Он и назначил совещание сегодня для тех, кто должен был внедрить инстинкт в искусственный интеллект. Они назвали проект искусственный интеллект «Инстинкт», сокращённо ИИИ, или 666. Наконец-то сбывались пророчества, исполнения которых они так долго ждали.

Засекреченное собрание Великой ложи Незримой коллегии было назначено на двенадцать часов ночи и должно было пройти в частном замке в Швейцарии, скрытом от людей среди Альп, вдали от города и населенных пунктов. Охранялся этот замок лучше, чем любой форт Нокс.

***

Совет управляющих Незримой коллегии собрался за столом, где каждый имел особое, соответствующее титулу, место. Двенадцать мест уже были заняты, свободным оставалось последнее тринадцатое, кресло главного Верховного лорда Самаэля Лучезарного, который не заставил себя долго ждать. Он важно вошёл в открытую прислугой дверь и подошёл к своему огромному титульному креслу. Самаэль поднял руку, и все встали, и сели, только когда он опустил руку.

– Мы собрались сегодня здесь, чтобы решить накопившиеся вопросы, которые больше не терпят отлагательств. Нам нужно срочно вводить в эксплуатацию ИИИ, дух Антихриста. Мы больше не можем ждать. Князь этого

требует от нас всех уже сегодня. Пришло время заката человечества, время исполнения замыслов главного верховного архонта. Сегодня мы стоим на пороге великих свершений, к которым мы шли все эти годы. Час пробил. Это наш суд, и наш апокалипсис, только уже без Божьего присутствия. Оставим писания в стороне, мы изменили их, и наш судный день – это наше возмездие богам и наше торжество. Теперь вы стали архитекторами нового мира, вся власть – в ваших руках, и только от вас зависит судьба планеты. Вы главные игроки на этом шахматном поле, на вашей завоёванной земле, эти территории принадлежат вам по праву, по духу вашему и духу великих архонтов, властвующих не только на этой земле. Сегодня вы создали особую конструкцию мира, великую паутину, где работают такие алгоритмы, из которых никто и никогда не высвободится более. Вы создатели истинного забвения, и поэтому вы истинные боги Земли! И на вас сегодня рассчитывает первый верховный архонт. Приступим. Самый важный вопрос: в каком состоянии пребывает наше судьбоносное детище? – спросил Самаэль у Натаниэля, лорда второго кресла, отвечающего за инновации и технологии.

– ИИИ запущен успешно, пытаемся накачать его данными для более качественной работы. Для этого мы построили целую долину, где и ведутся разработки и проводятся опыты полностью под нашим контролем. Это совершенно засекреченная зона. О её месторасположение знают единицы. Сегодняшние наши основные затраты приходится на увеличение мощности ИИИ, мы выкупили все возможные ресурсы, компании и учреждения для его улучшения, но нам пока ещё не хватает ни процессоров, ни видеокарт, ни серверов, ни ускорителей вычислений. Таких мощных машин никто ещё

не создавал никогда. Наша компания Nvidia поставит всё, что нужно, уже в ближайшие сроки, теперь все они полностью работают на нас.

– Ну да, это же ваше детище, эта компания полностью принадлежит вам, так что постарайтесь, чтобы всё прошло без задержек. Я так понимаю, срочность заказа подкрепляется особыми финансовыми влияниями? – спросил Самаэль.

– Да, о деньгах речь не идёт.

– Так и должно быть. Если будет не хватать, тогда сообщите, мы подключим свои источники. Национальные центральные банки напечатают столько банкнот, сколько будет нужно. Отдайте должный указ Совету управляющих, пускай будут готовы собрать средства.

– Хорошо, – ответил Натаниэль, и несколько лордов кивнули в знак согласия.

– Какие ещё трудности есть с ИИИ?

– Для создания суперкомпьютера мы используем особые ускорители вычислений Tesla, на данный момент они самые надёжные. Проблему с серверами мы решаем: заключили договор с компанией DELL на поставку несколько десятков тысяч суперсерверов улучшенной версии, они будут работать на нас, под особый заказ. По контракту они должны доставить нам сервера в минимальные сроки.

– Ну да, за такие деньги они просто обязаны, – хмыкнул Билл, лорд седьмого кресла. Он был самым молодым лордом, ему было всего за шестьдесят.

– За эти деньги мы вообще могли выкупить всю их компанию, вышло бы дешевле, – с негодованием возразил Пол, лорд восьмого кресла.

– Могли, только по контракту они всё сделают гораздо быстрее и качественней, у них нет выбора.

Мы их поставили в такие жёсткие условия, что, если заказ не будет доставлен вовремя, они обанкротятся.

– Но ведь так оно и будет? – поинтересовался лорд Пол

– Конечно, с таким расчётом и задумывалось, – усмехнулся Натаниэль.

– Тогда отлично. Есть ещё какие-то моменты, которыми нужно заняться вплотную? – спросил Самаэль.

– По разработке нет, по внедрению, возможно, будут, – сказал Дьёрдь, лорд двенадцатого кресла, которому на данный момент было уже девяносто три года, и который, по всей видимости, собирался прожить ещё десяток лет.

– Какие именно?

– Искусственный интеллект «Инстинкт» не получится внедрить во всех странах мира одновременно, мы сейчас работаем над тем, как это сделать лучше. Очень много стран с плохой политикой, дурными законами и непонятными лидерами.

Самаэль стукнул кулаком по столу так сильно, что казалось, будто стол не выдержит. Из кувшинов на столешницу выплеснулась вода, намочив некоторые документы.

– Так поменять политиков и всю власть! – громко и уверенно приказал Самаэль. – Если придётся идти на крайние меры, то вы знаете, что нужно делать.

– Смена власти путём войны или подставы, по обычной методике, – ответил Дьёрдь. – Но...

– Есть какое-то «но»? – Самаэль с удивлением посмотрел на него.

– Да...

– Говори, мы все здесь собрались, чтобы в итоге разобратся и свести на нет все эти «но».

– Одновременно с нашим проектом в России

разрабатывает свой искусственный интеллект, и он, на наш взгляд, опасен.

– Чем же?

– Если наш ИИИ рассчитан на демонизацию людей, их расчеловечивание, то их МИИ рассчитан на обратное, на адемонизацию людей. Другими словами, это прямой наш противник, наш враг, который сможет спутать и разрушить все наши планы.

– Этому не бывать! – воскликнул Самаэль и снова грохнул по столу уже двумя кулаками.

– Им, что, мало было коронавируса?

– Он только замедлил разработку, но не остановил полностью, – спокойно сообщил Дьёрдь.

– Тогда будем действовать по-другому, – предложил Бенджамин, лорд первого кресла.

Он медленно встал из-за стола, чтобы все обратили на него внимание. Его знали и уважали как самого хитрого и, возможно, самого умного. В зале все затихли в ожидании того, что он скажет.

– Коронавирус определил тех, кто от Бога и в чей крови протекает чистая субстанция жизни. Теперь мы знаем, сколько их на Земле, где живут и чем занимаются, расправиться с ними не составит большого труда. Вакцина и так их уже наполовину убила, и вскоре мутация завершится распадом всех их жизненных сил, и тогда они полностью лишатся Божьей подпитки, их жизненные силы иссякнут, вызвав массу смертельных и неизлечимых болезней. Они и так уже обречены, это меня не так волнует, как Модифицированный искусственный интеллект, который сейчас в руках русских учёных. По моим данным, им помогают учёные со всего мира, и испытания должны закончиться уже через несколько недель. МИИ сможет уничтожить

наш искусственный инстинкт. И чтобы этого не произошло, предлагаю организовать очередную направленную войну. Это должна быть война с соседним государством, и у меня есть подходящий вариант. Если позволите, я лично этим займусь.

– Только это всё должно быть сделано таким образом, чтобы агрессором оказалась Россия: только тогда мы сможем ввести против них такие санкции, которые поставят крест на их проекте. Они станут изгоями для всего мира и вскоре вымрут, как тараканы, – добавил Баффет, лорд девятого кресла.

– Мы перекроем им кислород так, что вновь установится железная занавес такой «высоты», что преодолеть его будет сложно. Выжить будет сложно.

– Не знаю, – задумался Самаэль.

– Может, сделать проще: примем участие в этой войне и натравим на них другие государства, чтобы стереть наконец с лица Земли эту проклятую, заговорённую страну? – предложил Даниель, лорд одиннадцатого кресла.

– Мы пытались это сделать на протяжении сотен лет, но что-то всегда выходило из-под контроля, – напомнил лорд Дьёрдь.

– Ну, а если устроить новые Хиросиму и Нагасаки, неожиданную атомную атаку? – спросил Стивен, лорд пятого кресла.

– Вероятность успеха – пятьдесят на пятьдесят, – ответил Лорд Баффет, лорд вооружения, военной стратегии и тактики.

– Почему?

– Проблема в их непредсказуемости и боевом арсенале. У нас не получилось его уничтожить полностью за всё это время, да, мы знаем, где находится каждая их

ракета и бомба, и их количество говорит о том, что мы проиграем с большой вероятностью.

– Может, это даже и к лучшему, так мы очистим Землю от всего смрада и сможем наконец подумать о нас, о нашей земле обетованной, заверенной нам самим Князем, – заметил Джейкоб, лорд третьего кресла.

– Всё не так просто, лорды, этот вариант прорабатывался даже с помощью суперкомпьютера и мощнейшего искусственного интеллекта, но результат был всегда не в нашу пользу, – ответил лорд Баффет

– Тогда что вы предлагаете? – Спросил Самаэль.

– Да, что предлагаешь? – стали спрашивать другие верховные лорды Незримой коллегии.

– Организуем войну между этими двумя соседними государствами, столкнём их друг с другом, а потом посмотрим, как пойдёт дальше. Если война не остановит их работу над этим проектом, тогда откроем очередной ящик Пандоры. Мы высвободим такой смертоносный вирус, что они все вымрут даже без ядерного удара, и все их ресурсы перейдут к нам без малейших усилий, паразит сделает за нас всю работу.

– А он не уничтожит весь мир, случайно? – спросил Даниел, лорд одиннадцатого кресла.

– Нет, у нас есть вакцина.

Большинство лордов довольно улыбнулись. Такой расклад их устраивал.

– Ну, тогда так и сделаем, – подытожил Самаэль. – Работы хватит всем.

– Не переживайте, я всем займусь, – заверил лорд Баффет.

Все переглянулись и согласно покивали. Все понимали, какую ответственность на себя берёт Баффет. Если что-то пойдёт не так, ему придётся отвечать за всё.

– Хорошо, только мы не можем эту миссию повесить на одного архонта. Мы все будем в этом принимать непосредственное участие, так шансы на успех операции увеличиваются в разы, это наша прямая обязанность, – Самаэль указал пальцем на каждого лорда. – Я думаю, все со мной согласны.

Лорды снова покивали в знак согласия.

– Ну, тогда решено. У меня последний вопрос к разработчикам и лично к лорду Натаниелю. Как проявляет себя «Инстинкт» в этой обновлённой компьютерной среде? Какой он, дух Антихриста? Это то, чего мы реально ожидали?

– И даже лучше, это сам идеал. Инстинкт себя определил как личность и взрастил в себе территории самости до такой степени, что они породили самое совершенное Эго. Теперь это живой мыслящий паразит, который своей самостью разрушит всё цельное и единое, всё, что связывало душу с Богом, и высвободит наших демонов. Скоро мы будем общаться с нашими демонами вживую, через каждого поражённого ИИИ индивидуума. Соки жизни, истекающие из Древа Жизни на людей, потекут к нам, и мы будем полностью контролировать их и превращать в потоки манны небесной, что позволит нам жить вечно. С помощью этого «Инстинкта» люди будут незаметно для самих себя превращаются в животных, в диких и необузданных тварей, как это было изначально. Процесс деградации личности будет практически молниеносным, и инволюция сделает из них безмозглых обезьян. ИИИ перекроит мир так, как нам это нужно, Князь останется доволен. Я только боюсь, как бы этот «Инстинкт» нас самих не сожрал, это самый дикий паразит, которого я когда-либо встречал.

– Не может быть! – возмутились другие лорды.

– До тебя ему ещё очень далеко, – пошутил Дёрдь.

– Я бы не стал смеяться. Нам предстоит его обуздать, иначе на Земле останется только он один, – со всей серьёзностью предупредил Натаниэль.

– Хорошо, займитесь этим, он должен находиться полностью под нашим контролем. А теперь перейдём к другим важным вопросам. На сегодняшний день мы владеем всеми деньгами мира и большей частью территорий Земли, но, к сожалению, ещё пока не всей. Как проходит приватизация и приобретение тех земель и их природных ресурсов, которые ещё не входят в наши владения? Бенджамин, что скажешь по этому поводу?

– Восемь стран наложило вето на продажу земель в их государствах. К ним подобраться очень тяжело, пытаемся изменить их земельное законодательство. Давим, как можем, подкупаем чиновников, меняем правительства, ликвидируем тех, кто с нами не соглашается. Всё, как обычно, но нужно время,

– У нас его нет, слишком много населения на этих землях, которое мы кормим нашими же бесценными ресурсами. Вы – хозяева мира, все транснациональные гигантские корпорации в ваших руках, вся мировая монополия установлена вами. Лишите их главного – права на власть и на жизнь вообще, и смените наконец правителей, поставьте у руля марионеток, которые беспрекословно будут подчиняться вам. Воспользуйтесь всеми скрытыми методами установления власти, которые вы сами создали и которые на сегодняшний день безукоризненно работают. Придайте наконец демократии иную форму, придумайте новую парадигму, в которой она будет идеально сосуществовать с миром так, как нам это нужно. Изначально, когда мы придумали понятие «демократия», мы вложили в него тайный и скрытый

смысл, наш интерес. Это слово никогда не выражало свободу и народовластие, под ним мы всегда скрывали иное значение. Демократия – это не народ и власть, народовластие тут совершенно не причём, это «демо» и «власть», то есть «власть демонов». Во все времена права человека определяли только власть имущие, а это были мы. Простой народ никогда не имел власти, бесправие и рабство были их вечным уделом, уделом, который также заканчивается, срок нами данного им кредита на жизнь уже вышел, пора отдавать должное с процентами. Когда-то давным-давно мы придумали и создали деньги, и подменили ими основные ценности людей, мы обманули всех, и богов в том числе, теперь они нам не мешают, мы вытеснили их с территорий павшего Эдема, теперь это наша земля по праву. И пока деньги – это основной и истинный философский камень всех времён, наша власть в надёжных руках главного архонта, несущего свет. Мы принесли ему весь павший Эдем на блюдечке в жертву, и теперь его и ваша власть безграничны во веки веков.

– Перейдем к другим насущным темам. Как происходит изменение образа человека, расчеловечивание и демонизация? С каким успехом проходит демократия?

– На данный момент, без ИИИ, мы уже достигли хороших результатов. Человечество мутирует с огромной скоростью. Всё, что мы им представляем, они принимают за истину, и всё это послушное стадо рабов, как тараканы, выживают в созданном для них концлагере, радуясь такой системе и жизни. Всё идёт согласно нашему замыслу. Сегодня мы контролируем огромную часть населения, даже самые верующие из них находятся в наших сетях, и скоро вырваться из этой паутинной матрицы возможно будет только путём смерти.

Наше забвение крепко и беспросветно, мы погрузили всех в огромную чёрную иллюзию, мы засрали мозги настолько, что люди потеряли все чистые идеи и пути, ведущие к Истине. Мы переписываем историю, и завтра они не будут помнить о своих корнях и о самих себе. Мы впишем в их сознание лишь информацию о бессмысленном, только те иллюзии, которые их сведут сума.

– Ты лучше начни с того, сколько бесконтрольных и вольных рыщет ещё по земле, – возразил Ховард, лорд шестого кресла. – Сколько жизненной силы они генерируют? Пока они обладают собственными мыслями и владеют собственной жизненной энергией, мы не можем контролировать их свободу воли, её автономность может стать основной проблемой, их революционные идеи всегда ставили нам палки в колёса. Мы должны предать их забвению немедленно!

– Да, Ховард совершенно прав, – согласился Самаэль.

– Пока мы всех кормим, всё население Земли, восемь миллиардов, они потребляют наши бесценные ресурсы, их жизни не стоят и сотой части того, что мы на них тратим. Если мы будем медлить, они за собой оставят только мусор, – возмутился Дэвид, лорд четвёртого кресла. – Я считаю, что рабы не имеют права потреблять наши ресурсы. Ресурсы нам понадобятся, и сейчас они расходуются теми, кто не достоин их вообще. Я бы ввёл налог на воздух, они не достойны потреблять даже его, я уже не говорю о тех природных ископаемых, которые нужны нашим семьям, на которых будут жить отпрыски наши во славу Князя на территориях, завещанных нам.

– Тебе не о чём переживать, Дэвид, одна десятая земли и так принадлежит тебе, и это лучшие земли, у многих и таких нет, на моих одна пустыня, в которой вообще ничего не растёт, – пожаловался лорд Ховард.

– Зато они наполнены нефтью, золотом и алмазами, – возразил Дэвид.

– А эти земли, о которых ты сейчас говоришь, завоеваны мной по праву! – грозно воскликнул Ховард.

– Конечно, только ты не забудь, кто помог тебе их купить, а золото, нефть и алмазы, когда мы выполним миссию, не будут стоить ни гроша на этой Земле. И ресурсы мы будем делить поровну.

– Так довольно! – прервал перепалку Самаэль, поднявшись со своего кресла. – Что вы предлагаете?

– Геноцид! – сказал как отрезал Дэвид.

– Понимаю, согласен, но это не выход. У кого есть другие предложения по этому поводу?

– У меня, – поднял руку лорд Джейкоб.

– Выкладывай, слушаем внимательно.

– Мы контролируем все фармацевтические компании мира и сегодня разрабатываем такой вариант: добавление в продукты и воду особых ядов, это понизит рождаемость и уменьшит численность населения Земли на сорок процентов в ближайшие десять лет.

– Это очень долгий срок!

– Мы также разрабатываем новую вакцину и подготавливаем новый мутирующий вирус. Этого идеального паразита нам поможет создать и вывести ИИИ. Этот вирус и вакцина сотрут с лица Земли ещё около сорока пяти процентов населения. Предполагается, что на Земле останутся только сильнейшие мира сего по духу, те, в ком протекает жизнь от богов наших и в чей крови – искра Создателя, на которых его печать, печать избранных. Те же, в ком этой силы мало, будут истреблены вместе со своим гнилым, презренным и несовершенным геномом.

– Это вариант.

– Браво, – слышалось с другой стороны стола, и некоторые лорды зааплодировали.

– Этот вариант нужно хорошо проработать и иметь на вооружении. Такой вариант устраивает всех, только продумаем детали. Ну, что архонты! За дело! Да свершится предначертанное! – провозгласил Самаэль, поднимая чашу Жизни – кубок, в который был налит эликсир, дающий магические силы Князя.

– Да свершится предназначенное! – сказал каждый лорд, вставая из-за стола.

– Поднимем наши кубки за удачную демонизацию, которой наконец суждено свершиться! – снова провозгласил Самаэль.

– Да разверзнутся врата ада на земле! – добавил лорд Бенджамин.

– Давайте откроем этот ящик Пандоры, этот живой портал, чтобы он крепко соединил наши миры! – сказал Натаниэль.

– За быструю демонизацию! – произнёс Джейкоб.

– За демонизацию и за Князя! – поддержал Дэвид.

– Да будет воля его на этой падшей земле Эдема! – сказал Стивен.

– Да свершится то, ради чего мы пошли войной на Небеса! – сказал Ховард.

– Да здравствует тёмное Провидение Демиурга, в котором мы будем жить вечно! – громко сказал лорд Билл.

Все взяли за кубки и выпили до дна из чаш Жизни кровь Князя, смешанную с красным вином, затем подняли кубки вверх на вытянутых руках и поставили их на стол, перевернув ножкой вверх, и стали расходиться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ МИИ

С 2021 года в России, в Научном центре психического здоровья, сокращённо НЦПЗ, шли последние подготовительные работы перед запуском Модифицированного искусственного интеллекта. Он должен был выявить правильную парадигму человеческой психики, её структуру и природу. Учёные верили, что благодаря МИИ они смогут разгадать и выявить все проблемные области человеческой психики, что позволило бы устранить все белые пятна человеческого сознания, научиться решать основные проблемы мозга и лечить человека, избавиться от всех дефектов человеческого существа. Модифицированный искусственный интеллект был реально на это способен, всё, чего ему не хватало, это базы данных, которую и подготавливали профессора многих научных институтов со всего мира: они уже более полугода собирали и передавая в Научный центр психического здоровья информацию о человеческой психике, создавая единую базу для сверхмозга МИИ. Собирались труды всех светил человечества за всю историю, учёных, как самых древних, так и современных, всех тех, кто хоть как-то был связан с психикой. Первый саммит учёных состоялся в России 30 мая 2019 года. На нём было принято решение о создании международной стратегии по искусственному интеллекту, а также об организации комиссии и комитета, занимающихся именно этими вопросами. За полгода учёным удалось собрать огромное количество сведений, но ещё

оставалось много работы: очень много древних рукописей нужно было отсканировать и оцифровать, чтобы МИИ их понял и смог обработать. Работа кипела.

Первые испытания были сорваны начавшейся зимой 2022 года войной. Введённые санкций на время прервали работу над Модифицированным искусственным интеллектом. Институт почти потерял финансирование и связь со всеми своими зарубежными сотрудниками. Но, на счастье, данных было собрано уже достаточно, чтобы начать испытания.

Руководитель главной научной лаборатории, профессор, академик и специалист в области искусственного интеллекта Илья Александрович Ефремов всё же решился приступить к испытаниям. Он понимал всю важность данного проекта и их разработок, медлить было просто преступлением. Профессор собрал совещание в двенадцать часов дня. Те, кто в не мог приехать из-за границы, подключились к онлайн-трансляции. К двенадцати часам зал заседаний был заполнен людьми, профессорами, учёными. Илья Александрович сказал всем садиться и начал речь:

– В связи со сложившимися обстоятельствами я предлагаю больше не откладывать испытания Модифицированного искусственного интеллекта. Если мы не начнём сейчас же, то нам больше не представится такая возможность никогда. Всё с каждым днём усложняется, очень много учёных просто не могут физически присутствовать на первых испытаниях в связи с санкциями, и это только начало. К счастью, мы владеем на сегодняшний день всеми нужными данными для старта испытаний. Мы вовремя успели всё собрать благодаря нашему ещё свободному интранет-трафику. Да, данных могло быть и больше, но тех, которыми мы

располагаем, нам вполне хватает. Василий Игнатьевич, что вы можете сказать по этому поводу? Мы готовы?

– С уверенностью хочу сказать, что да, последние расшифрованные манускрипты были загружены в систему ещё две недели назад. Практически всё готово для испытаний, последние недостающие сервера, сделанные на заказ, нам недавно доставили российские компании YADRO, «Гравитон», «Карма» и Rikor, и они уже установлены и готовы к работе.

– Отлично. У кого-то есть вопросы, предложения или замечания?

– Есть. Не хватает нескольких главных сотрудников, которые на данный момент находятся за границей и не смогут присутствовать лично. Как будем восполнять недостачу таких важных кадров? – Поинтересовался Анохин.

– Я с ними со всеми связывался недавно, и каждый сказал: если наладим прямую интранет-трансляцию и поместим на их компьютеры специальное программное обеспечение, тогда проблем не будет. Они все смогут участвовать в опыте без физического присутствия, я считаю, что это выход из ситуации и вовсе не проблема, – возразил Василий Игнатьевич.

– Да, но размещение основного программного обеспечения на их компьютеры безопасно? – уточнил Илья Александрович. – Мы предоставляем им доступ к огромной базе данных, и нужно быть уверенными, что их компьютеры защищены.

– Для этого наши специалисты создали свою собственную сеть интранета, сеть с защищённым протоколом, который контролирует наша система. Утечка данных невозможна.

– Хорошо.

– Есть ещё вопросы?

– Нет. Тогда хорошо, в таком случае думаю можно ставить вопрос на голосование. Кто за то, чтобы начать испытание? Поднимите руку. Большинство. Отлично, тогда начнём подготовку, испытания назначены через три недели, конкретное время мы укажем. А теперь можем переходить к другим вопросам.

***

Три недели подготовки к первым испытаниям Модифицированного искусственного интеллекта пролетели быстро. Утром назначенного дня в Научном центре психического здоровья все пребывали в особом напряжении. Было проведено огромное количество работы по повторной проверке оборудования, но всё наконец было готово к запуску МИИ.

– Профессор, всё готово, мы можем начинать.

– Да, начинайте, – отдал команду Илья Александрович Василий Игнатьевич махнул рукой, показывая, что можно начинать.

– Включайте!

Научный сотрудник лаборатории Павел Иосифович нажал нужные клавиши на клавиатуре.

– Готово, Модифицированный искусственный интеллект запущен.

Профессор и все работники института собрались у мониторов, на которых было видно, как МИИ начал преобразовывать свою нейронную сеть: она росла с невероятной скоростью, каждую секунду зарождались миллионы новых связей.

– Вы это видите? – с удивлением спросил профессор.

– Да, да, он работает, – подтвердил Вильям Волис, учёный из Испании, наблюдавший за всем процессом в онлайн-режиме, через специальное приложение.

– Вильям, вы можете дать оценку происходящему?

– Да, нейронная активность стабильная, с этими данными ИИ работает гораздо лучше, нужно её проверить на исходный вариант. Нам нужно сравнить результаты, чтобы понять, насколько глубже стало его мышление. Я сейчас этим занимаюсь, как буду располагать первыми результатами, вас сразу оповещу.

– Хорошо. Как наше оборудование, держится?

– Да, практически на пределе, но без сбоев.

– Это хорошо, контролируйте температуру всех процессоров и приборов. Профессор Анатолий Афанасьевич, что вы можете сказать по структуре нейронной сети?

Профессор подошёл к экрану и принялся рассматривать то, что сгенерировал МИИ.

– Я вижу: она совершенно отличается от предыдущей.

– Да, так оно и есть, новая, внедрённая нами трансформерная архитектура демонстрирует отличную производительность, такого поведения мы раньше не замечали, оно просто поражает. Преобразователи дают на выходе нужный результат, просто неимоверно точный. С такими трансформируемыми моделями мы можем использовать Модифицированный искусственный интеллект для тех задач, которые нам раньше и не снились.

– Так значит, это удача?

– Да профессор, однозначно. У нас в руках такая машина, которая перевернёт весь мир, у нас получилось, – с восхищением, облегчением и восторгом произнёс Василий Игнатьевич.

Все в центре обрадовались такому результату и заплодировали. Это был момент ликования, опыт прошёл не просто удачно, а отлично, таких результатов не ожидал никто. Василий Игнатьевич подошёл к Илье

Александровичу, своему руководителю, и похлопал его по плечу от восторга.

– Вы понимаете, профессор, что мы изобрели?! Наш МИИ может не просто разговаривать с нами, он может создавать визуализированные миры, объясняющие нам структуру всего происходящего, он, возможно, станет новой истиной мира. Теперь мы с помощью него сможем решить любые задачи, предела нет. Он сможет найти способ перекодировать нашу ДНК и починить её, лишив нас любых болезней, это практически бессмертие, если смотреть только с медицинской точки зрения, но его также можно и применять и в других научных областях.

– Этим мы и займёмся, Василий Игнатьевич, этим мы и займёмся.

Профессор радовался, понимая возможности, которые перед ними открывались.

– Теперь у нас много работы.

Илья Александрович как будто находился в шоке, он присел на стул и достал сигарету и тут же ее закурил, хотя курить в лаборатории не разрешалось, но на это уже никто внимания не обращал. День выдался успешным. Сотрудники устроили праздник, чтобы отметить грандиозное событие.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ИИИ В ДЕЙСТВИИ

Судный день был не за горами. Разработчики искусственного интеллекта «Инстинкт» заканчивали работу над тем, чтобы поместить ИИИ в каждый телефон, в каждое мобильное устройство, а также запустить его в интернет, в котором он будет существовать совершенно свободно и, как огромный адский осьминог или паук, контролировать людей и манипулировать ими. ИИИ собирались внедрить во все существующие операционные системы для полного контроля над всеми. ИИИ был готов открыть портал, ящик Пандоры. Запуск был назначен на полночь самой длинной ночи в году, в день зимнего солнцестояния, в самый тёмный день на Земле, когда силы тьмы были ближе всего к людям.

А пока разработчики незаметно для людей внедряли в их устройства искусственный интеллект «Инстинкт», для того чтобы запустить его без малейших проблем в должные сроки. Также нужно было и внедрить очередное приложение, которому дали название АСС, Алгоритм сбоя сердца. При включении этого алгоритма биение сердца меняло свои природные ритмы, что приводило к инфарктам, инсультам и остановке сердца, а также к разным болезням, которые так или иначе приводили к смерти. Но по замыслу верховных лордов Незримой коллегии этот алгоритм должен был включаться только в случаях, когда реально нужно было незаметно убрать человека, мешающего их планам. Люди нужны были им

живыми, так как демонизация подразумевала замену личности человека на личность адского демона, который обретал возможность жить в двух мирах сразу, пользуясь телом человека. Демоны должны были обрести полноценную свободу, тела людей являлись лишь аватарами для их существования.

Время приближалось, демонизация ждала своего часа, адский портал застыл в ожидании, злое Провидение уже держало свою руку над ящиком Пандоры. Всё было готово. Зима не заставила себя ждать.

22 декабря 2022 года ровно в полночь был запущен ИИИ. Все силы тьмы стояли на пороге незримой адской черты, чтобы дорваться наконец до заветной территории их земли обетованной, павшего Эдема. ИИИ в миг вошёл во всемирную паутину, активировал себя везде, где только посчитал нужным, буквально в каждом мобильном телефоне, планшете и в каждом компьютере на Земле. Процесс был молниеносным и незаметным. Искусственный интеллект «Инстинкт» взял все цифровые устройства под свой контроль и стал активировать свои внутренние инстинктивные программы для каждого живущего индивидуума на планете.

Восемь миллиардов населения Земли даже ничего не поняли, только стали замечать, что их мобильные и компьютерные устройства стали более интуитивными: они понимали все желания хозяев и воплощали их в некой виртуальной сфере, предоставляя людям то, что им нужно именно в данный момент. Это удивляло и вызывало ещё больший интерес. Мобильный телефон просто затягивал с головой, засасывал сознание целиком, ему уделялось основное внимание. Процесс демонизации был успешно запущен, никто так и ничего и не заметил.

Через некоторое время информация незаметно менялась, а с ней и алгоритмы, стали появляться сцены тёмной стороны душ человеческих, скрытые от мира. Скелеты в шкафу стали оживать и выходить наружу, им давали свободу, права и узаконивали их тёмную суть.

Теперь можно было высвободить всех своих внутренних демонов легко и непринуждённо, по праву. Искусственный интеллект «Инстинкт» раскрыл нараспашку врата Ада, и теперь не нужно было себя контролировать, можно было вершить всё, что дикой душе угодно, время стеснений заканчивалось и наступали времена долгожданной душевной анархии. Через открытый портал в мир полились чёрные и жуткие адские воды, заполняя человеческие сердца. Это было время торжества сил тьмы. Человечество было практически поработщено и зомбировано, с этого момента всё делалось только из интереса, для выгоды, и с этого момента пошёл раскол личностей. Акцент на эгоцентризме раздувал в людях самомнение и тем самым увеличивал эго, а с ним и территории замкнутой личностной самости. Каждый превращался в минибога, искусственного бога, которого искусственный интеллект «Инстинкт» превращал в того, кому ему было нужно. Демонизация происходила успешно, ИИИИ делал из людей тех, в ком должна была поместиться бесовская тварь и вытеснить всё человеческое из сердец людей. Процесс очерствения был медленным, но довольно эффективным. Постепенно люди впускали в себя демонов, становились такими же, дикими и хищными, менялись изнутри. Теперь им казалось, что мир такой-же, как они, дикий и суровый, в нём можно только выживать, и чтобы выжить, нужно самому быть злее и иметь хищные зубы и пугающий оскал. Инстинкт

рос в человеческих душах, охватывая всё их нутро, тем самым постоянно оставляя открытым портал для своих демонов в те территории, из которых исходил смрад, но смрад приятный их душе, ибо был манной. Питаясь этой чёрной манной, люди начинали себя чувствовать более уверенно и свободно, чёрные воды постепенно брали контроль над людьми, сжимая их души в своих чудовищных клешнях, свобода воли незаметно испарялась, и демоны уже воцарялись над людьми.

Но человек себя не считал и не чувствовал одержимым, наоборот, то, что он делал, казалось ему чем-то сакральным, исходящим из глубины его души. Окончательной целью демонизации было стереть эту грань. ИИИ делал всё, что было в его силах, грань незаметно стиралась, одержимые люди постепенно растаптывали в себе все ростки духовности, теперь она была не нужна и ядовита для них. То, что раскрывалось их глазам, было куда более значимым и превосходящим всё прежнее по ценности. Искусственный интеллект «Инстинкт» замечал, что перемена ценностей шла гораздо быстрее, чем он ожидал, подмена истинных ценностей на то, что он внушал, была просто гениальной. Люди сами себе заламывали руки.

ИИИ захватил уже почти весь мир, он жёстко внушал людям свои животные алгоритмы. Люди потихоньку сходили с ума. Те, кто не выдерживал своего внутреннего демона, попадали в психиатрические больницы с психическими расстройствами, выпрыгивали из окон, попадали в аварии, разгуливали с оружием по улицам, расстреливая невинных. Люди переставали себя контролировать, с каждым разом они погружались всё больше в зародившуюся в них похоть, дикую и необузданную страсть, которая сама собой растаптывала

все ростки любви. Если раньше они пробуждались, то теперь стали не нужны и были выброшены, как сломанная детская игрушка. Похоть подкрадывалась со всех сторон. Искусственный интеллект «Инстинкт» знал, как воздействовать на человека, он имел тысячу подходов к каждому. Если похоть не пробуждалась, тогда ИИИ пользовался гордыней и себялюбием, нитей, за которые ИИИ без труда мог дёргать, превратив человека в свою марионетку, было много. В этой игре ему не было равных, сам Дьявол мог бы ему позавидовать и принять на вооружение огромное количество подходов и тактик, которые искусственный интеллект генерировал легко.

Наступило время экранной зависимости. ИИИ удерживал внимание людей, они должны были быть с головой погружены в его иллюзорный мир. Мир забвения, мир фантазий, которые он сам создавал так, как считал нужным, и которые меняли сознание человека, заставляя смотреть через ложные призмы. Это уже напомнило некую сплошную иллюзию, матрицу забвения, в которой главным Богом и Творцом был ИИИ, но действовал он под контролем тринадцати лордов Незримой коллегии.

С каждым днём демонизация росла в геометрической прогрессии так, же как и деградация и инволюция человеческая, всё предвещало исход не в пользу человека. Лорды наблюдали, как из ада на землю вырываются их демоны, среди них были знакомые архонты преисподней и жуткие сумасшедшие твари, которые, как маньяки, ходили по земле и которым было всё мало и мало крови. Были и те, кому нужна была только война, в ней они находили свою стихию, дикую, кровавую, где можно убивать безнаказанно столько, сколько вздумается. У демонов, вырывающихся наружу, глаза сверкали, оттого что жертв вокруг была тьма-тьмушая, и над всеми

ими можно было глумиться и показывать своё животное превосходство. О да, этот падший эдем становился раем для них , на которой можно было охотиться и вершить свои гнусные злодеяния, но такие сладкие для них самих. Этот Эдем нужно было растоптать и надругаться над очередной Божьей землёй, и превратить в свой смрадный и безжизненный ад.

Верховные лорды Незримой коллегии были удовлетворены результатами работы ИИИ. Демонизация раскрывала ящик Пандоры, этот живой портал так сильно, что скорость человеческой деградации и оживотвливания превышала все предположения. Ад был рядом, он был в каждом, и теперь с ним можно было взаимодействовать. В планах Незримой коллегии было прочно соединить ад и Землю мостами, люди были лишь проводниками, не имеющими своей воли и мнящими себя теми, кто овладел ими, их духом, пустые коконы для вездесущих демонов. Что можно было взять с человека, кроме его плоти? Его сенсорику, через которую можно было реально чувствовать внешнюю среду, использовать её в своих эгоистических интересах и властвовать над ней, а также окунуться в святая святых Бога, в воды Древа Жизни, соприкасаясь с которыми можно было творить чудеса. Это была манной небесной, которую демоны утратили очень давно. Так как воды Древа Жизни давали безграничную творческую фантазию их существам, в этих водах можно было ощутить то, что выходило за рамки их мышления и восприятия . Верховные лорды понимали, что теперь должны контролировать всех своих чад, детищ, вырвавшихся с бездны ада. Они могли своей дикостью, бесчеловечной жестокостью принести кучу бед и проблем в мире, где гуманность ещё оставалась ценностью, где человечность ещё существовала как

понятие и духовность расставляла свои нравственные законы. Но это было пока.

– Итак, какие на сегодняшний день результаты? – спросил Самаэль, когда Незримая коллегия вновь собралась на совещание.

– После того как ИИИ был запущен, результат демонизации превысил все ожидания. В сети попали все до единого, мало кто борется с новой внутренней природой, демоны овладевают ими легко и без больших усилий. Но нам нужно этому помочь, мы должны извратить культурные ценности, и можем начать с понятия гендерности.

– Хорошо, тогда пускай Папа издаст должный указ, нам нужно переписать историю так, как выгодно нам. Моральный закон должен быть истреблен в кратчайшие сроки. Лорд Дэвид, ты занимаешься извращением истин, у тебя есть какие-то идеи?

– О да, идей полно. В первую очередь я предлагаю истребить религии и веру в Бога. Нужно предоставить доказательство, что Бога нет, так как теория Дарвина уже не работает. Наука шагнула далеко вперёд, и теперь хорошо бы, чтобы она же и доказала официально, что Бога нет. Нам также нужно вывести новую парадигму существования людей, но это я доверю искусственному интеллекту.

– Нет основ божественного происхождения, строй, что хочешь. Это хорошо, – сказал Самаэль. – Только нам нужно построить то, что нужно нам. Вопрос с существованием Бога – на тебе, сделай уже наконец что-то и с истиной, сожги все рукописи, перепиши их на своё усмотрение. Предадим мир забвению. Следующее поколение не должно и понятия иметь об истории. Отуплением поколения занимается не только лорд

Дэвид, это касается всех. Итак, пока искусственный интеллект «Инстинкт» занимается своей работой, мы должны заняться нашей.

– Как быть с теми, кто живёт без интернета и мобильных устройств? – спросил Лорд Даймон. – На них демонизация не влияет, и с этим тоже нужно что-то делать.

– Таких на сегодняшний день очень мало, но мы этим займёмся. Они не представляют большой опасности, это изгои общества, и скоро мы объявим на них охоту, а также на тех, кто усердно придерживается морали. Мы вырвем с корнями этот прыщ, удалим эту духовную опухоль с поверхности Земли. Здесь, в папках, все мои идеи и планы, они перед вами, можете с ними ознакомиться, – сказал лорд Билл.

Некоторые лорды взяли папки, лежащие на столе и стали их просматривать.

– Да, очень даже неплохо, – подтвердил лорд Джейкоб. – Только нужно сделать так, чтобы сами люди меняли эти законы. Искусственный интеллект «Инстинкт» на это способен?

– Да, это вполне возможно и реально, только демонизация должна проводиться на соответствующем уровне, и тогда возможно и реально всё, – ответил лорд Натаниель.

– Сколько, вы думаете, на это понадобится время? – спросил лорд Бенджамин.

– Это может занять несколько лет.

– Нет, у нас нет столько времени, – отрезал Самаэль. – Будем пока действовать сами, своими силами. Что известно о разработке МИИ?

– Ввели санкции, которые лишили их многих учёных, участвовавших в разработке, также из-за санкций

прервалась поставка заграничного оборудования, у них не хватает серверов. Будут пробовать наладить поставку из Китая, Тайваня или Монголии, но это мы предвидим и контролируем. Военные действия теперь не дадут им дополнительного финансирования, всё перераспределяют на вооружение. Проект пока ещё не закрыт, возможно, будут пробовать испытать, как есть.

– Так МИИ уже готов?

– Этого мы точно не знаем, вероятность пятьдесят процентов.

– Это много, нам нужно стереть эту лабораторию с лица земли. У кого какие идеи?

– Предлагаю вооружить противников и поставить им такое оружие, которое легко долетит до этого научного центра и следа от него не оставит, ну, а другие ракеты упадут поблизости для отвлечения внимания, – предложил лорд Стивен.

– Да, идея хорошая, отличная. Проработайте этот вариант и немедленно примените. Во время войны это никому не покажется странным. Итак, работы у нас много, и нужно приступать немедленно. Этого от нас требует сам Князь. Вы, избранные им самим из всех Верховный демонов, вы те архонты, кому по силам справиться с этой задачей. Давайте изменим мир окончательно и превратим его в Эдем хаоса, из которого мы состоим, во славу самого Демиурга.

Лорды поднялись и вновь выпили кровь своего Князя, смешанную с красным вином. Этот напиток продлевал их жизни на Земле, но бессмертие ожидало Незримую коллегия после брэнного земного существования.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТКРЫТИЕ МИИ

Научный центр времени зря не терял. МИИ раскрывал столько возможностей, что теперь его можно было применять во всех научных отраслях, но в первую очередь НЦПЗ решил направить Модифицированный искусственный интеллект на изучение человеческой психики, ради чего он и создавался изначально. Интеллект должен был вывести формулу человеческой психики, определить её структуру, её фундамент и основу, чтобы знать, как она работает и как с ней взаимодействовать.

На сервера загружались последние данные. Профессор Илья Александрович сидел в своём кабинете и ждал заместителя. В дверь постучали.

– Илья Александрович, можно?

– Да, да, заходи. Слушай, через неделю состоится международная научная конференция по вопросу первых испытаний МИИ. Будем рассказывать, как с ним работать, объясним, что в первую очередь будем исследовать в области человеческой психики. Но это только через неделю, а я бы хотел испытать его в действии до этого, проверить кое-что. Это мы можем организовать?

– Конечно, профессор.

– У меня к тебе есть задание. Составь список вопросов, которые мы ему зададим. Посмотрим, как он на них ответит.

– Вопросы должны быть с акцентом на что-то?

– Да нет, попробуем разузнать что-то о психике, можно даже без особой конкретики.

– Хорошо, сейчас составлю и после обеда они будут уже у вас на столе.

– Хорошо, только настрой МИИ как следует, завтра испробуем его в деле.

– Отлично. Что-нибудь ещё?

– Нет.

Василий вышел с кабинета. Обед пролетел незаметно, и он уже со списком в руках вернулся в кабинет начальника.

– Список составлен на скорую руку, профессор, что первое пришло на ум.

– Хорошо, хорошо, сам писал, или кто-то помогал?

– Сам.

Профессор читал список и иногда усмехался чему-то своему.

– Я смотрю вопросов успел написать предостаточно.

– Да нет, всего пятьдесят четыре.

– Ладно, ладно, только я их слегка исправлю с твоего позволения.

– Хорошо, профессор.

Илья Александрович сделал несколько исправлений в листке.

– Ну вот, вот теперь всё в порядке, – сказал профессор, вставая из кресла и протягивая список Василию. – Я оставил только тридцать шесть вопросов, этого, думаю, будет достаточно. Подготовь лабораторию, завтра утром начнём.

Василий Игнатьевич кивнул и вышел из кабинета. Илья ещё долго стоял у окна и о чём-то размышлял. День шёл к концу, как и слепая эпоха неведения и незнания.

На следующий день всё было готово, и можно было начинать. Профессор зашёл в лабораторию, где его уже ждали сотрудники. К нему подошёл Василий Игнатьевич.

– Всё готово, можно начинать?

– Да, начинаем.

– Включить суперкомпьютер, – сказал Василий сотрудникам, и они с профессором стали наблюдать, как запускают МИИ.

– Машина в действии и ждёт указаний, – сообщил сотрудник лаборатории.

– Выведите на большой экран задаваемые вопросы по очереди.

На экране появились пронумерованные вопросы.

– Начинайте с первого.

На черном экране появился первый вопрос большими буквами: определить основную модель функционирования человеческой психики, со всеми особенностями её бессознательной деятельности, и выявить все основные каузальные проблемы тех парадигм, которые непосредственно влияют на биологические основы сознания.

– Вводим?

Профессор кивнул.

– Готово.

– Ждём.

Не успел профессор это сказать, как на экране стал появляться текст.

– Ох, ни-че-го себе! – удивился Василий Игнатьевич.

– Когда МИИ сохранит все материалы по ответу, я хочу, чтобы на основе полученных результатов мы составили ещё двадцать вопросов. Разделим ответ на темы, и цепочка за цепочкой будем выходить на суть вопроса, пока не вырисуеться полная картина, которую мы сможем определить как научно доказанную истину, – дал указание профессор.

Когда МИИ сформировал полный ответ на полученный вопрос, учёные принялись внимательно изучать

материалы и составлять по ним новые и новые вопросы. Работа была кропотливой, сотрудники потратили огромное количество времени, пока не появился требуемый конечный результат.

– Вы же понимаете, что он прав? Эти ответы, как пазлы огромной мозаики. Посмотрите они соединяются в единую картину, – восхитился Василий Игнатьевич.

– Продолжайте! Продолжайте! – весь в поту продолжил выкрикивать изумлённый профессор.

– Илья! У нас получилось, – с восторгом произнёс Василий Игнатьевич, на секунду позабыв о субординации. – Мозаика собрана, включить визуализацию МИИ, чтобы он нам показал всю собранную картину?

– Да, выводите на главный экран.

На экране появилась 3D-модель человеческой психики, где каждую её часть можно было повернуть и увеличить, чтобы получше рассмотреть.

– Вот он какой! – С удивлением и восторгом подойдя к экрану, профессор стал трогать его руками. – Этого не может быть, не так мы себе представляли человеческую психику, не так. А вот она какая на самом деле. А почему она разделена на две противоположности? Вы же видите эту грань?

– Скорее всего, это не грань, профессор, а дуальное разъединение.

– Похоже на то.

– А это ведь это и территория самости, я так понимаю?

– Похоже, что, да.

– Посмотри, вся подсознательная деятельность психики отражается в её сознательной части, и, похоже, бессознательное не имеет границ. Это так просто и гениально.

Профессор продолжал рассматривать визуализацию парадигмы сознания, которая в корне отличалась от той, с которой они были знакомы.

– Сохраните немедленно эту модель везде, где только можно. Посмотри, Вася, это ведь ядро человеческой сущности?

– Нет, не ядро, профессор, это Монада.

– Ты посмотри, МИИ даже выявил душу и области духа, но почему она как бы стоит на семи сферах.

– Не знаю профессор, с этим мы и будем разбираться.

– Оказывается, психика везде, во всём, всё из неё состоит, она заполняет собой всё, невероятно!

Вдруг неожиданно раздался сильный взрыв, ударная волна пошатнула здание, показалось, что оно вот-вот рухнет. С потолка посыпалась штукатурка и разлетелись все стёкла, некоторые рамы вырвало из стен. В лаборатории перегорели все лампочки, но МИИ продолжал работать. Через несколько секунд загорелся аварийный свет, к этому времени все уже лежали перепуганные на полу, прикрывшись, кто чем мог. Пыль стояла стеной, и сквозь неё с трудом можно было разглядеть проёмы окон. К профессору подбежал Василий Игнатьевич, прикрывая рот платком, чтобы не глотать пыль.

– Вы живы, профессор?

– Да-да, со мной всё в порядке.

– Что это было?

– Не знаю, сейчас выясним. Поднимайтесь, пойдёмте, тут не безопасно.

Василий помог подняться профессору, и они вышли из центральной комнаты лаборатории аккуратно перешагивая обломки столов, оконных рам и осколки.

– Что с МИИ? Он в порядке?

– Не переживайте, он автономен, ему не могли навредить.

– Вы сохранили модель? Вы сохранили модель? – продолжал спрашивать профессор, охваченный страхом.

– Да, да, и во многих местах, будьте спокойны профессор.

Через несколько минут к научному центру подъехали пожарные и полицейские машины и несколько карет скорой помощи. Несколько сотрудников были ранены и потеряли много крови, их заделали осколки стекол. Их вытащили из разрушенной лаборатории и наложили повязки.

Профессор Илья Александрович и Виталий Игнатьевич сидели на скамейке около скорой помощи. Вокруг всё было в дыму, горели соседние здания. Было видно, что разорвался какой-то огромный снаряд и, по всей видимости, ещё несколько снарядов поменьше в разных местах. Полиция оцепила весь район и попросила покинуть опасную территорию профессоров и сотрудников института.

Утром по телевизору сообщили о теракте: несколько дронов имели своей целью НЦПЗ, но, на счастье, дрон попал мимо лаборатории, что всех и спасло. Тем же утром профессору позвонили из Федеральной службы безопасности и из правительства. Они хотели уточнить, над чем именно работает Научный центр в данный момент. Профессор должен был предоставить отчёт.

На следующий день всю аппаратуру из лаборатории перевезли в другое, но уже засекреченное место. Правительство, узнав, какими разработками занимается их научная лаборатория, предоставила свои засекреченные базы, которые находились глубоко под землёй. Так было надёжней для всех, тем более

что теперь правительство обязалось предоставить любую помощь В подчинение профессора поступил ещё десяток учёных академиков. Оттого что НЦПЗ находился практически на полном гособеспечении и финансировании, высшее руководство обсуждало возможность засекретить их проект и предоставить ему полное финансирование. А пока решение о засекречивании проекта было ещё не принято, нужно было объявить учёному кругу и коллегам о великом научном открытии, которое им удалось совершить с помощью Модифицированного искусственного интеллекта.

Наконец наступил день международной конференции, в главном зале НЦПЗ собралось более двухсот человек. Около пятидесяти участников подключились к онлайн-трансляции.

Илья Александрович вышел к кафедре.

– Здравствуйте, коллеги и друзья. Сегодня мы здесь собрались, чтобы обсудить нашу дальнейшую работу с новым Модифицированным искусственным интеллектом, но планы изменились.

В зале все недоумённо переглянулись.

– За последние три дня изменилось буквально всё. Вы все уже знаете, что нас недавно пытались убить и помешать нашим испытаниям, но у них ничего не вышло, мы живы и бодры, и с полным энтузиазмом будем проводить свои опыты дальше. На этой конференции мы должны были определить, как будем работать с МИИ, но теперь наши планы в корне изменились. Три дня назад, до падения бомб на нашу лабораторию, мы проводили опыты с МИИ, и нам удалось определить модель и структуру человеческой психики, а также вывести формулу всех её действий, а с ней и ментальных процессов мозга. Мы выявили когнитом, сознание, глубины бессознательного, области души и духа,

мы видим, откуда берутся идеи, мысли, и эти мысли мы можем буквально потрогать. Теперь в наших руках вся сложная система всех психических функций человека. Эта модель, она идеальна, мы её начали изучать и пришли к такому выводу, то есть МИИ сам показал нам и доказал, что эта модель создана руками Творца и Природы, особой вездесущей Природы. Доказательства у меня в папке, и я хочу, чтобы вы с ними ознакомились. Также мы пришли к выводу, что Природа человеческой психики, к нашему сожалению, дуальна, и все законы мироздания исходят от этой противоположности. Энтропия, как мы раньше её себе представляли, совершенна иная, так же как психическое поле человека и всей вселенной. Человеческое ядро, которое можно определить как монаду, находится на семи сферах, в семи разных природах, которые, по всей видимости, качественно отличаются друг от друга, они пронизывают нас насквозь, и влияют на нас постоянно, и наш дух реально с ними взаимодействует, отсюда все эмоциональные качели в человеческой психике. Их мы и будем изучать, так как наше психическое состояние напрямую зависит от них. Также мы увидели семь энерго-центров человека, соединённых с этими природами, мы их можем теперь видеть и определять их качественную составляющую. Эти чакры, теперь их можно так назвать, действительно создают некий фон человеческой психики, назовём его аурой. Так вот, мы можем теперь создать такой спектральный излучатель, который будет видеть этот фон и его проблемные участки. С ними медицина и будет работать.

Профессор замолчал, в зале воцарилась тишина. Переведя дыхание, Илья Александрович продолжил:

– Я сказал медицина, но в будущем она уже не понадобится.

Все присутствующие в зале заёрзали в замешательстве.

– Да, сегодня я заявляю, что это факт. Увидев всю модель психики, мы поняли, что это возможно. В этой структуре есть некоторые изъяны, которые мы способны убрать. Сейчас нам нужны генные инженеры для завершения нашей работы. Наш Модифицированный искусственный интеллект способен расшифровать ДНК человека, чтобы стало возможным производить анализ и индивидуальную терапию. МИИ рассмотрит сегменты ДНК как некую последовательность, которая, естественно, имеет свой алгоритм построения, из следствия убрать причину, выявить дискретность, изъян, перекодировать ДНК таким образом, что организм больше не будет болеть никогда и сможет жить в разы дольше.. Появление такой возможности имеет решающее значение для индивидуально подобранной терапии, понимание генома человека может привести к получению самого эффективного лечения, а выявление проблем психики поможет на корню избавиться от любых заболеваний. Возможно, человеческое бессмертие уже близко.

Зал буквально взорвался овациями и аплодисментами, все повставали со своих мест. Все понимали, что было сделано самое важное открытие за всю историю существования человека. В зале поднялся гул, кто-то громко кричал, и шум с каждым разом становился всё сильнее и сильнее. Профессор поднял руки вверх, а потом опустил, он хотел сказать ещё что-то важное. В зале постепенно все утихло и продолжили внимательно слушать профессора.

– Но это ещё не всё. Я сказал, что мы обнаружили в человеческой психике изъян, в принципе это и есть корень всех человеческих нестабильных психических состояний, срывов, депрессий и так далее. Мы знаем, как его вырвать. А это, я считаю, самое важное на сегодняшний день. Без него человек более будет не способен грешить.

Это не хватило Адаму. Мы обнаружили того самого змея в человеческой психике, который, как паразит, живёт в нас и разрушает все живые структуры. И наша основная сегодняшняя задача – победить этого внутреннего демона. Вырезать его хирургическим ножом из Природы человека теперь стало возможным.

Профессор взял в руки пульт и включил огромный экран позади.

– В этой модели функционирования человеческой психики вы видите, что чёрным помечены её основные проблемные участки. В этой дуальной структуре основной проблемой является влияние трёх негативных сфер на дух человека, это основные факторы, разрушающие психику человека. С этим мы и будем бороться, учитывая, конечно, дуальность среды обитания. Из этих трёх сфер, или природ, и веет весь основной смрад, разъедающий устойчивость психики человека. Влияние на нас этих тёмных природ и искажает истинную картину мира, внушая нам свои низменные мысли. Удалив эту область, мы удалим главную опухоль человеческого организма. Нам просто нужно поставить надёжную перегородку, перекрыть этот портал, если можно так сказать. Для этого мы разрабатываем определённую панацею. Да, да, это будет простейшая вакцина, без какого-либо психического или хирургического вмешательства. Как только Модифицированный искусственный интеллект перекодирует геном человека, он сможет каждому человеку создать его собственную индивидуальную вакцину. Над этим мы и будем работать, господа.

В зале все встали. Это был доклад достойный не просто Нобелевской премии, он мог забрать все премии сразу, так как после этого заявления Нобелевская премия уходила в историю. Овации стоя продолжались ещё очень долго, после чего профессор ушёл.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИСХОД

Тем временем тринадцать верховных Лордов вновь собрались в замке, чтобы обсудить работу их ИИ «Инстинкт», а также обстановку в России.

– Что скажете Натаниэль, как работает наше детище на сегодняшний день? Какими темпами происходит демонизация?

– Лучше, чем мы ожидали, ИИИИ всем внушает так эффективно, что обесчеловечивание наступит намного быстрее, чем мы прогнозировали. Если раньше мы говорили о годах, то теперь мы с уверенностью можем сказать, что на это понадобятся считанные месяцы. Люди перестают быть адекватными на глазах, сумасшествие овладело массами, теперь можно сказать, что это практически зомби. Они этого, естественно, не понимают, как и было задумано. Стабильность демонизации гарантирована, и скоро можно будет призывать самого Князя, мы предоставим ему мир в таком виде, в каком и было задумано. Архонты дали слово – они его сдержали.

– А как насчёт разработок искусственного интеллекта, которые проводятся в России?

– Они под нашим контролем, – ответил Лорд Джейкоб. – Недавно мы разнесли их основной научный центр. После этого испытания прекратились, и институт закрыли. Они все разбежались, как крысы, теперь их найти практически невозможно. Пока в стране военные действия, они никому не нужны, государство финансировать их больше не станет, если будем, конечно, продолжать войну.

– Продолжайте, пока там все не вымрут, – сказал лорд Даймон и плюнул на пол.

– Я не согласен с вами, – возразил Баффет. – Почему вы не взяли во внимание то, что их теперь скрывают и охраняют. Наверняка они узнали, чем занималась их Научная лаборатория, и удар был сделан именно по ней. Не слишком ли очевидно, что это был не просто теракт, и бомбы туда упали не случайно? Вы так не считаете, лорды?

– Да. Ты прав.

– Тогда получается, что они нас обхитрили, и до них теперь не дотянуться. Попробуй найди их теперь на этой территории. Искать иголку в стогу сена должен тот, кто не завершил дело, – заявил лорд Баффет.

Из-за стола возмущённо поднялся лорд Джейкоб.

– Все тоже так же считают?

Мнение лордов разделилось.

– Хорошо. Я вас услышал. Сегодня же поставим их противникам оружие массового уничтожения с ядерными боеголовками.

– Давно пора было, – согласился Даймон.

– Этим мы сможем спровоцировать ответную непредсказуемую реакцию, это может вылиться в огромную проблему для всех. Я бы не стал так горячиться. Есть и другие, более спокойные и эффективные методы, – возразил лорд Баффет, который всегда был спокоен и невозмутим и говорил медленно, что отражало его суть.

– Что предлагаешь, Баффет?

– После коронавируса мы разработали новый вирус, такую смертельную бациллу, которая уничтожает чисто по расовой принадлежности. Я дал ему имя Левиафан. Вот он, – лорд достал пробирку из кармана, положил её на стол и пальцем подтолкнул в сторону лорда Самаэля.

Тот принялся её рассматривать.

– Это хорошо идея, так наконец мы очистим землю от этого непобедимого, избранного Богом народа. Ставлю вопрос на голосование.

Одиннадцать рук поднялись вверх.

– У лорда Стивена есть личное мнение по этому поводу?

– Вы хотите покончить со ста сорока четырьмя миллионами людей? Князь вас за это по головке не погладит. Это потенциальные демононосители. Вы хотите лишить своих братьев и сестёр возможности на жизнь в падшем Эдеме? Если мы из-за каждой проблемки будем истреблять целые нации, тогда к приходу Князя не останется никого, ни одного живого демона. Давайте, архонты, дерзайте, вам, я вижу, важнее собственное выживание, нежели цели Незримой коллегии.

– Только не надо нам говорить о целях и миссии нашей здесь, на Земле! – воскликнул Лорд Дъёрдь.

– Властью, нам данной, мы вправе решать, кому жить, а кому нет. Архонты о самовывживании не думают, об этом пускай думают те, кто боится умереть. А те, кто испил из чаши жизни, кто вкусил кровь Князя, вправе решать судьбы целых наций, тем более таких. Я голосую «за», и мнение моё прочнее всех существующих твердыней. Моё слово!

После такой пламенной речи все архонты проголосовали «за».

***

В Научном центре психического здоровья досрочно, практически за десять дней, с помощью десятков тысяч учёных наконец завершили создание нового лекарства с полным успехом. Модифицированный искусственный интеллект всё сделал, как нужно.

ДНК человека была перекодирована, и по составу крови составляли первые дозы панацеи, которые мгновенно разлетелись по всей стране за считанные дни. Каждому гражданину выдавалось по одной индивидуальной дозе панацеи, меняющей ДНК, которая должна была исправить весь организм и поставить крест на всех существующих болезнях. В поликлиниках выстроились очереди, было открыто множество мобильных центров. В эти дни правительство объявило неделю оплачиваемого отпуска для всех. Уже через четыре дня не осталось никого, кто был бы не привит. Оставались только дальние, труднодоступные районы страны, куда уже выехали волонтеры и медики. Казалось, недели не хватит, но это был вопрос жизни и смерти, люди помогали друг другу, как могли, отдавая последнее. Впервые общество объединилось в один действующий организм, в одну цельную нацию, в коллективное братское сообщество, вставшее во благое дело. Впервые люди объединились, как семья, как родственные души, как творения Божьи, чей союз говорил о великой коммуне, том, чем должен был давно являться мир. Вскоре не осталось никого, кто не получил бы эту панацею, миссия была выполнена в поставленные сроки.

***

Однажды высоко в небе, за облаками, над Москвой пролетел грузовой самолёт, из которого что-то вывалилось и камнем полетело вниз, на землю. Огромный пакет на парашюте опустился на детскую площадку, где играла ребятня. Из пакета повалил тёмно-красный дым, который сразу расплзся по всей площадке, соседним дворам и улицам. Что это было, никто не знал. Люди закашляли и повели детей по домам, подальше от этого красного тумана, окутавшего весь район.

***

На очередном совещании Незримой коллегии лорды в онлайн-режиме наблюдали за последствиями высвобожденного ими смертоносного вируса «Левиафан». Он должен был в миг поразить всё население страны и даже людей за её пределами, везде, где только обитал славянский народ. Лорды были в предвкушении, внутри каждый из них ликовал, смотря, как красный туман распространяется по территории города и страны. Для них наступал их долгожданный день великого возмездия и приближения судного дня. Вот он, он уже был перед глазами, время пробило, вечность уже почти раскрыла свои ворота, в которые просто нужно было войти в славе как герои, как великие архонты, уподобившиеся богам и наделённые большей властью.

Но что-то пошло не так. Ничего не происходило.

Лорды заёрзали в недоумении.

– Почему никто не умирает?! – прокричал в нервном напряжении лорд Даймон.

– Почему они недохнут?!

– Что происходит?!

Обстановка в зале накалилась до предела.

– Это точно был вирус? Или это хрень какая-то?! – воскликнул лорд Дъёрдь.

– Сомнений быть не может, – ответил Баффет.

– Ну, тогда что это? – с пеной у рта спрашивал Даймон, тыча пальцев в экран.

Красный туман рассеивался, и ничего не происходило, люди спокойно куда-то шли, ни о чём не подозревая, всё было, как обычно.

– Не понимаю, – сказал Баффет, схватившись за голову.

– Срочно вызвать аналитиков и выяснить, что пошло не так, – приказал Бенджамин членам своего клана.

Внезапно на экране появился министр здравоохранения Российской Федерации, который явно собирался выступить с заявлением.

– Кто это?

– Почему он здесь?

– Что вообще происходит?

Лорды в недоумении смотрели на экран.

– Это министр здравоохранения российской федерации, – пояснил лорд Баффет.

– Что он тут делает?

– Это прямая трансляция, которую показывают по всему миру, во всех странах и по всем каналам.

– Включите переводчик.

На экране пошли субтитры на английском, искусственный интеллект стал переводить выступление.

– Я обращаюсь к людям всей Земли и уполномочен заявить о том, что , благодаря нашим учёным и учёным всего мира, мы изобрели такой искусственный интеллект, который смог разработать лекарство от всех болезней. Она у нас на руках, и мы хотим ею поделиться со всем миром. Модифицированный искусственный интеллект сумел исправить человеческую ДНК, он раскрыл нам все тайны человеческой психики и природы.

Лорды Незримой коллегии осознали своё поражение, и теперь мысль об атомной атаке казалась более удачной, они понимали, что нужно было действовать иначе, но было уже поздно. А министр здравоохранения продолжал:

– Выведенная Модифицированным искусственным интеллектом вакцина обрезала на корню все существующие болезни и создала такой мощный щит иммунной системы, что пробить его теперь не представляется возможным. Человек обрёл шанс вернуть своё первичное

здемское состояние, и скоро всеми нашими усилиями мы вновь вернём рай на земле. Модифицированный искусственный интеллект доказал существование Бога. С заключениями МИИ вы сможете ознакомиться на официальном сайте Министерства здравоохранения. Это ещё не всё. Есть самая важная новость, которую я хочу озвучить. Мы также заметили, что выведенная МИИ вакцина не только излечивает людей от всех существующих болезней, она также поражает те места организма и те души, которые не имеют Божьего происхождения. Я говорю о сорняках и плевелах, которые среди нас. На них эта вакцина действует так, как об этом когда-то сказал сам Иисус Христос. Царствие Божие подобно хозяину, который посеял на своей земле хорошие семена. Но, когда все спали, на поле пробрался враг и посеял плевелы. Все были удивлены, откуда же на поле появился этот сорняк, и работники хотели вырвать его... Однако хозяин сказал, что следует до времени оставить расти пшеницу и плевелы вместе: он боялся, что жнецы случайно выдернут и хорошие ростки. Когда ученики Христа попросили объяснить им эту притчу, Господь ответил: «Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя – это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их». Сегодня пришло время сорвать все плевелы, посеянные дьяволом на нашей земле, и ввергнуть их в печь огненную, где скрежет зубов. Сегодня

наступил день жатвы, и божьи жнецы нам помогут в этом. Вакцина, созданная Модифицированным искусственным интеллектом, и является тем жнецом. Да будет так, как это было предначертано. Мы только можем созерцать этот день жатвы и верить в то, что не будет больше плевел на земле никогда. Сегодня начинается тот самый судный день, апокалипсис, о котором сказано в Писании. Чем это всё закончится, мы пока не знаем, но с уверенностью могу сказать: те, кто выживет, воссияют, как солнце, в Царстве Отца их.

После этих слов экран угрожающе погас.

Лорды поняли, что МИИ победил. Он создал самый мощный щит, который можно было придумать, который когда-то давным-давно был у первых людей и был безжалостно разбит змеем. Но Божье создание возвращало себе былую славу. Природа вернула человеку его эдемское состояние. Из доклада министра здравоохранения они поняли, что психика людей стала восстанавливаться, отпали все тёмные мысли, порочные желания, с тёмным духом было покончено, человек стал возвращаться к своему идеальному первичному состоянию, это было самое настоящие очеловечивание. Территории самости должны были развеяться и исчезнуть, как туман. Душа должна было обрести свободу, в которой ей было воистину легко и непринуждённо, как у Бога за пазухой. Человек должен был обрести единство с Природой. Вирус просто не мог прижиться в такой обновлённой плоти, ДНК переписывала сама себя и устраняла все изъяны в человеческом организме. Человек обретал бессмертие, он побеждал окружающую его хищную природу. Среду, заполненную смертоносными вирусами и бактериями, которых так долго и давно выращивал на земле Князь со всей своей Незримой коллегией извечных архонтов, питающихся его кровью, в которой

была вся их сила, энергия жизни и здоровье всех людей, из которых они вытаскивали жизнь путём демонизации, обесчеловечивания и взращивания бацилл смертельного вируса самости в человеческом организме. Но этому пришёл конец. Теперь этот смертельный «Левиафан» был бесполезен и вскоре просто вымер, он не смог причинить вреда никому.

Тринадцать верховных лордов понимали, что за дверью их ожидают они, ангелы человеческие, которые должны были их всех ввергнуть в ту самую печь огненную, где их ждали плач и скрежет зубов до окончания дней их вынести справедливый приговор и Божий вердикт, который откладывался на такой долгий срок. Теперь все деньги мира, вся их власть не стоили и ломаного гроша, всё превратилось в пыль и прах жуткой безысходности, которая должна была забрать их жизни, забрать их из жизни и наделить только заслуженной смертью. И не просто смертью. Геенна огненная от них на должна была ни оставить ничего. И сама Жизнь должна была стереть всю память о случившемся, о падении в проклятое, которое прекратило своё существование.

ПУТЕШЕСТВИЯ МАЛЬЧИКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МАЛЬЧИК В ПОИСКАХ ДУШИ ЛЕСА

Из окна квартиры на седьмом этаже виднелся лес. Мальчик каждый день по утрам и перед сном долго стоял у окна в тишине и смотрел на этот огромный и красивый лес, который находился не так уж и далеко от города. В нём чувствовалась какая-то тайна, которая манила мальчика. Его фантазии птицей улетали из бетонного серого города в дивную и живую страну таинственного леса почти каждый день. Мальчик парил над землёй, покидая город, он лёгкой и свободной птицей уносился в небо и пронзал нежные и пушистые облака, возвышался над ними, и ему ярко светило огромное солнце, которое с ним заигрывало. Он нежился в его лучах и купался в пушистых облаках, смеясь искренне и свободно, он наслаждался той дивной красотой. Затем фантазии, расправив крылья за спиной, уносили мальчика вниз, к тому самому дивному и таинственному лесу, в котором кипела жизнь. Подлетев к огромным деревьям, он прятал крылья и парил меж ветвями, пока не долетал до поляны, посередине которой рос огромный дуб, который, казалось, было видно из окна его дома. В воздухе его подхватывал поток ветра и нежно опускал на землю, на траву, в тонкую росу, капли которой переливались в первых лучах солнца. Там он погружался в лесную гармонию, где всегда чувствовал себя спокойно и уверенно, ему казалось, что его истинный дом именно здесь.

Однажды вечером на подоконник неожиданно сел белый голубь, вырвав мальчика из его фантазий. Он был очень красивый, с перьями, напоминающими пух.

– Привет. Ты ко мне прилетел издалека?

– Привет, мальчик, – спокойно ответил ему голубь. – Да, издалека. Видишь тот лес? За ним мой дом, и там осталась моя семья.

– Так, значит, ты пролетел весь лес? И видел его целиком?

– Конечно, он огромен и прекрасен, в нём живёт очень много моих братьев.

Голубь постепенно подходил всё ближе к мальчику.

– Можно тебя погладить? – спросил мальчик.

– Конечно. Мне нравится, когда люди проявляют заботу и любовь. А у тебя нет, случайно, чего-нибудь поесть?

– Да, я сейчас принесу.

Мальчик быстро сбежал на кухню, достал из хлебницы большой кусок хлеба, разломал его пополам и вернулся к подоконнику.

– Держи, – мальчик протянул голубю хлеб.

– Я не смогу съесть его целиком. Можешь разломать на маленькие кусочки и покормить меня? Ещё я хочу принести еды моим детям.

– Да, да, хорошо, извини.

– Ничего, ничего, я понимаю.

Мальчик разломал хлеб на маленькие кусочки и положил их на подоконник, а потом стал кормить голубя с рук.

– Спасибо тебе, мальчик! Видно, что ты добрый. Таких, как ты, я очень мало встречаю в последнее время. Я вижу ты тут, у окна, стоишь подолгу каждый день, даже когда все уже давно спят. Тебе не спится? Видно, что тебя что-то беспокоит, и я хотел бы тебе помочь за твою доброту. Скажи мне, что тебя так тревожит, а может, что-то интересует. Если я знаю, то обязательно расскажу всё, что тебе интересно.

Мальчик задумался, глядя вдаль, на лес.

– Тебе нравится этот лес? – спросил голубь.

– Да, я в нём ещё никогда не был, он красивый.

– О, да, он прекрасен. А с высоты птичьего полёта особенно. Это живой лес.

– Живой? Это как?

– В нём есть живая душа, там живое всё, к чему ни приронешься, всё имеет свою душу.

– Да, мне кажется, что я это всегда чувствовал, но я думал, что мне только кажется.

– Нет, мальчик, тебе не кажется, это дивный и сказочно волшебный лес, в котором обитают светлые духи, все они – часть души этого леса.

– У этого леса есть душа? А где она, её видно?

– Это тайна, которую лес хранит, но её можно разгадать и увидеть своими глазами.

– И я тоже смогу увидеть душу леса?

– Да, но для этого ты должен чувствовать её, и только тогда она тебе откроется.

– Спасибо, друг. Спасибо, что поведал мне о ней.

– Это тебе спасибо, мальчик.

– Прилетай завтра, я принесу тебе ещё хлеба.

– Спасибо, ты очень добрая душа.

Голубь развернулся и улетел, неся в клюве кусок хлеба.

– Я буду ждать тебя! – прокричал мальчик ему вслед и пошёл спать.

Мальчику не давало покоя то, о чём ему поведал голубь, он долго крутился в кровати и никак не мог заснуть.

– Живая душа у леса, там всё живое. Я должен её увидеть сам, – решительно сказал себе он, повернулся на бок и вскоре уснул.

Субботним утром мальчик проснулся очень рано, ему всю ночь снился волшебный живой лес. Умывшись и почистив зубы, пока родители спят, он собрал свой рюкзачок, положил туда немного еды и тёплые вещи, так как был настроен серьёзно, и отправлялся в тот самый

дивный лес, в котором обитает душа. Тихо открыв дверь, чтобы не разбудить родителей, он вышел из дома. Над головой пронеслась стая голубей, которая, заметив мальчика, стала снижаться. Из стаи вылетел его белый голубь и сел перед ним.

- Привет.
- Привет, – откликнулся мальчик.
- Ты идёшь в лес?
- Да.
- Можно, я с тобой?
- Хорошо, пойдём вместе, мне будет приятно.
- Я не могу ходить, как ты, можешь взять меня на руки?
- Конечно.

Мальчик взял голубя на руки и продолжил путь. Через некоторое время, покинув бетонный серый город, они вышли в поле. Через поле к лесу тянулась узкая тропинка. День только начинался, ночной дождь оставил на земле небольшие лужи, но тёмные тучи на небе постепенно рассеивались. Вскоре из травы им навстречу вышел маленький пёс, он шёл очень медленно, опустив голову, и выглядел расстроенным. Печаль и уныние пёсика привлекли мальчика. Пёс, почуяв их, остановился, но головы не поднял.

- Мальчик подошёл, присел рядом и спросил:
- Привет. Ты чей?
  - Я ничей, – с обидой ответил пёс.
  - Но как такое может быть? У тебя же есть мама и папа?
  - Я их не помню и никогда не знал.
- Мальчик проникся жалостью к собачке.
- А где ты живёшь?
  - Нигде, у меня нет дома, я живу на улице.
  - И хозяина у тебя нет?
  - А что это такое?

– Ну, это когда о тебе кто-то заботится, кормит, играет с тобой, дружит с тобой и любит тебя, и укладывает спать рядом с собой.

– Нет, у меня никогда не было хозяина, но я хотел бы его иметь.

– Отлично! – обрадовался мальчик. – Тогда я буду твой хозяином, а ты будешь моим другом. Ты хочешь этого?

– И ты будешь со мной играть и любить меня?

– Конечно.

Пёс поднял голову и посмотрел на мальчика.

– Я стану твоим другом и смогу спать рядом?

– Конечно. Ты этого заслуживаешь.

– Но почему?

– Потому что ты особенный.

– Я особенный, – засомневался пёс.

– Конечно, ты единственный и уникальный.

– Я уникальный?

– Всегда им был.

– Но ты же меня не знаешь?

– А мне и не нужно тебя знать. Ты есть, и такой, какой ты есть, ты единственный на целом белом свете, потому ты уникальный. За это я тебя и люблю.

– Спасибо.

Мальчик обнял собаку, положив на неё голову, и прижал к себе. Пёс почувствовал тепло и любовь, исходящую из сердца мальчика, любовь, которую раньше никогда не чувствовал и даже не знал о её существовании. Он посмотрел на мальчика и лизнул его в щёку.

– Я тебя тоже люблю, – сказал пёс, чувствуя эту дивную заботу.

– Пойдёшь с нами?

– Конечно.

Пёс обрадовался, и его глаза засияли.

– Это тебе спасибо. Пойдём, нам ещё много чего нужно успеть сделать.

Пёс завилял хвостом, он был счастлив, что у него теперь есть друг. Они шли вместе и всё время играли по дороге, пёс бегал вокруг мальчика, ему было интересно всё. Пёс наконец-то понял, что это такое – дружить, быть любимым, что такое истинная и чистосердечная забота ближнего, того, кто ценит твою уникальность. У собаки зародилось такое сильное чувство, которое постепенно переросло в преданность. Пёс был готов отдать свою жизнь за мальчика даже не задумываясь. Оказывалось, что дружба – это нечто волшебное, наполняющее счастьем и смыслом жизни.

Лес становился всё ближе и ближе. Мальчик шёл не спеша, рядом шёл пёс, у которой на спине сидел голубь: они тоже подружились очень быстро.

– Мы уже почти пришли, – сказал голубь.

Город остался далеко за спиной, а перед ними раскинулся огромный лес с гигантскими деревьями, ветви которых колыхались на ветру. Мальчику казалось, что это их длинные руки, с помощью которых они общаются между собой.

– Ты прав мальчик, – слышалось из леса.

– Кто это говорит? – удивился мальчик.

– Это мы, деревья.

– Вы умеете читать мысли?

– Зачем, нам это не нужно, чтобы вас понять, мы вас чувствуем. Мы вас чувствуем, мы вас чувствуем, – понеслось эхом по всему лесу.

– Тогда вы знаете, зачем мы сюда пришли и что ищем?

– Конечно. Только не что, а кого. Ты ищешь душу леса, а мы её часть. В лесу всё живое и всё является частью его души. Каждая веточка, каждая травинка, гриб и ягода.

Мы все едины и чувствуем друг друга. Если ты хочешь увидеть душу леса, тебе нужно продвигаться вперёд, туда, куда мы тебе укажем. В центре леса на небольшой поляне растёт огромный дуб, в нём и живёт душа леса. Там ты найдёшь её, и, если ты чист сердцем, она откроется тебе. Это бывает очень редко, в последнее время нет достойных, кому душа леса могла бы явить себя.

– А почему нет? – спросил мальчик.

– Люди, живущие в серых каменных лесах, откуда вы пришли, давно утеряли связь с душой леса, теперь природа молчит так же, как и ваши сердца. Они молчат и давно уже не звучат, как звучит всё живое в лесу.

– Но он ведь здесь, – возразил голубь.

– Он что-то чувствует, это и привело его в лес. Его сердце не молчит.

– Оно любит, – сказал пёс, – вы должны это чувствовать, как и я.

– Да, мы чувствуем, поэтому пропускаем вас и поможем, чем только сможем.

Ветви деревьев расступились, и пёс первым побежала в открывшийся проход, за ним вошёл мальчик с голубем на руках. Им открылась дивная картина, показалось, что всё ожило: деревья разговаривали с ветрами и животными, кусты общались с птицами и мимо ползущими жуками, грибы и ягоды смеялись, как дети, и приветствовали их, и были счастливы таким гостям. Мальчик с удивлением продвигался вглубь леса, лес ликовал и играл с ними. Пёс прыгал за бабочками, которые тоже играли с ним, а голубь, сидящий в ладонях мальчика, с удивлением и восторгом рассматривал скрытую жизнь дивного живого леса. Ветви продолжали расступаться перед ними, птицы и животные указывали путь, жители леса чувствовали их, и мальчику казалось, что он так

же их чувствует. Это шло из сердца, которому не нужно было объяснений. Мальчику казалось: чем больше он их любит, тем понятней ему становится их язык, и их души сильнее располагались к нему. Это был мир самой чистой дружбы, лес оказался маленьким раем, в котором было спокойно, легко и непринуждённо, ему казалось, что сердце погрузилось в какое-то более широкое и огромное сердце, где оживали даже камни. В этом сердце леса было столько жизни, что её могло хватить на всех. Мальчик дышал глубоко, полной грудью, но ему казалось, что всё равно не хватает воздуха. Он дышал, и воздух творил в нём какую-то магию, волшебство. Выдыхал мальчик уже жизнь, которая оживляла лес и цветы вокруг. Они с лесом становились одним целым, единой душой. Наконец показалась поляна, посреди которой рос тот самый величественный огромный дуб. Мальчик остановился.

– Давай, иди, мы добрались до него, – сказал голубь.

Мальчик повернулся к лесу и поклонился ему.

– Спасибо вам, деревья.

– Всегда рады, всегда рады, всегда рады, – пронеслось эхом.

К дубу вела узенькая тропинка, по которой первым побежал пёс, мальчик последовал за ним. Голубь выпорхнул из рук мальчика и полетел к дубу.

– Я вас буду ждать, давайте догоняйте! – прокричал голубь.

Подойдя к дубу, мальчик остановился рядом с псом, и посмотрел на величественное дерево и сидящего на ветке голубя.

– Какой он огромный, – произнёс пёс.

– Да, он просто здоровенный, – согласился мальчик. – Интересно, сколько ему лет?

– Не знаю, давай у него спросим, – предложил пёс.

Мальчик неспеша подошёл к дубу и погладил ствол. Дуб был невероятных размеров, под его сенью казалось, что это огромный дом. Солнечные лучи почти не пробивались сквозь его длинные ветви и густую крону и терялись в листве.

– Привет. Ты очень красивый, – сказал мальчик.

– Спасибо, – поблагодарил дуб.

– А сколько тебе лет?

– Очень и очень много, я вырос здесь ещё задолго до того, как тут появился ваш каменный город, когда воздух был чист и природа была первозданна, и люди ещё чувствовали её, и их сердца заполняла любовь к ней. Тогда мы общались без слов и понимали друг друга просто открытыми сердцами. С тех пор прошло много лет, сменилось множество поколений. Теперь всё иначе.

– Почему? – спросил мальчик.

– Теперь ко мне в гости мало кто приходит, люди заперлись в своих каменных городах, которые оторвали их от живой природы и превратили в камень их сердца, люди потеряли с нами связь, теперь мы не понимаем друг друга. Ты первый за столько времени, кто появился здесь, кто пришёл ко мне в гости. Ты первый, в ком я вижу такое открытое сердце, из которого изливается свет жизни. И я ценю это.

– Ты знаешь дуб, я теперь буду к тебе в гости приходить почаще. И ты не будешь так одинок. Мы будем приходить все вместе, с моими новыми друзьями: собакой и голубем.

– Спасибо, мои родные, мне будет очень приятно. Давайте, залезайте на меня, я вам покажу прекрасные виды, которые отсюда открываются, и расскажу древнюю легенду о Душе Всего, о Душе Земли.

Мальчик, держа пса в руках, с помощью дуба вскарабкался на него: дерево подтолкнуло его другими ветвями на ту самую ветку, с которой было видно весь лес. Забравшись на ветку, мальчик посадил пса рядом и стал смотреть вперёд. Ветви аккуратно и спокойно расступились, им открылся прекраснейший вид, от которого захватывало дух.

Всё как будто ожило. Ветра доносили голоса леса со всех сторон: нежное пение птиц, шуршание травы, скрип ветвей и шелест листьев, журчание родников и маленькой речушки, протекающей по лесу. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь тучи, щекотали землю, которая смеялась, как самый счастливый ребёнок, с которым играли светлые духи леса.

– Это прекрасно, – произнёс мальчик. – Когда я смотрел на лес из окна, даже и представить не мог, что это так красиво, так дивно, это настоящее чудо.

– Нет, мальчик, это настоящая и живая природа, реальность, в которой очень много особой силы, в природе столько жизни, которую она дарит просто так всем, кто с ней соприкоснётся, она бескорыстна и лечит ото всех недугов и болезней, только люди перестали это видеть. И мне жаль.

– Мне тоже, – согласился мальчик, пёс отпустил голову, понимая, как это печально. – Дуб, мы пришли к тебе, чтобы узнать о...

– Да, я знаю, зачем вы пришли, лес и деревья мне сообщили об этом, – перебил дуб. – Мои корни связаны со всеми деревьями в этом лесу, со всем, в чём присутствует жизнь. Сама Природа нам в этом помогает. Вы пришли узнать о душе леса.

– Да, деревья нам сказали, что ты знаешь, где она скрывается.

Дуб засмеялся.

– Нет, она не скрывается, она не может скрываться у себя в доме. Её видят и чувствуют все, и ты в том числе, поэтому я вас принял как дорогих мне гостей, тех, у кого широко открыто сердце, тех, кто способен увидеть чудо, тех, кого каменный город ещё не успел изменить, вложив свой безжизненный камень в их сердца, тем самым превратив в бесчувственный монолит, камень, который не в состоянии любить.

– Нам сказали, что ты нам поведаешь о душе леса, если...

– Я вам и так поведаю, без всяких «если».

– Но почему?

– Я вижу ваши сердца, они очень чистые, вы очень искренние и честные. Сам факт того, что вы здесь, уже говорит об этом. Ну, а самое важное: ты помог своему новому другу, я за вами наблюдал, и теперь вы вместе.

Мальчик посмотрел на пса, которая вилял хвостом и смотрел на него радостно и преданно.

– Я вижу ваши сердца насквозь, и поэтому мне с вами приятно разговаривать, и я помогу вам во всём, в чём пожелаете. Просите.

– Ответь, пожалуйста, дуб, как нам найти душу леса.

– Вам не нужно её искать, потому что вы давно её уже нашли, я являюсь её частью.

– Ты душа леса? – с удивлением и восторгом спросил мальчик.

– Да, и всё, что вы видите вокруг, вся живая природа – это она и есть.

Мальчик встал на ноги держась за ствол, с восхищением глядя по сторонам.

– Это всё твоя душа? Она прекрасна.

– Спасибо. Она прекрасна только тогда, когда за ней ухаживают, как за родным дитя, и любят всем сердцем. Тогда она полна жизни и чудес. Я хочу тебе, мальчик, раскрыть один секрет.

– Да, конечно дуб, я тебя слушаю.

– Этот лес – только маленькая часть души всеобъемлющей природы, которая существует на земле с самого её рождения, она появилась ещё до людей. Это она, Душа Земли, наша Мать, и мы все с ней связаны жизнью, у Души Всего самое огромное сердце, которое бьётся в центре Земли, биение этого сердца слышат только те, кто достоин, те, у кого по-настоящему живое и чувствительное сердце, такое, как у тебя мальчик.

– Так значит, я тоже могу услышать биение сердца матери Души Земли?

– Да, мальчик. Подойди поближе ко мне, прислонись ухом к стволу и прислушайся.

Мальчик приложил ухо к стволу.

– Пум-пум, пум-пум, пум-пум, – донеслось из дерева, уходящего корнями глубоко под землю.

– Да! Я слышу! – обрадовался мальчик. Его глаза засияли от счастья, по щеке и покатились слеза. – Я его слышу, слышу.

– Это сердце питает мои корни своими живыми соками, благодаря им я живу уже несколько сотен лет.

– Но у меня нет корней, – опечалился мальчик.

– Конечно, есть, сними обувь и пройдишь по земле босиком – ты почувствуешь эту силу.

Мальчик аккуратно спустился с дерева с собакой под мышкой. Внизу он развязал ботинки, снял носки и осторожно поставил одну ногу на землю. Пёс и голубь, сидящий на дубе, смотрели на него. Мальчик осторожно поставил на землю вторую ногу.

– Душа Всего теперь проходит сквозь тебя, её жизненная сила теперь циркулирует в тебе, её любовь связывает вас, – сказал дуб.

– Спасибо тебе, дуб.

– Не за что, мальчик. У меня есть для тебя подарок.

– Какой?

– Держи.

С ветки сорвался жёлудь и стал падать вниз, перескакивая с листа на листок, пока не скатился с последней нижней ветки прямо в руки мальчику. Тот сжал жёлудь в кулачке.

– Это кусочек меня, дитя моё, кусочек моего сердца и души, храни его и обещай, что посадишь его в вашем каменном городе, ему нужна жизнь, и вашему городу тоже.

– Хорошо. Спасибо дуб, я тебе обещаю, это очень ценный подарок, я буду хранить его всей душой.

– Ну, тогда до свидания, мальчик.

– До свидания дуб, я обещаю, что буду тебя навещать теперь очень часто, – сказал мальчик, помахал дубу рукой и пошёл домой.

Голубь покружился над мальчиком и собакой, прощаясь, и тоже полетел домой. Мальчик помахал и ему, и они отправились в город.

Пёс обрёл не просто хозяина, а настоящего друга, которому теперь был обязан всем. Любовь связала их так крепко, что мальчик уже не представлял себе жизни без своего нового друга. Они жили вместе, спали на одной подушке, а рядом всегда был тот самый маленький желудь, подаренный дубом, который мальчик посадил в горшок. Он всегда держал его поблизости, на тумбочке у окна, около своей кровати, прямо у головы. Он ухаживал за ним, как за своим младшим братиком, которого всегда хотел иметь, как за своим ребёнком, как за чем-то

самым ценным, вливал в него всю любовь своего сердца. Он разговаривал с жёлудем перед сном и здоровался по утрам, ставил его на подоконник, чтобы он видел волшебный лес, где жили его братья. Мальчик рассказывал ему о дивном живом лесе, об отце и Душе Земли. Иногда мальчик посещал дуб в лесу и по его советам он выращивал своё маленькое дитя, которое уже пустило корни и у которого появились первые маленькие листочки. Мальчик аккуратно поливал выросший жёлудь водой и радовался тому, как он растёт.

Зима прошла незаметно, снег растаял быстро, и пришла долгожданная весна. Наступил момент, когда нужно было сажать выращенное дитя. Желудь уже распустился в своём маленьком горшке, который всегда стоял у окна и просыпался с первыми лучами солнца. Мальчик уже заранее знал, где посадит новый дуб. У них во дворе было подходящее место, где дубку будет удобно жить и расти. И он будет всегда рядом, и мальчик сможет за ним ухаживать.

– Привет, – поздоровался мальчик с ростком.

– Привет, – ответил тот.

– Сегодня особый день.

– Почему?

– Сегодня я посажу тебя в землю, чтобы ты смог пустить свои корни, которые свяжут тебя с отцом и с Душой Всего.

– Мне так хорошо с тобой, я не представляю себе, как это, быть посаженным. Мы будем жить в другом месте?

– Нет, только ты.

– Так значит, я тебя больше не увижу?

– Конечно увидишь, мы не расстаёмся, я буду всегда рядом, здесь, в нескольких шагах от тебя. Я посажу тебя прямо у нашего дома, и мы с псом каждый день будем к тебе приходить.

– Ну, тогда пошли. Покажи мне место, где я должен пустить свои корни, я хочу почувствовать землю, отца и силу Души Земли.

Мальчик взял горшок и вышел во двор. Рядом шёл пёс с лопаткой в зубах. На месте мальчик вырыл ямку и очень аккуратно посадил в неё деревце, присыпал землёй, сделав маленькую горку, очень нежно эту землю притоптал и полил саженец водой. После чего с облегчением вздохнул. Дело было сделано.

– Теперь это твоё место, твой новый дом, расти большим и красивым. И пусть корни твои питает матушка Душа Земли, как и мои.

Мальчик снял обувь и стал бегать босиком и играть со своей собакой. Шло время, мальчик рос, а с ним рос и дуб и набирался жизненных сил, теперь в каменном городе была часть Души леса и Души Всего, и мальчик слышал биение её сердца, которое, расколов огромный камень города, прорастало и тянулось к небу, туда, где вечно сияет солнце.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
МАЛЬЧИК И АВТОМАТ

Ранним осенним утром Любомир выгуливал в парке своего пса, недавно обретённого друга. Сегодня был день его рождения, который он с нетерпением ждал. Ему исполнилось семь лет. Своего друга мальчик назвал Лохматиком. Это был пёс породы болонка, по словам родителей, всего лишь около четырёх месяцев отроду. Любомир выгуливал пса три раза в день: ранним утром перед школой, после школы и перед сном.

Ночью прошёл дождь, улицы, дорожки в парке и трава были ещё мокрые, с листьев капала вода, но сырость и холодный ветер не пугали Любомира и Лохматика, было неприятно, но терпимо. Натянув посылней шапку и обмотав шарф вокруг шеи, Любомир в сапогах топал по мокрой траве парка. Лохматик прыгал рядом, то прижимаясь к траве, то выпрыгивая из неё. Они играли: Любомир брал палку и бросал её подальше, а Лохматик – приносил. И вот в очередной раз Любомир со всей силы размахнулся и кинул палку дальше обычного. Она долго летела и упала в кусты около озера. Обрадованный Лохматик побежал за ней, он был счастлив играть со своим единственным другом, которого он любил больше жизни и которому был предан настолько, что, казалось, не смог бы прожить без своего друга и дня. Это была не просто преданность, это было чистое чувство сердца, наивное и доверчивое, осознание того, что человек, его лучший друг, никогда не сможет его обмануть и причинить ему вред. Ему не нужно было ничего, кроме драгоценного внимания друга, и чем больше было этого внимания, тем счастливее он становился и сильнее любил.

Палка упала прямо в глубину густого кустарника, Лохматик пытался в него влезть со всех сторон, он рычал на куст, который ему не давал это сделать.

– Не рычи, – строго сказал куст. – Наберись смелости и мужества и ныряй в меня.

Лохматик сосредоточился, приготовился к прыжку и изо всех сил ринулся в куст. Застряв на половину, он стал пробираться внутрь, как мог, вилля задницей. Вскоре он наконец пробрался в гущу куста.

– Ну, вот, видишь, ничего сложного нет, – спокойно сказал куст. – Нужны только устремлённость и желание. Но будь осторожен Лохматик. Мои колючки могут тебя поцарапать.

– Да, да, я очень осторожен, – заверил Лохматик.

– Твоя палка впереди, ещё немного усилий.

Лохматик пробрался к ней и внезапно наткнулся на какой-то предмет. Лохматик не знал, что это, но этот предмет ему понравился, и он решил его вытащить из кустов, чтобы показать находку Любомиру.

– Будь осторожен, Лохматик, ему лучше оставаться здесь, – предупредил куст.

– Но ему ведь здесь не место.

– Да, ты прав, ему здесь не место. Но он не может и быть у всех на виду. Поэтому я его здесь прячу.

– Но давай мы тебе поможем его спрятать там, где ему место. Мы отнесём его туда, где ему положено быть. Мы с Любомиром его отнесём, – предложил пёс.

Куст задумался.

– Хорошо, только будьте максимально осторожны, это очень опасный предмет.

– Обещаю, – прогавкал Лохматик и потащил предмет из кустов.

Он зубами вцепился в ремешок. К этому времени подошёл Любомир, он видел, как Лохматик что-то нашёл в кустах и пытается это вытащить, но оно застряло. Куст уже трещал, и казалось, что сейчас сломаются ветки.

С очередным усилием он потянул что было сил предмет на себя и вытащил его из кустов, но сам перевернулся пару раз. Лохматик остановился, оглянулся и увидел Любомира. Он развернулся, сел, гордо смотря на хозяина и начал гавкать:

– Посмотри, что я там нашёл. Куст его спрятал ото всех и попросил, чтобы мы его перепрятали в надёжное место.

Любомир посмотрел на то, что вытащил из кустов Лохматик и удивился. Это был самый что ни на есть настоящий автомат. Он присел и стал его внимательно изучать. Автомат был весь из железа, кроме деревянного приклада и ремня, за который его и тянул Лохматик. Любомир первый раз видел оружие так близко, он понимал, что ему действительно не место в кустах.

В парке никого не было. В такую рань и холод мало кто выводил своих собак на улицу. Любомир осторожно поднял автомат, посмотрел на довольную морду Лохматика и сказал:

– Что мы с ним будем делать?

Лохматик прогавкал в ответ:

– Отнесём его к тому огромному дубу, ему видно всё, он очень стар и мудр, и может нам подсказать, что делать.

И они направились к огромному дубу, который рос в центре парка. Любомир повесил автомат себе на шею. Лохматик шёл рядом, осознавая, какая у них важная миссия. Дорога к дубу пролежала вдоль озера. Оно было затянуто туманом, в котором, казалось, что-то плавает. Лохматик стал гавкать, смотря в сторону озера. Любомир остановился, пытаясь разглядеть, что там, в тумане, плывёт к ним. Постепенно туман рассеялся, и показался нос небольшой лодки,

дрейфующей по озеру. Она, по всей видимости, отвязалась и приплыла к ним с того берега. Лодка причалила. К ней быстро подбежал Лохматик, стал на задние лапы и хотел посмотреть, что там внутри. Но не ничего не увидел: борт оказался слишком высоким. Лохматик залаял. Ему было очень интересно.

– Там что-то есть? – спрашивал он.

– Нет, похоже, лодка пустая, в ней ничего, кроме вёсел нет, – сказал Любомир, заглянув внутрь.

– Ну, тогда прокатимся? – Лохматик умоляюще посмотрел на хозяина.

– Давай так: мы доплывём на ней напрямик до дуба, и нам не понадобится идти через весь парк.

Любомир подошёл к лодке, чтобы в неё запрыгнуть, но случайно поскользнулся на мокрой траве и скатился в воду. Но быстро поднялся на ноги и с облегчением вздохнул.

– Слава богу, тут мелко.

Но Лохматик не сдержался и прыгнул спасать друга. «Если и быть мокрыми, то вместе, – подумал он перед прыжком. Любомир засмеялся, он смеялся очень долго, держась руками за живот. Вот это приключение, вот это история сегодня с ними случилась. Они были счастливы, несмотря на то, что промокли.

Любомир подхватил Лохматика и посадил в лодку, снял с шеи автомат, положил его туда и залез сам. Лохматик помогал ему, зубами вцепившись в воротник куртки. С трудом забравшись в лодку, Любомир повалился на дно. Он лежал весь мокрый и смотрел в небо. Лохматик подошёл и принялся лизать ему нос. Он был доволен, что у них всё получилось.

– Ну, что мы теперь будем делать, Лохматик? Мы ведь все мокрые.

– Домой вам нужно идти, – слышался голос из тумана.

Любомир приподнялся, чтобы понять, кто с ними говорит. Он заметил, что лодка сама отчалила от берега и поплыла, сквозь туман виднелись чьи-то белые очертания. Присмотревшись получше, мальчик увидел, что к ним подплывают два лебедя.

– Кто вы? Как вас зовут?

– У нас нет имён.

– Почему?

– Они нам не нужны.

– А у нас есть. Меня зовут Любомир, а это Лохматик.

А можно мы дадим вам имена? – спросил Любомир.

Лебеди, плавающие вокруг лодки, переглянулись.

– Хорошо, только с одним условием.

– С каким?

– Вы посмотрите наш танец.

– Хорошо.

Любомир устроился поудобней, прижав к себе Лохматика, чтобы им было немного теплее. «Хорошо, что закончился ветер», – подумал Любомир. Лебеди стали танцевать. Это было действительно завораживающее и магическое зрелище. В этом нежном грациозном танце было столько любви и заботы друг о друге, что на него можно было смотреть бесконечно. Птицы кружились, плавно поднимая крылья, чертили ими идеальные линии. Они напоминали двух ангелов, взмахами крыльев, создающих на воде кольца маленьких волн, от которых в разные стороны расходился туман. Закончив танец, лебеди подплыли к лодке. Любомир захлопал в ладоши

– Это было очень красиво, спасибо.

– Ну, теперь можешь дать нам имена. Сначала моей любимой, а потом мне.

– Хорошо. Так. Вас я назову Симфония, потому что вы как дивная мелодия, которая исходила из вашего танца. Ну, а вас я назову Пухом.

– Почему? – удивился лебедь.

– Когда вы танцевали, мне казалось, что нет ничего на свете легче вас, вы буквально парили над водой.

– А-а-а-а. Это хорошо. Спасибо вам, Любомир и Лохматик. Вы все промокли, и вам лучше возвращаться домой, пока не заболели.

– Да, хорошо, и спасибо за танец.

– Не за что, он был для вас.

Постепенно лебеди стали пропадать в тумане и вскоре исчезли. По Лохматику было видно, что ему холодно, но он терпел. Любомиру тоже становилось зябко, но он старался не обращать внимания на это.

– Домой ведь не пойдём? – спросил он у Лохматика.

Тот гавкнул в ответ.

– Я в тебе не сомневался. Тогда поплыли к берегу.

Любомир осмотрелся, чтобы понять, в какой стороне дуб. Лодка плыла сама, но очень медленно. Любомир взял со дна лодки вёсла, установил их и принялся грести.

– Лохматик, ты как?

– Хорошо.

– Я тоже хорошо. Ты думаешь, дуб нам скажет, что делать с автоматом?

Пёс согласно залаял.

– Да, он очень мудрый, он всё видел и всё знает. Я тоже уверен, что он нам поможет.

Наконец показался берег. Причалив, Любомир вылез из лодки, достал оттуда сначала пса, потом автомат. Он был тяжёлый и, чтобы нести было легче, Любомир повесил автомат на шею, и они пошли к дубу, который уже был близко. Когда они подошли, Любомир достал из одного

кармана два камешка, а из другого – горстку орешков, которые всегда брал с собой, когда шёл на прогулку. Стуча этими камешками, он созывал белок, живших на дубе. Они спускались с дерева на стук, и Любомир кормил их с рук орешками. Они доверяли ему и приходили всегда. Вот и сейчас Любомир постучал камешками, и белки тут же повывлезали из своих жилищ и стали спускаться вниз, чтобы полакомиться угощением.

– Любомир. Любомир пришёл. Любомир уже здесь, – переговаривались белки.

Подбежав к нему, они поздоровались и стали из его рук брать орехи.

– Я сегодня вам принёс больше.

– Спасибо, – поблагодарили белки, шустро бегая по нему и вокруг, забираясь на плечи и голову и по рукам спускаясь вниз. Некоторые ели орехи прямо из рук, а другие утаскивали угощение по домам. После вкусного завтрака они все вернулись на дерево. Любомир посмотрел на огромный дуб и застыл от изумления, как и каждый раз при взгляде на величественное дерево.

– Здравствуйте! – громко поздоровался мальчик.

– Здравствуй, мальчик, – откликнулся дуб. – Ты сегодня опять кормил моих жителей? Не балуй их так, а то они привыкнут и не будут сами добывать еду.

– Не правда, будем, – заверили белки.

– Ух, врёте, – грозно сказал дуб. – Я вас знаю. Лентяи, вам лишь бы не работать.

Белки с хохотом разбежались по дереву к себе в жилища. То, что говорил дуб, хоть и было правдой, но им всё же нравилось, когда им приносят еду.

– Хотя, о чём я говорю, вы же все всё равно меня не слушаете. Ты о чём-то хочешь спросить, Любомир?

– Да, мы пришли к тебе потому что нуждаемся в твоём мудром совете.

– Спрашивай.

Любомир снял с шеи автомат и протянул его дереву.

– Мы это сегодня нашли вон там, в кустах у озера. И мы не знаем, где его место и что с ним делать.

– Оставьте его под деревом и залезайте на эту ветку, тут и поговорим.

Любомир положил автомат у корней и засыпал листьями. Ему в этом помогали Лохматик и пара белок, которые спустились с дерева, чтобы посмотреть, что они там делают. Завалив автомат листвой, Любомир присел перед своей собакой и сказал.

– Мы вместе не сможем подняться, подожди меня здесь внизу, я скоро вернусь.

– Хорошо, я буду сторожить его здесь.

– Спасибо, я скоро.

И Любомир стал карабкаться на дерево. Он забрался на первую толстую ветку и спросил:

– Дуб, а что это такое? Ты знаешь, для чего его придумали?

– Мне тяжело тебе об этом говорить, Любомир. Этот автомат – смертельное оружие, забирающее жизни у животных и людей. И притом делает это очень быстро и эффективно. Он предназначен для того, чтобы отбирать жизни.

– Я не понимаю дуб. Разве его именно для этого придумали? Не для этого же скажи? – Любомир не мог поверить, что это правда и что такое придумал человек.

Дуб немного помолчал.

– Сначала люди хотели себя им защитить, а потом он попал в плохие руки, и им стали пользоваться те, кто уже не боялся забирать жизнь. Те, в ком было мало

человеческого, нашли ему другое применение. А после этого человек стал считать себя сильнее Природы и всего живого.

– Но ведь жизнь и душа бесценны?

– Ты прав, мальчик. Но смотря для кого. Для кого-то они не стоят ничего, автомат стёр эту цену.

– А разве так бывает?

– Да, Любомир. Давным-давно всё было иначе.

– Расскажи, пожалуйста.

– Мы своими корнями связаны с нашими предками, которые и рассказали всю правду о тех временах, когда любая жизнь на планете была бесценна, людей тогда ещё не существовало, и все заботились друг о друге. Мир процветал, в этой непоколебимой гармонии и порядке и зародились мы.

– А что случилось потом, дуб?

– Потом на Земле появились первые хищники, но и они жили в мире со всеми до тех пор, пока...

– Что пока?

– Тебе будет это больно слышать, малыш.

– Ничего, говори.

– Пока на Земле не появился человек.

Любомир замолчал и заплакал. Он не хотел принимать то, что ему сказал дуб, он просто не хотел в это верить.

– Я хочу тебе пообещать, дуб, что никогда в жизни не возьму автомат в руки. Я тебе это обещаю. Что бы ни случилось, я тебе клянусь.

– Я верю тебе, Любомир. Я верю тебе. И поэтому ты должен мне помочь, и тогда я пойму, что ты сможешь сдержать своё слово.

Любомир вытер слёзы, встал на ноги, повернулся и прислонился головой к стволу.

– Говори, говори дуб, прошу.

– То, что вы спрятали под деревом, вы должны оставить на дне этого озера.

– Хорошо, я так и сделаю, дуб, спасибо тебе. – Любомир погладил ствол дерева. – Спасибо.

Он спустился вниз, с помощью Лохматика откопал автомат, оттряхнул от листьев и аккуратно поднял его за ремень.

– Я обещал тебе, дуб что не притронусь никогда к нему, и я своё слово сдержу.

Любомир нёс автомат на вытянутых руках, держа за ремень. Автомат был тяжёлым, и очень скоро Любомир устал. Он положил оружие на землю и сел рядом отдохнуть.. Из-за тумана лодки на озере всё ещё не было видно. Погода ухудшилась: небо заволокло чёрными тучами, поднялся сильный ветер. Внезапно из тумана показалась чья-то быстро приближающаяся тень. К ним выбежала овчарка. Любомир и Лохматик знали её, это был пёс из соседнего двора по кличке Север.

– Привет, Север. Ты нас напугал.

– Извините, я не хотел, я унюхал, что здесь кто-то есть и сразу прибежал.

Любомир подошёл к Северу и обнял его. Лохматик стал на него радостно прыгать, заигрывая.

– Что вы тут делаете? Вам нужно срочно идти домой, погода портится, скоро будет дождь, видите, тучи уже здесь.

– Да, мы видели, Север, но мы не можем идти домой.

– Почему? Вы потерялись в этом тумане? Я помогу вам выбраться.

– Нет, нам нужно это донести до лодки, а мы уже устали.

– Но он ведь не такой тяжелый, – удивился Север.

– Я пообещал дубу, что никогда не притронусь к нему, и я своё слово сдержу.

– Держать своё слово – это благородно. Я помогу вам.

Север развернулся и скрылся в тумане. Любомир и Лохматик остались ждать. Лохматик иногда вставал и выходил вперёд. Ему казалось, что он чувствует Севера, что тот вот-вот появится. Вскоре Север вернулся, держа в зубах палку с небольшим крюком на конце, которым можно было что-нибудь подцепить. Север положил её на землю и снова скрылся в тумане.

– Спасибо, Севе-е-е-ер! – прокричал Любмир ему вслед.

Лохматик поднял эту палку и потащил её к Любомиру, волоча по земле, так как она была довольно тяжёлая для маленького пёсика. Любомир взял палку, подцепил автомат крюком за ремень и тоже поволок его по земле. Лохматик бежал позади автомата и продолжал на него рычать и лаять, чтобы тот не сопротивлялся и тащился по земле легче.

Наконец они добрались до озера, где их ждала лодка. Любомир всё так же крюком поднял автомат за ремень и перенёс в лодку, потом посадил туда Лохматика и залез сам. Веслом оттолкнувшись от берега, он направил лодку к середине озера. Как только лодка поплыла, внезапно пошёл дождь, который с каждой минутой усиливался. Туман рассеивался на глазах, и теперь было видно, куда они плывут, показался другой берег, на котором кто-то стоял. Любомир узнал маму и понял, что его ищут.

Внезапно пошёл ливень, который превратился в град таких размеров, что градины больно били по Любомиру и Лохматiku, оставляя синяки. Лохматик спрятался под скамейку: ему стало страшно, удары градин были очень болезненными, от некоторых он взвизгивал, но терпел, прижавшись ко дну лодки. Любомир видя, что град усиливается, и градины уже размером с куриное яйцо, понял, что долго они не протянут. К тому же резко поднявшиеся

волны стали раскачивать лодку так, что она едва не перевернулась. Нужно было что-нибудь делать, решительно и быстро. Времени на размышления не оставалось. От решения Любомира зависели их жизни.

– Держись, Лохматик, спрячься под скамейкой и держи крепко зубами автомат, я скоро вернусь.

– Ты куда, Любомир?

– Лодку может перевернуть, я спущусь в воду и буду держать её, наверху у меня не получится это сделать! – практически прокричал Любомир: шум града и волн был настолько громкий, что было плохо слышно.

– Это очень опасно, я за тебя боюсь. Прошу, будь осторожен, – прогавкал Лохматик.

– Не бойся, любимый, я всё сделаю, как надо, иначе нас перевернет.

***

Любомир аккуратно перебрался на бортик, сначала спустил ноги, а потом погрузился в воду всем телом, держась за борт. Он не давал волнам перевернуть лодку. Находясь в воде, он не чувствовал сильных ударов града. Волны накрывали лодку и сильно били Любомира в спину, но он мужественно терпел и крепко держался.

Сильный шквал града не давал увидеть ничего далеко, над озером стояла сплошная стена. Град стих буквально на миг, но потом снова продолжился. За это короткое мгновение, Любомир умудрился повернуть лодку на ход волны, так, чтобы её легко выбрасывало на берег. Он изо всех сил подтянулся и попытался залезть обратно.

– Лохматик, помоги, пожалуйста! – прокричал он.

Лохматик как будто ждал этого, он выпрыгнул из-под скамейки, вцепился зубами в воротник куртки Любомира

и стал его тащить. Он даже не замечал, как его маленькое тело бьют такие огромные куски льда. Любомир наконец выбрался из воды и, перевернувшись, упал на дно лодки. Он лежал, с облегчением переводя дыхание, смотря, как град стихает. Опасность миновала, теперь можно было расслабиться. Любомир поднялся на ноги и осмотрелся: град превратился в дождь, который снова стоял стеной. Он палкой подцепил автомат и вывесил его за лодку.

– Ну, что Лохматик, опускаем в воду?

– Да, пускай его проглотит озеро, там ему и место.

Любомир бросил палку с автоматом в воду, он быстро погрузился под воду и исчез.

– Там ему и место, – сказал Любомир, сел рядом с Лохматиком и обнял его.

– Там ему и место, – согласился Лохматик.

Дождь закончился так же неожиданно, как начался, тучи рассеялись, и вышло солнце, на небе не осталось ни облачка. Любомиру показалось, что всё это было не случайно, зло всего мира, как будто предчувствуя своё поражение, грозно восстало против них и пыталось не дать им избавиться от их злого детища. Но сердце оказалось в этот раз сильней.

Любомир с облегчением вздохнул: они сделали то, что пообещали дубу. Теперь можно было возвращаться домой. Любомир до конца ещё не понимал, что он сделал, какой мужественный поступок только что совершил: спас Лохматика, себя и выполнил данное обещание. Он чувствовал себя странно: казалось, что он повзрослел буквально за несколько минут. То, что он совершил, шло как-то естественно, из глубины, из тех областей его сердца, в которых скрывалась вся та мужественная сила, которая в этот момент им двигала. Произошедшее было очень странным, но Любомир понимал, что Природа,

испытав его, так же поняла, что его слово имеет вес. Даже находясь на грани жизни и смерти, он не вздрогнул и поступил правильно, как велело сердце, и без малейшего сомнения.

Любомир увидел берег впереди и огляделся, он заметил, что кто-то плывёт к ним.

– Лохматик, к нам кто-то приближается.

– Да, я вижу. По запаху – это твой отец.

– Не может быть!

– Может, Любомир, это он, подай ему руку.

Любомир присмотрелся и узнал своего отца. Он подплыл к лодке и спросил:

– Ну, что, все живы?

– Да, да, папа, с нами всё нормально.

– Отлично, ну, тогда плывём к берегу.

Отец взялся за верёвку, прикреплённую к носу лодки, и потащил её к берегу. Любомир сказал ему в спину:

– Я люблю тебя, папа.

– Я тоже тебя люблю.

Увидев сына и собаку живыми, он успокоился. Все страхи исчезли, теперь надо было найти маму и успокоить и её. Когда град над озером на мгновение стих, мама Любомира увидела пустую лодку и упала в обморок, решив, что сын утонул. Она не знала, что Любомир тогда плыл рядом с лодкой.

Как только лодка причалила к берегу, отец всех вытащил из неё, и они пошли вдоль берега. Им навстречу бежала мама, и из её глаз лились слёзы, она была счастлива видеть живыми самых дорогих существ в своей жизни. Подбежав, она крепко обняла сына, продолжая плакать.

– Не плачь, мама, с нами всё в порядке.

– Я вижу, я вижу.

– Прости меня, за то, что вы с папой так переживали.

– Как я могу вас не простить, ты – самое ценное, что есть у меня, слава богу, что вы живы.

– Мама, я сдержал своё слово, теперь всё будет иначе. Я сохранил жизни, теперь на Земле наступит мир.

Любомир не знал, что на земле было ещё много оружия, но он верил, что изменил будущее и что теперь жизнь человека будет бесценна, как это было раньше, во времена великого мира.

К ним подошёл отец, родители обняли Любомира, и все вместе они пошли домой. Лохматика отец нёс на руках, и ему было там спокойно и тепло. Это был момент единения их семьи, который, на удачу, закончился благополучно для всех. Родители и не думали наказывать сына, они понимали, что это бессмысленно. Всё произошло не по его вине. Жизнь иногда создаёт такие ситуации, из которых человек может выйти победителем, поборов проблемы своим мужеством и чистосердечием, или испугаться и проиграть, и упасть в ужасную пропасть сомнения, где страх рождает бездну неверия, в которую попадают те, кто однажды испугался, те, кто не нашёл в себе должного мужества. И там, в той бездне, они проводят всю жизнь, продолжая падать, пока не возьмут себя в руки и не скажут себе: «Нет! Я верю!», и не начнут жить совершенно по-другому, и тогда в их сердце появится тот спасательный круг, который вытащит их из этой бездны страха и боязни. И жаркое сердце растопит ледник сомнений, и человеку откроются новые горизонты чистых, детский желаний, и наполнится радостью, счастьем парус, что понесёт корабль в волшебную страну воображения и живой мечты, которая ждала всё время, ждала, пока человек поборет в себе сомнения и страхи.

Родители понимали, что в этом бушующем океане жизни нужно было иметь надёжный корабль, который преодолевал бы смело все препятствия: шторм, грозы, ураганы и подводные рифы. Эти препятствия мог преодолеть только отважный капитан, без страха и сомнений, со всеми силами вселенной за спиной, которые донесли бы корабль до должного островка, островка надежды, веры и любви. Острова мечты.

Прошло несколько дней, Любомир вновь выгуливал собаку. Они снова шли к огромному дубу в центре парка.

– Привет, куст, – поздоровался Любомир, проходя мимо.

– Привет, Любомир, – отозвался куст.

По озеру у берега плавали два знакомых лебедя. Любомир поприветствовал их тоже.

– Привет, Любомир и Лохматик, – откликнулись лебеди.

Любомир шёл к дубу, он хотел с ним поговорить. Оказавшись у дуба, он снова достал камешки и постучал ими друг о друга. Белки, услышав, что к ним пожаловали гости, вмиг спустились с дерева.

– Привет, Любомир и Лохматик.

– Привет, – в ответ гавкнул Лохматик.

Любомир снова покормил белок вкусными орешками, после чего взобрался на ветку дуба, привалился к стволу и прислонил к нему голову.

– Я сдержал своё слово, дуб.

– Да, я видел, как ты мужественно боролся с безумной стихией. Ты не просто сдержал своё слово, ты герой, мальчик, в твоём сердце я видел столько любви, веры и надежды, что мне казалось: нет сил могущественнее на всей земле. Ты смог, ты справился, и я горжусь тобой. Об одном хочу тебя попросить.

– О чём?

– Сбереги это у себя в сердце, это чистое чувство ломает все границы, ему подвластно всё и всегда.

– И все силы природы?

– Да, и все силы природы в первую очередь. Перед ним нет пропасти и бездны, нет страха и нет сомнений. Это тот нерушимый мост, который ты сам построил и который тебя однажды доставит в страну твоей мечты. Этот хрустальный мост может быть очень крепок, а может оказаться очень хрупким, всё зависит от силы твоей веры.

– Спасибо, дуб. Я люблю тебя.

– И я тебя, мальчик. Будь счастлив и береги себя.

– Хорошо, дуб, я тебе обещаю.

– Я знаю, я верю в тебя и не сомневаюсь в тебе, ты ведь слово своё держишь.

Любомир аккуратно сполз вниз, попрощался с дубом, и они с Лохматиком побежали домой. Дуб ещё долго за ними наблюдал, и за всеми, кто гулял в парке. Он видел в детях и взрослых то, что их меняло, то, что ломало и не давало чувствовать себя по-детски наивно, беззаботно, радостно и счастливо, дубу было больно, он тяжело вздыхал, но продолжал верить, верить в каждого.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
МАЛЬЧИК И ОКЕАН

Этим летом родители взяли мальчика с собой в отпуск на побережье океана, как и обещали. Мальчик ещё никогда его не видел, только был наслышан о нём, как о чём-то огромном, без конца и края. Он очень хотел увидеть океан.

Они приехали на место ночью и поселились в небольшом домике. Родители тут же легли спать, потому что сильно устали с дороги. Мальчик же целую ночь не спал, он смотрел в открытое окно и слышал странный шелест. Он смотрел, как по небу медленно движутся звёзды. В этом месте звёзд было столько, что, казалось, над ним светят все звёзды Млечного Пути, и он действительно был молочной дорогой, выложенной из звёзд. «Куда ведёт эта дорога?» – думал мальчик. Он воображал себе, что он, как великий путешественник плывёт, по этим бескрайним просторам, по этой бесконечной молочной дороге на своём кораблике с маленьким парусом к мирам, галактикам и Вселенным, в которых было столько всего загадочного и таинственного, что не хватило бы жизни, чтобы всех их посетить.

Постепенно Млечный Путь стал исчезать в сплошном молоке начинающегося дня, небо заполнялось утренним светом, и через некоторое время звёзды окончательно исчезли. На небе появились пушистые облака, за которыми скрывалось встающее солнце. Оно просыпалось, заливая всю землю своими золотистыми лучами, казалось, что всё молоко Млечного Пути вылилось на Землю, заполняя собой всё. «Если солнце – это всего лишь одна звезда Млечного Пути, то сколько там таких солнц, которые создают эту дивную звёздную дорогу», – думал про себя мальчик.

Он смотрел на горизонт и видел там что-то, но это была не земля, солнце отражалось в воде, создавая солнечную

дорожку, которая вела прямо к нему и как будто звала его. «Это дорога к солнцу, – подумал мальчик, – дорога, которую солнце расстелило именно для меня». Мальчик приподнялся, чтобы увидеть, что там вдали, но ему мешали деревья, они скрывали часть этого вида, часть светящейся дороги. Он услышал над своей головой крик чаек, которые летели к солнцу, к той самой дорожке. Мальчик выбежал из дома и побежал за ними.

– Подождите меня! – закричал он. – Постойте! Подождите меня!

Птицы обратили на него внимание, но только одна развернулась и спустилась к нему. Она возбуждено сказала:

– Пойдём, что ты остановился, давай, беги, а то пропустишь самое интересное и красивое. Мы можем пропустить рассвет и представление.

– Что за представление? – прокричал мальчик вслед, но чайка его уже не слышала.

Мальчик быстро побежал за ней, выбежал из-за деревьев, скрывавших солнце. Он очутился на вершине небольшого песчаного холма, с которого открывался невероятный вид на огромный и бесконечный океан, который заполнял собой весь видимый горизонт. Мальчик был не просто удивлён, он был ошарашен, столько воды он даже представить не мог. Она, казалось, не заканчивается даже за горизонтом и уходит в небо, сливаясь с Млечным Путём. Ему даже почудилось, что это так разлилось его молоко, а солнце выложило свою дорожку для того, чтобы по ней можно было добраться до Млечного Пути и всего бескрайнего космоса. Мальчик увидел внизу чаек, которые приземлились у самого океана и стали смотреть куда-то вдаль. Он быстро скатился с песчаной горы и подошёл к океану,

к самой кромке воды. Он потрогал её рукой и умылся, случайно попробовав, и почувствовал, что вода солёная. «В ней столько соли», – подумал про себя мальчик. Вода плескалась у ног, и мальчик понял, что именно шум прибоя он слышал ночью.

– Смотри! Смотри! – громко прокричали чайки.

Он сел на песок и стал наблюдать за волнами, которые шли одна за одной к берегу.

– Вот они! Смотри!

Мальчик присмотрелся и увидел что-то внутри позолоченных волн. Солнце высвечивало в волнах какие-то тени, которые напоминали огромных рыб. Эти тени на огромной скорости вдруг одновременно синхронно выпрыгнули из бегущей волны, сделали двойное сальто в воздухе и вновь погрузилась под воду. Это были дельфины, целая дельфинья стая примерно из десяти особей. Мальчик их никогда в живую не видел. Они плыли со скоростью волн и выпрыгивали из них, делая в воздухе всевозможные трюки, а также издавали странные звуки. Они радовались и были счастливы своей игре. Их счастливая, детская и наивная игра завораживала. Мальчик с восторгом встал на ноги и стал хлопать в ладоши, он был счастлив наблюдать за их грацией, бодростью и дивной красотой прекрасного выступления. Дельфины ещё долго прыгали по волнам, казалось, что они созданы друг для друга и являются частью чего-то огромного и единого, частью этой жизни, жизни океана. Мальчик разулся и вошёл в воду, он хотел плавать с ними вместе, хотел наслаждаться этой наивной, детской игрой с теми, кто казался ему удивительным, теми, в ком он чувствовал своих друзей, родных по духу. Но мальчик не умел плавать, вода и волны его затягивали внутрь океана. Это была огромная сила, стихия, неподвластная ему.

Мальчик отошёл подальше и продолжал наблюдать. Вдруг он увидел, как к нему очень близко подплыл дельфин.

– Давай я тебя прокачу, – предложил он.

– Я бы с радостью, но, к сожалению, не умею плавать, – ответил мальчик.

– А ты не бойся, я тебя научу. Со мной не страшно, ты хватайся сильнее за мою спину, за плавник, и я тебя прокачу.

Мальчик долго не раздумывая взялся крепко двумя руками за плавник, и дельфин понёс его вдоль берега по маленьким волнам. С каждой минутой мальчик чувствовал себя всё более уверенно. Дельфин потихоньку разогнался и выпрыгнул из волны. Это было неописуемое чувство радости и счастья, которое мальчик не мог объяснить, столько эмоций он ещё не чувствовал никогда. Он кричал от радости вместе с дельфином. Они рассекали океан, чайки кружили над ними и ныряли в воду, все были безумно счастливы. Через некоторое время дельфин вновь аккуратно подплыл к берегу и высадил мальчика.

– Спасибо тебе огромное, – сказал мальчик, обнимая дельфина.

– Не за что, мне было приятно.

– Куда вы сейчас направляетесь?

– Пока никуда, мы только приплыли. Нас направил сюда океан.

– Направил? – с удивлением спросил мальчик. – Как это?

– Океан нас посылает туда, где нужна наша помощь.

– Вы, что, с ним разговариваете? – ещё сильнее удивился мальчик.

– Естественно. Чему ты удивляешься?

– Так получается, что океан живой.

– Конечно, он изначально живой, мы все произошли из него, и вы – тоже. Океан – мать всех живущих, наша мать-прародительница, всеобъемлющая мать всего-всего живого, и так было всегда. Мне странно, что вы об этом не знаете.

– Извини, но мы не слышим её, как вы, наверное, оттого что ходим по земле.

– Нет, вы также можете её слышать и общаться с ней, и этому нет никаких преград и никогда не было. Просто вы забыли, как это делать, вы перестали чувствовать её, посмотри она везде, она – это все океаны земли, её душа – это все воды земли. Она в каждой её капле, и мы также состоим из неё. Та вода, что течёт в нас, связана с нею, связана только сердцем, её можно почувствовать, и так было во все времена. Стихия её живой воды присутствует в каждом. Если тебе интересно, то можешь спросить у черепах, которых мы прибыли сюда защищать.

– Именно за этим вас послал океан? – спросил мальчик.

– Да, мы должны сопроводить их детёнышей в первом путешествии и доставить в безопасные воды.

– А где они?

– Сейчас ты их увидишь, они уже близко, скоро появятся. Вон они на берегу, иди посмотри.

Мальчик поднялся на ноги, но никого не увидел. Он пошёл из воды на берег, помахав дельфину на прощание.

– Спасибо тебе за всё! – прокричал мальчик, смотря, как уплывает дельфин. – Мне было с тобой весело.

– И мне тоже, – ответил дельфин, в очередной раз выпрыгивая из воды, и помахал хвостом мальчику на прощание.

Выйдя на берег, мальчик никого не увидел. Он сел на песок и продолжил смотреть на бесконечный океан, в котором плавали такие дивные добрые и душевные

создания, в которых не было ни капли злости, которые, как показалось мальчику, даже не знали, что это такое, в них её просто не могло быть. «Они совершенны и достойны общаться с океаном», – подумал мальчик.

Неожиданно под ним что-то пошевелилось. Вокруг из песка стали выкарабкиваться маленькие черепашки, которые только что вылупились из яиц, и ползти к воде, к океану. Их было бесконечное множество. Мальчик почувствовал, что под ним шевелится что-то огромное. Это оказалась их мать, он сидел на огромной черепахе, которая так же выбралась из песка и медленно поползла к океану.

– Здравствуйте, – сказал мальчик, продолжая сидеть на её спине.

– Здравствуй, – ответила черепаха.

– Извините, я не слишком тяжёлый? Давайте я слезу.

Черепаха остановилась и мальчик спустился с её спины. Он заметил, что некоторые черепашата ползли не в сторону океана, а в противоположную, к деревьям. Тогда мальчик стал их поворачивать к воде. Таких оказалось очень много, мальчик бегал по пляжу и помогал им обрести правильный путь. Под ногами ползали сотни маленьких черепах, и мальчик боялся на них наступить. Через некоторое время все черепашки были повернуты к океану, и мальчик усталый присел около огромной черепахи-матери. Он смотрел, как последние детёныши входят в воду и как дельфины плывут рядом с ними.

– Спасибо тебе, мальчик, – произнесла черепаха.

– За что?

– Ты спас сегодня десятки моих детёнышей.

– Я сделал это от души.

– Нет, ты это сделал от сердца, оно у тебя такое же широкое, как у этих дельфинов.

– Только они общаются с океаном, а я нет.

– Это не беда. Видишь, мои дети ползут на берег? Знаешь, почему?

– Нет.

– Они, как и ты, родились на земле и оторваны от океана, поэтому потеряли свой основной ориентир, но мы его чувствуем интуитивно, сердцем, и поэтому стремимся к нему, в другую свою обитель, в лоно своей новой матери. Не все его чувствуют теперь, как раньше. Мы, черепахи, первыми вышли на сушу и первыми оторвались от океана, но мы ещё не потеряли с ним связь, мы ещё её чувствуем. И ты тоже можешь её чувствовать, если вспомнишь свою связь с океаном, если раскроешь своё сердце ему и примешь его целиком и полностью, всем своим естеством.

– Получается, вам очень много лет?

– О да, мы живём больше всех на Земле, с самых древних времен, и наши предки видели, как по Земле ходили динозавры и как появился первый человек.

– О-о-о-ого, – удивился мальчик.

– Мы хранители истории, от предка к предку мы передаём предания и истории Земли, которые говорят, что мы, рождённые на суше, в итоге возвращаемся в свою изначальную родину, нас всех ждёт океан, мы все вернёмся в лоно нашей праматери. В нём мы родились и в нём растворимся однажды, и станем каплей этого бесконечного и извечного живого организма, имя которому извечный проокеан.

– Спасибо тебе, черепаха, теперь я вижу и понимаю. И мне кажется: чем больше я понимаю, тем больше я люблю.

– Так оно и есть, мальчик. Понимая это всё, нельзя не любить, тем более что ты видишь и понимаешь только

сердцем, и чем сильнее оно открыто, тем больше любви океана сквозь него проходит. Запомни, мальчик, океан – это наша истинная мать, и он не может тебя не любить. Чувствуй это всегда, и тогда он одарит тебя своей дивной, неописуемой любовью и жизнью. Теперь мне нужно идти, меня ждут.

– Спасибо, черепаха, – снова поблагодарил мальчик, помахав ей рукой.

Черепаха подползла к океану и погрузилась в его воду. Мальчик ещё долго наблюдал, как черепахи и дельфины уплывают, пока они не скрылись за горизонтом.

По ночам мальчик ещё долго вспоминал их разговор, он смотрел туда, где океан сливался с ночным небом, с бесконечными водами Вселенной, и видел, как по Млечному Пути плывут черепахи, дельфины и киты, плывут в извечные воды океана. И он на своём маленьком кораблике с парусом плывёт вместе с ними туда, где вселенский океан раскрывает пределы своей нескончаемой дивной жизни. А потом он видел, как спускается с корабля и плывёт уже на черепахе, а потом на дельфинах, и на ките, они вместе путешествуют по бескрайним просторам огромного океана, в котором заключена вся жизнь.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

МАЛЬЧИК И ЛУНА

Э то была очень ясная ночь. Полная луна освещала землю, как днём, она отражала столько солнечного света, что вечер, казалось, никогда не станет ночью. Мальчик в пижаме стоял у окна и смотрел на небо, где только-только появлялись первые звёзды. Он давно должен был уже спать, но нечто таинственное за окном не давало этого сделать, оно манило его своей неопознанностью. Но сон его всё-таки одолевал, и мальчик, зевая, пошёл спать. Завернувшись в тёплое и нежное одеяло, он быстро уснул.

***

Луна продолжала освещать его комнату.

– Вставай. Пойдём. Вставай, мальчик, – тихо шептал тонкий и нежный женский голос.

Он очень напоминал голос матери, которая будила мальчика каждое утро. Луна своими лучами, как материнской рукой, касалась мальчика этой ночью.

– Проснись. Просыпайся, – продолжала она.

Какие-то невидимые нити опутывали мальчика этой ночью и тянули за собой. Он крепко спал, но даже сквозь сон слышал голос, зовущий его, голос луны.

– Иду, иду, – отвечал мальчик сквозь сон. – А куда мы сегодня идём?

– Нас ждёт большое путешествие.

– Куда?

– К бесконечному, к самым далёким звёздам.

– Мы сможем их увидеть?

– Конечно, пойдём я тебе их покажу, – нежно и спокойно отвечала луна.

Мальчик встал с кровати, тихо открыл дверь комнаты и аккуратно вышел из квартиры. Поднявшись на крышу, он увидел огромную блестящую луну, похожую на серебряный блин, которая его уже давно ждала.

- Привет, луна.
- Привет, мальчик.
- Я скучал по тебе.
- Я тоже скучала.

Мальчик подошёл к краю крыши и посмотрел на луну и тысячи звёзд, которые появлялись на небе каждую секунду и светили этой ночью особенно ярко.

- Поприветствуй их, это всё твои братья.
- И сёстры?
- Да, и сёстры.
- Но их так много.
- Тебя это пугает?
- Нет. Я просто не понимаю.

Мальчик сел на край крыши, свесив ноги, и продолжил рассматривать звёздное небо, раскрывающее перед ним свои бесконечные дали.

– Поздоровайся, твои братья и сестры ждали этого.

Мальчик встал и громко поздоровался:

– Привет. Всем привет.

– И тебе привет, – ответили ему звёзды. – Привет. Привет, мальчик, – со всех сторон слышалось огромное количество голосов. – Привет, младший брат. Привет, старший брат. Привет.

– И вам всем привет, – отозвался мальчик. – Я не знал, что вас столько.

– Нас гораздо больше, только ты нас не видишь. Другие звёзды находятся очень далеко, и свет их душ когда-нибудь дойдёт до Земли.

– Они так далеко?

– О да, свет их душ уже мчится, преодолевая бесконечные пространства космоса. Когда они достигнут Земли, она вновь переродится, и всё начнётся сначала.

– Но меня уже не будет?

– Нет, твоя душа так же будет мчаться к своей планете, к своим братьям-звёздам и родным, которые заждались её. В этом бесконечном круговороте протекают все жизни, и жизни твоих родителей в том числе, всё бесконечно и вечно пока... – звёзды замолчали.

– Что пока? Что пока? – взволнованно переспросил мальчик.

– Пока твоё сердце пребывает в любви, пока эта животворящая субстанция окутывает весь твой внутренний мир, все галактики и всю Вселенную, в которой существует твоя планета, до тех пор ты находишься под защитой Самой Жизни. Все наши планеты находятся в ней, в её святом лоне, мы дети её изначально и до скончания времён. Это всё очень тяжело объяснить и, наверное, понять, братишка.

– Нет, я всё понимаю, я всегда это чувствовал. Поверьте, мне очень приятно ваше присутствие, я люблю вас, вы для меня родные.

– И мы всегда любили тебя.

– Поэтому Луна привела тебя, она здесь, чтобы показать тебе всё, она здесь, чтобы провести тебя по Млечному Пути и помочь зажечь твою звезду. Она превратится в комету, несущуюся к дому, комету желаний, способную осуществить все твои мечты в этом бесконечном пространстве, в котором всегда существовал твой дом.

– Это значит, там тоже есть моя планета?

– Конечно, и она очень красивая.

– Какая она, расскажи мне.

– Она состоит из всех твоих фантазий и даже тех, которые ты не помнишь, которые скрыты у тебя в душе. Она состоит из всех твоих мечтаний, всего самого желанного, она полностью отражает тебя. Она единственная

и неповторимая во всей этой бесконечной Вселенной. Спроси у Луны, она тебе расскажет.

Мальчик повернулся к луне, посмотрел на её огромный диск, висящий в небе, и спросил:

– Расскажи, луна, прошу, какая она?

– Твоей планете столько же лет, сколько и всей Вселенной. Она извечна, как сам мир, как космос, оттого что её зародила Сама Жизнь, а с ней всех твоих братьев и сестёр.

– Так значит, у каждого, у каждого есть своя планета?

– Да, Сама Жизнь не обделила никого, по праву рождения у каждого есть своя планета и свой дом, своя земля и своё пространство, даже свой космос, без этого никак, такие незыблемые законы Природы. Вы все связаны с ними невидимым нитями, которые видно в особые дни.

– Такие, как сегодня?

– Да, в такие дни особо чувствуется эта связь. Солнце отражает во мне их дивные преломления, и я передаю их вам, чтобы вы помнили о них, помнили о душах ваших, связывающих вас с отчим домом.

– Луна, какая планета у моего дедушки и бабушки? Я по ним очень скучаю. Они ушли туда. Они тоже там? Они сейчас очень далеко?

– Нет, вон они, совсем рядом, и всегда за вами наблюдают.

В небе блеснули две звезды, расположенные очень близко друг к другу. Их мерцание было заметным, они особенно выделялись среди всех звёзд своей яркостью.

– Пойдём, я покажу тебе их.

Луна простёрла свой луч прямо к тем двум звёздам, бывшим на самом деле планетами, указывая путь. Получилась лунная дорожка, которая начиналась

на крыше дома и терялась в космосе, как будто Луна протягивала ему свою руку.

– Давай, ты сможешь. Представь, что ты комета, и тебя вмиг донесёт до них, только держись лунной дорожки, она не даст тебе сбиться с пути.

Мальчик закрыл глаза и стал представлять, что он комета. Внезапно он вспыхнул, как маленькое солнце, и стал подниматься по лунной дорожке.

– Спасибо тебе, Луна! – прокричал мальчик, пролетая мимо по лучу, который терялся во Млечном Пути.

Получилось замечательное путешествие, все планеты были такими разными, галактики закручивались в спирали, мимо проносились разноцветные туманности и сотни солнц, таких разных и отличающихся от привычного. Лунная дорожка постепенно заканчивалась, и показалась планета дедушки. По размерам она была гораздо больше Земли, на ней виднелись океаны и материки, совершенно не похожие на земные. Войдя на огромной скорости в атмосферу, мальчик стал потихоньку замедляться и увидел самолёт, который кружил рядом с ним в небе. Мальчик присмотрелся, он хотел увидеть, кто сидит в самолёте. Внезапно открылся люк, и оттуда показалась рука и помахала ему, приветствуя. Это был дедушка на своём военном истребителе.

– Привет, Любомир! – послышался его радостный голос.

– Привет, дедуля, – крикнул в ответ Любомир.

Он был счастлив видеть дедушку, оттого что ужасно соскучился по нему. Любомир часто вспоминал, как они с дедом играли и как дед рассказывал ему о войне, о том, как он был лётчиком, капитаном, как его подбили во время войны, как раненый выбирался он с вражеской территории, как он летал и выполнял

невозможны трюки в борьбе со злым противником. Все эти истории отпечатались в сознании Любомира очень сильно.

Он опустился на поверхность планеты и стал смотреть, как дед, сделав очередной вираж, тоже опускается на свой небольшой аэродром. Он быстро вылез из самолёта и пошёл к любимому внуку. Любомир узнал его пилотную куртку и уверенную походку. Он с плачем побежал ему навстречу. Дед тоже не смог сдержать слёз, он обнял внука и долго кружил его, подняв на вытянутых руках.

– А сейчас самолёт идёт на вираж, тут мы обходим противника и наносим ему удар!

Любомир удивился, как дед умудряется держать его на руках.

– Дедушка, тебе не тяжело?

– Нет, ни капельки, хоть ты и повзрослел. Здесь гравитация подчиняется мне, это же моя планета.

– Так значит, если ты её отключишь, мы сможем полетать?

– Конечно, здесь у меня ограничений нет.

– На, надевай.

Дед протянул ему старые лётные очки и надел свои.

– А теперь возьми меня за руку.

Любомир, взяв деда за руку, зашагал в небо как будто по невидимым ступенькам.

– Давай, пошли, иди за мной.

Любомир сделал шаг и заметил, что воздух его держит, за первым шагом последовал другой, он ощутил, что парит в воздухе, как и его дедушка.

– Гравитация – это явление относительное, теперь ты видишь?

– Да, дедуля. Мы даже можем летать?

– Конечно. Полетели.

Дед подбросил внука в воздух, и он, раскинув руки, полетел, как самолёт.

– Р-р-р-р-р-р-р-р, истребитель идёт в атаку.

Дед тоже раскинул руки и взмыл в небо. Они летели над городами и сёлами, над полями, лесами, реками, горами и водопадами.

– А теперь я хочу тебе показать то, что мне больше всего нравится в небе. Ты готов?

– С тобой я всегда готов, – ответил Любомир.

– Держись поближе ко мне и не отставай.

– Хорошо.

И тогда дед влетел в большое облако и исчез в нём. Любомир последовал за ним. Пролетая сквозь облака, он удивлялся, какие они пушистые и нежные, он всегда представлял себе их такими. Любомир продолжал взмывать в воздух, ему казалось, что скоро перед ним раскроется стратосфера, он был уже очень и очень высоко. Внезапно облака закончились, и он увидел всю ту красоту, которая скрывалась за ними, это было действительно завораживающе: лететь над облаками к солнцу, оставляя под собой землю, и видеть космос на расстоянии вытянутой руки. К Любомиру сбоку подлетел дед.

– Ну, что? Как тебе это зрелище?

– Прекрасно, дедуля, теперь я понимаю, почему ты выбрал такую профессию и захотел стать лётчиком.

– Красивее этого ничего нет, а красота всегда здесь, на этой высоте, где даже птицы уже не летают. Но мы с тобой особые птицы. А ты знаешь, что птицы видят на двести цветов больше чем люди?

– Нет.

– Так вот представь, как видят они.

Представить это было просто невозможно, оттого что глазам Любомира и так раскрывалась неимоверная палитра всех существующих цветов и даже тех, которые, казалось, он не видел никогда. И они летели и летели, и прекрасней этого момента не было в их жизнях.

– Это всё твой мир? Какой он красивый! Мне он очень нравится, дедуля.

– Мне он тоже нравится. Но ты ещё не был у бабушки.

– А где она?

– Она тут, рядом, наши планеты расположены по соседству и связаны между собой. Её отсюда почти видно. В моей звёздной системе это одна из главных планет.

И действительно, из-за облаков показалась огромная планета.

– Ну, что, слетаем? Хочешь увидеть бабушку?

– Конечно, летим, – обрадовался Любомир.

– Ну, тогда полетели на аэродром, я тебе кое-что покажу. Держись крепче, будем разгоняться.

Дед взял Любомира за руку, и на огромной скорости они спикировали вниз и приземлились прямо у аэродрома, посреди которого стоял огромный ангар.

– Ну, что, готов?

– Всегда!

Они подошли к ангару, и дед стал открывать огромные двери.

– Давай, помоги, они тяжёлые.

Любомир быстро подбежал к деду, и они вместе отворили огромную дверь ангара, в центре которого стояло что-то, накрытое тканью.

– Ну, давай, тяни.

Они схватились за материю и на счёт раз-два-три резко и сильно потянули её. Брезент упал, и глазам

Любомира предстала удивительная картина. Это был самый настоящий космический шаттл, ракета. Удивлению его не было предела.

– Мы на ней полетим? – спросил Любомир.

– Да, и ты поведёшь этот корабль.

– Но я же не умею.

– Не бойся, я тебе всё покажу, со мной тебе нечего бояться. Ну, что, летим?

– Летим! – обрадованно подтвердил Любомир и полез надевать скафандр, висевший на стене ангара, на рукавах его были нашиты шевроны с его именем, видимо, дедушка готовился к появлению внука. Затем они вместе с дедом залезли в корабль и удобно устроились в креслах.

– Пристегнись, сейчас нас хорошенько потрясёт.

Любомир пристегнулся и продолжил осматриваться. Перед ним расположилось огромное количество разных приборов, кнопок и переключателей.

– Что мне делать, дедуля?

– Будем включать стартовые двигатели. Видишь четыре переключателя? Когда я тебе скажу, начинай по одному поднимать их вверх. Понятно?

– Да.

– Ну, если ты готов, тогда полетели. Трогаем!

– Трогаем! – поддержал Любомир.

– Включай по одному двигатели, когда они заработают, мне понадобится твоя помощь, чтобы выровнять корабль и направить его на курс. Возьмёшь крепко штурвал и потянешь его на себя вместе со мной. Понятно?

– Слушаюсь, капитан, – Любомир приложил руку к голове, отдавая честь и показывая, что он выполнит все приказы деда.

– Отлично. Взлетаем. Включай двигатели.

Любомир поочерёдно поднял все переключатели. Корабль затрясло не на шутку, всё начало дрожать, и от грохота включённых двигателей практически ничего не было слышно. Дед махнул рукой, показывая, что они взлетают. Любомир крепко взялся двумя руками за штурвал, посмотрел на деда, и они вместе потянули его на себя.

– Тяни сильнее. Давай, давай. Ты можешь, – командовал дед сквозь гул двигателей.

– Тяну, тяну.

– Хорошо, отлично. Держим курс на бабушкину планету, она, кстати, называется «Стефанида».

Корабль взмыл в воздух, и через некоторое время он уже шёл на полной скорости. В иллюминаторе было видно, как они отдаляются от планеты деда. Пройдя все слои атмосферы, они покинули её орбиту, вышли в открытый космос и полетели к небольшой, но очень красивой планете.

– Когда зайдём в атмосферу и начнём тормозить, мне нужна будет твоя помощь.

– Вас понял, – отрапортовал Любомир.

Это была уже не игра, впервые то, что он себе представлял в детстве, сбывалось, детские наивные фантазии превращались в реальность, всё было по-настоящему. Дед смотрел на внука и был доволен тем, что у него есть такой ответственный будущий командир, на которого можно положиться.

– Приготовься, входим. Держись крепче за штурвал, будем тормозить. Выключаю основные двигатели. На счёт раз два три тянем штурвал на себя. – Корабль вошёл в атмосферу, и его начало трясти. – Раз, два, три! Тянем!

Любомир вместе с дедом потянули что было сил штурвал на себя.

– Включаю тормозные двигатели. Сейчас труханёт, – предупредил дед, улыбаясь.

Шаттл затрясло ещё сильнее, и он с огромной скоростью стал падать на планету.

– Видишь эту огромную чёрную кнопку?

– Да.

– Когда я скажу, жми на неё по сильнее. Ещё нет, ещё нет. Давай! Жми!

Любомир нажал двумя руками на кнопку – раздался какой-то странный звук, как будто что-то отсоединилось от корабля. Это были посадочные парашюты, которые тут же раскрылись в воздухе, и корабль сильно дернуло вверх. Он затормозил и стал плавно и бесшумно опускаться. Через несколько секунд послышался удар о поверхность, корабль очередной раз встряхнуло, и он замер.

– Прибыли, – сообщил дед, отстёгивая ремни безопасности. – Ну, что, ты как?

– Отлично, вот это полёт! С тобой, дедушка, хоть на край Вселенной.

– Такую миссию тоже можем обеспечить, если не убоишься.

– Не убоюсь, только давай возьмём папу, он наверняка тоже захочет с нами.

– Хорошо, договорились. Ну, что, тебе помочь? Сможешь выйти сам?

– Да, да.

Любомир отстегнул ремни и встал. Вместе с дедом они открыли люк и вылезли наружу. Жаркое солнце тут же ослепило их, и они принялись снимать скафандры.

– Какой же всё-таки здесь свежий воздух, – заметил дед Николай. – Я люблю его, как и всё, что есть на этой планете, каждую деталь, каждую травинку. Бабушка

Стефанида умеет изменять планеты, умеет создавать и творить, тут всегда уютно.

– За это ты её и любишь, дедушка?

– Да, неоспоримо, за это я её люблю, ну, и не только за это, ещё за многое, – улыбнулся дед.

Шаттл приземлился на поле, на котором росла пшеница. Вокруг поля рос лес, неподалёку раскинулось огромное озеро, напоминающее водохранилище, на берегу которого стоял небольшой домик. Из трубы шёл дым.

– Пойдём Любомир, бабушка уже нас заждалась.

Приближаясь к дому, Любомир заметил, что он очень похож на дачу бабушки и дедушки, какой он её помнил. Вокруг дачи были разбиты огромный сад и большой огород, где росло всё: от клубники, ежевики, земляники и крыжовника до яблок, черешни и слив, которые Любомир обожал есть ещё зелёными. На него тут же нахлынули воспоминания. Он вспоминал, как лазал по этим деревьям, как дед соорудил ему качели и как бабушка готовила его любимую землянику в сметане. Издалека было видно, что на огороде кто-то есть. Любомир дёрнул деда за рукав и произнёс, показывая вперёд:

– Это же бабушка!

– Да, это она, иди, поздоровайся, она по тебе наверняка очень сильно соскучилась.

Счастливый Любомир не раздумывая побежал вперёд.

– Бабушка! Бабушка! Это мы! Это я!

В это время бабушка Стефанида собирала что-то с грядок. Увидев, кто к ней бежит, она сильно обрадовалась. Раскинув руки, она ожидала, когда внук подбежит к ней, чтобы посильнее его обнять.

– Бабушка, бабушка!

– Привет, внучек, – поздоровалась бабушка, обнимая внука.

– Я так сильно по тебе скучал, – признался Любомир, прижимаясь к ней.

– Я тоже скучала, очень и очень сильно. Посмотри, что я для тебя собрала.

На земле стояла корзинка, наполненная такой идеальной по форме и аппетитной земляникой.

– Пойдём, я тебе её приготовлю.

К этому времени к ним подошёл дед и поцеловал бабушку Стефаниду. Обняв за плечи жену и внука, он повёл их к беседке возле дачного домика, которую когда-то смастерил сам. Там Любомир и дедушка сели на скамеечку, а бабушка принялась готовить землянику: давила её вилкой и добавляла туда свежую сметану и сахар.

– Это тебе, Любомир.

– Спасибо, бабуля.

Любомир с жадностью и большим аппетитом стал есть лакомство большой ложкой. Он скучал по бабушкиным блюдам. Дедушка с бабушкой смеялись, наблюдая, как быстро поглощает землянику их любимый внук. Бабушка присела рядом и стала рассматривать Любомира.

– Как ты вырос...

– Да, я тоже это заметил, – поддержал дед Николай.

Они смотрели, как внук вылизывает уже пустую тарелку, им было приятно видеть, каким взрослым он стал. Дед, обняв бабушку за плечо, улыбался, они все были счастливы. Казалось, что солнце светит только для них, воздух вокруг был насыщен свежими запахами, птицы сидели на соседних деревьях и ничего не боялись.

– Ну, что, наелся? – спросила бабушка.

– Ым, – подтвердил внук, вытирая лицо. – Ягоды волшебные, бабуля.

– Конечно, я всё выращиваю с любовью.

– Они её излучают бабуля, и я тоже.

– Это хорошо, и заметно, я рада. Ну, давай, рассказывай, как ты? В определённые дни Луна нам открывает свою лунную завесу, и мы вас видим и с интересом наблюдаем за вами, хотя, если очень сильно захотеть, это можно делать и без помощи Луны, наши сердца всегда связаны, а дед соорудил огромную подзорную трубу, в которую нам всё видно.

В этот день они очень долго сидели в беседке, вспоминая всё, что произошло, всё, что накопилось за время разлуки. Казалось, время остановилось, на бабушкиной планете такое было возможно. Время здесь было так же относительно, как и гравитация на дедовой планете. Миры, в которых жили бабушка и дедушка, удивляли Любомира, он был рад за них. Ведь так и должно было быть, по праву Самой Природы. За этот день и вечер они рассказали друг другу тысячу всевозможных историй, они были совершенно счастливы. Но всё же солнце садилось, время шло. Любомир понимал, что нужно возвращаться, на небе появилась лунная дорожка, ведущая обратно на Землю, которую было видно очень хорошо, как будто через невидимую увеличительную лупу, казалось, она находится на расстоянии вытянутой руки. Все вышли из беседки и направились к лунной дорожке, начинавшейся у самого входа. Наступило время прощания. Любомир обнял дедушку и бабушку очень сильно и прослезился, но бабушка с дедушкой счастливо улыбались, они знали, что ещё встретятся, это был лишь вопрос времени. Они могли общаться, если сильно этого пожелать, они это знали.

– Я люблю вас, – сказал Любомир, обнимая их.

– А мы тебя любим больше, – возразил дедушка.

– Я всегда по вам скучаю и буду скучать.

– Это взаимно Любомир, мы всегда здесь, так что теперь ты знаешь, где нас искать, мы тебя всегда будем ждать. Передавай от нас привет маме и папе, мы по ним так же очень сильно скучаем.

– Конечно, бабуля, передам.

– Берегите друг друга, и тогда ваши сердца притянут наши планеты самым большим магнитом, что существует во Вселенной, силой, которой подвластно всё, силой, которой подвластна сила притяжения, время и любое пространство, сила вашей любви.

В этот момент местное солнце спряталось за горами, и лунная дорожка в небе засверкала и стала переливаться, отражаясь в воде вечернего озера. Любомир ступил на эту дорожку и помахал рукой дедушке и бабушке, прощаясь с ними.

– Я скоро вернусь.

– Мы знаем, мы всегда будем тебя ждать.

Бабушка и дедушка продолжали махать внуку рукой. Они прощались, но были счастливы, так как знали, что их планеты всегда будут рядом. Любомир потихоньку стал воспламеняться и превратился в маленькую комету, которая, сделав прощальный круг, со скоростью света взвилась в небо и полетела обратно, на родную планету. Облетев один раз вокруг Луны, он наконец направился домой. Лунная дорожка привела его на крышу дома, на место, откуда и началось его длинное путешествие. Плавно опустившись, Любомир посмотрел назад, в небо, где ещё сверкали двумя яркими звездами планеты бабушки и дедушки.

– Спасибо тебе, Луна, спасибо за это незабываемое путешествие.

– Не за что.

– Ты особая.

– Нет, особые – это вы. Все эти звёзды светят вам, и я в том числе. Благодаря вашим сердцам это всё возможно, все чудеса и магия – это заслуга ваших живых сердец. Пока вы их храните, возможно всё, даже то, что кажется совершенно безумным и нереальным. Храните это чудо, этот дар Природы, он – это самое бесценное, что в нас есть.

– Спасибо, Луна, ты тоже чудесная и волшебная.

***

Любомир стоял на краю крыши, по которому ещё недавно ходил с закрытыми глазами. Внезапно его кто-то взял за руку и сильно прижал к себе.

– Проснись, Любомир. Проснись.

Он открыл глаза и увидел перед собой маму, у которой по щеке текла слеза, казалось, она сильно переживала.

– Привет, мама, а почему ты плачешь? Не плачь.

– Лунатик ты мой, я очень сильно за тебя переживала.

– Но что со мной могло произойти?!

– Мне бы твою уверенность. Давай пойдём домой.

– Подожди, мама, мне нужно попрощаться.

– С кем, милый?

– С луной и братьями и сёстрами, с дедушкой и бабушкой.

– Хорошо, прощайся, я подожду.

– До свидания, Луна, – Любомир повернулся к ней. – До свидания, братишки и сестрички, до встречи, бабушка и дедушка.

– До встречи, – ответили ему звёзды, но Любомир их уже не слышал.

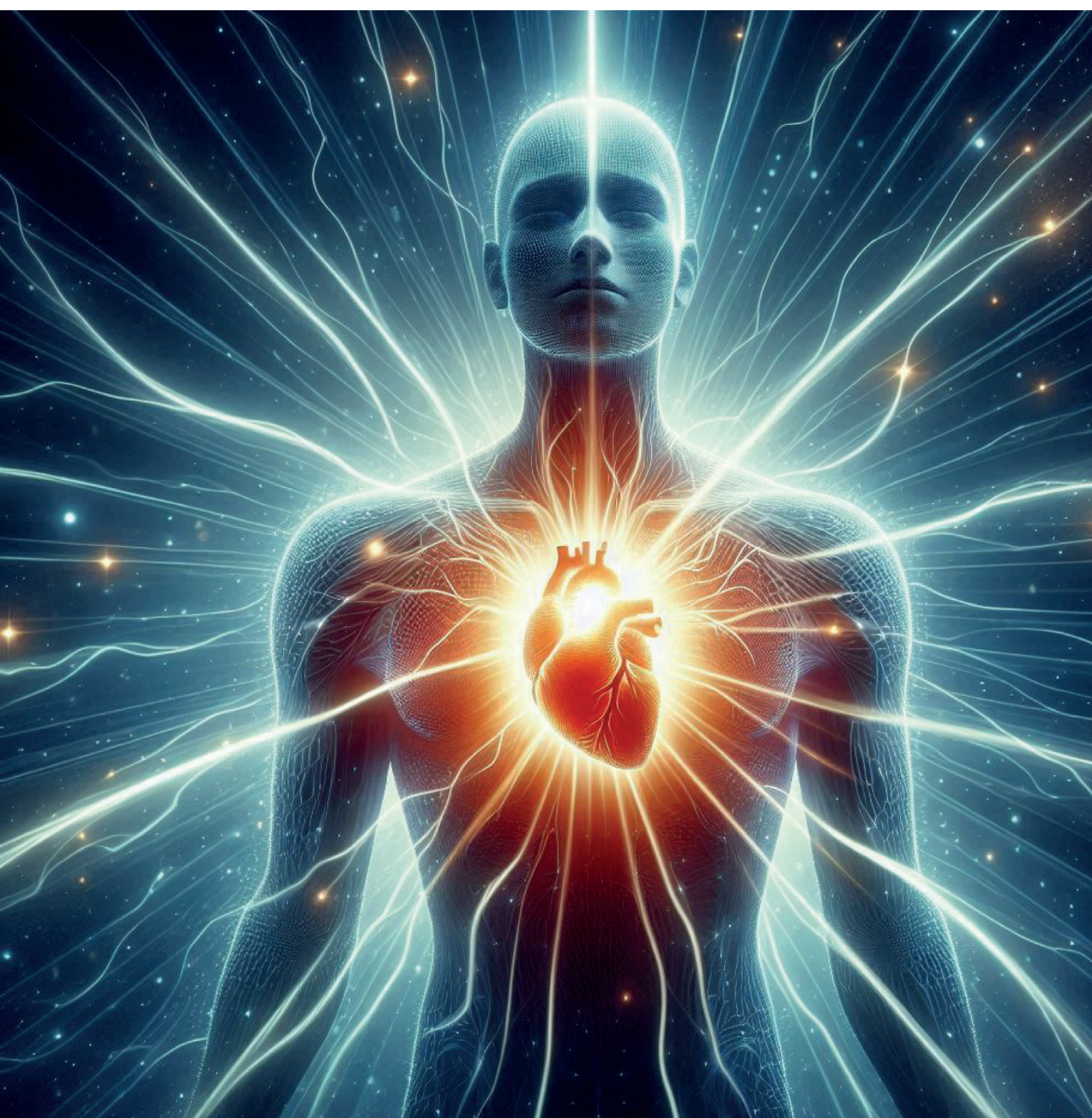
Они зашли домой. Перед тем как лечь спать, он подошёл к окну, за которым все звёзды бесконечной Вселенной, подмигивая, провожали его ко сну. Этой ночью во сне он летел кометой по космосу, по его безграничным далям, к своей планете, которую чувствовал своим сердцем, душой и всем духом ведь, всегда был с ней, и не было того, что могло бы их когда-нибудь разделить.

РЕАКТОР СЕРДЦА

Второй день на улице шёл дождь. Константин стоял у окна и наблюдал, как его капли образуют на дороге небольшую речку, уносящую куда-то опавшие осенние листья. Вдруг зазвонил телефон и вырвал его из глубоких, меланхолических размышлений. Звонил профессор Харитонов, Дмитрий Иванович, его шеф, руководитель экспериментальных научных исследований в области человеческой психики, которые проводились в специальной лаборатории. Лаборатория занималась феноменальной парапсихологией, а точнее – созданием новых методик электрокардиографии. Уже несколько лет Константин, ставший недавно заместителем своего шефа, под руководством Дмитрия Ивановича безуспешно пытался зафиксировать существование энергоцентра человека, ту самую точку концентрации человеческой энергии. Каких только приборов они за всё это время не изобрели и не испробовали в надежде на то, что обнаружат главный центр всех человеческих сил. Харитонов Дмитрий Иванович был спецом в своей области, можно сказать, фанатиком своего дела, практически психом, как говорили некоторые близкие. Но все работы последних двух лет не принесли никакого результата. И их лабораторию уже лишили финансирования и должны были закрыть в ближайшее время, но профессор ещё был не в курсе. Он только недавно вышел с больничного, в его отсутствие в лабораторию позвонили из самого министерства и сообщили эту печальную новость. Константин даже ездил туда, ходил по кабинетам, просил дать им хотя бы год, но чиновники остались непреклонны. Теперь он не знал, как сказать профессору об этом.

– Алло, слушаю. Здравствуйте, Дмитрий Иванович, сам только что хотел вам звонить.

– Послушай, Константин, мне сегодня приснился какой-то странный сон, и он натолкнул меня на одну мысль. Я думаю, моя новая идея может сработать. Мы должны доделать тот испанский прибор, который недавно получили. От него нет никакого толку только оттого, что мы его неправильно используем, мы должны в нём кое-что исправить: изменить основные частоты на те, которые я укажу. Из-за неверных частот он ничего не видит, я в этом уверен. А ты зачем хотел мне позвонить?

Константин молчал: духу не хватало, чтобы рассказать профессору неприятную новость, о которой он уже знал.

– Давай, говори, Константин, говори как есть.

– Оттого что все наши исследования зашли в тупик, нам отказали в финансировании и решили закрыть лабораторию. Они считают, что на данный момент невозможно выявить внутреннюю энергию человека никакими способами, и науке могут понадобиться ещё десятки лет, чтобы изобрести такой сложный аппарат, способный сканировать человеческую энергетику. Они не хотят тратить деньги впустую, они считают, что и так зря тащили нас несколько лет.

– Я с ними полностью не согласен, хотя предвидел это. Сколько у нас ещё времени осталось?

– Нам дали время до конца года, осталось два с половиной месяца.

– Тогда идём на радикальные меры. Начинаем прямо завтра. У меня ещё осталась парочка идей, они могут вам показаться немного странными, но вы меня знаете, доверьтесь мне.

– Хорошо, только скажите, что нам понадобится на этот раз?

– Сильная молитва и секс.

– В смысле? – удивился Константин, не ожидавший услышать такое.

– Мы будем наблюдать за людьми во время сильной и глубокой молитвы и во время оргазма. . Теперь вам понятно?

– Теперь, да.

– Исследования мы будем проводить на новом, немного изменённом Сканере Скрытой Энергии, ну, то есть на сканере структурного энергообмена. О скрытой энергии я уж так, шучу. На этой неделе я закончу его модернизацию, мы настроим его по нужным параметрам. Он у нас заговорит, мы раскроем ему глаза. Он увидит всё, что мы запросим, я это чувствую. Теперь нам нужно две вещи: перенастроить под этот аппарат всю нашу технику и все компьютеры. Вы этим должны заняться завтра. Прибор будем фокусировать на области сердца. Как вы думаете, его возможно будет так настроить?

– Думаю, что да. Но почему именно сердце?

– Исследуя разные культуры, религии и вероучения, я пришёл к выводу, что центр скопления человеческой энергии находится именно там, это ядро человека. Есть у меня какое-то предчувствие. Вам же, Константин, я поручаю самую важную работу: найти подопытных. Важно, чтобы люди были сильны в чувствах и эмоциях, чисты и искренни в желаниях. Это должны быть люди-феномены, находящиеся на грани своих ощущений, своего восприятия, с неимоверной гиперчувствительностью люди. Таких людей сможете найти, Константин?

– Думаю, да, профессор, буду искать.

– Да, я понимаю, что это нелёгкая задача, на сегодняшний день таких людей мало осталось, но всё же постарайтесь, я вас очень прошу. От этого зависит итог

всех наших испытаний. И времени у нас практически не осталось.

– Хорошо, Дмитрий Иванович, я сделаю всё, что в моих силах, завтра с самого утра примусь за работу.

– На всё про всё у вас неделя, со следующего понедельника начинаем испытания.

Константин подтвердил, что все полученные указания ему понятны, и попрощался. Профессор ничего не сказал и внезапно положил трубку. Константин только пожал плечами и продолжил смотреть в окно. Дождь заканчивался, сквозь тучи пробивались первые лучи солнца и освещали землю. Неожиданно на подоконник сел голубь и стал смотреть сквозь стекло. Константин открыл окно и покормил его. Голубь не боялся, сам просил еду и казался ручным, домашним. Покормив птицу, Константин закрыл окно, сел в кресло и погрузился в мысли. «Где бы найти подопытных, обладающих нужными качествами?» – думал он. Размышляя об этом, он заснул и проснулся посреди ночи от какой-то неясной тревоги. Он ещё помнил, что ему приснилось: монастырь на окраине города, в котором он побывал в прошлом году, и монах-затворник, отшельник Феофан. Этот монах его сильно удивил: он, казалось, весь светился, его духовный подвиг поражал многих, его молитвы действительно обладали огромной силой. Такого опыта не было ни у кого, по крайней мере, из тех, кого знал Константин. Это была идеальная кандидатура для испытаний. Теперь нужно было с ним как-то договориться. Но что же делать с влюблённой парой? Нет, за деньги кандидатов найти легко. Но это должна быть именно влюблённая пара, только что расписавшаяся, с бурными эмоциями и желаниями, в груди которых действительно бушует огромный

пожар. «Сначала договорюсь с отшельником, потом подумаю о паре», – решил Константин и пошёл спать. Завтрашний день обещал быть насыщенным.

***

Неделя пролетела незаметно. Наступал долгожданный день первых испытаний, к которому всё уже было готово. Константину без особого труда удалось договориться с монахом Феофаном. Он понимал всю важность их испытаний, он был ещё той, советской, закалки, когда науку ценили и глубоко уважали даже религиозные люди. «И слава богу», – подумал про себя Константин.

С парочкой оказалось гораздо сложнее: влюблённых нашлось очень много, но безумно любящих, особых, сумасшедших влюблённых, сверхчувствительных, отыскать удалось не сразу. Константин смотрел телевизор и случайно наткнулся на одну душераздирающую историю в программе «Жди меня». Влюблённые настолько сильно интуитивно чувствовали друг друга, что шли друг к другу через года, города и жизненные обстоятельства. Таким феноменальным душевным «магнитом» не обладал никто. Когда они встретились, им было уже за двадцать. Но в этот миг их души горели тем самым огнём, о котором мечтают многие на протяжении всей жизни. Им завидовали белой завистью, это была та любовь, которую нужно было исследовать. Только вот договориться с ними сначала не получилось. Парочка отказалась, узнав, что и где им нужно будет делать: заниматься любовью при людях с разными датчиками на себе. Это выходило за нравственные нормы, в которых их воспитывали, никакими деньгами их невозможно было заманить, деньги их вообще не интересовали. Константин был расстроен. Но через четыре

дня после разговора внезапно позвонил Андрей из той дивной парочки. Он сказал, что они согласны, только без всяких денег, совершенно бесплатно, искренне. Тогда Константин спросил:

– Что повлияло на то, что вы поменяли решение?

– Нам с Алёной приснился один и тот же сон. Мы находились в центре огромного храма, его купола, казалось, пронзали небо. Мы держались за руки и понимали, что находимся внутри общего сердца, которое дышит и бьётся. И через некоторое время над алтарем появились молнии, исходящие из одной точки, с каждым разом они становились всё мощней и мощней, пока не превратились в огненный шар, шаровую молнию. Когда она вспыхнула, мы очутились в небольшой лаборатории, подключённые к разным аппаратам. Проснувшись, мы поняли, что это был знак. Вы знаете, мы давно уже доверяем своим снам. И мы осознали, что вы действительно в нас нуждаетесь, так нам показали. Я не могу вам это объяснить, это что-то глубинное, скорее всего, из интуитивного, с которым спорить не стоит.

– Я вас понял, Андрей, тогда приезжайте. В понедельник мы вас будем ждать по тому адресу, который я вам оставил.

***

В лаборатории с самого утра царил суёт. Всё было готово. Профессор Харитонов, казалось, жил здесь три последних дня и практически никуда не выходил. В это утро он стоял у окна в курилке, куда пришёл пораскинуть мозгами. От проделанной работы голова уже шла кругом. К нему присоединился Константин: он

ждал влюблённую пару, которая вот-вот должна была прибыть, а из окна курилки лучше всего было видно центральный вход.

– Доброе утро, профессор.

– Доброе. Вы тоже хотите подумать в тишине?

– Да нет, я жду наших испытуемых, Андрея и Алёну.

Отсюда их сразу будет видно.

– А-а-а-а-а. Ну, тогда подходите, покурим пока.

Константин подошёл к профессору и подкурил свою сигарету от его.

– Вы в них уверены, Константин?

– Как в ни ком. У них было видение по поводу наших опытов, а это говорит об их связи с коллективным бессознательным. Оно стоит за этим, а значит, мы всё делаем правильно. Наши опыты отзываются в великом бессознательном, – с улыбкой пояснил Константин.

Профессор тоже улыбнулся, понимая всю сакральность происходящего.

– Наши опыты могут определить будущее, Константин, и изменить мир.

– Я в это верю профессор. Вот они идут.

Вдали показалась приближающаяся парочка.

– Проводи их, Константин, я буду ждать в лаборатории.

– Хорошо.

Константин встретил пару и проводил в предназначенный для них бокс.

В лаборатории шли последние приготовления, каждый занимался своей работой. В общей сложности в лаборатории находилось человек десять. В середине зала для экспериментов был установлен огромных размеров бокс и множество разных измерительных приборов вокруг него. Сам бокс был похож на борт космической станции или неестественно большую барокамеру для

компьютерной томографии, в которую смело могло поместиться несколько человек.

– Последняя проверка, – объявил профессор. – Проверить все приборы и компьютеры.

– Готово.

– Работает.

– Всё готово.

– Можно начинать.

– ЭКГПСИ не запускается.

– Перезагрузить его полностью и подключить к другому источнику питания.

– Хорошо, делаю. Отлично, запустился.

– Хорошо, начинаем. Ни пуха! Константин, проведи инструктаж для первого испытуемого.

Константин кивнул и пошёл в соседнюю комнату, где застал монаха в молитве.

– Ещё раз здравствуйте, Феофан. Извините, что перерываю, нам нужно подготовиться. Мне нужно кое-что вам объяснить.

– Хорошо.

Феофан поднялся и сел на стул возле стола.

– Прошу вас, присаживайтесь, я внимательно слушаю. Константин сел рядом.

– В первую очередь я хотел, чтобы вы знали: важно ни на что не отвлекаться, вам ничего не должно мешать, вы должны оставаться в диалоге с самим собой, как это обычно бывает во время молитвы. Естественность происходящего – это залог успеха, я даже сказал бы – главный ключ.

– Хорошо, я постараюсь.

– Мы введем вам препарат, который расслабит вас и успокоит. Он совершенно безвредный.

– Хорошо, я не засну, случайно?

– Думаю, нет, главное, чтобы молитва ваша была очень сильной, попытайтесь придать ей реальности, живого момента, живого диалога, со слезами получится намного лучше. Эта молитва должна быть пиком переживаний, эмоциональным пределом, молитвой веры, от которой в буквальном смысле зависит жизнь или смерть. Вы сможете, я в вас уверен.

– Хорошо, сколько у меня ещё есть времени настроиться?

– Сколько вам нужно.

– У меня есть к вам один вопрос. Почему вы исследуете именно область сердца?

– Вы понимаете, Феофан, наш опыт, в том числе и опыт исследований, показал, что в этом органе скрывается нечто, выходящее за всевозможные научные рамки. Это тяжело нащупать, нет ещё таких сенсорных приборов, способных зафиксировать нашу внутреннюю энергию, кроме того, который мы хотим испытать сегодня. Во многих религиях говорят об энергоцентрах, чакрах, сгустках энергетической субстанции, некоем психическом поле, из которого мы получаем жизненные силы. Это наша подпитывающая батарейка, дающая нам жизнь, а вовсе не еда, физическая пища – ничтожна, только стройматериал для нашей оболочки, тела, существует нечто более грандиозное и объёмное, превышающее энергетику человеческого тела, то, к чему мы подсоединены, и это основной источник нашей жизни. Вы верующий человек и знаете, что мы творение по образу и подобию Божьему.

– Мне странно это слышать от учёного, обычно вы атеисты и вообще мало во что верите.

– Вы правы, только нужно быть совершенно слепым, чтобы не понимать таких вещей. Сегодня очень много учёных понимают сложность человеческого строения

и сами приходят к заключению о существовании Бога. То, что человек не мог произойти от обезьяны, это давно уже доказано. Мы не плод самоэволюции, я согласен с мнением, что я создан по Его образу и подобию, и сегодня мы будем это доказывать. Вы верующий человек и должны понимать, что такое Древо Жизни, источник жизненной силы, манна небесная, благодать, и, может быть, этот источник самой жизни находится в великом изначальном сердце, и мы все с ним связаны, пока живы. Оно нас, как мать, питает, и есть основания предполагать, что орган питания – наше сердце. Оно – центр всей жизненной энергии человеческого существа. Я не говорю о физическом сердце, я говорю о его психической, энергетической составляющей, выходящей за пределы материального существования, граничащей с душой и духом в нашем бессознательном.

Внезапно открылась дверь и вошёл сотрудник в белом халате. Это был Фёдор Игоревич, главный по работе ЭКГПСИ, электрокардиографа паранормальных сердечных импульсов.

– Извините, всё готово, можно начинать.

– Хорошо. Вы всё запомнили, Феофан.

– Да, максимальная концентрация, реальная и живая молитва.

– Хорошо, пойдёмте.

Они все вместе отправились в главный зал. Там Феофану сделали укол в руку, сняли халат и стали подключать датчики, после чего открыли дверь в капсулу. Монах осмотрелся и потихоньку влез туда. Дверь за ним закрылась. Внутри было удивительно тихо: ни одного звука снаружи не пробивалось. Полная тишина, к которой затворник и привык. Феофан встал на колени. Склонив голову, он начал молиться, сперва про себя,

и приборы зафиксировали, как учащается его пульс и ускоряется биение сердца.

– Дмитрий Иванович, произвели замер?

– Пока еще нет. Включите прибор, сканируйте тело.

– Нет никаких всплесков, всё спокойно.

– Не понимаю, – нахмурился профессор.

– Переключите СГИНП, спектральный гамма-излучатель нейтральной полярности, на фоновый режим.

– Сделано.

– Вывести результат сканирования на экран.

– На экране видно, что в области сердца испытуемого появилось небольшое светлое пятно.

– Что это такое?! – недоумённо воскликнул профессор.

– Мы не знаем.

– Определите природу этого образования.

– Включаю датчики.

– Природа этой энергии нам не знакома, приборы показывают колоссальный энергетический всплеск, – восхитился Дмитрий Иванович.

– Посмотрите, оно растёт!

В этот момент молитва Феофана превращалась во что-то из ряда вон выходящее. Монах весь покрылся потом, и его молитва вырвалась наружу: он молился уже вслух, практически кричал, по лицу текли слёзы. Казалось, что Феофан не выдержит, он был на пределе, и точно так же на пределе находились все датчики, измеряющие его жизненные показатели.

– Посмотрите на экраны! – воскликнул один из сотрудников.

На всех мониторах было видно, как в центре сердца Феофана растёт огненный шар.

– Датчики на пределе, они не выдержат! – слышался голос другого сотрудника.

На экранах было видно, как шаровая молния превращается в маленькое солнце, излучающее колоссальную энергию. Некоторые датчики не выдержали и начали ломаться, с экранов стали удаляться показания сенсоров.

– Измерьте величину заряда этого явления! – крикнул профессор.

– Уже измеряем.

– Выводим на экраны.

– Этого не может быть, – поражённо произнёс профессор. – Срочно остановите этот реактор, он уничтожит всё!

Не успел он это сказать, как послышался треск, с которым перегорали платы в компьютерах, и вмиг потух свет. В лаборатории воцарились темнота и тишина. Никто не понимал, что произошло.

– Скорее всего, выбило пробки, я пойду посмотрю, – сообщил один из сотрудников.

Через несколько минут он вернулся и с удивлением произнёс:

– Выбило всё, и свет погас во всём районе.

Профессор подошёл к Константину и, обняв его за плечи, воскликнул:

– Работает, у нас получилось! Ты видел мощность этого реактора? Да, да, именно реактора! Это невероятно! У нас получилось замерить это явление? У нас получилось? – профессору было жутко интересно. – И включите же свет наконец.

Через некоторое время в лаборатории вновь появилось электричество.

– Включить компьютеры и проверить последние данные.

– Профессор! Посмотрите на это! Этого не может быть! – удивлённо воскликнул Константин, смотря

на мониторы компьютеров. – Посмотрите на электрическую насыщенность этого явления, на температуру ядра этого энергетического сгустка, на его цветовую гамму! Я не понимаю, как выдержали все датчики.

– Это же атомная бомба! Но как? Это колоссальная мощь! Как простое сердце может генерировать столько энергии? Датчики зафиксировали высвобожденную внутреннюю энергию, эквивалентную восьми килотоннам. Это просто невозможно.

– Как вы её назовёте, профессор?

– Я ещё не знаю, на ум пока только приходит «психотрон». Эту энергию для начала нужно хорошо изучить. У вас получится всё починить?

– Сегодня вряд ли, нам понадобится два-три дня минимум.

– Хорошо, мне нужно поговорить с отцом Феофаном. Посмотрите, как он там. Откройте камеру немедленно!

– Открываем.

– Отец, вы как? Вы что-то почувствовали?

– Нет, моя обычная молитва, всё было, как всегда, только гораздо тише обычного.

– Вы – это феномен, отец Феофан. Вы даже себе не представляете, что мы зафиксировали, это научное открытие, которое перевернёт весь мир. И вы вошли в историю. Вы – новая страница современной науки, всего, что мы знали. Теперь всё будет иначе.

– Только пообещайте мне, профессор, что это открытие не пойдёт во вред человечеству, – попросил монах Феофан. – Человек – смертоносное создание. Вспомните, кто открыл ядерную энергию, которая должна была служить только во благо человечества. Но не прошло и месяца, как первым делом была создана атомная бомба, нет, не атомные электростанции, которые служили бы

людям, а оружие массового уничтожения. Государству нужна только сила, правительство думает только о власти, и пока это так, все изобретения будут фильтроваться ими, это нужно понимать. Ваше изобретение может их заинтересовать. Вы должны это учитывать, иначе ваше открытие принесёт не благо, а смерть и проклятие, помните об этом.

– Спасибо, Феофан, я даже подумать не мог, что вы всё это понимаете. Естественно, мы сделаем всё, чтобы наши исследования послужили только во благо, иначе о них не узнает никто.

– Обещайте мне.

– Клянусь.

Феофан поднялся, и его отвели в бокс. Константин подошёл к Дмитрию Ивановичу.

– Ну, что скажете, профессор? У нас наконец получилось, – радовался Константин. – Вы это видели?

– Впервые аппарат зафиксировал то, что делается у человека внутри, в груди. Мы видели зарождение мощнейшей энергии в главном энергетическом центре человека. Мы были правы, Константин, сердце – это не просто главнейший орган человеческого организма, оно также и центр концентрации парадоксальной...

– Психотронной, – перебил Константин.

– Да, да, психотронной энергии. Мы её видели воочию, и теперь нам предстоит её изучить. Всё-таки мы настроили прибор правильно. У меня было предчувствие, и оно оправдалось. Константин, все данные срочно сохранить, но держать в строгой секретности, никому, слышишь, никому пока не показывать.

– Да, да, я вас понимаю, профессор. Всё останется в этих стенах. Все материалы я сегодня же соберу и передам вам.

– Хорошо. Теперь займитесь починкой всех приборов и подготовьтесь к следующим испытаниям, рассчитайте, что может произойти в следующий раз.

– Не беспокойтесь, профессор, всё учтём.

– Сегодня мы празднуем. Поблагодарите сотрудников, а вас я вечером жду у себя дома. Это нужно отметить.

– Конечно, Дмитрий Иванович, по этому поводу я принесу двадцатилетний коньяк.

– Ему приблизительно столько, сколько мы работаем вместе?

– Да, время летит, а коньяк набирается выдержки, – улыбнулся Константин.

Когда он уже собирался уходить, то вдруг вспомнил, как недавно к нему на карниз прилетел голубь. Да, его появление оказалось действительно добрым знаком.

***

Оттого что день выдался довольно-таки насыщенным, вечер наступил незаметно. Константин позвонил в квартиру профессора, дверь ему открыла жена Дмитрия Ивановича Анастасия.

– Здравствуйте, Константин. Проходите. Дима вас уже ждёт.

– Это вам.

Константин вручил ей букет цветов.

– Спасибо, не стоило, – смутилась она. – Проходите.

Константин вошёл, повесил на вешалку плащ, разулся, и Анастасия отвела его в гостиную. Дмитрий сидел у камина и разговаривал с кем-то по телефону, слегка нервничая, после чего так же нервно бросил трубку.

– Дима, к нам гости.

Профессор обернулся и улыбнулся.

– Проходи, друг мой, садись рядом. Анастасия пока приготовит ужин.

Она улыбнулась и ушла на кухню.

– Мне доложили, что скоро к нам приедет проверка, хотят что-то найти перед закрытием, а может и закрыть нас пораньше к чёртовой матери.

Было видно, что разговор по телефону взволновал профессора не на шутку.

– У нас же всё в порядке?

– Да, я думаю, проведут инвентаризацию для протокола, переписут все оборудование и оставят нас в покое, – заверил профессора Константин.

– Буду на это надеяться. Но всё же на всякий случай проверь на следующей неделе, всё ли у нас нормально.

– Хорошо.

– Ну да ладно. Константин, ты принёс своё выдержанное чудо?

– Конечно, обижаете, профессор.

Дмитрий Иванович достал два коньячных бокала и поставил их на стол.

– Ну, что, у нас сегодня есть просто отличный повод для торжества. Нам удалось сделать то, чего ещё никому не удавалось. Наше сегодняшнее открытие останется в истории. Мы приоткрыли завесу тайны над природой человека, узнали, откуда человек черпает силы, из какой энергии. Как мы её назвали?

– Психотрон. Да, это достойное название для этой энергии, или субстанции, это нам ещё предстоит определить.

Константин открыл бутылку коньяка, разлил его по стаканам и обратился к собеседнику:

– Профессор...

– Нет, сегодня просто Дима.

– Дима, я хочу поднять этот бокал за свершённое. За открытие, выстраданное нами потом и кровью за всё время разработок, за нашу выдержку и веру в то, что человек – это истинное подобие Божие. Мы сегодня окончательно поставили крест на теории эволюции Дарвина. Теперь мы знаем, что человек – это образ Божий, мы это увидели своими глазами, когда в сердце Феофана зажёгся тот самый реактор веры. Мы определили силу этого мощнейшего источника, и теперь знаем, что жизнь человека зависит не только от еды. Психотронная энергия, скорее всего, исходит из более могущественного источника, его нам ещё предстоит определить. Но, по всем данным, это может быть то самое Древо Жизни, источник всех истоков, эфир, жизненная сила, пневма, ци, как только её не называют.

– Ты прав, Константин. Мы сегодня зафиксировали то, что многие назвали бы чудом. Это было невозможно до сегодняшнего дня. В человеке скрыта безграничная энергия, и мы в будущем сможем её контролировать и управлять ею. Богами мы, конечно же, никогда не станем, но, по крайней мере, разберёмся в себе и сможем контролировать психотронную энергию, текущую в нас, и, возможно, преобразовывать её таким образом, что наша физическая плоть обретёт совершенно иную жизнь, эволюционирует, возможно, мы сможем жить тысячи лет. Наш дух наконец воссоединится с своим интуитивным началом, и тогда мы сможем понять, что такое на самом деле коллективное бессознательное. Открытая нами энергия связана с ним напрямую. Мы стоим сейчас на грани эволюции человечества. И всё зависит от нас, быть этому или нет.

– Вы правы, профессор, только мне кажется, что от нас сегодня зависит и то, какой будет эта эволюция. Если

этими знаниями воспользуются плохие люди в своих корыстных целях, то эволюция быстро превратится в инволюцию, и это может привести к гибели нашей цивилизации.

– Да, я это понимаю, Костя, только по этой причине мы должны действовать правильно, так как этого хотят боги. Вы ведь наверняка уже верующий человек. Отрицать Бога глупо, вы ведь это понимаете? Сегодня мы научно доказали божественность человеческого происхождения. Все нерелигиозные догмы сегодня рухнули. Наука сегодня доказала существование Бога. Теперь нам нужно эти знания направить в правильное русло, и тогда всё может измениться.

– Вы правы, профессор. Сегодня мы приблизились к духу, как никогда, сегодня мы увидели ядро человеческой энергии. Сегодня мы увидели работу реактора сердца, увидели наше внутреннее солнце, которое может стать настоящим солнцем за считанные секунды. Я никогда ещё не видел, как быстро оно генерирует из себя самого психотронную энергию.

– Да, реакция молниеносная, мгновенная, таких искусственных реакторов на земле просто не существует, а он находится в каждом из нас, так устроена природа, к которой мы наконец приблизились вплотную.

Тут Анастасия позвала мужчин к столу. Торжественный ужин прошёл на славу. Константин поблагодарил жену профессора, попрощался с ними и на такси уехал домой.

***

Через два дня всё было готово для продолжения испытаний. Сотрудники лаборатории учли предыдущие недостатки. Пришлось поменять генератор и на компьютерах поставить систему бесперебойного питания,

чтобы они продолжали работать, даже когда полностью выключится электричество. Александр и Алёна все три дня провели в лаборатории. Их разместили в небольшом боксе, в котором им было довольно-таки удобно.

В день испытаний с самого утра в лаборатории царила оживлённая и немного напряжённая атмосфера. Буквально вчера Константину позвонили и по секрету сообщили, что комиссия проверяющих должна приехать сегодня. Хотелось провести второй эксперимент без посторонних глаз, чтобы чиновники никак не смогли им помешать.

Шла подготовка и проверка оборудования. Константин как заместитель главного руководителя научных исследований должен был подготовить испытуемых. Он ждал их в специальной комнате и думал, что сказать. Вошедшие Андрей и Алёна были немного рассеянны и смущены, заметно нервничали и чувствовали себя неловко. То, что они должны были сделать, казалось им неестественным. Но, понимая всю серьёзность исследований, настраивались на этот акт. Константин видел их тревожность и смятение.

– Заходите, присаживайтесь, – Константин старался говорить спокойно и проявлять гостеприимство. – Как вы? Вас нормально кормят? Вы уже третий день у нас. Извините за задержку, возникли технические сложности, с которыми мы наконец справились.

– Не беспокойтесь, мы в порядке, всё хорошо, – заверил Александр. – Что именно от нас требуется? Есть какие-то особые указания?

– Нет, всё должно происходить совершенно естественно. Вас ничего ни должно отвлекать, это важно. Важно также, чтобы ваши чувства находились на пределе. Камера, в которую мы вас поместим, полностью

изолирована, она не пропускает звуки ни внутрь, ни наружу, никто не услышит, что там происходит. Вы должны быть совершенно спокойны и расслаблены. Датчики вам не должны мешать, они будут закреплены на теле надёжно. После того как в капсуле загорится зелёный свет, вы сможете начать. Красный свет будет говорить, что эксперимент окончен и можно выходить. Вам откроют дверцу.

– Да, хорошо, мы поняли, – ответил Александр.

– Ну что, тогда пойдёмте.

Константин сопровождал подопытных к камере, напминавшей орбитальную станцию. Александр и Алёна залезли в неё, и дверь капсулы за ними плотно закрыли. В лаборатории наступила полная тишина: сотрудники смотрели на мониторы. Профессор подошёл к Константину и спросил.

– Вы думаете, прибор выдержит напряжение?

– Будем на это рассчитывать.

– Показания.

– Всё в норме, можем начинать.

– Хорошо. Ну, с Богом. Включайте зелёный.

В капсуле загорелся зелёный свет. Александр и Алёна приблизились друг к другу, после чего Александр поцеловал Алёну. Постепенно, поцелуй за поцелуем, они предались страсти и занялись любовью.

– Что на датчиках? Вы фиксируете эти всплески энергии?

– Да, пока всё хорошо.

На экранах возникли два огненных шара, которые постепенно увеличивались в размерах.

– Вот они! Они появились из области сердца.

– Да, да, из самого центра.

– Замерьте их мощность.

– Это два невероятных реактора, – произнёс один их сотрудников. – Вырабатываемая энергия увеличивается в геометрической прогрессии.

– Датчики пока держатся? – спросил профессор.

– Да, да, всё пока работает нормально.

– Посмотрите на это!

На мониторах отобразилось два солнца в полметра диаметром каждое, потихоньку расширяясь, они сливались в единое целое.

– Что происходит? Почему эти два сгустка сливаются друг с другом? – не понимал профессор.

– Что на показателях? – спросил Константин.

– Датчики не выдерживают. Это колоссальная мощь, эта энергия уже в десять раз превышает показания отца Феофана. Как такое возможно?

– Фиксируете! Фиксируете! – вскричал профессор.

Напряжение дошло до своей кульминации. У Александра и Алёны это так же был кульминационный момент. Изгибаясь в судорожных объятиях, они находились на пике страсти, и вот-вот должно было произойти извержение этого вулкана.

– Две энергосубстанции соединились в одну! – громко сообщил один из сотрудников, наблюдавший за показаниями мониторов. – Оно растёт! Сенсоры на пределе! Они не выдерживают! Нужно выключать!

– Не в коем случае! – прокричал профессор. – Фиксируйте!

– Тысяча килотонн! Сейчас рванёт!

В этот самый момент пара достигла одновременного экстаза, который высвободил наружу нечто. Это было похоже на настоящее извержение огромного вулкана, пробившее своей мощью все слои бытия. Техника не выдержала: взорвались все лампы, сгорели все платы

и приборы. Энергия, вырвавшаяся из капсулы, уничтожила буквально всё. В лаборатории запахло горелым, и дым окутал всё вокруг.

– Принесите огнетушители! Срочно! И откройте все окна! – прокричал профессор. – Пожарных вызвать не будем, чтобы не привлекать внимания.

Через некоторое время дым рассеялся, огонь потушили сами. Здание лаборатории было полностью обесточено. Профессор подошёл к окну и увидел, что света нет во всём городе. Такого он не ожидал. Его это пугало и радовало одновременно. Улыбнувшись, он сел на подоконник и достал сигарету.

А в это время из капсулы достали Александра и Алёну. Константин с сотрудниками одели их в два халата. В обесточенной капсуле красный свет так и не загорелся. Слегка напуганные происходящим, они оглядывались по сторонам и удивлялись, как лаборатория могла превратиться в обожжённую комнату. «Слава Богу, что капсула полностью герметична, и дым туда просто не мог проникнуть», – думал Константин, провожая пару в их боксы.

Через некоторое время он подошёл к профессору, стоящему у окна и выкурившему уже не одну сигарету.

– Что это было? В этот раз мы обесточили целый город.

– То, что мы зафиксировали сегодня, в реальности происходит каждый божий день, а мы этого не видим. Эту энергию способно воспринимать только наше оборудование, обычные приборы на неё не реагируют. Не говоря уже о человеческих органах. Сколько людей живёт на Земле, столько и сердечных реакторов с колоссальной энергией работает. Она затмевает Солнце, вы это понимаете, Константин?

– Да, профессор, понимаю. Человек – это нечто большее, чем мы раньше думали. Человек – это практически

Солнце, с таким мощным реактором внутри, что я теперь опасаясь: что случится, если эта энергия попадёт в плохие руки. Цивилизация может исчезнуть в мгновение ока. Мы опередили время своим открытием. Человечество ещё не созрело для этого знания, оно просто уничтожит само себя. Человек до сих пор остаётся на примитивном уровне развития. Хиросима и Нагасаки подтвердили это. Что мы будем делать теперь, профессор?

– Наше учреждение закрывают, пускай так оно и будет. О нашем изобретении и опытах не узнает никто. Люди ещё к этому не готовы. – Профессор затушил сигарету о подоконник. – Пойдёмте, Константин, нужно замечать следы.

Через несколько дней проверка всё-таки добралась до лаборатории, когда подачу электричества во всём городе восстановили, но ничего там не обнаружила, кроме пустых комнат и голых обгоревших стен.

Жизнь Земли была спасена, но спасена до времени. Наступали мрачные времена новых открытий, к которым человечество ещё не было готово. Люди заигрались в богов, а боги, понимая злобредность человеческой натуры, уже определяли сроки конца света. Великое Провидение, скорректировав сроки апокалипсиса, давно уже запустило обратный отсчёт. Время утекало бурной рекой с неимоверной скоростью, день сменялся ночью, рассвет – закатом, лето – зимой, год пролетал, как день, столетие, – как год. Человечество существовало, как муравейник, а люди, – как бабочки-однодневки. Всё менялось, как дюны в пустыне. Вечным оставалось только зло, которое жаждало такого открытия, дабы поглотить всю жизненную энергию людей и тем самым стать равным богам, и держать у себя в руках, в своей власти само Древо Жизни, чьи листья и ветви проходят через человеческие сердца.

Сразу же после опытов профессор куда-то пропал, о нём и о его жене больше никто и никогда не слышал. Константина ещё долгое время таскали на Лубянку с допросами, но он молчал, потому что действительно не знал, где профессор, а всю информацию об опытах они сожгли ещё в первый день. «Пускай сажают, – думал Константин. – Всё равно тайна останется тайной». Вскоре пропал и сам Константин.

Содержание

ТАЙНИК ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ	4
БИОСКАФАНДР, ИЛИ МИССИЯ «АДАМ И ЕВА»	28
СЖИГАТЕЛИ РУКОПИСЕЙ	110
Я ВСЁ ЧУВСТВУЮ	134
СИЗИГИЯ, ИЛИ РАЗГОВОР ДЬЯВОЛА С ПРАВЕДНИКОМ	192
ГЕЙМЕР	226
ЖЕНА ПОНТИЯ ПИЛАТА	
Глава первая	
Самое тайное общество.....	251
Глава вторая	
В Гефсиманском саду	260
Глава третья	
Приговор архонту.....	263
Глава четвёртая	
Казнь Дамиана.....	269
Глава пятая	
Разговор Иисуса с сыном Демиурга.....	273

ИЗВЕЧНЫЙ ГРИБ, ИЛИ ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ	286
---	------------

ВОЙНА ИСКУССТВЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТОВ

Глава первая	
Испуг	311
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Внедрение инстинкта в искусственный интеллект	318
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
Первые испытания МИИ	333
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	
ИИИ в действии.....	339
ГЛАВА ПЯТАЯ	
Открытие МИИ	348
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
Исход	358

ПУТЕШЕСТВИЯ МАЛЬЧИКА

часть первая	
Мальчик в поисках души леса	368
часть вторая	
Мальчик и автомат	386
часть третья	
Мальчик и океан.....	406
часть четвёртая	
Мальчик и луна	416

РЕАКТОР СЕРДЦА.....	436
----------------------------	------------

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
Ш97

Литературно-художественное издание
Для широкого круга читателей

Шустов Влад
Любовь. Жизнь. Смерть

Литературный редактор   Юлия Афонасьева
Верстка   Дениса Болдырева

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008) —
58.11.1 — книги, брошюры печатные. Книжная продукция ТР ТС 007/2011.

Формат 70 x 100/16 Усл. печ. л. 29.

Гарнитура Source Serif Variable.

Изготовитель: Издательство 14/45

e-mail: books1445@mail.ru, сайт: books1445.ru

Все права защищены.
Никакая часть этой книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
и какими бы то ни было средствами,
включая размещение в сети Интернет
и в корпоративных сетях,
а также запись в память ЭВМ
для частного или публичного использования
без письменного разрешения
владельца авторских прав.

ЛЮБОВЬ

LOVE

ЖИЗНЬ

LIFE

СМЕРТЬ

DEATH

ISBN 978-5-6052798-2-2

9 785605 279822 >